

Дин Кунц Сумерки

Аннотация

То, что случилось чудесным февральским воскресным днем, застало Кристину Скавелло врасплох. Случайная встреча на автостоянке с бесноватой старухой перевернула всю ее жизнь. Гордость и радость Кристины, ее единственный сын, становится объектом дикой охоты религиозных фанатиков-сектантов. От них невозможно спрятаться... Они повсюду..

Дин Кунц Сумерки

Часть первая ВЕДЬМА

И мы – другие дети, когда после ужина сидим у камелька, очарованные страшными сказками Энни. Индюк не поймает нас, если мы не будем высовываться!

Джеймс Уитком Райли, «Сиротка Энни»

...Пришла Ведьма Тлена, бормоча. Спустя мгновение Вилл поднял глаза и увидел ее. «Жива! – подумал он. – Поверженная, сломленная, избитая, но теперь вернулась, безумная! Боже, безумная, она пришла за мной!»

Рей Брэдбери, «Так приходит что-то страшное»

Глава 1

Началось это днем, не темной ненастной ночью, а солнечным днем.

То, что случилось, застало ее врасплох, она не ожидала этого. Да и кто бы мог ожидать неприятностей в такой чудесный воскресный день.

На синем небе не было ни облачка; конец февраля даже для Южной Калифорнии выдался на удивление теплым. Легкий ветерок нес благоухание ранних цветов. В такой день хочется верить, что всем нам суждено жить вечно.

Отправившись за покупками в «Саут-Кост-Плаза», что в Коста-Меза, Кристина Скавелло взяла с собой Джоя.

Ему нравился этот огромный торговый центр, завораживало зрелище искусственного ручья, который струился через весь атриум, заканчиваясь красивым водопадом. Мальчик бывал зачарован буйством зелени и любил просто наблюдать за людьми. Но больше всего его привлекала карусель в центре внутреннего дворика. За возможность один раз прокатиться на ней он был готов безропотно сносить двух-, а то и трехчасовое хождение по магазинам.

Джой был хорошим ребенком, даже примерным... Он никогда не хныкал, не капризничал и не жаловался. Когда ему приходилось долгими дождливыми днями сидеть дома, он мог часами заниматься чем-то, предоставленный самому себе, и не было случая, чтобы он заскучал, начал слоняться по комнатам и докучать своим нытьем, как это делали бы другие дети, окажись они на его месте.

Джою было шесть лет, но Кристине он порой казался маленьким старичком. Время от времени от него можно было услышать удивительно взрослые суждения, он был не по-детски терпелив и часто обнаруживал несвойственную его возрасту зрелость ума.

Но порой, особенно когда спрашивал, где его папа или почему папы нет с ними, – или даже ничего не спрашивал, а только вопросительно смотрел на мать, – он казался ей таким простодушным, беззащитным, таким ранимым, что у нее щемило сердце, и тогда она крепко прижимала его к себе.

Иногда такие порывы были не только изъявлением ее любви к нему, но и способом отклониться от ответа на вопрос, который она читала в его взгляде. Она не знала, как рассказать ему об отце, и хотела, чтобы он просто не касался этой темы до тех пор, пока она сама не почувствует, что готова вернуться к ней. Он был слишком мал, чтобы понять всю правду, а обманывать его – по крайней мере сознательно – или хитрить она не хотела.

Всего два часа назад, по дороге в торговый центр, он спросил ее об отце.

– Милый, – ответила она, – твой папа просто-напросто оказался не готов к тому, чтобы принять на себя ответственность за семью.

– Он не любил меня?

– Как он мог не любить, если он тебя даже не знал?

Он ушел прежде, чем ты появился на свет.

– Ну да? Как же я родился, если его не было? – В голосе мальчика прозвучало недоверие.

– А вот об этом ты узнаешь в школе на уроке полового воспитания, – она подавила улыбку.

– Когда?

– Думаю, еще лет через шесть-семь.

– Очень долго ждать, – вздохнул Джой. – Спорим, он уехал, потому что не любил меня?

Она нахмурилась и строго сказала:

– Малыш, выбрось это из головы. Если твой папа кого и не любил, так это меня.

– Тебя? Он тебя не любил?

– Совершенно верно.

Два или три квартала они ехали молча. Наконец Джой сказал:

– Ну уж если он тебя не любил, значит, он настоящий болван.

Потом, видимо почувствовав, что этот разговор ей неприятен, он сменил тему. Ребенок-старичок шести лет от роду.

Правда же состояла в том, что Джой появился на свет в результате глупого романа, скоротечного, бурного, безрассудного. Иногда, вспоминая об этом, она не могла поверить, что была так наивна.., или что так отчаянно утверждала собственную женственность и независимость.

Единственный раз в жизни Кристина, отбросив сдержанность, целиком отдалась охватившему ее чувству Из-за этого мужчины, как ни из-за кого другого ни до, ни после, она забыла всякие приличия и принципы, внимая единственно желаниям собственной плоти. Она твердила себе, что это Роман с большой буквы, что это не просто любовь, но Великая Любовь, Любовь с Первого Взгляда. На деле же оказалось, что она слабая и беззащитная женщина, которой не терпелось поставить себя в дурацкое положение. Позже, когда она осознала, что мистер Сокровище попросту лгал и использовал ее, относясь к ее чувствам с холодным циничным пренебрежением, когда она открыла, что отдалась человеку, который не питал к ней ни малейшего уважения и у которого начисто отсутствовало чувство ответственности, ей стало нестерпимо стыдно. Со временем она поняла, что в какой-то момент угрызения совести и чувство стыда становятся самодостаточными и такими же жалкими, как и вызвавшее их ощущение собственной греховности, а поняв, вычеркнула этот гнусный эпизод из жизни и зареклась вспоминать о нем.

Если бы еще Джой перестал спрашивать, кто его отец, где он и почему его нет с ними. Как поведать шестилетнему ребенку о стремлении удовлетворить собственную похоть, о предательском коварстве души, о прискорбном даре выставлять себя на посмеище? Она, во всяком случае, не представляла, как это сделать. Оставалось только ждать, пока он сам не дорастет до того, чтобы понять, что иногда взрослые, как и маленькие дети, тоже могут быть глупыми и растерянными. Пока же ей приходилось водить его за нос, уклоняясь от ответов и прибегая к недомолвкам, от которых ни тому, ни другому легче не становилось.

У нее лишь щемило сердце, когда она видела, каким маленьким, беззащитным и потерянным становится он, спрашивая об отце. В такие минуты ей хотелось плакать.

Мысль о ранимости, которую она в нем угадывала, не давала покоя. Она радовалась, что он был чрезвычайно здоровым ребенком и никогда не болел. Тем не менее постоянно читала статьи о детских болезнях; не о полиомиелите, кори или коклюше, от которых, как и от многих других, можно сделать прививку, а об ужасных, оставляющих калеками неизлечимых болезнях, редких, но от этого не менее страшных. Она могла назвать ранние симптомы десятка экзотических болезней и всегда была начеку. Разумеется, как любому подвижному ребенку, Джою доставалась его доля синяков и царапин, и один вид крови на его теле пугал ее до смерти, если даже это была лишь капля от пустяковой ссадины. Тревога о здоровье Джоя сделала ее почти одержимой, однако она старалась не выдавать себя, зная, что чрезмерное стремление матери защитить ребенка может пагубно отразиться на его психике.

Тем воскресным февральским днем смерть внезапно оказалась рядом и Джой увидел ее оскал. Она не появилась в виде вируса или микроба, чего так боялась Кристина, а приняла обличье старухи с косматыми седыми волосами, мертвенно-бледным лицом и серыми, словно грязный лед, глазами.

Было пять минут четвертого, когда Кристина с Джоем вышли из магазина Буллока. На хромированных панелях и стеклах автомобилей, занимавших стоянку, играли лучи солнца. Ее серебристо-серый «Понтиак» стоял напротив входа, двенадцатая машина в ряду, и они уже подходили к нему, когда возникла старуха.

Она стояла у них на пути, между «Понтиаком» и белым «Фордом» – фургоном. На первый взгляд в ней не было ничего зловещего. Конечно, она была немного странной, но не более того. Пряди доходивших до плеч седых волос как будто растрепало ветром, хотя его легкие дуновения были едва ощутимы. С виду ей было за шестьдесят». а возможно, перевалило и за семьдесят, другими словами, она была лет на сорок старше Кристины,

однако лицо ее не бороздили морщины, кожа была гладкой, как у младенца; бросалась в глаза неестественная одутловатость, какая появляется после инъекций кортизона. Остроносая, с маленьким ртом и толстыми губами. Круглый рябоватый подбородок. На ней была зеленого цвета кофта с длинными рукавами, зеленая юбка и зеленые же башмаки.

На шее – дешевые бирюзовые бусы. На пухлых пальцах – восемь перстней, все – с зелеными камнями: бирюза, малахит, изумруд. В этом единообразии было что-то от униформы.

Подмигнув Джою, она оскалилась и произнесла:

– Боги мои, что за красавчик этот молодой человек!

Кристина улыбнулась. Джой привык к непрошеным комплиментам от незнакомых людей. Темные волосы, густого синего цвета глаза, правильные черты лица – все это делало его удивительно привлекательным.

– Верно, сэр, настоящая маленькая кинозвезда, – продолжала старуха.

– Спасибо, – краснея, сказал Джой.

Кристина посмотрела на незнакомку внимательнее, и ее первое впечатление о ней как о добропорядочной старушке исчезло. К помятой юбке пристал какой-то пух, кофта была в жирных пятнах, плечи – в перхоти. Чулки на коленях пузырились, а на левом поехали петли. В правой руке пожелтевшими от никотина пальцами старуха держала зажженную сигарету. Она была из разряда людей, от которых детям не следует принимать конфеты, пирожки или другое угощение, – вряд ли она принадлежала к числу отравителей или соблазнительниц малолетних, но наверняка на кухне у нее была грязь. Если повнимательней приглядеться, старуха казалась не столько злобной, сколько неопрятной.

Не обращая никакого внимания на Кристину, она наклонилась к Джою – рот ее растянулся в улыбке – и спросила:

– Как же вас называть, молодой человек? Скажите мне ваше имя.

– Джой, – застенчиво ответил он.

– А сколько лет Джою?

– Шесть.

– Подумать только, шесть лет, а такой красавчик – вскружит голову любой даме.

Джой смущенно переминался с ноги на ногу, ему очень хотелось спрятаться в машине. Но он не сделал этого и вел себя вежливо, как учила мама.

– Ставлю доллар против пирожка, что я знаю, когда у тебя день рождения, – сказала старуха.

– Но у меня нет пирожка, – ответил Джой, который воспринял это пари буквально и решил предупредить, что не сможет расплатиться в случае проигрыша.

– Ну не хитрец ли, такой восхитительный хитрец! И все же я знаю, ты родился в Сочельник.

– Не-а, – сказал Джой. – Второго февраля.

– Второго февраля? Ну, нет, ты меня разыгрываешь, – продолжала старуха, по-прежнему не обращая внимания на Кристину и широко улыбаясь Джою. Она погрозила ему пожелтевшим пальцем. – Ну конечно же, ты родился двадцать четвертого декабря.

Кристина пыталась сообразить, к чему клонит старуха.

– Мама, скажи, второго февраля. Я выиграл доллар?

– Нет, дружок, ты ничего не выиграл, – ответила Кристина. – Это было не настоящее пари.

– Ну ладно, – сказал Джой. – Если бы я проиграл, то все равно не смог бы отдать ей пирожок, так что ничего страшного, если она не отдаст мне доллар.

Старуха подняла голову и наконец посмотрела на Кристину.

Кристина хотела улыбнуться, но не смогла, встретив взгляд незнакомки. Взгляд был жесткий, холодный, неласковый. Эти глаза принадлежали не доброй бабушке и не безобидной нищенке. Это были властные глаза – в них читались упрямство и решимость.

– Что происходит?

Не успела Кристина промолвить это, как женщина сказала:

– Он родился в Сочельник, так ведь? Да? – Она произнесла это с таким напором и силой, что обрызгала Кристину слюной. Не дожидаясь ответа, она продолжала настаивать на своем:

– Вы лжете насчет второго февраля, просто пытаетесь скрыть, вы оба, но я знаю правду. Я знаю.

Меня вам не провести. Только не меня.

В ее словах вдруг послышалась угроза.

Кристина, положив руку на плечо Джоя, повела его к машине.

Но старуха преградила им дорогу. Она размахивала сигаретой перед лицом Джоя и говорила, устремив на него пристальный взгляд:

– Я знаю, кто ты такой. Я знаю о тебе все. Все. Не сомневайся. Знаю.

Чокнутая, подумала Кристина, и внутри у нее все оборвалось. Боже мой! Какая-то сумасшедшая, такая способна на все. Господи, только бы обошлось.

Испуганный Джой отпрянул, крепко схватив мать за Руку.

– Прошу вас, позвольте нам пройти, – сказала Кристина, пытаясь говорить спокойно и не желая вступать в пререкания.

Старуха не сдвинулась с места. Она поднесла сигарету ко рту, рука ее дрожала.

Кристина, держа Джоя за руку, хотела обойти незнакомку.

Та вновь преградила им путь. Судорожно затянувшись, она выпустила дым через ноздри. Через два ряда от них какие-то люди выходили из машины, два молодых человека направлялись в противоположную сторону, и поблизости не было никого, кто мог бы помочь в случае, если бы эта сумасшедшая вдруг стала агрессивной.

Старуха выбросила сигарету.

– Да, да, мне известны все твои мерзкие, развратные секреты, ты, маленькое чудовище, – произнесла она, раздуваясь от злобы, с выпученными, словно у огромной отвратительной жабы, глазами.

У Кристины бешено заколотилось сердце.

– Пропустите нас, – резко сказала она, уже не стараясь сохранять хладнокровие.

– Ты не проведешь меня своим притворством...

Джой заплакал.

– ..и фальшивой миловидностью. И слезы тебе не помогут.

Кристина снова попыталась обойти ее, но страшная тетка опять преградила им путь. Лицо старой ведьмы перекопилось от злобы.

– Я вижу тебя насквозь, мерзкое чудовище.

Кристина оттолкнула старуху, и та попятилась, едва не упав.

Держа Джоя за руку, Кристина бросилась к машине.

Все это походило на дурной сон, в котором действие разворачивается, как при замедленной съемке.

Дверь их машины была заперта на ключ: Кристина всегда следила за этим, однако сейчас пожалела, что не изменила своей привычке.

Старуха не отставала, что-то крича на ходу, но у Кристины в ушах стоял плач Джоя, в голове отдавались удары бешено колотящегося сердца, и слов она разобрать не могла.

– Мапочка! – закричал Джой, потому что старуха вцепилась в его рубашку и чуть не вырвала его у Кристины.

– Отпусти сейчас же, черт побери! – крикнула Кристина.

– Лучше признавайся! – визжала старуха. – Признавайся, кто ты такой!

Кристина опять попробовала ее отпихнуть, но та не выпускала мальчика.

Тогда Кристина с размаху ударила ее ладонью, сначала по плечу, затем по лицу.

Старуха отшатнулась, и Джой, разорвав рубашку, вырвался.

Дрожащими руками Кристина вставила ключ в замок и, открыв дверь, втокнула Джоя в машину. Он перелез на правое сиденье, а она села за руль и, чувствуя какое-то невероятное

облегчение, захлопнула дверь и защелкнула замок.

Старуха уставилась в окошко с ее стороны и заорала:

– Нет, вы послушайте меня, послушайте!

Кристина вставила ключ в замок зажигания, повернула его и нажала на педаль газа. Заурчал двигатель.

Кулаком с побелевшими костяшками пальцев сумасшедшая принялась колотить по крыше машины.

Кристина осторожно подала назад, выезжая со стоянки. Старалась не задеть старуху и в то же время страстно желала убраться подальше от этого места.

Но безумная, ухватившись за ручку дверцы, волочилась рядом. Наклонив голову, она дико таращилась на Кристину.

– Он должен умереть. Он должен умереть, – твердила она.

– Мамочка, не отдавай меня ей, – сотрясаясь от рыданий, вымолвил Джой.

– Ничего у нее не получится, малыш, – во рту пересохло, и она с трудом выговаривала слова.

Джой прижался к двери, по щекам катились слезы, а он не сводил широко распахнутых глаз с искаженного злобой лица косматой гарпии, по-прежнему маячившей за стеклом.

Продолжая двигаться задним ходом, Кристина прибавила газ и, выворачивая руль, чуть не врезалась в другую машину, которая медленно двигалась по площадке. Водитель просигналил, и Кристина чудом успела затормозить.

– Он умрет! – пронзительно орала старуха. Белым бескровным кулаком она с силой ударила по стеклу, которое чуть не разлетелось на кусочки.

Этого не может быть, подумала Кристина. Только не в такой чудесный день. И не в безмятежной тишине Коста-Мезы.

Еще один удар по стеклу.

– Он умрет! – На стекло летели брызги слюны.

Кристина переключила скорость и тронулась вперед, но старуха продолжала держаться за ручку. Кристина прибавила ходу, но та не сдавалась и бежала рядом с машиной, спотыкаясь и оступаясь, – десять, двадцать, тридцать футов, – все быстрее и быстрее. Боже, да человек ли это? Откуда в старой женщине столько силы и упорства?

Она пронзила их хищным взглядом, и в глазах ее была такая злоба, что Кристину не удивило бы, если б эта ведьма, невзирая на малый рост и преклонный возраст, сорвала бы с петель дверь. Наконец, издав сокрушенный стон, она отступила.

Они пересекли стоянку и повернули направо. Машина ехала с такой скоростью, что не прошло и минуты, как торговый центр остался далеко позади, а они оказались на Бристол-стрит, держа путь на север.

Джой все плакал, но уже не так сильно.

– Ну, будет, мой дорогой. Теперь все позади. Ее больше нет.

Они выехали на бульвар Макарура, повернули направо и проехали еще три квартала. Кристина все время поглядывала в зеркало заднего обзора, чтобы убедиться, не преследуют ли их, хотя отдавала себе отчет в том, что это маловероятно. Наконец съехали на обочину и остановились.

Ее трясло, и она не хотела, чтобы Джой это заметил.

Достала салфетку и протянула Джою:

– Ну-ка, малыш, давай вытрем глазки, высморкаемся и не будем ничего бояться. Сделаешь это для мамы, хорошо?

– Хорошо, – согласился он. Вскоре он успокоился.

– Тебе лучше? – спросила Кристина.

– Угу, вроде да.

– Ты испугался, верно?

– Сначала.

– А теперь?

Он покачал головой:

– Нет.

– Понимаешь, – объяснила Кристина, – все эти гадкие слова она наговорила тебе понарошку.

Он посмотрел на нее с недоумением. Губы еще дрожали, но голос был ровным:

– Тогда зачем же она это говорила? – Она не владела собой. Это больная женщина.

– Больная? Вроде как гриппом?

– Не совсем, малыш. Я имею в виду больна душевно, с расстроенной психикой.

– У нее крыша съехала, да?

Так могла выражаться только Вэл Гарднер, ее партнерша по бизнесу. Кристина впервые услышала эти слова из уст Джоя и подумала о том, сколько других не принятых в приличном обществе оборотов ее ребенок мог еще почерпнуть из того же источника.

– Ма, у нее что, в самом деле крыша съехала? Она сумасшедшая?

– Да, да, у нее душевное расстройство.

Он нахмурился.

– Все это не очень-то понятно, верно? – спросила она.

– Не-а. Потому что какая же она сумасшедшая, если ее не посадили в специальную резиновую комнату? А если она и сумасшедшая, почему она так взбесилась на меня, а? Ведь я ее раньше даже не видел.

– Как тебе сказать...

Как объяснишь шестилетнему ребенку, что такое психопатическое поведение. Она не могла представить, как это сделать без того, чтобы не упростить все до нелепого.

Но в данный момент какой-то ответ, пусть и упрощенный, был все же необходим.

– Может быть, у нее когда-нибудь был собственный маленький мальчик, которого она очень любила, только он не был таким хорошим, как ты. Может, из него вырос очень плохой человек, который стал совершать ужасные поступки, и это разбило сердце его матери. Это могло как-то..., вывести ее из равновесия.

– И теперь она ненавидит всех детей, даже если не знает их? – спросил Джой.

– Возможно.

– Потому что они напоминают ей о ее мальчике? Так?

– Наверно.

На минуту задумавшись, он кивнул:

– Да, кажется, теперь мне это понятно.

Кристина улыбнулась и взъерошила ему волосы:

– Эй, давай-ка сделаем вот что: зайдем в «Баскин-Роббинс» и купим стаканчик мороженого. По-моему, в этом месяце они предлагают шоколадное и с арахисовым маслом. Ты ведь любишь такое, правда?

Джой, по-видимому, удивился. Кристина следила за тем, чтобы он не ел слишком много жирного, и придирчиво выбирала продукты. Поблажка в виде мороженого допускалась нечасто, поэтому он с радостью ухватился за ее предложение:

– А можно мне съесть одно такое и одно сливочное лимонное?

– Сразу два?

– Сегодня воскресенье, – напомнил он.

– Что-то я не припомню, чтобы это воскресенье было каким-то особенным. Уговор – одно мороженое в неделю. Или за то время, что я ослабила контроль, произошли изменения?

– Ну., понимаешь., я же только что получил... – Он насупил брови, что-то усиленно соображая, при этом он как бы пережевывал что-то во рту, словно у него была там сливочная помадка. Наконец сказал:

– Я только что получил., э-э., силогическую драму.

– Ты хочешь сказать – психическую травму?

– Ну да. Точно.

Она лукаво прищурилась:

– Где же ты подобрал такое длинное выражение? Ах да, Вэл, разумеется.

Если верить Вэлери Гарднер, которой не чужда была некоторая театральность, даже проснуться рано утром уже было психической травмой. На протяжении дня она получала до десятка психических травм, и это только подстегивало ее.

– Сегодня воскресенье – раз, и у меня психическая травма – два, – сказал Джой. – Выходит, мне поэтому можно съесть два мороженных, как считаешь?

– Я считаю, что в ближайшие по крайней мере лет десять предпочла бы ничего не слышать о психических травмах.

– А как же мороженое?

Кристина посмотрела на его разорванную рубашку.

– Уговорил, – согласилась она, – возьмем два.

– Вот здорово! Вот это денек, правда? Сначала – настоящая чокнутая, теперь – двойная порция мороженого!

Кристину никогда не переставала удивлять, особенно в собственном сыне, присущая детям жизнерадостность.

И даже стычка со старухой уже перестала казаться ему чем-то ужасным, в его представлении становясь похожей более на приключение, в чем-то, если не во всем, напоминающее поход в кафе-мороженое.

– Ты – малыш что надо, – сказала Кристина.

– А ты – мама что надо.

Джой включил радио и всю дорогу до «Баскин-Роббинс» безмятежно мурлыкал себе под нос.

Кристина по-прежнему посматривала в зеркало заднего обзора, но никто их не преследовал. Она и сама это прекрасно знала, но все же хотела удостовериться.

Глава 2

Кристина и Джой легко поужинали на кухне, потом она ушла к себе в кабинет, чтобы заняться бумагами.

Они с Вэл Гарднер держали магазинчик «Вина и закуски» – своего рода лавку гурмана, где продавались дорогие вина, деликатесы с разных концов света, добротная кухонная утварь, а также необычные бытовые приборы вроде равиолиниц и экзотических кофеварок. С тех пор как они организовали свое дело, пошел шестой год, и они крепко стояли на ногах; более того, магазин стал приносить такие доходы, о которых вначале ни Вэл, ни Кристина даже не смели помышлять. И сейчас они уже подумывали о том, чтобы летом открыть филиал, а затем, на будущий год, и еще один – в западном Лос-Анджелесе. Успех вдохновлял и обнадеживал их, однако предприятие поглощало все больше времени. Так что это был не первый случай, когда Кристине приходилось разбирать накопившиеся бумаги.

Но она не жаловалась. Прежде шесть дней в неделю она работала официанткой в двух местах: по четыре часа в закусочной в обеденное время и по шесть часов вечером в «Шез Лавель», французском ресторане средней руки. Крутясь как белка в колесе, Кристина отличалась вежливостью и внимательным отношением к клиентам. Имела солидные чаевые в закусочной и весьма высокие в «Шез Лавель», но несколько лет такой работы не прошли даром: она стала замкнутой и выглядела старше своего возраста.

Ей приходилось работать по шестьдесят часов в неделю.

Помощники официантов увлекались наркотиками и часто являлись в невменяемом состоянии, так что она выполняла и их работу; в закусочную заходили развратные типы, которые вели себя грубо и непристойно, и Кристине порой становилось страшно от их настойчивости, однако их посягательства в интересах дела следовало отвергать с милым кокетством. Она так много времени проводила на ногах, что в свободные от работы дни не могла ничего делать, а просто сидела на тахте, положив ноги на подушки, и читала воскресные газеты, особенно следя за финансовой и деловой хроникой, мечтая о том дне,

когда у нее будет свой бизнес.

Все же благодаря щедрым чаевым и собственной бережливости, два года обходясь без машины, она накопила достаточно, чтобы оплатить недельный мексиканский круиз на роскошном лайнере «Принцесса ацтеков» и внести свою половину суммы, на которую они с Вэл открыли лавку гурмана. Все вместе – мексиканский круиз и начало собственного дела – коренным образом изменило ее жизнь.

Разбирать финансовые документы по вечерам было ей более по душе, чем работать официанткой. И уж никак нельзя было сравнить это занятие с тем, что она делала на протяжении двух лет, предшествовавших работе в закусочной и «Шез Лавель». Потерянные Годы. Именно так она воспринимала теперь то оставшееся далеко позади время: смутные, несчастные, печальные и глупые Потерянные Годы.

По сравнению с тем периодом вся эта рутинная бумажная работа представлялась удовольствием, наслаждением, подлинным праздником...

Она провела за работой уже больше часа, когда ее насторожило, что Джой все это время вел себя подозрительно тихо. Разумеется, он не был шумным ребенком и часами мог играть один так, что его не было слышно. Но после неприятного столкновения со старухой Кристина была немного взвинчена и даже в самой обычной тишине неожиданно почувствовала что-то странное и зловещее. Не то чтобы была напугана, а просто насторожилась. Если что-то случится с Джоем...

Она отложила ручку, выключила счетную машинку и прислушалась.

Тишина.

В голове, как эхо, пронеслись слова старухи: «Он должен умереть, он должен умереть...»

Она встала, вышла из кабинета, быстро пересекла гостиную и, миновав холл, прошла в детскую.

Дверь была открыта, горел свет, и Джой мирно играл на полу с Брэнди – их симпатичным, золотого окраса ретривером, отличавшимся бесконечно терпеливым нравом.

– Привет, мам, хочешь поиграть с нами в «Звездные войны»? Я – Хэн Соло, а Брэнди – мой приятель, Чубакка Вуки. Если хочешь, можешь быть принцессой.

Брэнди сидел в центре комнаты между кроватью и шкафом с раздвижными дверцами. На голове у него была бейсболка с надписью «Возвращение Джеди», из-под которой свисали длинные лохматые уши. Кроме того, Джой нацепил на собаку патронташ с пластиковыми пулями и кобуру, откуда торчал пистолет необычной, футуристической формы. Брэнди сносил все это с полной невозмутимостью и даже, казалось, улыбался.

– Он прекрасно подходит для роли Буки, – сказала Кристина.

– Хочешь поиграть с нами?

– Мне очень жаль, капитан, но у меня полно работы.

Я зашла на минуточку посмотреть., все ли в порядке.

– Дело в том, что имперский боевой корабль чуть не превратил нас в пар, – сказал Джой. – Но теперь все в порядке.

Брэнди довольно сопел, словно соглашаясь с этим.

Кристина улыбнулась:

– Будьте начеку.

– Конечно. Мы очень осторожны, потому что Дарт Вейдар где-то здесь, в этой части галактики.

– Я еще загляну к вам попозже.

– Мам? А ты не боишься, что та старуха снова объявится? – вдруг спросил Джой, когда она уже направлялась к двери.

Кристина обернулась.

– Нет, нет, – сказала она, хотя как раз этого и боялась. – Вряд ли ей известно, кто мы и где живем.

Синие глаза Джоя горели ярче обычного, он неотрывно смотрел на нее, и в его взгляде

угадывалось беспокойство.

- Но я же сказал ей, как меня зовут, помнишь? Она спросила, и я сказал ей свое имя.
- Ты же назвал только имя, ничего больше.

Он нахмурил брови:

- Точно?
- Ты сказал только «Джой».
- Ну да, верно.

– Не переживай, малыш. Ты больше никогда не увидишь ее. Все это в прошлом. Она всего лишь жалкая, старая женщина, которая...

- А как же наши номерные знаки?
- А что номерные знаки?

– Ну как же, если она знает номер, то, наверное, может как-то использовать это. Чтобы узнать, кто мы такие.

Так иногда делают в детективах по телевизору.

– Сомневаюсь, – сказала она, хотя такая мысль и озадачила ее. – Я думаю, только полиция может найти владельца машины по ее номерным знакам.

- Но вдруг? – в голосе Джоя была тревога.

– Мы уехали так быстро, что вряд ли она успела запомнить номер. И потом – с ней была истерика, и она в тот момент плохо соображала, чтобы думать о номерных знаках. Уверю тебя – с этим покончено раз и навсегда.

Правда.

Джой какое-то мгновение колебался, затем сказал:

- Хорошо, но я подумал...
- Что ты подумал?
- Вдруг эта сумасшедшая..., вдруг она ведьма?

Кристина едва не рассмеялась, но увидела, что он вполне серьезен. Она подавила смех и постаралась принять такое же серьезное выражение:

- Уверена, что никакая она не ведьма.
- Я знаю, что она не Баба Яга. Я имею в виду настоящая ведьма, которой совсем не обязательно знать наши номера, понимаешь? Ей не обязательно знать ничего. Она все про нас разнюхает. Тебе нигде не скрыться, если за тобой охотится ведьма. Ведьмы наделены волшебной силой.

Одно из двух: либо он был уже совершенно уверен в том, что старуха – ведьма, либо делал все, чтобы себя в этом убедить. Так или иначе, не было повода нагонять на себя такой страх, ведь, в конце концов, они действительно никогда больше не увидят эту женщину.

Кристина снова вспомнила, как эта странная особа вцепилась в дверцу машины, изо всех дергая за ручку, как пыталась угнаться за ними, выкрикивая при этом безумные угрозы. Глаза излучали злобу, от нее исходила какая-то тревожная сила, отчего казалось, что она действительно может остановить машину. Ведьма? Ничего удивительного, если ребенок решил, что она обладает сверхъестественной силой.

- Самая настоящая ведьма, – дрожащим голосом повторил Джой.

Кристине было ясно, что необходимо немедленно положить конец подобным фантазиям, пока они не превратились в навязчивую идею.

В прошлом году месяца два ему мерещилось, что в комнате прячется волшебная белая змея вроде той, что он видел в кино, которая поджидает, пока он уснет, чтобы проскользнуть к нему в постель и ужалить. Каждый вечер Кристина сидела с ним и ждала, когда он уснет. Иногда он просыпался среди ночи, и тогда ей приходилось брать его к себе в постель, чтобы он успокоился. А избавился он от этого наваждения как раз в тот день, когда Кристина уже решила показать его детскому психотерапевту. К врачу они не пошли. Спустя несколько недель, когда уже было ясно, что упоминание о змее не вызовет рецидива страха, она спросила его, куда же делась змея. «Мам, все это было просто моим ва-бражением. Я вел себя как глупый ребенок, да?» – смущенно ответил он, и она никогда больше не слышала о

белой змее. У Джоя было здоровое, но чересчур богатое воображение, и ее задачей было обуздывать его, если оно выходило из-под контроля. Так и теперь.

Хотя было понятно, что с этой чертовщиной необходимо покончить, она не могла просто заявить, что никаких ведьм не существует. Он подумает, что его просто как маленького успокаивают. Придется признать существование ведьм, а потом при помощи детской же логики доказать, что эта старуха, которую они встретили на автостоянке, не имеет к ведьмам никакого отношения.

– Понятное дело, ты мог принять ее за настоящую ведьму. Уф! То есть она и в самом деле выглядела слегка похожей на ведьму, так ведь?

– Больше, чем слегка.

– Ну нет, только слегка, будем справедливы к бедной старой женщине.

– Она выглядела в точности как злая ведьма, – сказал он. – В точности. Согласен, Брэнди?

Пес фыркнул, как будто понимал, о чем идет речь, и был целиком согласен со своим юным хозяином.

Кристина присела на корточки и почесала собаку за ухом:

– Как ты можешь об этом знать, собачья душа? Тебя же там не было.

Брэнди зевнул.

Уже обращаясь к Джою, Кристина сказала:

– Если хочешь знать, она вовсе не так сильно была похожа на настоящую ведьму.

– У нее были жуткие глаза, – продолжал стоять на своем мальчик. – Ты же сама видела, страшные выпученные глаза, черт побери. А волосы в колечках? Настоящая ведьма.

– Но у нее же не было огромного носа крючком с бородавкой на кончике?

– Не было, – признал Джой.

– И на ней не было черного платья, верно?

– Нет. Зато она была вся зеленая, – не унимался Джой, и по его голосу Кристина догадалась, что ему, как и ей самой, старухин наряд показался довольно-таки странным.

– Ведьмы не носят зеленого. А потом – у нее не было и остроконечного черного колпака!

Мальчик на это лишь пожал плечами.

– Да и кошки с ней не было, – продолжала убеждать Кристина.

– Ну и что?

– Ведьма нигде не появляется без кошки.

– Правда?

– Кошка – ее постоянный спутник.

– Почему?

– С ее помощью ведьма общается с дьяволом. Именно через кошку дьявол наделяет ведьму волшебной силой.

Так что без кошки она просто страшная старуха.

– Значит, кошка наблюдает, чтобы она не совершила чего-нибудь такого, что могло бы не понравиться дьяволу?

– Именно так.

– Там не было никакой кошки, – сказал Джой, насупив брови.

– Там не было кошки как раз потому, что это была не ведьма. Так что тебе ровным счетом не о чем беспокоиться, милый мой.

Лицо его просветлело.

– Здорово! Будь она ведьмой, она могла бы превратить меня в лягушку или во что-нибудь вроде того.

– Что ж, может, быть лягушкой не так уж и плохо, – поддразнила Кристина. – Сидишь себе в пруду на кувшинке и поплевываешь.

– Лягушки едят мух, – гримасничая, сказал Джой. – А я даже телятину терпеть не могу. Она рассмеялась и поцеловала его в щеку.

– Даже если бы она была ведьмой, – продолжал он, – со мной, наверное, ничего бы не произошло, потому что у меня есть Брэнди, а он не потерпит рядом никакой кошки.

– На Брэнди можно положиться, – согласилась Кристина и обратилась к собаке, вид которой был несколько шутовским:

– Ну что, длинноухий, ты у нас гроза всех кошек и ведьм, правда?

При этих словах, к удивлению Кристины, Брэнди ткнулся мордой ей в шею и лизнул ее.

– Что за хулиганство, длинноухий? – спросила она. – Я совсем не уверена, что целоваться с тобой – это лучше, чем есть мух.

Джой довольно захихикал и обхватил собаку руками.

Кристина вернулась в кабинет. Ей показалось, что за то время, пока ее не было, работы прибавилось.

Не успела она сесть за стол, как зазвонил телефон.

Она подняла трубку.

– Алло?

Никто не отвечал.

– Алло? – повторила она.

– Ошиблись номером, – произнес мягкий женский голос, после чего повесили трубку.

Кристина снова взялась за работу. Она не придавала звонку никакого значения.

Глава 3

Ее разбудил лай Брэнди. Это было странно, поскольку Брэнди практически никогда не лаял. Следом послышался голос Джоя:

– Мама! Быстрее! Мамочка!

Он не просто звал ее, а пронзительно взывал о помощи.

Она сбросила одеяло и вскочила на ноги. Взгляд упал на мерцающие красные цифры электронных часов-будильника. Двадцать минут второго.

Через открытую дверь Кристина кинулась в холл, оттуда в детскую. Вбежав, сразу зажгла свет.

Джой сидел, прижавшись к спинке кровати, словно хотел спрятаться, раствориться в ней. Он был бледен, руки нервно теребили простыню и одеяло.

Брэнди, положив передние лапы на подоконник, лаял на что-то там, в ночи, за окном. Когда появилась Кристина, собака замолчала и вернулась к кровати, вопросительно глядя на мальчика, будто ожидая от него дальнейших указаний.

– Там кто-то был, – произнес он. – Кто-то заглядывал в окно. Это была та сумасшедшая старуха.

Кристина подошла к окну. На улице было темно. Желтоватый свет от фонаря, стоящего на углу улицы, сюда не доходил. Луна была ущербной и бросала лишь слабый молочный свет, который ложился на дорожки и серебрил стоявшие вдоль улицы машины, но его было недостаточно, чтобы высветить тайны этой ночи. Лужайка и кусты перед домом были погружены во тьму.

– Она еще там? – спросил Джой.

– Нет, – ответила Кристина.

Она повернулась, подошла к нему и присела на краешек кровати.

Он все еще был бледен и дрожал.

– Дорогой, ты уверен... – начала она.

– Это была она!

– Опиши мне точно, что ты видел.

– Ее лицо.

– Этой женщины?

– Да.

– Ты уверен, что это была она, а не кто-то еще?

Он кивнул:

– Она.

– Но на улице так темно. Как ты можешь быть уверен...

– За окном кто-то был, будто какая-то тень. Тогда я включил свет и увидел ее. Это была она.

– Но, миленький мой, мне кажется, она никак не могла выследить нас. Я уверена в этом. А как еще она узнала бы, где мы живем. Во всяком случае, так быстро.

Джой молчал. Он уставился на свои стиснутые кулачки, медленно выпуская из них одеяло и простыню. У него вспотели ладони.

– Может, все это тебе приснилось, а?

Он решительно покачал головой.

– Нет.

– Иногда, – сказала она, – когда снится какой-нибудь кошмар, ты просыпаешься и первые несколько секунд не можешь сообразить, что реальность, а что – лишь остаток сна. Понимаешь? В этом нет ничего особенного.

Время от времени это случается с каждым.

Он встретился с ней взглядом.

– Мама, все было не так. Я проснулся потому, что Брэнди залаял, и тут я увидел за окном эту сумасшедшую женщину. Если это был сон, тогда почему же Брэнди лаял?

Он же не станет лаять для того, чтобы себя послушать. Такого с ним не бывает. Ты же знаешь его.

Она посмотрела на Брэнди, который как раз плюхнулся на пол рядом с кроватью, и ей опять стало не по себе.

Она встала и снова подошла к окну.

Там, за окном, было множество мест, куда не проникал никакой свет и где злоумышленник мог спрятаться и переждать.

– Мама?

Она посмотрела на него.

– Это не так, как было раньше, – сказал он.

– Что ты хочешь сказать?

– Это не то, что ва-бражаемая белая змея под кроватью. Это взаправду. Чтоб мне провалиться.

От внезапного порыва ветра загремели карнизы и водосточные желобы.

– Пойдем, – сказала Кристина, подавая Джою руку.

Он встал с постели, и она отвела его на кухню.

Брэнди поплелся следом. Мгновение он стоял в дверях, размахивая пушистым хвостом, потом вошел и лег в углу, свернувшись калачиком.

Джой в синей пижаме с красными буквами «SATURN PATROL» сидел за столом и испуганно поглядывал в окно над раковиной, а Кристина тем временем звонила в полицию.

На крыльце у входной двери стояли двое полицейских, участливо слушая рассказ Кристины, хотя сказать ей было особенно нечего. Рядом стоял Джой. Стэтлер, тот, что помоложе, с самого начала не поверил ей и быстро пришел к заключению, что этот злоумышленник всего лишь призрак, плод воображения Джоя; но другой полицейский, постарше, Тэмплтон, склонен был поверить ей. По его настоянию они потратили десять минут, прочесывая территорию вокруг дома с фонарями, осмотрели каждый куст, заглянули в гараж и даже в соседние дворы, но так никого и не нашли.

Вернувшись к дому, где их ждали Кристина с Джою, Тэмплтон уже не был так уверен в подлинности этой истории.

– Ну что же, миссис Скавелло, если эта женщина и была здесь, теперь ее нет. Либо у нее на уме не было ничего зловещего..., либо ее испугала патрульная машина. Возможно, и то и другое. Скорее всего она безобидна.

– Безобидна? Сегодня днем у «Саут-Кост-Плаза» она не производила такого

впечатления, – сказала Кристина. – Мне она показалась очень даже опасной.

– Что ж... – он пожал плечами. – Вы же знаете, как это бывает. Пожилая женщина..., вероятно, не вполне здорова..., возможно, говорит, не отдавая себе отчета.

– Мне кажется, дело не в этом.

Тэмплтон старался не смотреть ей в глаза.

– Так что..., если вы еще встретите ее или у вас будут какие-то неприятности, непременно звоните нам.

– Вы уходите?

– Да, мэм.

– И вы ничего не предпримете?

Он почесал затылок.

– Я не представляю, что еще мы можем сделать. Вы говорите, что не знаете ни имени этой женщины, ни где она живет, так что мы даже не можем побеседовать с ней.

Я уже сказал: если она появится снова, позвоните нам, как только заметите ее, и мы тут же приедем.

Он кивнул и, повернувшись, пошел по дорожке к выходу, где его уже ждал напарник.

Минуту спустя Кристина с Джоем стояли у окна гостиной и наблюдали, как уезжает патрульная машина.

– Она была здесь, – сказал мальчик. – Правда. Это не так, как было со змеей.

Она ему верила. То, что он увидел за окном, конечно, могло быть плодом его воображения или каким-то отголоском ночного кошмара – но тем не менее здесь было что-то не так. Он действительно видел то, о чем рассказывал: это была та самая старуха собственной персоной во плоти. Кристина не могла объяснить, почему она так уверена в этом, но, как бы то ни было, она была абсолютно уверена.

Она предложила Джою остаться в ее комнате, но он был полон решимости вести себя как мужчина.

– Я буду спать в своей кровати, – заявил он. – Брэнди будет рядом. Он учует эту старую ведьму за милю. Только..., может, мы оставим лампу включенной?

– Разумеется, – сказала она, хотя лишь недавно отучила его спать с зажженным светом.

Она плотно задернула шторы в его комнате, не оставив ни малейшей щелки, через которую можно было бы подсмотреть. Укутала его одеялом и поцеловала на прощание, доверив опеке Брэнди.

Лежа в своей постели, в темноте, Кристина не могла сомкнуть глаз и все ждала какого-нибудь внезапного звука – звона стекла или дверного скрипа, – но все было тихо.

И только редкие порывы февральского ветра нарушали ночной покой.

Джой выключил лампу, которую зажгла для него мать, и наступила кромешная тьма.

Брэнди запрыгнул на кровать, что ему, как правило, не позволялось (одно из маминых правил – в постели никаких собак), но Джой не стал его прогонять.

Он прислушивался к звукам за окном: ветер вздыхал и завывал, как живое существо. Джой натянул одеяло до самого носа, будто оно могло защитить его от любой беды.

Немного погодя он сказал:

– Она где-то там.

Пес поднял голову.

– Брэнди, она выжидает.

Брэнди настороженно повел ухом.

– Она вернется.

При этих словах Брэнди глухо зарычал.

Джой положил руку на спину своего лохматого друга.

– Ты ведь тоже знаешь это, старина? Ты чувствуешь, что она где-то рядом, правда?
Брэнди негромко рявкнул.
За окном стонал ветер.
Мальчик слушал.
Время неумолимо двигалось к рассвету.

Глава 4

Кристина не могла заснуть и посреди ночи спустилась вниз в детскую, чтобы провести Джоя. Лампа, которую она, уходя, оставила включенной, теперь была погашена, и могильная тьма окутывала комнату. На секунду у нее перехватило дыхание от страха, но, включив свет, она увидела, что Джой спокойно спит в своей кровати.

Брэнди, уютно устроившийся рядом с Джоем на постели, мгновенно проснулся, когда Кристина зажгла свет.

Широко зевнув, он облизнулся и посмотрел на нее виноватым взглядом.

– Ты ведь знаешь уговор, бродяга, – прошептала она, – на полу.

Брэнди осторожно, не разбудив Джоя, прыгнул на пол и, поджав хвост, удалился в угол. Он свернулся калачиком и сконфуженно посмотрел на Кристину.

– Хорошая собака, – похвалила она его.

Пес замахал хвостом.

Она выключила свет и пошла к себе. Пройдя несколько шагов, услышала какое-то движение в комнате Джоя и догадалась, что это Брэнди снова забрался на кровать. Однако сегодня ее мало интересовало, останется на простынях и одеяле собачья шерсть или нет. Единственное, что ее волновало, – это Джой.

Задремав, Кристина беспокойно ворочалась, бормотала во сне. Приближался рассвет. Ей снилась старуха в зеленом платье, с зеленым лицом и длинными зелеными ногтями, больше похожими на хищные крючковатые когти.

Наконец наступило утро понедельника. Ярко светило солнце. Пожалуй, даже чересчур ярко. Она проснулась рано и заморгала от сильного света. Глаза были воспалены и покраснели.

Кристина приняла горячий душ, смывая с себя усталость, и стала собираться на работу. Она надела темно-бордовую блузку, простую серую юбку и серые туфли-лодочки.

Подойдя к висевшему на двери ванной комнаты зеркалу, где она видна была в полный рост, Кристина критически оглядела себя. Она всегда несколько смущалась, видя свое отражение в зеркале, хотя и понимала, что эта стыдливость – результат внушений, которым она подвергалась в те самые Потерянные Годы, когда ей было восемнадцать, девятнадцать, двадцать лет. В то время она усердно старалась избавиться от всякого честолюбия и, в значительной мере, от собственной индивидуальности, потому что тогда от нее требовалось одно – подчиниться серому единообразию. Она должна была вести себя скромно и просто и держаться в тени. Малейшее проявление заботы о собственной внешности, отсутствие самоуничижения во взоре немедленно влекло за собой дисциплинарные взыскания. И хотя эти безрадостные годы, как и связанные с ними события, ушли в прошлое, они оставили свой след, этого нельзя было отрицать.

Теперь, словно желая убедить себя, что ее победа над Потерянными Годами окончательна, Кристина поборолла смущение и решительно занялась изучением собственного отражения в зеркале со всем возможным тщеславием, еще сохранившимся в ней после духовной чистки, которой ее когда-то подвергли. У нее была хорошая фигура, хотя вряд ли рекламные плакаты с ее изображением в бикини разошлись бы миллионными тиражами. Ноги стройные, прекрасной формы, пропорциональные бедра и хрупкая тонкая талия, может быть, даже чересчур тонкая, хотя благодаря этому казалась больше грудь, бывшая в действительности самого среднего размера. Кристине бы хотелось иметь такой же бюст, как у Вэл Гарднер. Однако Вэл заявляла, что большая грудь – это скорее проклятье, чем дар

божий, что это то же самое, что таскать на себе пару седельных вьюков, и что вечерами от такой тяжести у нее ноют плечи. Даже если то, что говорила Вэл, было правдой, а не просто утешением для тех, кого природа наделила менее щедро, Кристине все равно хотелось, чтобы у нее была большая грудь. Она знала, что и это желание – безнадежно честолюбивое – было болезненной реакцией на все, что прививали ей в сером тоскливом месте, где ей пришлось жить с восемнадцати до двадцати лет, и в этом тоже выражался ее протест.

К лицу уже прилила краска, но она заставила себя оставаться у зеркала еще минуту, до тех пор, пока окончательно не удостоверилась, что прическа в порядке и макияж наложен ровно. Для нее не было секретом, что она если не обворожительна, то хороша собой. Прекрасный цвет и правильный овал лица, мягкая линия подбородка, прямой нос. Ее главным достоинством были глаза: большие, темные, с ясным взором. Волосы тоже были темные, почти черные. Вэл утверждала, что с радостью променяла бы свою грудь на такие роскошные волосы, но Кристина знала, что это одни разговоры. Безусловно, волосы у нее неплохие, но при повышенной влажности они свисали длинными космами или, наоборот, – топорщились и курчавились, и она становилась похожей то ли на вампира, то ли на Джину Шалит.

Наконец, с краской смущения на щеках, но чувствуя удовлетворение от одержанной победы над самоуничижением, которое пытались взрастить в ней в те далекие годы, Кристина отвернулась от зеркала.

Зайдя на кухню, чтобы сварить кофе и поджарить хлеб, она увидела, что Джой уже сидит за столом. Он просто сидел, глядя в окно на залитую солнцем лужайку.

Кристина достала бумажный фильтр, вставила его в кофеварку и спросила Джоя:

– Что ты будешь на завтрак, капитан?

Он не ответил.

– Как насчет кукурузных хлопьев и бутерброда с арахисовым маслом? – спросила она, продолжая готовить кофе. – Или английские булочки? А может, съешь яйцо?

Он снова не ответил. Иногда, хотя и нечасто, по утрам он бывал раздражен, но его всегда легко можно было привести в норму. По натуре он был слишком мягким для того, чтобы дуться долго.

Наливая в кофеварку холодной воды, она сказала:

– Хорошо. Если ты не хочешь ни хлопьев, ни бутер, брода, ни яйца, может, тебе приготовить шпинат, брюссельскую капусту и брокколи? Ты же любишь это больше всего, верно?

Он не клюнул на эту приманку, продолжая смотреть в окно, не шелохнувшись и не произнеся ни звука.

– Может, тебе подогреть в микроволновой печи твой старый ботинок? Как ты на это смотришь? Нет ничего лучше к завтраку, чем старый башмак. У-у-у-у! Пальчики оближешь!

Джой по-прежнему молчал. Кристина достала из буфета тостер, включила в сеть – и вдруг ее осенило, что дело не в том, что Джой раздражен. Что-то было неладно.

Глядя ему в затылок, она сказала:

– Милый?

У него вырвался какой-то сдавленный звук.

– Милый, что с тобой?

Наконец, оторвав взгляд от окна, он посмотрел на нее.

Растрепанные волосы падали ему на глаза, смотревшие как-то затравленно. Во взгляде была тоска, которая настолько не вязалась с его возрастом, что у Кристины учащенно забилось сердце. На его щеках блестели слезы.

Она подошла к нему и взяла за руку. Ладонь была холодна как лед.

– Мой сладкий, что произошло? Расскажи мне.

Свободной рукой он потер воспаленные глаза: Из носа текло, и он утирался рукавом.

Он был неестественно бледен.

Что бы ни произошло, это было не простое детское огорчение. Она почувствовала это

сердцем, и во рту пересохло от страха.

Он хотел что-то сказать, но, не в силах произнести ни слова, указал рукой на кухонную дверь, потом, задыхаясь, глубоко вздохнул и с дрожью в голосе выдавил:

– К-к-крыльцо.

– Крыльцо? Что ты хочешь сказать?

Он был не в состоянии говорить.

Нахмурившись, она направилась к двери и, помешкав мгновение, распахнула ее. То, что она увидела, заставило ее отпрянуть назад. Брэнди. Его лохматое, покрытое золотистой шерстью тело лежало на краю крыльца у ступенек, а голова – у самой двери, под ногами Кристины. Собака была обезглавлена.

Глава 5

Кристина с Джоем сидели на бежевом диване в гостиной. Он уже не плакал, но выглядел потрясенным.

Составлявший протокол полицейский Уилфорд устроился в одном из кресел в стиле «королева Анна». Это был высокий крупный мужчина с грубыми чертами лица, густыми бровями и той самодостаточностью, которая отличает людей, привыкших проводить большую часть времени вне дома, где-нибудь в горах или в лесу, на охоте или рыбалке. Он примостился на самом краешке кресла, держа тетрадь на коленях, что, учитывая его габариты, выглядело довольно забавно; очевидно, он старался не повредить и не испачкать мебель.

– Но кто же выпустил собаку? – допытывался он, уже задав все мыслимые вопросы.

– Никто, – ответила Кристина. – Она вышла сама.

Там в двери на кухне есть специальное отверстие.

– Я видел, – сказал Уилфорд. – Это отверстие мало для такой большой собаки.

– Я знаю, – сказала Кристина. – Когда мы купили этот дом, дверца уже была. Брэнди почти не пользовался ею, но когда возникала потребность, а вокруг никого не было, кто бы выпустил его, он просовывал туда голову и умудрялся выбраться через дверцу ползком. Я все хотела, чтобы ее заколотили, потому что боялась, как бы он не застрял. Если бы ее не было, Брэнди, возможно, и сейчас был бы жив.

– Его убила ведьма, – тихо произнес Джой.

Кристина обняла сына за плечи.

– Думаете, его могли приманить мясом или собачьи печеньем?

– Нет. – В голосе Джоя появились металлические нотки; для него, по всей видимости, было оскорбительным предположение, что его собака погибла из-за примитивного желания удовлетворить какую-то плотскую прихоть, и он ответил сам, не дожидаясь, пока это сделает мать:

– Брэнди вышел за дверь, чтобы защитить меня. Он чувствовал, что эта старая ведьма все еще околачивается где-то рядом, и хотел проучить ее, но вышло так, что... она убила его.

Кристина понимала, что предположение Уилфорда, скорее всего, правильно, но, отдавая себе отчет в том, что Джой легче перенесет утрату, если будет верить, что его собака погибла за благородное дело, она сказала:

– Это был храбрый пес, очень храбрый. Мы гордимся им.

Уилфорд согласно кивнул:

– Разумеется, вы можете им гордиться. Все это чертовски обидно! Золотой ретривер – такая симпатичная порода. Красавец, доброго нрава...

– Его убила ведьма, – опять повторил Джой, словно оцепенев от одной этой мысли.

– Как знать, – сказал Уилфорд, – может быть, это была и не она.

Кристина взглянула на него исподлобья:

– Ну, разумеется, это она.

– Я понимаю, что вчерашний случай в «Саут-Кост-Плаза» очень неприятен, –

продолжал полицейский. – И вполне естественно, вы склонны усматривать некую связь между этой женщиной и тем, что случилось с собакой. Однако согласитесь – для подобных предположений у нас нет ни серьезных оснований, ни веских доводов.

И не совершим ли мы ошибку, допустив такую возможность?

– Но Джой видел ее в окне, – Кристина все больше выходила из себя. – Я же вам говорила. И тем полицейским, что приходили вчера. Почему никто не хочет меня слушать? Она была за окном и высматривала Джоя. А Брэнди залаял на нее!

– Но ее не было, когда вы пришли в комнату, – сказал Уилфорд.

– Да, но...

Мило улыбаясь, Уилфорд обратился к Джою:

– Малыш, ты совершенно, абсолютно уверен, что видел в окне ту самую пожилую особу?

Джой энергично закивал:

– Ну да, ведьму.

– Видишь ли, вполне объяснимо, что, увидев кого-то в окне, ты мог принять этого человека за ту старушку.

Ведь в тот день она уже напугала тебя, и поэтому мысль о ней не выходила у тебя из головы. Так что когда ты включил свет, чтобы разглядеть, кто же стоит за окном, ее лицо, возможно, уже настолько отпечаталось в твоем сознании, что, независимо от того, кто там находился в действительности, ты представил именно ее.

Джой, не поспевая за ходом его мысли, только моргал и упрямо твердил:

– Это была она. Ведьма.

Обращаясь уже к Кристине, Уилфорд продолжал:

– Я склонен думать, что убийство собаки – дело рук того, кто стоял за окном, однако вряд ли это та самая женщина. Поймите, когда дело касается отравления собаки – а такое случается гораздо чаще, чем вы думаете, – то не может быть и речи о том, что это сделал совершенно чужой человек. Скорее всего, им окажется тот, кто живет рядом. Сосед. Я к тому, что пробрался к вам именно сосед и высматривал он именно собаку, а вовсе не вашего малыша. Этого человека Джой и видел в окне. Затем случилось то, что случилось: он нашел собаку и сделал свое дело.

– Все это вздор, – возразила Кристина, – у нас хорошие соседи. Зачем им убивать нашу собаку?

– Случается и такое, – заметил Уилфорд.

– Только не в наших краях.

– В любых краях, – настаивал на своем Уилфорд. – Если собака день за днем не дает людям покоя, лает, у некоторых сдают нервы.

– Брэнди почти никогда не лаял.

– Видите ли, то, что для вас «почти никогда не лает», для ваших соседей могло означать «никогда не умолкает».

– И потом, Брэнди не отравили. Черт побери, все это более чем чудовищно. Вы же сами видели. На такую безумную жестокость не способны никакие соседи.

– Вы бы удивились, узнав, на что бывают способны соседи, – сказал Уилфорд. – Зачастую они даже убивают друг друга. И это не редкость. Мы живем в странном мире.

– Ошибаетесь, – в сердцах сказала Кристина. – Это была старуха. И ночью у окна была она, и собака – тоже ее рук дело.

Полицейский вздохнул:

– Может быть, вы и правы.

– Разумеется, права.

– Я только хочу сказать, что нам следует смотреть на вещи широко.

– Прекрасная мысль, – отрезала она.

Полицейский закрыл блокнот.

– Ну что же, похоже, я получил всю необходимую информацию.

Он поднялся с кресла. Вслед за ним вскочила Кристина и поспешно спросила:

– И что теперь?

– На основании вашего заявления мы составим протокол и скажем вам номер дела.

– Что за номер?

– Если что-то произойдет, например, снова объявится эта женщина, вы звоните нам и сообщаете номер, присвоенный вашему делу, так что в участке будут заранее знать, о чем идет речь. Полицейские выедут к вам, уже зная, на что следует обращать внимание по пути. И если женщина скроется до их приезда, то они, возможно, смогут задержать ее еще по дороге к вашему дому.

– Почему же нам не дали номер дела после того, что случилось прошлой ночью?

– Одного сообщения о том, что кто-то пробрался на ваш участок, недостаточно, чтобы завести дело, – объяснил Уилфорд. – Прошлой ночью, насколько нам известно, не совершено никакого противоправного действия.

Нет состава преступления. Сегодня все..., несколько хуже.

– Несколько хуже? – воскликнула Кристина. Перед ней предстала страшная картина: отсеченная голова Брэнди с обращенным на нее мертвым взглядом остекленевших глаз.

– Извините, я неудачно выразился, – сказал Уилфорд. – Я имею в виду, по сравнению с тем, что нам приходится видеть на службе, убитая собака – это..., как бы сказать...

– Все понятно, – Кристина с трудом подавляла гнев и нетерпение. – Вы звоните и сообщаете нам номер дела.

Но я хочу знать, что еще вы намерены предпринять?

Уилфорд выглядел растерянным. Он расправил плечи, затем потер ладонью крепкую шею.

– У нас есть только описание, которое мы составили с ваших слов. Это немного. Мы сверимся с компьютерной базой данных и попробуем установить личность. Машина выдаст имена всех, у кого когда-либо возникали неприятности с полицией и кто соответствует нашему описанию, по крайней мере семи из десяти физических характеристик, по которым устанавливают личность. Мы также поднимем наше фотодосье. Возможно, компьютер выдаст сразу несколько имен, а в досье окажутся фотографии нескольких пожилых женщин. Тогда мы предъявим их вам для опознания. Как только вы опознаете ее..., э-э..., мы сможем побеседовать с ней и выяснить наконец, что происходит. Поймите, миссис Скавелло, все не так уж безнадежно.

– А что, если у нее никогда не было неприятностей с полицией и у вас нет на нее досье?

Направившийся к выходу Уилфорд ответил:

– У нас существует возможность обмена базами данных со всеми полицейскими управлениями, находящимися на территории округов Оранж, Сан-Диего, Риверсайд и Лос-Анджелес. Мы имеем немедленный доступ к их компьютерам. Это называется модемная связь. Если выяснится, что женщина проходила у них по какому-то делу, мы выйдем на нее так же быстро, как если бы она числилась в нашей собственной картотеке.

– Это все так, но что, если она вообще не имела никакого дела с полицией и нигде не значится? – с тревогой в голосе спросила Кристина.

– Ну, не волнуйтесь, – Уилфорд уже открывал входную дверь. – Мы что-нибудь придумаем. Такое нам не впервой.

– Меня это не устраивает. – Кристина сказала бы так, даже если бы верила ему, но как раз доверия-то она и не чувствовала. Ничего они не придумают.

– Сожалею, миссис Скавелло, но это все, что мы пока можем для вас сделать.

– Чушь собачья.

Он нахмурился.

– Мне понятно ваше раздражение, и я уверяю вас, что это дело будет под контролем, но мы не можем творить чудеса.

– Чушь собачья.

Было видно, что терпение его на пределе. Насупив густые брови, он произнес:

– Миледи, это меня не касается, но мне кажется, вам не следовало бы употреблять таких слов в присутствии ребенка.

Она уставилась на него в изумлении. Изумление уступило место гневу.

– Вот как? Да кто вы такой – новоиспеченный христианин?

– По правде говоря, именно так. И я убежден, что для нас чрезвычайно важно показывать хороший пример подрастающему поколению, чтобы дети наши воспитывались по образу и подобию божьему. Мы должны...

– Я не верю вам. По-вашему, я показываю дурной пример лишь потому, что произнесла вслух два коротких, безобидных слова...

– Слова не безобидны. Дьявол прельщает и соблазняет именно словом. Слова – это...

– А какой пример подаете моему сыну вы сами? А?

Каждым своим действием вы показываете ему, что полиция бессильна кого-либо защитить, не в состоянии никому помочь и не способна ни на что, кроме как приехать по вызову и вынюхивать подробности.

– Жаль, что вы представляете это именно так.

– А как, черт возьми, я должна это представлять?

Он вздохнул:

– Мы сообщим вам номер дела по телефону. – Развернулся и твердым шагом пошел по дорожке, оставляя ее одну с Джоем.

Она бросилась вслед за ним и, нагнав, схватила за плечо:

– Прошу вас, пожалуйста. – Он остановился и посмотрел на нее холодным безучастным взглядом.

– Мне очень жаль, правда. Я просто обезумела. Ума не приложу, что мне делать. Я в полном отчаянии, – выпалила Кристина.

– Я понимаю вас, – раза два до этого он уже говорил эту фразу, однако его каменное лицо не выражало никакого понимания.

Оглянувшись, чтобы убедиться, что Джой по-прежнему стоит в дверях и что он не слышит ее слов, она сказала:

– Извините, что я вспылила. И вы, похоже, правы: надо следить за своей речью, когда рядом Джой. Я так и делаю, поверьте, но сегодня я не очень хорошо соображаю. Эта сумасшедшая сказала мне, что мой мальчик умрет. Именно это она сказала. Он должен умереть – вот ее слова. А теперь вот собака, бедный Брэнди. Боже, я так любила этого пса. А сейчас он мертв, а Джой посреди ночи увидел в окне чье-то лицо, и весь мир неожиданно оказался поставлен с ног на голову, и я по-настоящему боюсь, потому что мне кажется, эта безумная женщина каким-то образом выследила нас и теперь собирается сделать это или по крайней мере попытается сделать это, попытается убить моего малыша. Я не понимаю зачем. Нет никакой причины. Никакой объяснимой причины. Но ведь от этого не легче, правда? Особенно в наши дни.

В газетах без конца пишут про всяких панков, растлителей и всевозможных чокнутых, которым и не нужна никакая причина, чтобы делать то, что они делают.

– Миссис Скавелло, прошу вас, держите себя в руках, – сказал Уилфорд. – Вы устраиваете из этого мелодраму. Если не истерику, то определенно мелодраму. Все не так плохо, как вы пытаетесь себе представить. Мы намерены действовать так, как я вам сказал. А пока положитесь на господина, и все будет хорошо и с вами, и с вашим мальчиком.

Она была бессильна заставить этого человека понять ее. Хоть когда-нибудь. Не хватит и миллиона лет, чтобы заставить его почувствовать ее ужас, постичь, что значила бы для нее потеря Джоя. Все было безнадежно.

Ноги не слушались, словно силы разом покинули ее.

– Мне, безусловно, приятно слышать, что вы намерены следить за своей речью при ребенке. Последние два поколения в этой стране – настоящие вырождаки, воспитанные в духе отрицания моральных устоев, у которых ни к чему нет уважения. И если мы хотим, чтобы наше общество было здоровым, мирным и богобоязненным, мы должны служить детям

примером.

Она молчала. Как будто рядом находился чужеземец – может быть, даже пришелец с другой планеты, – который не только не говорил на ее языке, но и был не способен выучить его. Ему никогда не понять ее проблем, ее тревог.

Между ними не было ни одной точки соприкосновения, они были разделены тысячами миль.

В стальных глазах Уилфорда теперь горела страсть истого праведника.

– И я бы посоветовал вам не появляться в присутствии мальчика без бюстгальтера, как сейчас. При вашем сложении, даже учитывая, что вы носите широкую блузку, ваш вид, когда вы поворачиваетесь или протягиваете руку..., может быть..., возбуждающим.

Кристина посмотрела на него в недоумении. На языке вертелось несколько крепких выражений, достаточно было бы одного, чтобы осадить его, но она почему-то не могла вымолвить ни слова. Конечно, отчасти эта сдержанность передалась ей от матери – женщины безупречно вежливой, неукоснительно соблюдавшей правила хорошего тона, чье общество наверняка заставило бы смягчиться сердце самого генерала Джорджа Паттона. Но помимо этого, глубоко в душе засели заповеди церкви, учившей «подставлять другую щеку». Кристина убеждала себя, что освободилась от всего этого, избавилась окончательно, но ее неспособность поставить Уилфорда на место красноречиво свидетельствовала о том, что в какой-то степени она еще оставалась заложницей своего прошлого.

Уилфорд продолжал нести вздор, не подозревая о зревшей в ней ненависти:

– Возможно, сейчас ваш сын ничего не замечает, но через пару лет он непременно обратит на это внимание, а у мальчика не должно появляться подобных мыслей в отношении матери. Нечаянно вы могли бы толкнуть его в объятия дьявола.

Если бы не усталость, если бы над ней не довлело страшное сознание их с Джоем беспомощности, Кристина рассмеялась бы ему в лицо. Но в тот момент ей было не до смеха.

– Ну что же, мы еще поговорим с вами, – сказал Уилфорд, – положитесь на господ, миссис Скавелло. Да, да, уповайте на господ.

Она подумала, как бы он отреагировал, узнав, что никакая она не «миссис», что Джой рожден вне брака, что он незаконнорожденный? Отнесся бы он с меньшим старанием к их делу, зная об этом? Не перестала бы его вообще беспокоить судьба маленького мальчика, узнай он, что тот незаконнорожденный?

Будь прокляты эти лицемеры.

Ей хотелось ударить его, пнуть ногой, сорвать на нем свое раздражение, но она только смотрела, как он садится в патрульную машину, где его дожидался напарник. Он оглянулся и помахал рукой.

Она вернулась на крыльцо к Джою.

Казалось, что он ждет от нее каких-то ободряющих слов. Но даже найди она нужные слова, не смогла бы обманывать его. Сейчас, пока они не знают, что происходит, может быть, и лучше пребывать в страхе. Пока Джой испуган, думала Кристина, он будет настороже, начеку.

Она чувствовала приближение беды.

Не драматизировала ли она ситуацию?

Нет.

То же самое чувствовал Джой. Она прочла это в его глазах.

Глава 6

Кристина вошла в дом, закрыла дверь на замок. Взъерошила Джою волосы.

– Все хорошо, милый?

– Я буду тосковать по Брэнди, – сказал он дрожащим голосом, стараясь быть спокойным, но у него это не получалось.

– Я тоже, – ответила Кристина и вспомнила, каким забавным был Брэнди в роли

Чубакки Вуки.

– Я подумал... – начал Джой.

– Что?

– Может, это неплохая идея...

– Да?

– Неплохая идея завести другую собаку.

Она присела перед ним на корточки:

– Знаешь, это очень интересная идея. Очень мудрая, я думаю.

– Конечно, я не хочу забывать Брэнди.

– Конечно, нет.

– Я никогда не забуду его.

– Мы навсегда запомним Брэнди. Он будет в наших сердцах, – ответила она. – И я думаю, он бы понял, почему мы хотим снова завести собаку. Я даже уверена – он именно этого и хотел бы.

– Чтобы меня кто-то мог защитить, – сказал Джой.

– Верно. Брэнди хотел бы, чтобы тебя защищали.

На кухне зазвонил телефон.

– Знаешь, – сказала она, – сейчас отвечу, а потом мы займемся приготовлениями к похоронам Брэнди.

Телефон звонил.

– Мы узнаем про хорошее кладбище для собак и похороним Брэнди со всеми почестями.

– Хорошо бы, – сказал он.

В третий раз раздался звонок.

Направляясь на кухню, она сказала:

– А потом мы подыщем щенка. – Сняла трубку на пятом звонке. – Алло?

Женский голос спросил:

– Вы участвуете в этом?

– Простите?

– Вы участвуете или вы не знаете, что происходит?

Голос показался слегка знакомым, но Кристина сказала:

– Я думаю, вы ошиблись номером.

– Вы миссис Скавелло?

– Да. Кто это?

– Я должна знать, участвуете ли вы? Вы одна из них?

Или вы невиновны? Я должна знать.

Теперь Кристина узнала голос, и холодок пробежал по спине.

Старуха спросила:

– Вы знаете, кто на самом деле ваш сын? Вы знаете, что в нем зло? Знаете, что он должен умереть?

Кристина бросила трубку.

Джой пришел за ней на кухню. Он стоял в дверях и сосал большой палец. В полосатой рубашке, джинсах, стоптанных тапочках он выглядел трогательно маленьким, беззащитным.

Снова зазвонил телефон.

Не обращая внимания на звонок, Кристина сказала:

– Иди ко мне, капитан, пойдем.

Они вышли из кухни, прошли столовую, гостиную и поднялись наверх в спальню.

Он не спрашивал, что случилось, но по выражению лица было ясно, что он догадывался.

Звонки продолжались.

В спальне Кристина выдвинула верхний ящик высокого комода на ножках и из-под стопки сложенных свитеров достала зловещего вида самовзводный «астра-констэбль» с

коротким стволом. Она купила его давно, еще до рождения Джоя, когда жила одна, и научилась обращаться с ним. Пистолет давал ей необходимое ощущение безопасности – тогда и вот теперь снова.

Телефон все звонил.

Когда родился Джой и особенно когда начал ходить, она боялась, что он найдет пистолет и станет с ним играть. Опасение, что Джой ранит себя, оказалось сильнее страха перед грабителями. Она разрядила пистолет и положила его в комод под одежду, а пустой магазин спрятала в кухонном шкафу. К счастью, пистолет ей был не нужен.

До этого дня.

Телефонные звонки становились все пронзительнее и начинали раздражать.

С пистолетом в руке Кристина подошла к шкафу и, вытащив пустой магазин, торопливо взяла с верхней полки коробку с патронами. Непослушными дрожащими пальцами заполнила магазин патронами и с силой плотно вставила его в рукоятку.

Джой с восхищением наблюдал за ней.

Наконец телефон замолк.

Внезапная тишина на мгновение оглушила Кристину.

Первым заговорил Джой, все еще держа палец во рту:

– Это ведьма звонила?

Не было смысла скрывать от него правду или говорить, что старуха вовсе не ведьма.

– Да, она.

– Мамочка, я боюсь...

В последние несколько месяцев, после того как исчез страх перед белой змеей, которая беспокоила его во сне, он стал звать ее «мам», а не «мамочка», чтобы показать, что уже взрослый. А сейчас это «мамочка» показывало, что насколько ребенок напуган.

– Все будет хорошо. Я не допущу, чтобы что-то случилось..., с кем-то из нас. Все обойдется, если мы будем осторожны.

Ей казалось, что старуха постучит в дверь или появится в окне. Откуда она звонила? Сколько ей понадобится времени, чтобы прийти сейчас к Джюю, когда ушли полицейские?

– Что мы будем делать? – спросил он.

Она положила заряженный пистолет на комод, достала из шкафа два чемодана.

– Я соберу чемоданы, и мы уйдем отсюда.

– Куда мы пойдем?

Она поставила чемодан на свою постель и раскрыла «его».

– Не знаю точно, милый. Куда-нибудь. Может, в гостиницу. Пойдем туда, где эта сумасшедшая карга не найдет нас, как бы ни пыталась.

– А потом что?

Она складывала вещи:

– Пойдем найдем того, кто поможет нам, по-настоящему поможет.

– Не так, как полицейские?

– Не так.

– А кого?

– Не знаю... Может, частного детектива.

– Как Магнум по телевизору?

– Ну, не совсем как Магнум, – сказала Кристина.

– А как кто?

– Нам нужна солидная фирма, которая обеспечила бы нам охрану, пока ловят эту старуху. Первокласная организация.

– Как в старых фильмах?

– В каких?

– Ты знаешь. Когда попадают в беду, говорят: «Мы найдем Пинкельтона».

– Пинкертон, – поправила она. – Да, что-то вроде Пинкертон. Мы можем позволить себе нанять таких людей, и мы так и сделаем. Не будем парой подсадных уток, как советуют

полицейские.

– Я бы чувствовал себя в тысячу раз спокойнее, если бы мы пошли и наняли Магнума, – сказал Джой.

Объяснять шестилетнему мальчику, что Магnum – ненастоящий детектив, не было времени. Она сказала:

– Ну, может, ты и прав. Может, мы и найдем Магнума.

– Да?

– Да.

– Он справится, – сказал Джой рассудительно. – Он всегда справляется.

Они зашли в комнату Джоя, он – с пустым чемоданом, она – с уже собранным и с пистолетом.

Кристина решила, что они не пойдут в гостиницу, чтобы не терять времени, а отправятся сразу же в детективное агентство. Во рту у нее пересохло, сильно билось сердце, она тяжело и часто дышала.

В воображении возникла жуткая картина – окровавленное и обезглавленное тело на крыльце. Но это был не Брэнди. Она видела Джоя.

Глава 7

Чарли Гаррисон гордился своими достижениями. Бедняк из убогого района Индианаполиса, начавший с нуля, в свои тридцать шесть он был единоличным владельцем преуспевающей компании (с тех самых пор, как ее основатель Харви Клемет отошел от дел) и прекрасно жил в Южной Калифорнии. Если он еще и не достиг предела своих мечтаний, то был очень близок к нему и удовлетворен пройденным путем.

Офис Клемета – Гаррисона был расположен не в таком отдаленном месте, как захудалые детективные конторы из романов и фильмов. Комнаты на последнем этаже пятиэтажного дома на тихой улице в Коста-Мезе были уютны и обставлены со вкусом.

Приемная сразу производила хорошее впечатление.

На полу лежали ковры, стены были затянуты нежно-зеленой материей. Новая мебель – не из дешевых. На стенах висели не простенькие эстампы, а три батика Эвинда Эрла стоимостью в полторы тысячи долларов каждый.

Кабинет самого Чарли – еще шикарнее, нежели приемная, – не напоминал о тяжеловесном официальном стиле, который предпочитают адвокаты, юристы и люди свободных профессий. Стены, до середины обитые панелями светлого дерева, из того же светлого дерева ставни, новый письменный стол Хенредона, кресла, обтянутые изящной зеленой материей, от «Бруншвича и сыновей».

На стенах – две большие, наполненные светом картины Мартина Грина, изображающие водоросли, причудливо изгибающиеся в таинственных струях и потоках. Несколько больших растений – папоротники и плющи, – свисающие с потолка и стоящие на ширмах из палисандрового дерева. Казалось, вы попали в субтропики, хотя вас не оставляло ощущение прохлады, так же как и впечатление богатства.

Но когда Кристина Скавелло появилась на пороге, Чарли вдруг почувствовал, что его комната выглядит просто жалкой. Да, она была светлая, все здесь было тонко продумано, дорого и изысканно, но тем не менее казалось чрезмерно тяжелым, громоздким и даже безвкусным рядом с этой потрясающей женщиной.

Встав из-за стола, он сказал:

– Мисс Скавелло, я – Чарли Гаррисон. Рад видеть вас.

Она протянула ему руку и ответила, что тоже рада его видеть.

У нее были густые, блестящие, темные, почти черные, волосы. Их хотелось погладить, зарыться в них лицом и ощутить их запах.

Не привыкший к таким сильным и внезапным чувствам, Чарли постарался их побороть. Он посмотрел на Кристину внимательно и, насколько мог, бесстрастно. Он сказал себе, что

она не совершенство, не сногсшибательная красавица. Хорошенькая – да, но не красотка. Лоб выше обычного, скулы немного тяжеловаты, а нос чуть вздернут. Тем не менее, слегка заикаясь от волнения, что совсем не было похоже на него, он заискивающе произнес:

– Извините за состояние офиса.

И сам удивился своим словам и растерялся.

Кристина смутилась:

– Почему вы извиняетесь? Здесь чудесно.

Он взглянул на нее:

– Вы правда так считаете?

– Конечно. Никогда не думала, что офис частного детектива может быть таким. Здесь гораздо интересней, привлекательней, чем я полагала.

У нее были большие темные глаза. Ясный, прямой взгляд. Когда он встречался с ней глазами, на мгновение перехватывало дыхание.

– Я сам все сделал, – ответил он, решив, что комната все же не так плоха. – Без помощи дизайнера по интерьеру.

– У вас безукоризненный вкус.

Он предложил ей сесть и, когда она садилась, отметил, что у нее красивые ноги и прекрасной формы щиколотки.

«Видел же я раньше красивые ноги и прекрасные щиколотки, – подумал он несколько озадаченно, – но никогда не испытывал такого юношеского влечения, не чувствовал этого глупого внезапного порыва».

Либо он более сексуален, чем представлял, либо дело было не только в ее внешности.

Пожалуй, больше всего его привлекли в ней манера двигаться – тихо, грациозно, походка, рукопожатие, голос – мягкий, низкий, женственный, но не жеманный, в нем чувствовалась внутренняя сила, ее прямой взгляд. Вопреки обстоятельствам, при которых они встретились, несмотря на то что серьезные проблемы волновали ее, она обладала удивительным внутренним спокойствием, которое интриговало его.

«Но ведь это опять не довод, – думал он. – С каких это пор я хочу лечь в постель с женщиной из-за ее удивительного внутреннего спокойствия?»

Ну хорошо, он пока еще не может определить свои чувства. Он просто будет жить с ними и постарается понять их позже.

Садясь за стол, он сказал:

– Скорее всего, я не должен был признаваться, что люблю заниматься дизайном интерьера. Может, это не соответствует образу частного детектива?

– Наоборот, – возразила она, – это показывает, что вы наблюдательны, проницательны, возможно, чувствительны и отлично подмечаете детали. Качества, которые, я полагаю, необходимы любому человеку вашей профессии.

– Правильно! Совершенно верно! – воскликнул он, радостно улыбаясь, польщенный ее похвалой.

Он почувствовал почти непреодолимое желание поцеловать ее лоб, глаза, переносицу, кончик носа, щеки, подбородок и, наконец, ее красиво очерченные губы.

Но только произнес:

– Итак, мисс Скавелло, чем могу быть вам полезен?

Она рассказала ему о старухе.

Он был потрясен, заинтересован, полон сочувствия, но, кроме того, и расстроен, потому что никогда не знаешь, чего ожидать от таких чокнутых старух. Может случиться что угодно. К тому же он знал, как трудно выслеживать преступников с такой иррациональной мотивацией поступков. Лучше уж иметь дело с людьми, чьи побуждения ясны и понятны: корысть, похоть, зависть, ревность, отмщение, любовь, ненависть, – с ними он привык работать, это – его сырье. Слава богу, человечество обладает слабостями и недостатками, не будь их, он остался бы без работы. Он забеспокоился, что может не оправдать ожиданий Кристины Скавелло и тогда она навсегда уйдет из его жизни. А если так произойдет, ему

останется только мечтать о ней, а он уже слишком стар для подобных мечтаний.

Когда Кристина закончила перечислять события утра – убийство собаки, звонок старухи, – Чарли спросил:

– Где сейчас ваш сын?

– В вашей приемной.

– Хорошо. Там он в безопасности.

– Я не уверена, что он в безопасности где бы то ни было.

– Успокойтесь. Еще не конец света, правда.

Он улыбнулся ей, как бы подтверждая, что еще не конец света. Хотелось, чтобы она улыбнулась в ответ, он был уверен, что улыбка сделает ее прекрасное лицо еще прекраснее, но она, казалось, была не в силах улыбаться.

Он продолжал:

– Хорошо, о старухе. Вы дали мне довольно точный ее портрет. – Он записывал все, что она говорила, и теперь просматривал записи. – Нет ли чего-нибудь еще, что помогло бы нам разыскать ее?

– Я рассказала вам все, что помню.

– Как насчет шрамов? У нее есть шрамы?

– Нет.

– Она носит очки?

– Нет.

– Вы сказали, что ей около семидесяти или чуть больше?

– Да.

– А лицо почти без морщин?

– Верно.

– Неестественно гладкое, несколько отекавшее, вы сказали?

– Да, ее кожа! У меня была тетя, которой кололи кортизон от артрита. У нее было такое же лицо.

– Вы думаете, что она лечится от артрита?

Кристина пожала плечами:

– Не знаю. Может быть.

– Она носила медный браслет или медные кольца?

– Медные?

– Конечно, это рассказы, но многие думают, что медь помогает при артрите. У меня тоже была тетя, и она носила медную цепочку, два медных браслета на каждом запястье, медные кольца и даже медный браслет на щиколотке. Она была худенькой, маленькой, как птичка, носила эти уродливые тяжелые украшения и уверяла, что они ужасно помогают ей, но лучше ей не стало и боли не прекращались.

– У этой женщины не было медных украшений. Масса других украшений, но не медных.

Он посмотрел в записи.

– Она не говорила, как ее зовут?

– Нет.

– Не были ли у нее на блузке вышиты монограммы?

– Нет.

– А на кольцах не было инициалов?

– Думаю, нет, а если были – я не заметила.

– Вы не видели, откуда она появилась?

– Нет.

– Если бы мы знали, из какой машины она вышла...

– Не знаю. Мы уже подходили к своей машине, когда она появилась из-за нее.

– Какая машина стояла рядом с вашей?

Она нахмурилась, пытаясь вспомнить. Пока она думала, Чарли изучал ее лицо, стараясь

найти недостатки. Ничто в мире не свободно от недостатков. В любой вещи можно найти по крайней мере один изъян. Даже в бутылке «Лафита Ротшильда» может быть плохая пробка или слишком много дубильных веществ. «Роллс-Ройс» бывает не идеально покрашен. Ореховое масло «Ризе», безусловно, превосходно, но от него толстеют. Но сколько бы он ни смотрел на лицо Кристины Скавелло, не мог углядеть изъяна. Да, чуть вздернутый нос, тяжеловатые скулы, слишком высокий лоб – но ему не казалось это недостатком; это были..., просто отступления от принятых норм красоты, небольшие отклонения, которые создавали ее неповторимый облик.

«Что же, черт возьми, со мной? – удивлялся он. – Хватит страдать по ней, я же не влюбленный школьник».

С одной стороны, ему нравилось новое, свежее, опьяняющее чувство. А с другой – не нравилось, потому что он не понимал его, а его отличало стремление докопаться до сути. Поэтому-то он и стал детективом, чтобы найти ответы, понять.

Она взглянула на него:

– Я вспомнила. Рядом с нами стояла не машина. Это был фургон.

– Грузовой фургон? Какой?

– Белый.

– Какая модель?

Она снова нахмурилась, стараясь вспомнить.

– Старый или новый? – спросил он.

– Новый. Чистый, блестящий.

– Заметили какие-нибудь вмятины, царапины?

– Нет. Это был «Форд».

– Хорошо. Очень хорошо. Знаете, какого года выпуска?

– Нет.

– Туристический фургон с круглыми окнами, а может, расписанный?

– Нет. Обыкновенный, фургон для работы.

– Не было ли на нем названия компании?

– Нет.

– А что-нибудь было на нем написано?

– Нет, он был просто белый.

– А номерной знак?

– Я не видела.

– Вы же обходили его сзади, заметили, что это «Форд», там же был и номерной знак?

– Я знаю, но я не посмотрела.

– Если понадобится, мы сможем узнать от вас номерной знак при помощи гипноза. Теперь, по крайней мере, есть с чего начать.

– Если она вышла из фургона.

– Для начала предположим, что вышла.

– Но это может быть ошибкой.

– А может быть, и нет.

– Она могла выйти из любой другой машины, находящейся на стоянке.

– Но поскольку мы должны с чего-то начать, начнем с фургона, – терпеливо ответил он.

– Она могла выйти откуда угодно. Возможно, мы просто теряем время. Я не хочу терять время. Она не теряет время. У меня ужасное предчувствие, что у нас очень мало времени.

Она сильно нервничала, теперь все ее тело сотрясала дрожь. Чарли понял, что ей стоит больших усилий сдерживать себя.

– Не волнуйтесь. Теперь все будет хорошо. Мы не допустим, чтобы что-нибудь случилось с Джоем.

Она была бледна. Голос дрожал, когда она вымолвила:

– Он такой милый. Милый маленький мальчик. Он – все в моей жизни. Если что-нибудь случится с ним...

– Ничего с ним не случится. Обещаю вам.

Она заплакала. Не всхлипывала, не причитала, не билась в истерике. Только глубоко и прерывисто дышала, глаза наполнялись слезами, и они скатывались по щекам.

Чарли резко встал из-за стола, желая успокоить ее.

Чувствуя себя неловко, произнес:

– Я думаю, вам не помешает выпить.

Она покачала головой.

– Это поможет, – сказал он.

– Я почти не пью, – голос ее дрожал, а слезы бежали сильнее, чем прежде.

– Ну чуть-чуть.

– Слишком рано.

– Уже половина двенадцатого. Почти обеденное время. Кроме того, это в лечебных целях.

Он подошел к бару, который стоял у одного из двух больших окон. Открыл нижние дверцы, вытащил бутылку «Шивас регал» и один бокал, поставил их на мраморную полочку, налил две унции виски.

Открывая бутылку, он случайно выглянул в окно и похолодел. Белый фургон «Форд» – чистый и блестящий, без всякой рекламы на нем – стоял напротив на улице.

Глядя поверх листьев огромной пальмы, которая доросла почти до пятого этажа, Чарли увидел у фургона человека в темной одежде.

Совпадение.

Человек, похоже, ел. Просто рабочий остановился на тихой улице, чтобы перекусить. Вот и все. Что, кроме этого, еще может быть? Совпадение.

А может, и нет. Человек, казалось, наблюдал за фасадом здания. Он притворился, что ест, и в то же время следит. Чарли сам следил десятки раз за многие годы. Он знал, что такое слежка, и это как раз было на то похоже, хотя заметно и непрофессионально.

– Что случилось? – спросила Кристина.

Он удивился ее проницательности, тому, как она почувствовала его состояние, хотя была очень расстроена и все еще плакала.

– Надеюсь, вам понравится, – он отошел от окна и протянул ей виски. Она без возражения приняла бокал.

Взяла его обеими руками, но Чарли все-таки поддерживал его. Она пила виски маленькими глотками.

Чарли сказал:

– Выпейте сразу два глотка. Это вам поможет.

Она сделала так, как он посоветовал, а он отметил: она действительно не умеет пить – сморщилась, хотя «Шивас» – самое мягкое виски.

Пустой бокал он отнес к бару, сполоснул в маленькой раковине и поставил в сушилку.

Опять посмотрел в окно.

Белый грузовик все еще был там. И человек в темной одежде все так же стоял и жевал что-то с напускной небрежностью.

Вернувшись к Кристине, Чарли спросил:

– Вам лучше?

Лицо ее вновь обрело естественный оттенок. Она кивнула:

– Извините, что я так расклеилась.

Он присел на краешек стола, касаясь ногой пола, и улыбнулся:

– Вам не за что просить прощения. Большинство, будь они так же напуганы, вошли бы в эту дверь с бессвязным бормотанием и бормотали бы до сих пор. Вы держитесь очень хорошо.

– Мне так не кажется, – она достала из сумочки платок и высморкалась. – Но, похоже, вы правы. Одна безумная старушенция не означает конец света.

– Вот именно.

- Не может быть, чтобы мы не справились с одной сумасшедшей старухой.
- В том-то и дело, – сказал он. Однако подумал:
«Одна сумасшедшая старуха? А кто же тогда тот тип у белого грузовика?»

Глава 8

Грейс Спиви сидела в массивном дубовом кресле, ее холодные серые глаза блестели в темноте.

Сегодня в мире духов был красный день, один из самых красных, которые она знала, и она оделась во все красное, чтобы быть с ним в гармонии; так же как вчера, когда мир духов проходил через зеленую фазу, она была одета во все зеленое.

Большинство людей не знали, что каждый день в мире духов имел свой цвет, ведь они не могли проникнуть в мир сверхъестественного так же легко, как это удавалось Грейс, они вообще о нем не подозревали, и поэтому стиль одежды Грейс был недоступен их пониманию. Но для нее, экстрасенса и медиума, выбор цвета был важен, чтобы гармонизировать с миром духов, так ей было легче общаться с прошлым и прорицать будущее. Информация передавалась духами по ослепительно ярким цветным лучам энергии. Сегодня лучи окрашены во все оттенки красного цвета.

Попробуй она объяснить это – ее приняли бы за сумасшедшую. Несколько лет назад собственная дочь отправила ее в психиатрическую больницу на обследование, но ей удалось вырваться из этой ловушки, она отсеклась от дочери и с тех пор стала осторожнее.

Сегодня на ней были темно-красные туфли, темно-красная юбка, светло-красная двух тонов полосатая блузка. Все украшения красноватого оттенка: двойная нить малиновых бус, такие же браслеты на запястьях, яркая, как огонь, фарфоровая брошь, два рубиновых кольца, кольцо с четырьмя отполированными сияющими сердоликами, еще четыре кольца с дешевыми красными стекляшками, алой эмалью и ярко-красной керамикой. Все камни – будь то драгоценные, полудрагоценные или бижутерия – сверкали и переливались в дрожащем огоньке свечи.

Неровное пламя, словно танцуя на кончиках фитильков, отбрасывало причудливые извивающиеся тени на подвальные стены. Большая комната казалась меньше, поскольку янтарное пламя свечей освещало небольшую ее часть. Одиннадцать свечей, толстых и белых, вставленных в медные подсвечники с красивой подставкой для стекающего воска. Каждый подсвечник крепко держали апостолы Грейс, они с нетерпением ждали, когда она заговорит.

Их было одиннадцать – шесть мужчин и пять женщин, – молодые, среднего возраста и старые. Они сидели на полу, образуя перед креслом Грейс полукруг; мерцающий, неровный, таинственный свет освещал и странно искажал их лица.

Ее учениками были не только эти одиннадцать. Более пятидесяти человек сидели в верхней комнате и с волнением ожидали, что произойдет на сегодняшнем сеансе.

Больше тысячи других были разбросаны по разным уголкам на севере и юге, выполняя задания Грейс.

Она знала и помнила их имена, хотя сейчас ей было труднее запоминать их, гораздо труднее, чем до тех пор, пока божий Дар не снизошел до нее. Он заполнил ее, вошел в ее разум и вытеснил многое, что прежде казалось само собой разумеющимся, вроде способности запоминать имена и лица. Или способности следить за временем.

Она теперь не знала, который час, и то, что она иногда смотрела на часы, не имело никакого значения. Секунды, минуты, часы и дни казались смешными и случайными измерениями времени; для обычных людей они еще были полезны, но она в них больше не нуждалась. Порой, когда она думала, что прошел день, оказывалось, что прошла целая неделя. Это пугало, но в то же время странным образом увлекало – постоянно напоминало, что она особенная. Избранная. Дар вытеснил из нее и сон. Иногда не спала вообще. Обычно сон отнимал один час или два, не больше, но сон был ей больше не нужен. Дар вытеснил все, что могло бы помешать великой и священной миссии, которую ей надлежало выполнить.

Но имена этих одиннадцати, самых преданных из ее паствы, она помнила. Это были лучшие из лучших, незапятнанные души, наиболее достойные выполнить задачу, стоящую перед ними.

Но был среди них один – Кайл Барлоу, тридцати двух лет, хотя выглядел старше, – мрачный, злобный, опасный. У него были каштановые прямые волосы, густые, но без блеска. Глубоко посаженные карие глаза под нависшими надбровными дугами смотрели внимательно и проницательно. Нос – крупный, не прямой, не римский, а перебитый. Скулы и подбородок такие же тяжелые, грубо высеченные, как и, надбровные дуги. При крупных и некрасивых чертах лица губы тонкие и такие бескровные и бледные, что казались еще тоньше, от этого рот походил на узкую щель. Он был необычайно высоким, более двух метров ростом, с бычьей шеей, могучими плечами, крепкой грудью и жилистыми руками. Создавалось впечатление, что он может переломить человеку хребет, и раньше зачастую он это и делал, исключительно ради удовольствия.

В последние же три года, с тех пор как Кайл стал последователем Грейс, членом тайного синедриона, а потом самым верным ее помощником, он ни на кого не поднял руку. До того как Грейс нашла и спасла его, это был неуравновешенный, агрессивный и жестокий человек. То время теперь миновало. Под отталкивающей внешностью Кайла Барлоу Грейс сумела разглядеть добрую душу. Да, он сбился с пути, но желал (даже не сознавая этого) вернуться на стезю добродетели. Нуждался в ком-то, кто направил бы его. Встретил Грейс и пошел за ней. Теперь огромные мощные руки и железные кулаки не принесут вреда добродетельным людям, но уничтожат врагов господ, и только тогда, когда скажет Грейс.

Грейс узнавала врагов господ, когда встречала их.

Способность распознать безнадежно потерянную душу с первого взгляда тоже была лишь малой частью божьего Дара, снизошедшего на нее. Достаточно было одну секунду посмотреть в глаза человеку, чтобы определить, был ли он грешным и окончательно погибшим. Она обладала Даром. Никто больше. Только она, Избранная. Слышала зло в голосах нечестивых, видела зло в их глазах. От нее нельзя было спрятаться.

Иные, почувствовав Дар, усомнились бы, решили, что порочны или даже безумны. Но Грейс никогда не сомневалась и не считала себя безумной. Никогда. Знала, что особенная, знала, что права, потому что так сказал ей господь.

Стремительно приближался день, когда она наконец призовет Кайла и других сокрушить приверженцев сатаны. Укажет на них, и Кайл их уничтожит. Он станет карающим мечом господ. Как это будет прекрасно! Сидя в подвале церкви, в массивном дубовом кресле, перед своими ближайшими соратниками, Грейс задрожала в предвкушении блаженства. Будет таким удовольствием наблюдать, как крепкие мускулы сокращаются и расслабляются, вымещая гнев божий на неверных и слугах сатаны.

Скоро. Час близится. Сумерки.

Пламя свечей трепетало, Кайл спросил тихо:

– Вы готовы, Мать Грейс?

– Да, – ответила она.

Закрывает глаза. Сначала ничего не видела, ее окружала лишь темнота, потом она установила контакт с миром духов, и перед ней появились вспышки, завитки, фонтанчики, пятна света; вздымающиеся, изгибающиеся, переплетающиеся тени, то яркие, то тусклые, все оттенки красного, потому что это передавалась энергия духов, а был красный день их бытия. Самый красный из всех, которые знала Грейс.

Духи окружали ее со всех сторон, а она уносилась все дальше, погружалась в их мир, нарисованный на внутренней стороне ее век. Сначала ее несло медленно. Чувствовала, что разум и душа отделяются от тела, оставляя плоть.

Еще чувствовала телесную связь с миром – запах горящих свечей, массивное дубовое кресло, шорох и шепот одного из апостолов, но постепенно все исчезало. Она неслась дальше, все быстрее и быстрее, сквозь испещренную пятнами света пустоту, быстрее, с ужасающей, вызывающей тошноту скоростью...

И внезапный покой.

Она оказалась в глубинах мира духов, подобно астероиду в бескрайних просторах Вселенной. Уже не слышала, не видела, не воспринимала мир, который оставила.

В бесконечной ночи сновали красноватые тени, быстро и медленно, целенаправленно и беспорядочно выполняя священную миссию, которую Грейс еще не понимала.

Грейс думала о мальчике, Джое Скавелло. Знала, кем он был и что он должен умереть. Но не знала, пришло ли время покончить с ним. Она совершила путешествие в мир духов с единственной целью – выяснить, что делать с мальчиком и когда. Надеялась, что ей прикажут убить его.

Ей так хотелось убить его.

Глава 9

Два глотка виски, похоже, подействовали на Кристину Скавелло немного успокаивающе. Она откинулась в кресле, разомкнув руки, но все еще в напряжении и заметно дрожа.

Чарли все так же сидел на краешке своего стола, касаясь одной ногой пола.

– По крайней мере до тех пор, пока мы не узнаем, кто эта женщина и с кем еще мы имеем дело, я думаю, с Джоем круглосуточно должны находиться два вооруженных телохранителя.

– Хорошо, я согласна.

– Он ходит в школу?

– В подготовительную группу. В школу он пойдет осенью.

– Придется подержать его дома, пока все не утрясется.

– Это так просто не утрясется, – в ее голосе было раздражение.

– Ну, разумеется, я не имел в виду, что мы собираемся отсиживать. Я хотел сказать, что он не будет посещать занятия, пока мы не положим конец этой истории.

– Достаточно ли двух охранников?

– На самом деле их будет шестеро. Они будут работать парами по восемь часов.

– И все же в смену будет всего два человека, и я...

– Двоих достаточно. У них хорошая подготовка. Однако это может оказаться довольно дорого. Если...

– Я могу позволить себе это, – оборвала она Гаррисона.

– Мой секретарь даст вам расценки...

– Сколько бы ни было. Я в состоянии оплатить...

– А что ваш муж?

– А что муж?

– Ну, что он обо всем этом думает?

– У меня нет мужа.

– О, прошу извинить меня, если я...

– Я не нуждаюсь в участии. Я не вдова, как, впрочем, и не разведенная. – Она говорила с прямолинейностью, которую он подметил в ней еще раньше; его подкупало ее нежелание уклоняться от ответа. – Я никогда не была замужем.

– Понимаю.

Хотя Чарли мог поклясться, что в голосе его не было ни тени неодобрения, Кристина точно окаменела, как будто он оскорбил ее. Он вздрогнул, когда она с неожиданным и необъяснимым гневом, сдержанно и в то же время металлически твердо произнесла:

– Что вы хотите сказать? Что вы должны убедиться в моральной чистоте клиента, прежде чем взяться за его дело?

Эта внезапно произошедшая в ней перемена поразила его; он растерянно уставился на нее, не зная, что сказать.

– Ну, разумеется, нет! Я только...

– Потому что я не собираюсь сидеть перед вами в качестве уголовного на скамье... – Подождите, подождите. Что случилось? А? Что я такого сказал? Боже мой, какое мне дело до того, были вы замужем или нет?

– Прекрасно. Я рада, что ошиблась. Итак, вы намерены выследить эту старуху?

Как пышет жаром от тлеющих углей, так от Кристины все еще исходили волны гнева.

Чарли не мог понять, почему признание в том, что у ее ребенка нет законного отца, сопровождалось у Кристины такой болезненной реакцией. Конечно, ей не повезло; она, возможно, хотела, чтобы все сложилось по-другому.

Но общество уже давно не считает это позорным. Она же вела себя так, будто жила в сороковые, а не в восьмидесятые годы.

– Правда, – подтвердил он. – Мне действительно безразлично.

– Великолепно. У вас передовые взгляды – это похвально. Если б это зависело от меня, вы бы получили Нобелевскую премию за человеколюбие. А теперь не сменить ли нам тему?

Что-то здесь не так, думал он. Его только радовало, что у нее не было мужа. Разве она не чувствует его интереса к ней? Неужели это не заметно за его профессиональной манерой держаться? Неужели она не видит, что он попался? Ведь у большинства женщин на это особое чутье.

– Если я вас не устраиваю, я могу передать ваше дело одному из моих помощников...

– Да нет же, я...

– Это способные люди, на них можно положиться.

Но уверяю вас – у меня и в мыслях не было унижить вас, или посмеяться над вами, или.., что вы там еще про меня подумали. В конце концов, я не тот полицейский, что был у вас утром и промывал вам мозги насчет вашего лексикона.

– Полицейский Уилфорд.

– Так вот, я не Уилфорд. Я проще. Ну что, мир?

Она мгновение колебалась, потом кивнула. Ее скованность прошла. Гнев испарился, уступив место смущению.

– Извините, что накричала на вас, мистер Гаррисон...

– Зовите меня Чарли. Можете кричать на меня, когда вам вздумается, – он улыбнулся. – Все же нам есть смысл поговорить об отце Джоя, поскольку может оказаться, что он каким-то образом связан с происшедшим.

– С этой старухой?

– Возможно.

– Сомневаюсь.

– Может быть, он добивается опекуна.

– Тогда почему просто не прийти и не поговорить?

Чарли пожал плечами:

– Люди не всегда подходят к решению проблем с позиций здравого смысла. Она покачала головой:

– Нет, это не его отец. Насколько я знаю, он даже не подозревает о существовании Джоя. И кроме того, женщина говорила, что Джой должен умереть.

– Все-таки я считаю, следует учесть такую возможность и поговорить об отце Джоя, даже если это причиняет вам боль. Мы должны проверить все возможные версии.

Она согласно кивнула:

– Дело в том.., когда я забеременела, для моей матери, Эвелин, это было страшным потрясением. Она многого ожидала от меня... Она заставила меня чувствовать себя виноватой, казнить этой своей виной, – Кристина тяжело вздохнула. – И мне кажется, из-за того, что мать так обращалась со мной, я до сих пор чересчур болезненно воспринимаю все, что касается рождения Джоя.

– Понимаю.

– Нет. Вы не можете понять этого.

Он внимательно слушал. Он был благодарным слушателем. Это составляло часть его

работы. Кристина продолжала:

– Моя мать... Эвелин..., не любит Джоя. Не желает иметь с ним ничего общего. Она вменяет ему в вину его незаконнорожденность. Иногда обращается с ним так, словно он грешен, порочен или что-нибудь в этом роде.

Это низко, это извращение, в этом нет никакого смысла, но это так похоже на мою мать – в том, что моя жизнь не сложилась так, как она хотела, обвинить Джоя.

– Если ваша мать так активно недолюбливает Джоя, не может ли она быть инициатором всей этой истории? – спросил Чарли.

Эта мысль заставила Кристину вздрогнуть. Она покачала головой:

– Нет. Я уверена. Это не ее стиль. Эвелин прямолинейна. Она всегда говорит то, что думает, даже если знает, что это ранит тебя, даже если знает, что каждое произнесенное ею слово отзывается в тебе мучительной болью.

Она не станет просить своих приятельниц устроить травлю моего сына. Это нелепость.

– Возможно, она не замешана в этом прямо. Но что, если она рассказывала кому-нибудь о вас с Джоем, и среди прочих, – той самой пожилой особе из торгового центра. Что, если ваша мать, рассказывая о мальчике, была несдержанна, не подумав о том, что эта женщина не может себя контролировать, не отдавая себе отчета в том, что та воспримет все сказанное буквально и начнет действовать по своему усмотрению.

Кристина нахмурилась:

– Возможно...

– Я знаю, что все это притянута за уши, но тем не менее – возможно.

– Да, я согласна.

– Расскажите мне о вашей матери.

– Уверяю, она не может иметь к этому никакого отношения.

– И все же, – настаивал он.

Кристина, переведя дух, сказала:

– Моя мать – деспот. Вам этого не понять, а я не смогу растолковать. Чтобы узнать ее, нужно пожить рядом. Все годы, что я жила с ней, я была под каблуком... унижена и запугана...

...все эти годы.

Воспоминания, помимо воли, нахлынули на нее. Она ощутила тяжесть в груди, у нее сперло дыхание – каждый раз при воспоминании о детстве ей казалось, что она задыхается.

Она увидела большой викторианский дом в Помоне, который перешел к Эвелин от ее матери, Джаветти. Они жили там с тех пор, как Кристине исполнился год, а Эвелин живет и по сей день. Память о доме была для Кристины тяжким бременем. И хотя она помнила, что здание было белым с бледно-желтыми дверями и оконными переплетами и такими же навесами с позолоченной резьбой, мысленно она всегда представляла его погруженным в тень, поздним октябрём, в плотном кольце обступивших его голых деревьев, под зловещим свинцово-серым куполом неба. Отчетливо слышала монотонное тиканье дедушкиных часов в гостиной, всепроникающий и постоянный звук, как издевательское напоминание о том, что она едва ли не целую вечность обречена сносить страдания своего мучительного детства, продолжающиеся миллионы и миллионы отбиваемых часами чугунных секунд. Снова видела тяжелую громоздкую мебель, теснившуюся в каждой комнате, и начинала подозревать, что память ее воспроизводит тиканье часов куда более назойливым и одуряющим, чем это было на самом деле, и что в действительности мебель вовсе не могла быть такой массивной, неуклюжей и безобразной, какой представляла в воспоминаниях.

Таким же, каким этот дом запечатлелся в памяти Кристины, он был и для ее отца, Винсента Скавелло, которого всегда угнетала царившая там атмосфера. Он оставил их, когда ей было четыре, а ее брату Тони – одиннадцать. Он так и не вернулся, и Кристина никогда больше не видела его. Он был слабый закомплексованный человек, а в обществе Эвелин он чувствовал себя и вовсе неполноценным, поскольку та от каждого требовала слишком многого.

За что бы он ни брался, ее ничто не устраивало. Постоянное недовольство касалось и всех остальных, в первую очередь Кристины и Тони: что бы они ни делали, она ожидала от них в два раза большего. Не в состоянии отвечать ее требованиям, отец пристрастился к спиртному, что дало Эвелин лишний повод пилить его, и в конце концов он просто ушел. А через два года его не стало. В некотором смысле он покончил с собой. Нет, он не застрелился – боже упаси, никаких драм не было, он всего-навсего сел пьяным за руль и на скорости семьдесят миль в час врезался в опору моста.

На следующий же день после ухода Винсента Эвелин пошла работать. Она не только содержала семью, но и преуспевала, продолжая жить согласно своим принципам.

Это лишь усложнило жизнь Кристины и Тони. «Что бы вы ни делали, вы должны делать это лучше всех. В противном случае не стоит и браться», – в тысячный раз повторяла она.

Кристине особенно памятен один тягостный вечер, когда Тони принес «неуд» по математике; его вину в глазах Эвелин не могло смягчить и то обстоятельство, что по всем остальным предметам выходило «отлично». Одного провала уже было достаточно, но в тот же день Тони получил выговор от директора школы за то, что курил в туалете. Он впервые попробовал сигарету, и ему не понравилось, он не собирался продолжать курить, всего лишь попробовал, ради эксперимента, в котором не было ничего необычного для четырнадцатилетнего подростка, однако Эвелин пришла в ярость. В тот памятный вечер нотация продолжалась почти три часа: все это время Эвелин то расхаживала по кухне, то сидела, обхватив голову руками; она кричала и плакала, умоляла и била кулаком по столу.

«Ведь ты Джаветти, Тони, больше Джаветти, чем Скавелло. Ты носишь имя отца, но боже правый, в тебе же больше моей крови, так должно быть. Мне невыносима сама мысль о том, что половина твоей крови – это больная, слабая кровь твоего отца, ведь если это так, одному богу известно, что с тобой станет. Я не потерплю этого! Не потерплю! Я работаю до изнеможения, чтобы дать тебе шанс, чтобы дать тебе перспективу, и я не потерплю, чтобы мне плевали в лицо, а ты именно это и делаешь, когда балбесничаешь в школе, когда заваливаешь математику – это все равно что наплевать мне в душу!» Гнев сменялся слезами, она поднималась, доставала из буфета пачку салфеток и шумно сморкалась. «Что проку переживать, что будет с тобой? Тебе же нет до меня дела. Вот где они, несколько капель отцовской крови, крови этого бездельника, их оказалось достаточно, чтобы занести тебе заразу.

Это болезнь. Болезнь Скавелло. Но ведь ты Джаветти, а Джаветти всегда работают усерднее других и учатся больше других, и это правильно, это угодно богу, потому что бог создал нас не для того, чтобы мы бездельничали и пропивали нашу жизнь, как те, о ком я не хочу даже говорить. Ты должен успевать в школе на «отлично», и даже если тебе не нравится математика, ты все равно должен усердно работать, пока не превзойдешь всех, потому что математика пригодится тебе в этой жизни, а твой отец – бог ему судья – всегда был не в ладах с арифметикой, и я не позволю тебе быть похожим на беднягу Винсента, мне страшно при одной мысли об этом. Я не хочу, чтобы мой сын был лоботрясом, а я боюсь, что ты именно такой, что ты похож на своего отца, что ты такой же безвольный человек, как он. Но ведь ты Джаветти, не забывай этого.

Джаветти всегда делали все, что в их силах, никогда никому не уступая, и не говори мне, что ты и так занимаешься чуть не круглые сутки, а по выходным работаешь в бакалейной лавке. Работа только полезна для тебя. Я пристроила тебя на это место, потому что увидела в тебе будущего бездельника. И даже принимая во внимание твою работу и учебу и то, что ты делаешь по дому, у тебя все равно Должно оставаться свободное время, много свободного времени, чересчур много. Может быть, тебе даже следует подрабатывать вечерами – день-два в неделю – на рынке. А время всегда найдется, если только захотеть. Бог создал этот мир за шесть дней, только не надо говорить мне, что ты не бог, потому что, если бы ты был внимательнее на уроках богословия, ты бы знал, что создан по его образу и подобию, и, кроме того, помнил бы, что ты Джаветти, а это значит – ты создан по его образу

и подобию чуть больше, чем все остальные, вроде Винсента Скавелло, кого я и упоминать-то не желаю. Посмотри на меня! Я работаю весь день, но я успеваю готовить для вас хорошую еду, и вместе с Кристиной мы содержим в порядке этот дом, в идеальном порядке – бог свидетель, – и хотя я иногда устаю и чувствую, что больше не могу ничего делать, я все равно делаю, делаю ради тебя, и одежда твоя всегда как следует выглажена – не так ли? – а носки заштопаны – вспомни-ка, надел ли ты хоть раз дырявый носок! – и если я делаю все это и не падаю замертво и даже не жалуюсь, я имею право рассчитывать на то, чтобы у меня был сын, которым я могла бы гордиться, и, видит бог, ты будешь таким сыном! А что до тебя, Кристина...»

Эвелин никогда не уставала читать им нотации. Всегда: каждый день, по праздникам и в дни рождения – не было дня, когда бы она оставила их в покое. Кристина и Тони сидели как замороженные, не смея сказать ни слова в свое оправдание, иначе она презирала бы их еще больше, наказание могло быть еще страшнее, оправдываться означало подлить масло в огонь. Она не давала им ни минуты передышки, требовала выкладываться во всем, что бы они ни делали, что само по себе было не так плохо и для их же блага. Но вот они получали самые высокие оценки, завоевывали самые высокие награды, занимали первые места в школе и многое-многое другое, но это никогда не приносило удовлетворения их матери. Для Эвелин быть лучше всех было недостаточно. Когда они становились первыми, достигали вершины, она набрасывалась на них за то, что у них ушло на это слишком много времени, она ставила перед ними новые цели и подозревала их в том, что они испытывают ее терпение и теряют драгоценное время, не давая ей ощутить гордость за них.

Когда ей казалось, что одних нотаций недостаточно, она прибегала к самому кардинальному средству – слезам. Она начинала плакать и винить себя в их неудачах.

«Вы оба плохо кончите, и это будет моя вина, только моя, потому что я не нашла к вам подхода, не могла заставить вас понять главного. Я мало делала для вас, я не знала, как помочь вам побороть дурную кровь Скавелло, которая течет в ваших жилах, – а следовало знать, следовало дать вам больше. Что толку от такой матери? Какая я вам после этого мать?» ...все те давно прошедшие годы...

Но ей казалось, что это было вчера.

Кристина не могла рассказать Чарли Гаррисону всего о своей матери, о своем детстве, вызывавшем ощущения, напоминающие клаустрофобию; детстве, которое прошло в мрачных комнатах среди тяжелой викторианской мебели под знаком тяжелого викторианского же чувства вины, – ей потребовалось бы много часов, чтобы объяснить все это. Кроме того, она меньше всего искала сочувствия, не принадлежа по натуре к тем, кто склонен делиться интимными подробностями собственной жизни с другими, пусть это будут даже друзья, не говоря уже о чужих, вроде этого человека, каким бы положительным он ни был.

Лишь несколькими фразами намекнула на свое прошлое, но по выражению его лица казалось, что он чувствует и понимает гораздо больше сказанного; возможно, душевные переживания отражались на ее лице и в глазах гораздо явственнее, чем она могла предположить.

– Эти годы были особенно тяжелыми для Тони, – продолжала Кристина свой рассказ. – Главным образом потому, что помимо всего прочего Эвелин была одержима идеей сделать из него священника. Среди членов семейства Джаветти, принадлежавших к ее поколению, было два священника, и их особенно почитали в семье.

Вдобавок ко всему Эвелин сама была женщиной религиозной, и, даже если бы не существовало семейной традиции посвящать жизнь церкви, она все равно настаивала бы на этом выборе для Тони. И ее упорство было вознаграждено – сразу после церковноприходской школы Тони пошел в семинарию. У него не было другого пути.

К тому времени, как ему исполнилось двенадцать, Эвелин уже промыла ему мозги, и он даже и в мыслях не мог представить себе иной стези, кроме церковной.

– Эвелин хотела, чтобы Тони стал приходским священником, – сказала Кристина, – впоследствии монсеньором, а потом, возможно, даже епископом. Я уже говорила, она

выдвигала очень высокие требования. Но после того как Тони принял постриг, он попросил направить его на миссионерскую работу и оказался в Африке. Мама была вне себя! Видите ли, в церкви, так же как и в правительстве, наверх пробиваются благодаря расчетливому политиканству. Но если вы сидите в глухой африканской миссии, то не можете обеспечить своего постоянного и зримого присутствия в коридорах власти. Мама пришла в ярость.

– Он выбрал деятельность миссионера, потому что знал, что она будет против этого? – спросил детектив.

– Нет. Дело в том, что мать видела в его сане священника способ добиться почета для себя и семьи. Тони же это давало возможность служить ближнему. Он серьезно воспринял свой обет.

– Он до сих пор в Африке?

– Он мертв.

От неожиданности Чарли Гаррисон растерялся:

– О, прошу прощения. Я...

– Это давняя утрата, – остановила она его. – Одиннадцать лет назад, когда я училась в старших классах, Тони был убит террористами, африканскими экстремистами. Какое-то время мать была безутешна, но постепенно горе уступило место..., болезненной злобе. Ее действительно злило, что Тони позволил себя убить, как если б он, вроде нашего отца, просто сбежал из дома. Она заставила меня почувствовать, что я должна выполнить то, в чем ее ожидания не оправдали ни папа, ни Тони. Мне тогда было так горько, я была так растерянна и чувствовала себя настолько виноватой, что..., я сказала ей, что хочу стать монахиней, и Эвелин..., моя мать ухватилась за эту идею. Закончив школу, по ее настоянию я ушла в монастырь..., и это было катастрофой...

С тех пор минуло много лет, но она отчетливо помнила свое ощущение, когда впервые надела рясу послушницы, неожиданно тяжелую, сурового черного полотна; помнила, как, не привыкшая к такой широкой одежде, постоянно цеплялась длинным подолом за дверные ручки, мебель и за все, что попадалось на пути. Несмотря на все старания забыть, все это жило в ней – каждый день, проведенный в безотрадной и аскетичной атмосфере монастырского заточения, когда она вынуждена была носить строгую монашескую униформу и жить в тесной каменной келье, коротая ночи на примитивной койке. Потерянные Годы так походили на удручающую жизнь в викторианском доме в Помоне, что так же, как и при воспоминании о своем детстве, при одной мысли о монастырских днях у нее теснило грудь и становилось трудно дышать.

– Вы были монахиней? – переспросил Гаррисон, не в силах скрыть удивления.

– Монахиней, – сказала Кристина.

Чарли попробовал представить эту полную жизни, чувственную женщину в монашеском облачении, но не смог, у него не хватило воображения.

По крайней мере, теперь ему было понятно, откуда в ней эта удивительная сдержанность. Два года обители, два года, наполненные ежедневным созерцанием и молитвой, два года вне суетной мирской жизни не могли не оказать своего влияния.

Но это все равно не объясняло, почему он сразу ощутил огромное влечение к ней и почему в ее обществе чувствовал себя неотесанным подростком. Это оставалось тайной для него, хотя и волнующей, но тайной.

Она продолжала:

– Я держалась два года, пытаюсь убедить себя, что монашество – мое призвание. Но все было напрасно. Когда я оставила обитель, Эвелин была совершенно раздавлена.

Семья не оправдала ее ожиданий. А через пару лет, когда Эвелин узнала, что я беременна, она пришла в ужас. Ее единственная дочь, которая должна была стать монахиней, оказалась распущенной женщиной, избравшей участь матери-одиночки. Она не давала мне ни на минуту забыть о моем грехе, она клеймила меня позором.

Кристина опустила голову и замолчала, переводя дух.

Чарли ждал. Он умел ждать не хуже, чем слушать.

Наконец она сказала:

– К тому времени я была потеряна для церкви. Я в значительной степени утратила свою веру., а может быть, меня отвратили от нее. Я больше не ходила к мессе. И все же я оставалась католичкой, по крайней мере настолько, чтобы мысль об аборте внушала мне отвращение. Я сохранила Джоя и никогда не жалела об этом.

– Ваша мать так и не переменяла своего отношения к вам?

– Нет. Мы говорим друг с другом, но между нами настоящая пропасть. А Джоя она просто знать не желает.

– Жаль.

– По иронии судьбы, практически с того самого дня, как я забеременела, моя жизнь круто изменилась. С тех пор день ото дня все шло лучше и лучше. Я еще носила Джоя, когда мы с Вэл Гарднер занялись бизнесом и открыли магазинчик. А когда Джою исполнился год, я уже могла помогать матери. Я здорово преуспела, но это не имеет для нее никакого значения; ее не устраивает ни то, что я, готовясь стать монахиней, не стала ею, ни то, что я мать-одиночка. Она и сейчас, когда мы видимся, постоянно напоминает мне о моей вине.

– Теперь я понимаю, почему вы так болезненно переживаете эту историю.

– настолько болезненно, что., когда вчера появилась эта старуха., у меня невольно шевельнулась мысль – а может, так и должно случиться?

– Что вы хотите сказать?

– Может быть, я должна потерять Джоя. Может, это неизбежно. Или даже., предопределено.

– Я не понимаю.

Кристина нервно заерзала, лицо ее выражало одновременно гнев и растерянность, испуг и смущение. Она откашлялась и, глубоко вздохнув, сказала:

– Ну, понимаете., это лишь предположение., но может быть, бог таким образом наказывает меня за то, что из меня не вышло монахини, что я разбила сердце матери, что отсеклась от церкви, хотя была уже так близко к ней.

– Но ведь это...

– Нелепо?

– В общем, да.

Она кивнула:

– Я знаю.

– Бог не злопамятен.

– Я знаю, – она казалась сконфуженной. – Это глупо, нелогично. Это просто тупость. И все же., это гложет меня. Самые глупые предположения иногда оборачиваются реальностью. – Она вздохнула и задумчиво покачала головой. – Я горжусь Джоем, очень горжусь, но я совсем не горжусь тем, что я мать-одиночка.

– Вы хотели рассказать мне об отце мальчика., на случай, если он имеет к этому какое-то отношение! Как его звали?

– Он сказал, что его зовут Люк, полное имя Люций, Люций Андер.

– Андер?

– Это его фамилия. Андер. Люций Андер, но он сказал, чтобы я звала его Люк.

– Необычная фамилия.

– Вымышленная. Видно, это пришло ему в голову, когда он соображал, как бы стянуть с меня комбинацию «Фамилия Андер повторяет часть слова «underwear» – «комбинация» по-английски.», – она заметно злилась. Потом вдруг покраснела, явно смущенная тем, что выдает чересчур интимные подробности, но тут же продолжила:

– Это случилось на борту теплохода по пути в Мексику. Знаете эти круизы, их еще называют «корабли любви»? – Разговор о любви был не очень уместным в данных обстоятельствах, и она невесело усмехнулась... – Уйдя из монастыря, я несколько лет работала официанткой, и эта поездка была первым удовольствием, которое я позволила себе. Я встретила его через несколько часов после того, как мы вышли из Лос-Анджелеса. Он был

очень симпатичный..., обаятельный;

Сказал, что его зовут Люк. Дальше больше. Он, должно быть, почувствовал мою незащищенность, потому что набросился на меня, словно акула. Тогда я была совсем другой, робкой и застенчивой, совсем как маленькая, эксмонахиня, девственница, совершенно неопытная. Мы провели на корабле пять дней, большей частью, по-моему, у меня в каюте..., в постели. Через несколько недель, узнав, что беременна, я решила разыскать его. Поймите, я не рассчитывала на его помощь. Просто подумала, что он имеет право знать о своем ребенке, – она мрачно рассмеялась. – Он оставил мне адрес и телефон, которые оказались липовыми. Я подумывала о том, чтобы найти его через туристическое агентство, но это было бы так..., унижительно, – по губам скользнула удрученная улыбка. – Поверьте, с тех самых пор я жила как затворница. После этой дешевой корабельной интрижки, даже не подозревая еще, что беременна, я почувствовала себя..., обесчещенной. И я не хотела вновь пережить это чувство, поэтому я..., не то чтобы отказалась от секса..., но стала очень осмотрительной. Возможно, это во мне говорит экс-монахиня. И уж определенно, меня угнетает мысль о том, что я должна понести наказание, что бог, возможно, выберет Джоя, чтобы через него покарать меня.

Он не знал, что сказать ей. Ему было не привыкать оказывать своим клиентам практическую, моральную и интеллектуальную поддержку, что же касается сферы духа, он чувствовал, что здесь его возможности ограничены.

– По-моему, я немного помешалась на этом, – заговорила она снова. – Да и вас, вероятно, измучила своими переживаниями. Я вечно боюсь, что Джой заболеет или с ним что-нибудь случится. И это не просто материнское беспокойство. Иногда..., я так переживаю за него, что это похоже на одержимость. А тут еще появляется эта старая карга и заявляет, что мой малыш – это сущий дьявол, что он должен умереть, ночью шныряет вокруг дома, убивает нашу собаку... Боже мой, она такая безжалостная, настойчивая...

– Это не совсем так.

– Теперь, когда вы кое-что знаете об Эвелин..', о моей матери..., вы по-прежнему считаете, что она замешана в этом?

– Не совсем так. Все же существует вероятность того, что старуха слышала ее разговоры о вас, о Джое, отсюда ее навязчивая идея относительно вас и мальчика.

– Мне кажется, это могло быть чистой случайностью.

Мы оказались в плохом месте в плохое время. Если бы вчера мы не поехали в этот торговый центр и на нашем месте оказалась совершенно другая женщина со своим малышом, то старая ведьма прицепилась бы к ним.

– Полагаю, вы правы. – Он поднялся из-за стола. – Однако пусть вас не волнует эта безумная особа. Мы найдем ее.

Он подошел к окну.

– Мы положим конец этой истории. Вот увидите.

Он посмотрел на улицу, где под окнами росла финиковая пальма. На другой стороне по-прежнему маячил белый фургон, и человек в темном все так же стоял, прислонившись к переднему крылу машины. Разница была лишь в том, что он больше не ел сэндвичи, а просто стоял, сцепив руки на груди и скрестив ноги, и наблюдал за входными дверями.

– Подойдите-ка сюда, – попросил Чарли.

Кристина приблизилась к окну.

– Этот фургон не похож на тот, что стоял рядом с вашей машиной у торгового центра?

– Да. Тот был такой же.

– Может быть, это тот самый и есть?

– Думаете, за мной могли следить?

– Вы бы заметили, если бы так оно и было?

Она нахмурилась.

– Я была в таком состоянии..., так нервничала, психовала... Я могла и не обратить внимания, что кто-то висит у меня на хвосте, если они соблюдали по крайней мере элементарную осторожность.

– Тогда это, возможно, тот самый фургон.
– Или простое совпадение.
– Я не верю в совпадения.
– Но если это тот самый фургон, если за мной следили, то кто же этот человек рядом?
Они находились слишком высоко, чтобы разглядеть его лицо. С такого расстояния видно было не много. Он мог быть молодым, пожилым или средних лет.
– Возможно, это ее муж. Или сын, – сказал Чарли.
– Но раз он следит за мной, значит, он такой же сумасшедший, как и она.
– Может, и так.
– Семья, состоящая из одних чокнутых?
– Законом это не запрещено.
Он подошел к столу и позвонил по внутреннему телефону Генри Рэнкину, одному из своих лучших сотрудников.
Сказав про фургон на противоположной стороне улицы, он попросил:
– Я хочу, чтобы ты прошелся мимо, запомнил номер и получше разглядел этого парня, чтобы потом мог узнать его. Разнюхай, что сможешь, но так, чтобы это не бросалось в глаза. Пользуйся только черным ходом. Возвращайся, обогнув квартал. Пусть у него не будет ни малейших подозрений относительно того, откуда ты.
– Нет проблем, – ответил Рэнкин.
– Потом свяжись с транспортным управлением полиции и выясни, кто владелец номера.
– Да, сэр.
– И сразу сообщи мне.
– Я выхожу.
Чарли повесил трубку и вернулся к окну.
– Будем надеяться, это простое совпадение, – сказала Кристина.
– Напротив, будем надеяться – это тот самый фургон. О такой зацепке можно только мечтать.
– Но если это тот самый фургон, а этот парень имеет отношение...
– Он имеет отношение, можете быть спокойны.
– В таком случае Джою угрожает не одна старуха. Их уже двое.
– Или больше.
– Как?
– Может быть еще кто-то, о ком мы пока не знаем.
За окном мелькнула и исчезла внизу какая-то птица.
Пальмовые листья слабо дрожали в струях не по сезону теплого воздуха.
На стеклах машин, стоящих вдоль улицы, играло солнце.
Неизвестный у белого фургона ждал.
– Что это за чертовщина такая? – спросила Кристина.

Глава 10

В подвале без единого окна горело одиннадцать свечей, и предметы отбрасывали причудливые резкие тени.

Слышно было лишь дыхание Матери Грейс Спиви, становившееся все более затрудненным по мере ее погружения в глубокий транс. Одиннадцать апостолов не издавали ни звука.

Карл Барлоу также сидел молча и совершенно неподвижно, несмотря на то что ему было неудобно. Дубовый стул был для него маловат, хотя подошел бы в самый раз для любого из находившихся в комнате. Но Барлоу обладал такими габаритами, что ему казалось – вся мебель здесь предназначена для карликов. Ему нравились стулья удобные, мягкие, с глубоким сиденьем, а также старомодные кресла с подголовниками, но только если подголовник достаточно широк для его плеч. Он любил просторные кровати «кинг-сайз»,

шезлонги и древние ванны на ножках, такие вместительные, что не приходилось подтягивать ноги, словно младенцу, который полоскается в тазике. Его квартира в Санта-Ана была обставлена в соответствии с его фигурой, но вне дома все время что-то стесняло, то одно, то другое.

Однако по мере того, как Мать Грейс погружалась в транс, его внимание все больше поглощало ожидание пророчества, с которым она вернется из мира духов, и он постепенно перестал замечать, что притулился на стульчике, как будто взят из детской.

Он преклонялся перед Матерью Грейс. Она предсказала, что грядут Сумерки, а он верил каждому ее слову. Сумерки. В этом заложен некий смысл. Мир давно уже ждет Сумерек. Мать Грейс предупредила его о пришествии, она заручилась его помощью в подготовке человечества к этому событию и тем самым дала шанс на искупление, пока еще было время. Она спасла его, его тело и душу.

До встречи с ней большую часть своих двадцати девяти лет он был одержим слепым стремлением к самоистреблению. Пропойца и дебошир, наркоман и насильник и даже убийца. Неразборчивый Барлоу каждую неделю заводил новую подругу; как правило, это были наркоманки и проститутки, если не то и другое сразу. Семь-восемь раз переболел гонореей и дважды сифилисом, и можно лишь удивляться, почему это не приключалось с ним чаще.

В те редкие минуты, когда Барлоу бывал трезв и ясно соображал, та жизнь, которую он вел, вызвала у него отвращение и ужас. Однако он оправдывал свое поведение, убеждая себя, что его самоуничтожение и антисоциальные вспышки насилия являются естественной реакцией на ту эгоистичную, а порой намеренную жестокость, с которой относилось к нему большинство людей. Для общества в целом он был капризом природы, неуклюжим гигантом с лицом неандертальца, способным нагнать страх даже на медведя. Дети боялись его, взрослые независимо от возраста содрогались при взгляде на него, одни – откровенно, другие – в душе, пытаясь не выдавать себя. Кто-то даже смеялся над ним исподтишка, когда казалось, что он этого не видит. Обычно он притворялся, что не замечает реакции окружающих, если только в этот момент не был настроен сломать кому-нибудь руку или оторвать голову.

Но всегда чувствовал отношение, и оно причиняло боль.

Особенно досаждали подростки, часто девчонки, – хихикали и потешались над ним, а иногда, если находились на безопасном расстоянии, даже говорили гадости. Он всегда был одиноким чужаком, которого опасались и обходили стороной.

В течение многих лет он легко находил оправдание своей тяге к насилию и самоистреблению. Казалось, что горькая ненависть и слепая ярость – это необходимая защита от людской жестокости. Отними у него это безрассудное пренебрежение к человеческой жизни и годами взлелеиваемую мстительность, он бы почувствовал себя незащищенным. Общество настойчиво делало из него изгоя, видело в нем или двухметрового шута с физиономией обезьяны, или страшного монстра. Что ж, он, разумеется, не считал себя шутком, однако не возражал против того, чтобы предстать перед ними в роли чудовища, был не прочь показать им, в какое низкое, отвратительное страшилище он может обратиться, если по-настоящему этого захочет. Это они сделали его таким, каков он есть. И он не в ответе за свои преступления. Он был порочным, потому что они сделали его таким. Именно это говорил он себе на протяжении многих лет...

...до тех пор, пока не встретил Мать Грейс Спиви. Она дала ему понять, каким жалким и несчастным беднягой он был все это время. Доказала, что его оправдания собственной греховности и потворство своим прихотям выглядят крайне неубедительно. Объяснила, что в его положении парии он может почерпнуть силу и отвагу и даже гордость. Научила его видеть в себе сатанинское начало и гнать от себя дьявола.

Она помогла ему понять, что его неистребимая тяга к разрушению, его великий дар и единственный талант должны вселять ужас в сердца стоящих на пути господ и быть карающим мечом в борьбе с ними.

Сейчас, наблюдая за тем, как Мать Грейс погружается в транс, Кайл Барлоу взирал на нее с нескрываемым обожанием. Он не замечал неопрятную копну седых, нечесаных, спутавшихся и сальных волос; в его глазах эти волосы в мерцающем золотистом свете превращались в божественный нимб, обрамляющий ее лик, в таинственный ореол. От его взгляда ускользало, что на ней мятое, в жирных пятнах платье с приставшими к нему нитками и каким-то пухом, что плечи в перхоти. Он видел только то, что жаждал увидеть. А жаждал вечного блаженства.

Она издала стон, веки задрожали, но не разомкнулись.

На лицах одиннадцати апостолов тайного синедриона, сидящих на полу и сжимающих в руках подсвечники, отразилось внутреннее напряжение, но никто из них не произнес ни одного слова, не издал ни единого звука, который разрушил бы хрупкие чары.

– О мой бог! – сорвалось с губ Матери Грейс, как будто ей явилось нечто, внушающее благоговейный трепет. – О боже, боже!

Веки дергались, тело сотрясала дрожь, она нервно облизывала губы.

На лбу выступила испарина.

Дыхание стало еще более тяжелым и неровным. Она хватала воздух открытым ртом, словно тонула, потом втягивала воздух в себя, сжав зубы, с леденящим душу шипением.

Барлоу терпеливо ждал.

Мать Грейс воздела руки, пытаясь обнять пустое пространство перед собой, в свете пламени вспыхнули перстни. Затем руки упали, беспокойно, точно умирающие птицы, дернулись и застыли на коленях.

Наконец слабым, дрожащим, как струна, голосом, в котором с трудом угадывался ее собственный, она вымолвила:

– Убейте его.

– Кого? – спросил Барлоу.

– Мальчишку.

Одиннадцать апостолов вздрогнули, обменялись многозначительными взглядами, и от движения их свечей тени заколыхались и стали перемещаться по комнате.

– Джоя Скавелло? – спросил Барлоу.

– Да. Убейте его, – откуда-то издали прозвучал голос Матери Грейс. – Немедленно.

По непостижимым ни для Барлоу, ни для самой Матери Грейс причинам он был единственным человеком, с которым она могла общаться, находясь в состоянии транс. Если к ней обращались другие, она просто не слышала их. Она была единственным медиумом между ними и миром духов, единственным посредником, получавшим откровения с того света; но только благодаря осторожности и терпению Барлоу, задававшего ей вопросы, эти откровения обретали ясную и законченную форму. Выполнение им именно этой миссии, его драгоценный дар, более чем что-либо другое, заставило его поверить, что он принадлежит к числу божьих избранников, как утверждала Мать Грейс.

– Убейте его.., убейте, – тихо бубнила она надтреснутым голосом.

– Вы уверены, что это тот самый мальчишка? – спрашивал Барлоу.

– Да.

– Это точно?

– Да.

– Как нам убить его?

Теперь лицо ее осунулось. На обычно гладкой коже появились морщины. Она была бледна, тело обмякло и стало похоже на мокрую скомканную тряпку.

– Как нам уничтожить его? – повторил вопрос Барлоу.

Ее рот был широко открыт, в горле хрипло клекотало, в уголке рта собралась слюна и медленно скатилась по подбородку.

– Преподобная Грейс! – взывал Барлоу.

Ее голос звучал слабее прежнего:

– Убейте его.., любым способом.

– Застрелить? Зарезать? Сжечь?
– Как угодно..., на ваш выбор..., только действуйте скорее.
– Как скоро?
– Время уходит. День ото дня..., он могущественнее... и неуязвимее.
– Убив его, должны ли мы совершить какой-нибудь ритуал? – вопрошал Барлоу.
– Только одно..., когда он будет мертв..., его сердце...
– Что? Что сердце?
– Надо вырвать, – сказала она голосом, в котором вдруг вновь появились металлические нотки.

- И что потом?
- Оно будет черным.
- Его сердце будет черным?
- Как уголь, и гнилым. И вы увидите...

Она приподнялась в своем кресле. По лицу катился пот. Капли испарины выступили на верхней губе. Мертвенно-белые руки дрожали на коленях, словно опаленные крылья ночной бабочки. Краски вернулись на лицо, но глаза оставались закрытыми. Слюна изо рта уже не текла, но еще блестела на подбородке.

- Что мы увидим, когда вырвем его сердце? – спросил Барлоу.
- Червей, – в голосе слышалось отвращение.
- В его сердце?
- Да. И копошащихся навозных жуков.

Апостолы о чем-то тихо переговаривались. Но это не имело значения. Теперь ничто не могло вывести ее из транса: она погрузилась в него целиком, растворилась в мире охвативших ее видений.

Подавшись вперед, упершись руками в свои жирные ляжки, Барлоу спрашивал дальше:

- Что нам надлежит делать после того, как мы вырвем его сердце?

Грейс с такой яростью принялась кусать губы, что, казалось, на них вот-вот выступит кровь. Она вздернула руки и стала перебирать ими в воздухе, словно ткала свой ответ из эфира.

Затем произнесла:

- Погрузите сердце в...
- Куда?
- В сосуд со святой водой.
- Из церкви?
- Да. Вода останется холодной..., а сердце..., будет кипеть, превратится в черный пар..., и улетучится.

- И тогда мы будем знать наверняка, что он мертв?
- Да. Мертв. Навеки мертв. Ему уже не вернуться в новом воплощении.
- Значит, у нас есть надежда? – спросил Барлоу, боясь в это поверить.
- Да, – глухо отозвалась она. – Надежда.
- Благодарение Господу, – сказал Барлоу.
- Благодарение Господу, – вторили апостолы.

Мать Грейс открыла глаза. Широко зевнула, часто заморгала и растерянно посмотрела вокруг:

- Где я? Что со мной? Меня знобит. Неужели я прозевала шестичасовые новости? Я не могу пропускать шестичасовые новости. Мне надо знать, что задумывают слуги Люцифера.
- Еще нет и двенадцати, – сказал ей Барлоу. – Шестичасовые новости еще очень не скоро.

Она уставилась на него осоловевшим, бессмысленным взглядом, которым всегда бывало отмечено возвращение из состояния глубокого транса.

- Кто ты? Я тебя знаю? Мне кажется, я не встречала тебя прежде.
- Преподобная Грейс, я – Кайл.

– Кайл? – она будто впервые слышала это имя. В глазах мелькнуло подозрение.

– Не волнуйтесь, – сказал он. – Успокойтесь и подумайте. У вас было пророческое видение. Вы сейчас все вспомните. Все вернется.

Он протянул к ней огромные огрубелые руки. Иногда, когда она приходила в себя после транса, ее охватывал такой страх и растерянность, что ей было необходимо дружеское участие. Обычно, взяв его за руки, она черпала силы из его гигантских энергетических резервуаров, и сознание возвращалось, будто ее подключали к огромному аккумулятору.

Но сегодня она отпрянула от него и нахмурилась. Вытерла влажный от слюны подбородок и озадаченно оглядела апостолов.

– Боже, как я хочу пить, – сказала она.

Один из них побежал за водой.

А она обратилась к Кайлу:

– Чего вы хотите? Зачем привели меня сюда?

– Сейчас вы все вспомните, – терпеливо увещевал ее Барлоу с ободряющей улыбкой.

– Мне не нравится это место, – произнесла она слабым, жалобным голосом.

– Это ваша церковь.

– Церковь?

– Вернее, подвал вашей церкви.

– Здесь так темно, – скулила она.

– Вы здесь в безопасности.

Она надула губы, как ребенок, и зыркнула на него исподлобья:

– Я не люблю темноты. Мне становится страшно. – Поежилась, обхватив руками плечи.

– Зачем вы затащили меня в эту темень?

Кто-то встал и включил свет.

Свечи задули.

– Церковь? – повторила она, глядя на обитые филенкой подвальные стены и проходящие под потолком балки.

Мучительно пыталась разобраться в происходящем, но все еще не могла взять в толк, что с ней и куда она попала.

Барлоу ничем не мог помочь. Порой ей требовалось минут десять, чтобы сбросить с себя оцепенение, неизменно наступавшее после путешествия в мир духов.

Она встала.

Барлоу вскочил следом, и его огромная фигура нависла над ней.

– Мне надо по нужде. Очень надо. – Лицо скривилось в гримасе, и она схватилась рукой за живот. – Где здесь можно сходить? Мне надо в туалет.

Барлоу кивнул Эдне Вановф, невысокой полной женщине, которая состояла членом тайного синедрона, и та повела Мать Грейс в туалет, расположенный в дальнем конце подвала. Старуха нетвердо ступала, и Эдне приходилось поддерживать ее, а та в недоумении озиралась по сторонам.

Громко, так, что слышно было в противоположном углу, Мать Грейс произнесла:

– О боже, я не вытерплю. У меня сейчас лопнет мочевого пузыря.

Барлоу только тяжело вздохнул и опустил на свой чересчур маленький и чересчур жесткий стул.

Для него, как и для всех апостолов, самым сложным было понять эксцентричное поведение Матери Грейс сразу после ее видений и смириться с ним. В такие минуты она совсем не походила на великого духовного пастыря.

Напротив, казалась обыкновенной, выжившей из ума старухой. Самое большее через десять минут, как это случалось всегда, к ней вернется рассудок, и она снова будет прежней, ослепительно дальновидной и проницательной женщиной, той, которая отвратила Барлоу от жизни в грехе. И тогда никто уже не усомнится в ее даре озарения, в ее могуществе и святости, никто не будет оспаривать того, что она воистину послана Небом. И хотя Барлоу уже неоднократно доводилось видеть ее в таком смятении и он знал, что это состояние

ненадолго, из-за подобных минут в душу все равно закрадывалось смущение, и он чувствовал беспокойство и растерянность.

В такие моменты он терзался сомнениями.

И за это ненавидел себя.

Он полагал, что бог намеренно подвергает Мать Грейс унижительному испытанию, навлекая на нее душевную смуту, чтобы проверить крепость веры ее последователей.

Божий промысел в том, чтобы с Матерью Грейс остались лишь самые преданные из апостолов, чтобы перед лицом грядущих тяжких дней заложить оплот крепкой церкви.

И все же всякий раз, заставляя ее в столь неподобающем обличье, Барлоу испытывал сильное потрясение.

Он окинул взглядом по-прежнему сидящих на полу членов тайного синаггиона. Вид у всех был встревоженный, и каждый шептал молитву. Он решил, что они просят бога дать им силы не усомниться в святости Матери Грейс, как усомнился в ней он. Закрыв глаза и тоже стал молиться.

Чтобы убить этого ребенка, им потребуется вся сила, вера и преданность, которые они только могли раскрыть в себе, потому что это будет непростым делом.

Он не был обыкновенным ребенком. Мать Грейс не уставала повторять это. Он сам обладает силой, вселяющей ужас, и, возможно, уничтожит их в тот самый момент, когда они осмелятся поднять на него руку. Но ради людей они должны попытаться покончить с ним.

Барлоу втайне надеялся, что Мать Грейс оставит за ним право нанести роковой удар. Пусть даже ценой собственной жизни, но он хотел бы быть тем, кто своими руками выпустит мальчишке кровь, потому что тому, кто убьет его (или даже погибнет, пытаясь убить его), уготовано место на Небесах, возле трона Господня. Барлоу был убежден, что это правда. Если он обрушит на это дьявольское отродье свою огромную физическую силу и затаенную ярость, то тем самым искупит свои преступления против невинных душ, которые он совершил в те дни, когда Мать Грейс еще не обратила его в свою веру.

Глава 11

Не прошло и двадцати минут, как Генри Рэнкин уже стоял в кабинете Чарли Гаррисона с данными из полицейского управления транспорта о номерном знаке белого фордовского фургона.

Невысокого роста, всего метр семьдесят, Рэнкин был худощав, по-спортивному подтянут и собран. У Кристины мелькнула мысль, что в свое время он мог быть жокеем.

На нем были черные туфли «Бэлли», светло-серый костюм, белая сорочка, синий галстук и синий же декоративный платок, аккуратно заправленный в нагрудный карман пиджака. Он никак не соответствовал представлению Кристины о частном сыщике.

Познакомившись с Кристиной, он протянул Чарли лист бумаги и сообщил:

– По данным транспортного управления, фургон принадлежит некой полиграфической компании, которая называется «Слово Истины».

Если вдуматься, Чарли Гаррисон тоже едва ли соответствовал стереотипному образу частного детектива. Кристина привыкла считать, что сыщик должен быть высокого роста. Конечно, Чарли нельзя было назвать коротышкой, как Рэнкина, но и в нем было не более метра восьмидесяти. Она думала, что сыщик должен быть сложен на манер шкафа, чтобы пробивать кирпичные стены. Чарли же был поджарый, и хотя вид его не оставлял сомнений в том, что он сможет за себя постоять, но крушить кирпичные стены явно было не для него. В ее воображении сыщик обладал внешностью чуточку зловещей: немного агрессивный взгляд и сурово очерченный рот с плотно сжатыми губами.

Чарли выглядел смышленным, деловым, компетентным, но никак не зловещим. Внешности не примечательной, хотя в целом симпатичный, с густыми русыми волосами, аккуратно подстриженными. Выделялись только серо-зеленые глаза, взгляд их прямой и открытый, это были глаза друга, без тени ожесточения, по крайней мере, она этого не

находила.

Несмотря на то обстоятельство, что ни Чарли, ни Рэнкин никак не походили на Магнума, или на Сэма Спэйда, или на Филиппа Марлоу, Кристина почувствовала, что пришла по верному адресу. Чарли Гаррисона отличали дружелюбие, сдержанность и искренность. Что бы он ни делал – во всех его движениях была необыкновенная естественность и самодостаточность. Его жесты были законченными и точными. Он производил впечатление компетентного человека, на которого можно положиться.

Ей казалось, что у него как у профессионала никогда не могло быть никаких провалов. С ним она чувствовала себя в безопасности.

Редко она встречала таких людей. Крайне редко. Особенно среди мужчин. В прошлом, когда она во многом зависела от мужчин, то часто, или, скорее, обычно, ошибалась в них. Но инстинкт подсказывал: Чарли Гаррисон отличается от большинства и ей не придется сожалеть, если она доверится ему.

Чарли оторвался от бумаги, которую принес Рэнкин:

– «Слово Истины»? Интересно. Есть что-нибудь на них в картотеке?

– Ничего.

Чарли взглянул на Кристину:

– Вам ни о чем не говорит это название?

– Нет.

– Вы печатаете для своей лавки гурмана рекламные проспекты, заказываете фирменную марку для канцелярских принадлежностей?

– Разумеется. Но мы обращаемся в другую компанию.

– Ладно, – сказал Чарли, – необходимо выяснить, кто владелец фирмы. Кроме того, попробуем получить список наемного персонала и будем проверять каждого.

Чарли обратился к Кристине:

– Возможно, вам потребуется поговорить об этом случае с вашей матерью, мисс Скавелло.

– Я бы предпочла этого не делать, – сказала она. – Во всяком случае, если без этого можно обойтись.

– Что ж... Хорошо. Но, возможно, в этом действительно возникнет необходимость. Пока же..., вы можете вернуться к своей работе. У нас уйдет какое-то время на то, чтобы вникнуть во все это.

– А как быть с Джоем?

– Сегодня он может побыть здесь со мной, – сказал Чарли. – Хотелось бы увидеть, что произойдет, если вы выйдете отсюда без мальчика. Поедет ли этот малый за вами или будет ждать Джоя? Кто из вас двоих ему нужен больше?

Он будет ждать Джоя, мрачно решила Кристина. Потому что Джоя он хочет убить.

Шерри Ордуэй, секретарша в приемной агентства «Клемет – Гаррисон», задумалась: не совершили ли они с Тэдом, ее мужем, в свое время ошибку. Шесть лет назад, после трех лет брака, они пришли к выводу, что не хотят иметь детей. А тут еще Тэд перенес вазэктомию. Без детей они могли позволить себе иметь дом получше и мебель побогаче, более дорогую машину, были вольны отправиться в путешествие, наслаждаться тихими вечерами, лежа на диване с книгой или в объятиях друг друга. Большинство же знакомых было связано по рукам и ногам семьями, и всякий раз, когда они видели, как чей-то ребенок дерзит или откровенно грубит, было отрадно сознавать, что у них хватило ума не обрекать себя на участь родителей. Они находили удовольствие в своей свободе, и Шерри ни разу не пожалела о том, что осталась бездетной.

До сегодняшнего дня. Отвечая на звонки, печатая письма и разбирая бумаги, она не

переставала наблюдать за Джоем Скавелло, и ей вдруг захотелось, чтобы это был ее малыш.

Он был такой милый. Сидел в приемной, утонув в кресле, и его ноги не доставали до пола. Он отвечал, когда к нему обращались, но никого не перебивал и не старался привлечь к себе внимание. Листал какие-то журналы, разглядывал картинки и что-то тихо мурлыкал «себе под нос – никогда еще она не встречала такого очаровательного ребенка.

Она закончила очередное письмо и украдкой следила за Джоем. Он между тем, самозабвенно, насупившись и прикусывая кончик языка, подтягивал и получше завязывал шнурки на кроссовках. Она как раз собралась предложить ему еще одну ириску, когда раздался этот звонок.

– «Клемет – Гаррисон», слушаю вас, – ответила Шерри.

В трубке раздался женский голос:

– Нет ли там Джоя Скавелло? Он совсем маленький, ему только шесть лет. Если он у вас, вряд ли вы не заметили его. Он такой красавчик.

От удивления – кто может сюда звонить этому малышу – Шерри немного растерялась.

– Это его бабушка, – сказала женщина. – Кристина говорила мне, что идет к вам и возьмет с собой Джоя.

– А-а, его бабушка. Ну, конечно, она сейчас здесь.

Миссис Скавелло в данный момент находится в кабинете мистера Гаррисона. Она не может подойти к телефону, но я, разумеется...

– По правде сказать, я хотела поговорить с Джоем. Он тоже у мистера Гаррисона?

– Нет, он здесь, рядом со мной.

– Вы позволите мне сказать ему пару слов? Если это не доставит вам беспокойства.

– Что вы, совсем нет...

– Я не займу вашу линию надолго.

– Конечно. Одну минуту. – Шерри отняла трубку от уха и позвала мальчика:

– Джой? Это тебя. Твоя бабушка.

– Бабушка? – На его лице отразилось изумление.

Он подошел к стойке. Шерри передала ему трубку, он сказал «алло», но больше не проронил ни слова. В оцепенении, он с такой силой сжимал в своей крохотной ладошке трубку, что костяшки пальцев, казалось, вот-вот прорвут кожицу. Он стоял и слушал с широко открытыми глазами. Кровь отлила от лица. Он готов был расплакаться. Наконец, задыхаясь и дрожа, бросил трубку.

Потрясенная, Шерри буквально подпрыгнула на своем месте:

– Джой? Что произошло?

У него дрожали губы.

– Джой?

– Это была..., она-а.

– Бабушка?

– Нет, в-ведьма-а.

– Ведьма?

– Она сказала..., она..., в-вырвет м-мне сердце.

Чарли отправил Кристину с Джоем в кабинет, а сам, закрыв за ними дверь, остался в холле, чтобы побеседовать с Шерри.

Она была совершенно растеряна.

– Мне не следовало разрешать говорить ей с Джоем.

У меня и в мыслях не было...

– Вы здесь ни при чем, – сказал Генри Рэнкин.

– Разумеется, это не ваша вина, – подтвердил Чарли.

– Что это за женщина...

– Это-то мы и постараемся выяснить, – сказал Чарли. – Я попрошу вас вспомнить этот разговор и ответить на несколько вопросов.

– Мне особенно и нечего вспомнить, разговор был коротким.

- Она представилась его бабушкой?
- Да.
- Она сказала, что она миссис Скавелло?
- Как будто, нет. Она не назвала своего имени. Но она знала, что он находится здесь, вместе с матерью, и мне и в голову не могло прийти... Я хочу сказать..., что она в самом деле была похожа на бабушку., судя по голосу.
- Поточнее, какой у нее голос? – спросил Генри.
- О боже, право, не знаю., очень любезный, – ответила Шерри.
- Она говорила с акцентом? – спросил Чарли.
- Нет.
- Будь у нее даже ярко выраженный акцент, что бы это нам дало? – спросил Генри. – Практически каждый говорит с тем или иным акцентом, хотя бы слабым.
- Даже если у нее и был акцент, я этого, во всяком случае, не заметила, – сказала Шерри.
- Вы слышали в трубке какие-нибудь посторонние звуки? – гюинтересовался Чарли.
- То есть?
- Шум, что-то в этом роде?
- Нет, ничего такого.
- Предположим, она звонила из платного автомата, с улицы. Мог быть слышен шум машин, еще что-то.
- Ничего похожего я не слышала.
- Никаких посторонних звуков, по которым можно было бы установить, откуда примерно она звонила?
- Ничего, кроме ее голоса, – сказала Шерри. – Такой приятный голос.

Глава 12

После сеанса галлюцинирования Мать Грейс отпустила всех апостолов за исключением Кайла Барлоу и Эдны Вановфф. Потом прямо из церковного подвала она позвонила в детективное агентство, куда отправилась Кристина Скавелло с Джоем, и имела разговор с мальчиком. Кайл не был уверен, что это стоило делать, но Мать Грейс ощущала удовлетворение.

– Просто убить его еще недостаточно, – сказала она. – Мы должны запугать его, лишить его воли. От мальчишки страх и отчаяние передадутся самому сатане. Мы дадим наконец понять дьяволу, что господь бог наш никогда не позволит ему править на земле свой бал, и тогда он окончательно откажется от своих коварных замыслов и блестящих надежд.

Кайлу было приятно слушать, когда она так говорила.

Внимая словам Матери Грейс, он чувствовал, что стоит у истоков важнейших событий мировой истории. До дрожи в коленях Кайл был переполнен смирением и благоговением.

Грейс повела Кайла и Эдну в дальний конец подвала, где в обитой деревянной панелью стене скрывалась потайная дверь. За ней находилась комната площадью метров сорок пять, вся заполненная оружием.

Еще на заре ее деятельности как Мессии Матери Грейс было озарение: она получила предупреждение – когда наступят Сумерки, ей следует быть готовой защищать себя не только при помощи молитвы. Она очень серьезно и буквально отнеслась к видению. Это был не единственный арсенал ее церкви.

Кайл уже неоднократно бывал здесь прежде. Ему нравились прохлада и легкий запах ружейного масла. Однако наибольшее удовлетворение доставляло сознание того, что на этих полках тихо дожидается своего часа страшное оружие разрушения, словно злой джинн в бутылке, и требуется только рука, которая открыла бы пробку.

Кайл был неравнодушен к оружию, он любил держать его в огромных ладонях, чувствуя заключенную в нем силу. Точно так слепой постигает смысл, проводя пальцем по

линиям Брэя.

Порой, когда его сон был особенно глубок и темен, ему снилось, что он обеими руками держит большой пистолет и целится в людей. Это был «магнум» девятого калибра с зияющим – точно у пушки – жерлом, и звук от выстрелов гремел раскатами, как будто ревел чудовищный ящер. И неизменно, когда Кайл ощущал отдачу после выстрела, на него накатывала волна радости.

Некоторое время его беспокоили эти ночные фантазии, потому что он склонен был относить их на счет дьявола, которого в себе так до конца и не уничтожил. Но потом до него дошло, что сновившиеся ему люди были врагами господ и что уничтожить их, пусть даже во сне, – благое дело. Кайлу ниспослано произволение божье на земле. Грейс сказала ему это.

Она подошла к полкам слева от двери, взяла коробку, открыла, достала оттуда револьвер в пластиковой упаковке и положила на стол. Это был полицейский «смит-и-вессон» калибра 0,38 дюйма с укороченным стволом, обладающий страшной ударной силой. Достала с полки еще один, вынула его из коробки и положила рядом с первым.

Эдна ВанOFF распаковала оба пистолета.

До конца дня мальчишка должен быть мертв, и уничтожат его с помощью этого оружия.

С одной из полок Мать Грейс вытащила дробовик «ремингтон» двадцатого калибра и перенесла его на стол.

Глава 13

Джой сидел за большим столом Чарли и потягивал кока-колу, которую тот ему предложил.

Кристина, как и раньше, сидела напротив в кресле для посетителей. Она была вне себя. Пару раз Чарли замечал, как она от волнения грызет ногти.

Ему было горько сознавать, что ее с Джоем настигли здесь, у него в конторе. Они пришли к нему искать помощи и защиты, однако очередной раз ими овладел страх.

Присев на край стола, Чарли обратился к Джое:

– Я понимаю, что тебе неприятно говорить об этом телефонном разговоре, но мне действительно нужно бы задать тебе несколько вопросов.

Джой посмотрел на мать:

– Я думал, мы найдем Магнума.

– Милый, ты, наверное, забыл, что Магнум на Гавайях, – ответила Кристина.

– Ну да. Черт, точно, – мальчик заметно нервничал. – Магнум наверняка помог бы нам.

Секунду Чарли не понимал, о чем это он, но потом улыбнулся, вспомнив про телевизионный сериал.

Джой припал к своему стакану, изучающе глядя поверх него на детектива. Наконец заявил:

– Думаю, вы тоже ничего.

Чарли едва сдержал смех:

– Ты не пожалеешь, что решил обратиться к нам, Джой. И все же.., что сказала тебе та женщина?

– Она сказала... «Тебе не спрятаться от меня».

В голосе мальчика слышался страх. Это не осталось незамеченным Чарли, и он сказал:

– Здесь она ошибается. Если потребуется спрятать тебя от нее, мы сумеем это сделать. Будь спокоен.; Что еще она говорила?

– Она сказала, что знает, кто я такой.

– Как по-твоему, что она имела в виду?

Мальчик окончательно был сбит с толку:

– Я не знаю.

– Что еще?

– Она сказала.., она вырвет мне сердце.

Кристина сдавленно застонала. Она встала, нервно вцепившись в сумочку:

– Думаю, мне надо..., увезти Джоя куда-нибудь.

– Возможно, – голос Чарли звучал мягко и успокаивающе. – Но не сейчас.

– Мне кажется, уже пора. Пока..., ничего не случилось. Мы можем поехать в Сан-Франциско. Или к его отцу. Я никогда не была на Карибских островах. Там ведь хорошо в это время года, верно?.

– Дайте мне по крайней мере двадцать четыре часа, – попросил Чарли.

– Ах, двадцать четыре часа? А что, если та ведьма нас сцапает? Нет. Мы должны уехать сегодня же.

– И сколько времени вы намерены скрываться? – спросил Чарли. – Неделю? Месяц? Или год?

– Две недели достаточно большой срок. За две недели вы поймаете ее.

– Это не факт.

– Тогда сколько же вам потребуется?

Он понимал и разделял тревогу Кристины и хотел быть с ней помягче, но ему вместо этого приходилось говорить начистоту.

– Совершенно очевидно, что у нее своего рода навязчивая идея в отношении Джоя, своего рода одержимость.

Джой ее заводит, если можно так выразиться. Если Джоя не будет где-то поблизости, она втянет когти. Она испарится. Мы можем никогда не найти ее, если здесь не будет Джоя, который провоцирует ее активность. Вы ведь не собираетесь остаться в отпуске навсегда?

– Так что вы предлагаете, использовать моего сына в качестве живца?

– Нет. Вы не правильно поняли. Речь не о том, чтобы отправить его прямо в пасть акуле. Он скорее будет в роли приманки.

– Это возмутительно!

– Но это единственный способ поймать ее. Если исчезнет Джой, ей не будет никакого смысла светиться. – Он подошел к Кристине и положил ей руку на плечо. – Его все время будут охранять. Он будет в безопасности.

– Черта с два он будет в безопасности.

– Я обещаю вам...

– У вас же есть номер этого фургона, – сказала она.

– Этого может оказаться недостаточно. Возможно, это ничего не даст.

– Вам известно название компании, за которой числится эта машина. «Слово Истины».

– И этого может быть мало. А если всего этого будет недостаточно, если это не даст никаких результатов, тогда следует признать, что Джой должен находиться где-то рядом, чтобы старуха рискнула обнаружить себя.

– Похоже, рисковать придется нам.

– Положитесь на меня, – мягко произнес он. – Ну же, дайте мне шанс. И если у вас появится повод – даже самый ничтожный – усомниться в нашей способности управлять ситуацией, я немедленно отправлю вас из города. Прошу вас только об одном..., не сейчас.

Она посмотрела на своего сына, который, уже отставив в сторону стакан с кока-колой, сидел на самом краешке стула, слишком для него большого. Словно осознав, что все ее страхи напрямую передаются Джою, она села и постаралась взять себя в руки.

Чарли снова обратился к мальчику. Прислонившись к столу, он сказал:

– Джой, не бойся никакой ведьмы. Я знаю, как надо обращаться с ведьмами. Предоставь это мне. Итак..., она сказала тебе, что хочет..., причинить тебе боль. Что она сказала после этого?

Мальчик потер ладонью лоб, пытаясь вспомнить:

– Не так много..., что-то про какой-то суп.

– Суп?

– Ну да. Она сказала что... Бог готовит мне какой-то страшный суп.

– Страшный суд?

– Она сказала, что отправит мне этот суп с какими-то людьми и что бог не допустит, чтобы я улизнул от нее. – Он вопросительно посмотрел на мать. – Почему бог хочет, чтобы я достался этой ведьме?

– Милый, он совсем не хочет, чтобы ты ей достался.

Она обманывала тебя. Она просто сумасшедшая. Бог здесь ни при чем.

Чарли нахмурился:

– Может статься, что косвенно к этому причастен и господь бог. Когда Генри сказал, что фургон принадлежит компании «Слово Истины», мне пришла в голову мысль, а не связано ли это с религией. «Слово Истины» можно истолковать как священное слово, Писание, то есть Библия. А что, если мы имеем дело с религиозным фанатиком?

– Или двумя фанатиками, – добавила Кристина, глядя в окно и, видимо, подумав про человека возле белого фургона.

Или больше, чем двумя, осенило Чарли.

За последние два десятилетия, когда стало модным отвергать и поносить всякие социальные институты (как будто создавались они глупцами, не ведающими, что творят), расплодилось масса всевозможных религиозных сект, которые стали энергично заполнять вакуум, образовавшийся в условиях упадка авторитета власти. И в то время, как одни представляли собой вполне добропорядочные ответвления традиционных церквей, другие преследовали низкие и корыстные цели: обогащение своих основателей, пропаганду насилия, насаждение религиозного фанатизма и истерии. Калифорния по сравнению с другими штатами всегда отличалась большей терпимостью по отношению к представителям нетрадиционных, зачастую спорных взглядов и убеждений. Именно поэтому в Калифорнии нашло прибежище большее, чем где бы то ни было, количество разнообразных сект, хороших и плохих.

И не удивительно, если одной из таких сект для каких-то эксцентричных целей вдруг потребовалась ритуальная жертва, и выбор пал на невинного шестилетнего ребенка.

Безумие? Да, но ничего удивительного в этом не было.

Чарли втайне надеялся, что в случае со Скавелло это окажется не так. Нет ничего хуже, чем иметь дело с религиозным фанатиком, вообразившим себя Мессией.

И тут, когда Чарли снова обернулся к мальчику, произошло нечто странное.

Пугающее.

На какое-то мгновение показалось, что нежная кожа ребенка стала просвечивать насквозь, а потом сделалась почти совершенно прозрачной. Невероятно, но сквозь кожу были видны кости черепа. Чарли отчетливо видел уставившиеся на него пустые темные глазницы. И в этих известняковых провалах кишели черви. Костяной оскал.

На месте носа зияли отверстые дыры. И хотя лицо Джоя оставалось на месте, оно было похоже на скелетный каркас. Смертное знамение.

Пораженный, Чарли встал и закашлялся.

Через мгновение, так же внезапно, как и появилось, видение исчезло.

Он сказал себе, что это лишь игра воображения, хотя никогда прежде ничего подобного с ним не случалось.

В желудке холодным клубком свернулся страх.

Игра воображения. Нет никаких видений. Не бывает.

Чарли не верил в сверхъестественное, в ясновидение и прочий бред. Он был здравомыслящий человек и с полным основанием полагался на свою здоровую, крепкую природу.

Отчасти для того, чтобы скрыть свое изумление и испуг, а отчасти, чтобы выбросить из головы жуткую картину, он сказал:

– Ну что же, думаю, вы можете продолжать работать.

Постарайтесь, насколько это возможно, вести себя так, как будто это был самый обыкновенный день. Я знаю – это непросто. Но вы должны продолжать жить и работать, пока мы разберемся с этим делом. Генри Рэнкин поедет с вами. Я уже договорился с ним.

– Вы хотите сказать..., он будет моим телохранителем?

– Он, конечно, не самый крупный мужчина, – ответил Чарли, – но в совершенстве владеет боевыми приемами, кроме того, он вооружен. И еще. Если бы мне пришлось выбирать из моего персонала человека, которому я мог бы доверить собственную жизнь, думаю, что выбор пал бы на Генри.

– Я не сомневаюсь в его компетентности. Но мне не особенно нужен телохранитель. То есть, я хочу сказать, этой женщине нужна не я, а Джой.

– Заполучив вас, она может выйти и на него, – сказал Чарли. – Генри едет с вами.

– А как же я? – спросил Джой. – Я сегодня пойду на занятия? – И он посмотрел на свои детские часы с Микки Маусом. – Ну вот, я уже опоздал.

– На сегодня занятия отменяются, – сказал Чарли. – Ты останешься со мной.

– Ну-у? А я буду помогать вам расследовать?

Чарли улыбнулся:

– Разумеется. Мне нужен молодой смысленный помощник.

– Вот это да! Слыхала, мам? Я буду как Магнум.

Кристина вымученно улыбнулась, и хотя улыбка была фальшивой, она придала женщине обаяния. Чарли не терпелось увидеть, когда на ее лице заиграет естественная, теплая и живая улыбка.

Кристина на прощание поцеловала Джоя, и Чарли видел, как тяжело, как мучительно было для нее в таких обстоятельствах оставить сына.

Он прошел с ней к выходу, а Джой снова принялся за кока-колу.

– Мне зайти к вам после работы? – спросила она.

– Нет. Мы привезем его к вам в магазин к..., пяти?

– Договорились.

– Оттуда вы с Джоем под охраной поедете домой. Охранники останутся у вас на ночь. И одного я, возможно, выставлю на улице, на случай, если появится кто-то подозрительный.

Чарли уже открыл дверь в приемную, как вдруг Джой окликнул мать. Она повернулась к нему.

– А собака? – сказал он, поднимаясь и выходя из-за стола.

– Завтра поищем, малыш.

За последние несколько минут страх у него, по крайней мере внешне, прошел. Но теперь его снова охватило беспокойство.

– Сегодня, – сказал он. – Ты обещала. Ты сказала, что мы возьмем новую собаку сегодня.

– Но, милый мой...

– Я хочу собаку сегодня, пока не стемнело, – печально произнес мальчик. – Мне нужно, мама, очень нужно.

– Мы можем съездить с ним за собакой вдвоем, – предложил Чарли.

– У вас есть работа, – сказала Кристина.

– Дорогая леди, здесь солидная контора, у меня есть служащие, занимающиеся текущими делами. Моя работа в настоящее время состоит в том, чтобы присматривать за Джоем, и если, отправляясь с ним за собакой, я присматриваю за ним, значит, мы едем покупать собаку. Никаких проблем. Какой зоомагазин ты предпочитаешь?

– Брэнди мы забрали из питомника для бездомных собак, – сказал Джой. – Спасли от верной смерти.

– В самом деле? – изумленно спросил Чарли.

– Ага. Там хотели его усыпить. Только это не то же самое, что спать, понимаешь? Это было..., ну, тоже вроде как спать, но только намного хуже, чем спать.

– Мы можем съездить в питомник, – сказал Чарли-Кристине.

– И спасем еще одну! – радостно воскликнул Джой.

– Если это не слишком обременительно, – согласилась Кристина.

– Что вы! Сплошное удовольствие. – Казалось, Чарли захватила такая идея.

Она взглянула на него с нескрываемой благодарностью, а он ей заговорщически подмигнул, и на этот раз она улыбнулась почти настоящей улыбкой. Чарли чуть было не поцеловал ее.

– Только не немецкую овчарку, – сказала Кристина. – Я их боюсь. И не боксера.
– Может быть, дога? – поддразнил Чарли. – Или сенбернара? А может, добермана?
– Точно! – воскликнул Джой. – Добермана!
– А как насчет свирепой восточноевропейской овчарки с трехдюймовыми клыками?
– Вы неисправимы, – сказала Кристина, но при этом улыбнулась. И это была как раз та улыбка, которой он так добивался.

– Мы возьмем хорошую собаку, – сказал Чарли. – Не волнуйтесь. Можете мне поверить.
– Пожалуй, я буду звать ее Плутон, – сказал Джой.

Чарли подозрительно покосился на него:

– Почему ты хочешь звать меня Плутоном?

Джой покатился со смеху:

– Не тебя. Новую собаку.

– Плутон, – Чарли на секунду задумался. – Что ж, звучит неплохо.

В этот момент им казалось, что мир прекрасен и в нем нет места смерти. И Чарли впервые почувствовал, что они трое каким-то образом принадлежат друг другу, что судьбы их связаны и что в будущем между ними сложатся более близкие отношения, чем те, которые устанавливаются между детективом и его клиентами. Это ощущение приятно согревало. Жаль, что так не могло продолжаться вечно.

Глава 14

На столе в комнате, где хранилось оружие, лежали два револьвера и два дробовика. Они были заряжены. Рядом стояли коробки с патронами.

Эдну ВанOFF Мать Грейс отправила с поручением, и они с Кайлом остались вдвоем.

Кайл взял дробовик:

– Я начну первым.

– Нет, – сказала Мать Грейс.

– Нет? Но ты всегда говорила мне, что позволишь...

– Убить мальчишку будет непросто.

– И что?

– Он не простой человек. В его жилах течет кровь демона.

– Это не пугает меня.

– Он должен пугать тебя. В нем могучая сила, которая прибывает с каждым днем.

– Но со мной крестная сила.

– Тем не менее. Первая попытка наверняка будет неудачной.

– Я готов принять смерть.

– Знаю, мой мальчик, знаю. Но я не имею права рисковать тобой в самом начале битвы. Слишком дорого это может стоить. Ты – мой проводник между этим миром и царством теней.

– Но я и разящий меч, – он начинал раздражаться.

– Я не сомневаюсь в твоей силе.

Она забрала у него дробовик и снова положила на стол.

Он ощутил страшную потребность что-нибудь сокрушить, разумеется, лишь настолько, насколько это угодно господу. У него больше не было нужды нести боль и страдание невинным исключительно ради удовлетворения своих инстинктов. Это время давно прошло. Он жаждал быть воином господним. И от того, что эта потребность не находила выхода, теснило грудь и сосало под ложечкой.

В нервном напряжении он ждал вечера, чтобы нанести удар.

– Я – карающий меч господя, – еще раз напомнил он.

– Наступит и твое время, – заверила она его.

– Когда?

– Когда появится реальный шанс уничтожить ребенка.

– Но если у нас не будет шанса уничтожить его сегодня вечером, зачем же охотиться за этим ублюдком? Почему бы не подождать?

– Потому что, если нам повезет, мы хотя бы причиним ему боль, возможно, раним его, – сказала Мать Грейс. – А это поколеблет его уверенность. Сейчас маленький звереныш убежден, что мы никогда не сможем серьезно навредить ему. Когда он почувствует себя уязвимым, он на самом деле станет более уязвимым. Сначала мы должны подорвать его веру в себя. Ты понимаешь?

Против воли Кайл кивнул.

– А если нам будет сопутствовать удача, – продолжала Грейс, – если с нами будет бог и нам удастся застичь дьявола врасплох, то мы, пожалуй, могли бы убить его мамашу. Тогда мальчишка останется в одиночестве. Собаки уже нет. Если устранить и мать, у него не останется никого, и его уверенность рухнет. Тогда он – совершенно беззащитен.

– Хорошо, позволь мне убить мать, – взмолился Кайл.

Она улыбнулась и покачала головой:

– Мой мальчик, когда богу будет угодно, чтобы ты стал его мечом, я дам тебе знать. До тех пор ты должен набраться терпения.

Чарли стоял у окна, держа в руках мощный бинокль со встроенной фотокамерой. Внимание его было приковано к мужчине возле белого фургона.

Неизвестный был около ста восьмидесяти сантиметров ростом, худощавый и бледный, с плотно сжатыми губами, тонким носом и густыми, темными, сросшимися на переносице бровями. Он что-то напряженно высматривал и все время беспокойно двигал руками. Одной поправлял воротник рубашки, другой приглаживал волосы, а то вдруг дергал себя за мочку уха. Или чесал подбородок, или снимал пушинку с пиджака. Снова приглаживал волосы. Его никак нельзя было принять за обыкновенного работягу, расслабляющегося в обеденный перерыв.

Чарли сделал несколько снимков.

Когда Кристина Скавелло вместе с Генри уехали на ее сером «Понтиаке», наблюдатель едва не вскочил в свой фургон, чтобы следовать за ними. Однако заколебался, растерянно посмотрел по сторонам и наконец решил оставаться на месте.

Джой стоял рядом с Чарли. Его роста едва-едва хватало, чтобы увидеть улицу.

– Он что, ждет меня?

– Похоже на то.

– Почему мы не можем выйти на улицу и застрелить его? – спросил Джой.

Чарли рассмеялся.

– Ты не можешь ходить и стрелять в кого захочется.

Во всяком случае, в Калифорнии. Может, будь это Нью-Йорк...

– Но ты же частный сыщик, – сказал Джой. – У тебя должна быть лицензия на убийства.

– Я же не Джеймс Бонд.

– Ты его знаешь? – спросил Джой.

– Я бы этого не сказал. Но я знаю его брата, – ответил Чарли.

– Ну да? Никогда не слышал, что у него есть брат.

Как его звать?

– Его зовут Государственное Право ««Государственное право» по-английски «Municipal Bond»...».

– Странное имя, – смысл шутки до Джоя не дошел.

Ему только шесть лет, напомнил себе Чарли. Иногда по его поведению ему можно было дать на несколько лет больше, а свои мысли он выражал с такой ясностью, какой едва ли можно было ожидать от дошкольника.

Мальчик еще раз посмотрел в окно. Пока Чарли делал последние снимки человека у белого фургона, он молчал, а потом произнес:

– Мне непонятно, почему мы не можем застрелить его. Если бы ему дали шанс, он бы меня застрелил.

– Ну, не думаю, что дошло бы до этого, – Чарли старался разогнать его страхи.

Однако Джой с невозмутимостью и твердостью, совершенно несвойственными его возрасту, сказал:

– Точно. Если бы он знал, что ему ничего не будет, он бы меня застрелил. Застрелил и вырвал бы мне сердце.

Вот что он сделал бы.

Пятью этажами ниже наблюдатель бледной рукой с длинными пальцами пригладил волосы.

Часть вторая НАПАДЕНИЕ

Грядет конец света?
Они слышат приближение дьявола?
Трубят трубы Страшного суда?
Им слышится голос дьявола?
Или их темные страхи преувеличены?
Или же это голоса безумных?
Те, кто боится конца света,
Должны бояться самих себя

«Книга исчислимых скорбей»

Фанатик совершает то, что, по его мнению, совершал бы Господь, если бы он знал все обстоятельства дела.

Финли Петер Дан

Глава 15

Магазин «Вина и закуски» находился в районе Ньюпорт-Бич, неподалеку от лодочного причала, разместившись в симпатичном здании довольно дорогого торгового центра. Даже по понедельникам в магазинчике бывало оживленно. В секции продовольственных товаров, большей частью колониальных, вечно толпился народ, приблизительно то же происходило и в отделе вин. Когда ни загляни в отдел кухонной утвари, там всегда находилось два-три посетителя, разглядывающих кастрюли и сковороды, иностранные автоматы для изготовления мороженого, кухонные комбайны и прочие необходимые в хозяйстве вещи. Во второй половине дня, кроме различных продуктов, вина и мелких предметов кухонного обихода, Кристина и Вэл вместе с их продавщицей Тамми успешно продали две шикарные равильольницы, дорогой комплект столовых приборов, плиту «Куизинар», красивый медный шкаф-подогреватель с тремя отделениями и кофеварку для приготовления капуччио с

богатой отделкой, которая стоила девятьсот долларов.

И хотя дела в магазине шли необычайно хорошо практически с того самого дня, как его двери впервые распахнулись для посетителей, и он начал приносить прибыль уже на третью неделю после открытия (случай для нового бизнеса неслыханный) – несмотря на все это, каждый день, слышав мелодичный звон за кассовой конторкой, Кристина по-прежнему испытывала приятное удивление.

Она не была пресыщена успехом, даже шесть с половиной лет стабильного процветания не испортили ее.

Из-за царившего в «Винах и закусках» оживления время после полудня в понедельник шло гораздо быстрее, чем Кристина могла ожидать, когда с тяжелым сердцем оставила Джоя у Чарли Гаррисона. Разумеется, она не переставала думать о выжившей из ума старухе. Несколько раз в течение дня она представляла себе обезглавленное тело Брэнди, лежащее на заднем крыльце, и тогда у нее несколько минут дрожали поджилки и пересыхало во рту.

Все это время Генри Рэнкин был рядом, помогая обслуживать покупателей, развешивая ценники на новые товары, оказывая самые разнообразные услуги, как если бы он был служащим магазина; однако украдкой он следил за клиентами, готовый наброситься на любого, от кого будет исходить угроза. Хотя Кристину и продолжал преследовать образ окровавленной собаки, и само присутствие Генри служило напоминанием об опасности, время для нее летело незаметно, а постоянная занятость помогала отвлечься.

Выручало и то, что у нее была Вэл Гарднер. Кристина обрисовала ей ситуацию, хотя и не без опаски, так как боялась, что Вэл весь день будет приставать к ней с расспросами и к пяти часам сведет с ума. Вэл, казалось, была целиком погружена в свои маленькие неприятности, непременно заявляя о том, что она «травмирована», даже по таким пустячным поводам, как подтекающий кран в ванной или спущенная петля на колготках. Она находила драматизм и даже трагизм в простуде или в сломанном ногте, хотя в действительности никогда не расстраивалась и не впадала в уныние, сталкиваясь с легкими встрясками, уготовленными ей судьбой, которые, собственно, и давали ей возможность поиграть. Ей нравилось быть героиней в своей мыльной опере, драматизировать собственную жизнь, делать ее более красочной. И если вдруг выдавался день, который не оживляла никакая «травма», она переключалась на проблемы своих друзей, воспринимая их как свои собственные. При этом она всегда действовала, исходя из самых лучших побуждений, и была порядочным, работающим и веселым человеком. И вот теперь, к некоторому удивлению Кристины, Вэл оказалась достаточно чуткой, чтобы не проявлять излишнего любопытства к истории со старухой и ее угрозами. Она молчала, но наверняка у нее чесался язык и не давали покоя тысячи вопросов.

В пять часов прибыли Чарли с Джоем, а вместе с ними два типа, которые выглядели так, словно их пригласили на пробы в очередном фильме об Эрколе Пуаро. Это были телохранители. Их обязанностью было дежурить до полуночи, после чего их должны будут сменить другие.

Одного звали Пит Локберн – курчавый блондин под сто девяносто сантиметров со значительным лицом и настороженным взглядом. Второй был симпатичный негр по имени Фрэнк Ройтер, ни в чем не уступавший Локберну, с руками, которые показались Кристине огромными. У обоих были приличные костюмы с галстуками, приятные манеры и мягкая речь, и все же их никогда не приняли бы ни за баптистских священников, ни за управляющих из рекламного агентства. По внешнему виду можно было заключить, что для поддержания себя в форме они боролись с гризли и валили дубы.

Вэл в изумлении уставилась на них, потом обратилась к Кристине с тревожным выражением на лице:

– Послушай, Крис, я, честно говоря, не придавала этой истории большого значения, пока тут не появилась твоя армия. Это что, все настолько серьезно?

– Очень серьезно, – подтвердила Кристина.

Для выполнения миссии Грейс отобрала двоих: Пэта О'Хару и Кевина Баумберга. О'Хара, рослый, начинающий полнеть двадцатичетырехлетний ирландец, был раньше католиком. Невысокого роста, коренастый, с густой черной бородой, Баумберг изменил иудейской вере, бросил семью и прибыльную ювелирную торговлю ради того, чтобы вместе с Матерью Грейс готовить мир к Сумеркам, к приходу Антихриста. Она выбрала их для этого покушения потому, что они олицетворяли два важнейших для нее принципа: универсальный характер ее учения и всемирное братство всех праведников, в чем был единственный залог отсрочки или предотвращения конца света.

В начале шестого О'Хара и Баумберг появились из церковного подвала в Анахейме с двумя мешками, в которых обычно сдают белье в прачечную. По бетонным ступеням они поднялись на асфальтированную автостоянку.

Ранний зимний вечер, заволакивающий все небо чернотой, уже прогнал остатки дневного света к западному горизонту. С моря пришли зловещие тучи, и воздух был сырой и холодный.

О'Хара с Баумбергом положили свои мешки в багажник «Крайслера», принадлежавшего церкви. В мешках лежало выбранное Матерью Грейс оружие: два дробовика, столько же револьверов и патроны к ним.

Оба молчали, напуганные, поглощенные мыслью о бренности человеческой жизни. В тишине выехали на улицу, где внезапно поднявшийся ветер шевелил ветви деревьев по обочинам и гнал по водостокам сухую листву.

Глава 16

Тамми уже заканчивала обслуживать последних клиентов. К Кристине подошел Чарли Гаррисон.

– Ничего не заметили? Кто-нибудь вел себя подозрительно?

– Нет. Все было спокойно.

– Удалось что-нибудь узнать про «Слово Истины»? – спросил его Генри Рэнкин.

– Долго рассказывать, – ответил Чарли. – Я должен отвезти Кристину с Джоем домой, убедиться, что там они будут в безопасности этой ночью. Твоя машина на улице, я пригнал ее. На переднем сиденье найдешь последнюю информацию, можешь потом почитать, чтобы быть в курсе.

– Я больше не нужен сегодня? – спросил Генри.

– Да нет.

– Мам, идем, – сказал Джой. – Пойдем к машине.

Я хочу кое-что показать тебе.

– Одну минуту, малыш.

Вэл Гарднер не обращала внимания ни на Локберна, ни на Ройтера, хотя они и были, по крайней мере внешне, именно такими мужчинами, о которых женщины могли только мечтать. Вместо этого, едва Чарли закончил разговор, она вцепилась в него, пустив в ход все свои чары.

– Всегда мечтала познакомиться с настоящим детективом, – сказала она, едва дыша. – У вас, должно быть, такая увлекательная жизнь?

– Как правило, скучная, – ответил Чарли. – Наша работа состоит в основном из бумажной рутины и слежки.

– Но время от времени... – подначивала Вэл.

– Разумеется, не обходится и без стрельбы.

– Бьюсь об заклад, что именно ради этих моментов вы и живете, – сказала Вэл.

– Никому не хочется быть пристреленным или избитым мужем, проходящим по делу о

грязном бракоразводном процессе.

– Ну-ну, не скромничайте, – говорила Вэл, помахивая перед ним пальчиком и таинственно подмигивая, как она умела делать.

Это она может, думала Кристина. Вэл была чертовски привлекательна, с пышными золотисто-каштановыми волосами, искрящимися зелеными глазами и потрясающей фигурой. Кристина по-хорошему завидовала ее роскошной внешности. Хотя Кристине неоднократно говорили о том, что она красива, она не воспринимала всерьез комплименты. В глазах своей матери она никогда не была привлекательна; в детстве та видела в ней не иначе как простушку, и хотя Кристина отдавала себе отчет в том, что у матери во всем были абсурдно высокие требования и что суждения ее не всегда справедливы или основаны на здравом смысле, у нее тем не менее сложилось убеждение, что она не более чем симпатичная женщина, в самом скромном смысле слова, которой больше к лицу роль монахини, нежели коварной соблазнительницы. Зачастую, когда Вэл надевала свои лучшие наряды и начинала с кем-то кокетничать, Кристина чувствовала себя девчонкой рядом с ней.

Вэл тем временем продолжала:

– Могу поспорить, вы тот человек, которому в жизни для остроты ощущений необходимо чуть-чуть опасности, человек, который знает, что такое опасность.

– Боюсь, вы делаете из меня романтика, – сказал Чарли.

Однако Кристина заметила, что ему приятно внимание Вэл.

Джой не отставал от нее:

– Мама, ну пойдем. Пойдем к машине. Мы взяли собаку. Просто классную. Пойдем, посмотришь.

– Из питомника? – спросила Кристина, обращаясь к Чарли и прервав заигрывания Вэл.

– Да, – ответил Чарли, – я уговаривал Джоя взять шестидесятикилограммового мастифа по кличке Убийца, но он меня не слушал.

Кристина улыбнулась.

– Пойдем посмотрим на него, мам, – уговаривал Джой. – Ну прошу тебя, – он взял ее за руку и потянул к выходу.

– Ты закроешь одна, Вэл? – спросила Кристина.

– Я не одна, у меня есть Тамми, – сказала Вэл. – Если хочешь, можешь завтра не приходить. Даже не думай об этом.

– Ну нет, – сказала Кристина. – Мне это помогает.

Я бы, наверное, сошла с ума, если бы сегодня не работала.

– Приятно было познакомиться, – сказал Чарли Вэл.

– Надеюсь, еще увидимся, – Вэл одарила его стосвечевой улыбкой.

Первыми из магазина вышли Пит Локберн и Фрэнк Ройтер, внимательно осмотрели тротуар вдоль торговых рядов и автостоянку. Их присутствие придавало Кристине уверенность, хотя она и чувствовала себя неловко, усматривая некую претенциозность в том, что, словно важная персона, шествовала в сопровождении двух наемных охранников.

Небо на востоке было темным, а у них над головами – иссиня-черным. На западе оранжево-желтым и красно-бордовым полыхало зарево заката, подсвечивая зловещий строй надвигающихся грозовых облаков. И хотя для февраля день выдался теплым, уже заметно посвежело, предвещая холодную ночь. Природа Калифорнии нередко балует теплыми зимними днями, однако на зимние ночи ее щедрости уже не хватает.

На стоянке стоял темно-зеленый «Шевроле» из агентства «Клемет – Гаррисон». Рядом был припаркован «Понтиак» Кристины. На заднем сиденье, выглядывая в окно, сидела собака, и когда Кристина увидела ее, у нее перехватило дыхание.

Это был Брэнди. Секунду-другую она стояла как в шоке, не веря своим глазам. Наконец до нее дошло, что это не Брэнди, а такой же золотистый ретривер практически того же роста, окраса и возраста, что и Брэнди.

Джой побежал вперед и открыл дверь. Пес немедленно выпрыгнул из машины и отрывисто рывкнул от удовольствия. Он обнюхал Джоя, а затем, встав на задние лапы,

положил передние ему на плечи, отчего тот чуть не свалился. Джой, заливаясь смехом, потрепал пса по загривку.

– Правда, он классный, мам? В нем что-то есть, верно?

Она посмотрела на Чарли, который радовался не меньше Джоя. Они были еще метрах в пятнадцати от машины, и Джой не мог слышать, как она сказала с явным раздражением:

– Вы не думаете, что было бы лучше, если бы вы остановили свой выбор на другой породе?

Ее тон, похоже, сбил Чарли с толку.

– Вы хотите сказать, что эта слишком крупная? Джой сказал, что она такая же, как та собака, которую..., вы потеряли.

– Она не просто такая же. Это та же самая собака.

– То есть Брэнди тоже был золотистый ретривер?

– Разве я не говорила вам этого?

– Вы ни слова не сказали о его породе.

– Джой тоже не упоминал об этом?

– Ни разу.

– Этот пес настоящий двойник Брэнди. – В ее голосе были тревожные нотки. – Не уверена, что это блестящая идея с точки зрения последствий для детской психики.

Повернувшись к ним и держа собаку за ошейник, Джой, словно подтверждая ее опасения, сказал:

– Мама, знаешь, как я хочу назвать его? Брэнди! Брэнди Второй!

– Понимаю, что вы имеете в виду, – сказал Чарли.

– Он отказывается признать гибель Брэнди, – произнесла Кристина. – Это нездоровая реакция.

В сгущавшихся сумерках зажглись фонари, озарив стоянку тускло-желтоватым светом. Кристина подошла к сыну и присела на корточки. Пес обнюхал ее, задрал морду, прикидывая, смогут ли они приноровиться друг к другу, и наконец положил лапу на ее колено, испрашивая ее заверений в том, что она собирается любить его так же, как уже любит новый хозяин.

Понимая, что уже слишком поздно возвращать собаку обратно в приемник и выбирать другую породу, сознавая, что Джой уже привязался к этому животному, Кристина решила по крайней мере настоять, чтобы он не называл пса Брэнди.

– Милый, мне кажется, лучше придумать какое-нибудь другое имя.

– Мне нравится имя Брэнди, – сказал мальчик.

– Но ведь, называя его так..., ты как бы наносишь оскорбление тому Брэнди.

– Как это?

– Ты как бы пытаешься забыть про старого Брэнди.

– Нет! – ожесточенно отрезал он. – Я не могу его забыть, – и снова на глаза навернулись слезы.

– У него должно быть свое собственное имя, – продолжала мягко настаивать Кристина.

– Но мне правда нравится имя Брэнди.

– Мы можем придумать не хуже.

– Ну ладно...

– Может быть, Принц.

– Фу, гадость. Может, тогда... Рэнди!

Она нахмурилась и покачала головой:

– Нет, дорогой. Давай какое-нибудь еще. Чтобы было совсем непохожим. Как насчет..., что-нибудь из «Звездных войн»? Разве плохо иметь собаку по кличке Чубакка?

Лицо его просияло.

– Точно! Чубакка! Это здорово!

Словно понимая, о чем идет речь, и выражая свое одобрение, пес рывкнул и лизнул Кристине руку.

– Давайте-ка посадим Чубакку в машину, – сказал Чарли. – Нам надо уезжать отсюда. Мы втроем поедем в «Шевроле», Фрэнк будет за рулем. Следом за нами на вашей машине Пит повезет Чубакку. Кстати, похоже, нам хотят составить компанию.

Кристина посмотрела в том направлении, куда он показал. В дальнем конце стоянки, наполовину залитый желтоватым светом, наполовину в тени, стоял белый фургон. Водителя не было видно за темным лобовым стеклом, но Кристина знала, что он там и наблюдает за ними.

Глава 17

Наступала ночь.

Небо затягивали грозовые облака, шедшие с запада.

Они были чернее самой ночи и, наступая, быстро затмевали собой звезды.

О'Хара с Баумбергом медленно курсировали по улице в своем фургоне, рассматривая добротные, дорогие дома, стоявшие по обе стороны. Машину вел О'Хара, и руль скользил у него в руках, потому что его прошибал холодный пот. Он знал, что сейчас был посланником бога, так сказала Мать Грейс. Он понимал: то, что он делал, было благим и праведным делом и это необходимо, и все же не мог представить себя в роли убийцы, даже если это и священная миссия. Он видел, что Баумберг чувствует то же самое, потому что бывший ювелир дышал чересчур тяжело и неровно для человека, который еще ничего не совершил. Несколько раз, когда Баумберг что-то произносил, голос его дрожал и звучал пронзительнее обычного.

У них не возникало сомнений ни в отношении их миссии, ни в отношении Матери Грейс. У обоих была глубокая вера в эту женщину, и оба готовы были исполнять то, что она приказывала. О'Хара знал, что мальчишка должен умереть, и знал почему, и верил, что так надо. Убийство этого конкретного ребенка не тревожило его. Он знал, что и Баумберг испытывает те же чувства. А нервничали и потели они просто оттого, что боялись.

Им попалось несколько домов вдоль обсаженной деревьями улицы, в которых не горел свет. Какой-то из них мог оказаться подходящим для их задачи. Но был еще ранний вечер, и многие только возвращались с работы.

Им совсем не хотелось проникнуть в чей-то дом лишь для того, чтобы потом оказаться застигнутыми врасплох каким-нибудь типом с портфелем в одной руке и свертком с ужином из китайского ресторана – в другой.

О'Хара был готов убить мальчишку, его мать и любую охрану, нанятую для их защиты, так как знал, что все они – слуги Люцифера. Грейс убедила его в этом. Но он не был готов к тому, чтобы убивать каждого невинного встречного, который мог встать на их пути. Поэтому им следовало как можно тщательнее отыскивать подходящий дом. Они искали такое жилище, где на пороге лежала бы стопка газет, высматривали переполненные почтовые ящики или другие признаки, указывающие на то, что хозяева в отлучке. Дом обязательно должен находиться в этом квартале, но была вероятность того, что не удастся найти ничего подходящего и тогда придется действовать по другому плану.

Они уже почти доехали до северного конца квартала, когда Баумберг сказал:

– Смотри. Что скажешь насчет этого дома?

Это был двухэтажный особняк в испанском колониальном стиле, выкрашенный светло-бежевой краской, наполовину скрытый за разросшимися деревьями, азалией и клумбами вероники. Свет от уличного фонаря падал на табличку, установленную рядом с ведущей к дому дорожкой. На табличке значилось название компании по торговле недвижимостью. Дом предлагался на продажу. Ни в одном из окон света не было.

– Возможно, никто не живет, – сказал Баумберг.

– Не верится в такую удачу, – отозвался О'Хара.

– Стоит проверить.

– Видимо, да.

О'Хара проехал дальше, до следующего квартала, и остановился у обочины. Прихватив сумку с эмблемой каких-то авиалиний, которую специально собрал еще в церкви, О'Хара вышел из машины. Подойдя к испанскому дому, они с Баумбергом быстро миновали обсаженную с двух сторон бегониями дорожку и оказались у ворот, ведущих в крытый дворик, где их нельзя было увидеть с улицы.

В ветвях бензоиновых деревьев и в серебристой листве вероники шелестел холодный ветер, и О'Харе казалось, что сама ночь с враждебной настороженностью наблюдает за ними. Может, какая-то демоническая сущность выследила их, и сейчас, чувствуя себя в безопасности в этом царстве теней, посланник сатаны поджидает удобного случая, чтобы наброситься на них и разорвать на куски?

Мать Грейс предупреждала, что сатана не остановится ни перед чем, чтобы сорвать их миссию. Грейс было дано видеть это. Грейс знала. Грейс изрекала истину. Грейс была сама истина.

С трепетом в сердце О'Хара вперился взглядом в непроницаемую мглу, ожидая увидеть затаившееся чудовище. Однако не увидел ничего из ряда вон выходящего.

Баумберг, отойдя от узорчатой калитки, шагнул на газон, наступив на клумбу с азалиями и бегониями с темными листьями, которые сейчас казались совершенно черными. Он заглянул в окно и тихо произнес:

– Штор нет... Думаю, и мебели никакой нет.

О'Хара подошел к другому окну, прижался лицом к стеклу и, посмотрев внутрь, отметил те же признаки запустения.

– Наконец-то! – воскликнул Баумберг.

Они нашли то, что искали.

Сбоку была еще одна калитка, она оказалась не заперта. Баумберг легонько толкнул ее, заскрипели несмазанные петли, и калитка отворилась.

– Я вернусь к машине и принесу мешки, – сказал Баумберг и растворился в темноте.

О'Хара считал, что лучше держаться вместе, но прежде, чем он успел что-то возразить, Баумберга и след простыл. В одиночку было труднее сдерживать свой страх, а страх был пищей дьявола. Страх привлекал Зверя. О'Хара прислушивался к звянящей темноте и твердил про себя, что его защита в его вере. Ничто не может причинить тебе вреда, убеждал себя он, покуда с тобой твоя вера в Грейс и в бога. Но сохранить самообладание было не просто.

Случалось, он тосковал по тем дням, предшествовавшим его обращению, когда он ничего не знал о приближении Сумерек, не ведал о том, что на землю сошел Сатана и что родился Антихрист.

Он пребывал в блаженном неведении. Все, чего он боялся, – это полицейские, тюремное заключение и рак, потому что от рака умер его старик. Теперь же в промежутке между закатом и рассветом он боялся всего, потому что именно в ночные часы дьявол чувствовал себя уверенно. Теперь его жизнь была подчинена страху, и временами бремя истины, которую открывала Мать Грейс, казалось непосильной ношей.

По-прежнему держа в руках сумку с эмблемой авиалиний, О'Хара направился к задней стороне дома, не дожидаясь Баумберга, с твердым намерением показать дьяволу, что он не робкого десятка.

Глава 18

Джой изъявил желание ехать на переднем сиденье рядом с Питом Локберном и всю дорогу до дома болтал с ним без умолку.

Кристина сидела позади них вместе с Чарли, который время от времени оглядывался назад. За ними следовал Фрэнк Ройтер на «Понтиаке» Кристины, а еще через несколько машин виднелся белый фордовский фургон, легко отличимый даже в темноте, потому что один передний фонарь у него горел ярче другого.

– Я вижу этого парня, – сказал Чарли. – Неужели он настолько глуп, что считает – мы не замечаем его? Он серьезно полагает, что ведет себя крайне осторожно?

– Может, ему наплевать на то, видим мы его или нет, – сказала Кристина. – Они ведут себя так..., бесцеремонно.

Чарли повернулся к ней и вздохнул:

– Вероятно, вы правы.

– Что вам удалось узнать об этой полиграфической компании «Слово Истины»? – спросила она.

– Как я и подозревал, «Слово Истины» печатает религиозные материалы – брошюры, памфлеты, всевозможные трактаты. Компания принадлежит так называемой Церкви Сумерек.

– Никогда не слышала о такой, – сказала Кристина. – Какая-нибудь бредовая секта?

– Насколько мне известно, именно так. Отъявленные психи.

– Должно быть, совсем небольшая группа, иначе я, вероятно, слышала бы про них.

– Небольшая, но богатая, – ответил Чарли. – Насчитывает около тысячи человек.

– Они представляют опасность?

– Не замечены ни в чем существенном. Но потенциальная опасность существует, они же – фанатики. Месяцев семь назад у нас вышла с ними неприятная встреча по одному делу. К нам обратился человек – его жена сбежала вместе с двумя детьми, трех и четырех лет, и вступила в секту. Эти чудаки отказывались сообщить, где его жена, и не позволяли увидеть детей. От полиции толку было мало, как, впрочем, всегда в подобных случаях. Все так боятся, как бы ненароком не нарушить свободы вероисповедания. Кроме того, дети ведь были не похищены, а находились вместе с матерью. Мать имеет право брать своих детей, куда ей вздумается, если только она не нарушает договора об опекуновстве в случае развода, чего в этой истории не было. Как бы то ни было, мы разыскали детей, умыкнули их и вернули отцу. С его женой мы не могли ничего поделать: она вступила в секту по собственной воле.

– Они что, живут общиной? Вроде тех из Джонстауна, несколько лет назад?

– По крайней мере часть из них. У некоторых есть собственные дома или квартиры, если только Мать Грейс позволяет им подобную привилегию.

– Кто такая Мать Грейс?

Он открыл портфель, достал конверт и фонарик-авторучку, протянул ей конверт, включил фонарик и сказал:

– Взгляните.

В конверте находился фотоснимок на глянцевой бумаге размером двадцать на двадцать пять сантиметров. Это был портрет той самой женщины, пристававшей к ним на автомобильной стоянке около торгового центра. Даже на простом черно-белом снимке глаза старухи казались зловещими, в них светилось безумие. Кристина поежилась.

Глава 19

На тыльную сторону выходили окна гостиной, кухни, примыкавшей к ней комнаты для завтрака и общей комнаты, в которую с улицы вели широкие застекленные двери. О'Хара попробовал их открыть, хотя и был совершенно уверен, что они закрыты. Так оно и оказалось.

В патио было пусто. Ни цветочных горшков, ни садовой мебели. Вода из бассейна была спущена, очевидно, перед очередной покраской.

Стоя у дверей, О'Хара посмотрел на соседний дом, расположенный севернее за почти двухметровой бетонной стеной, из-за нее был виден только второй этаж. Там было темно. Южнее, за другой стеной, был еще один дом. На втором этаже горел свет, но у окон никого не было.

С тыльной стороны участок тоже был огорожен, однако дом, примыкавший к нему, был,

судя по всему, одноэтажный. Так что его не было видно с того места, где стоял О'Хара.

Он достал фонарик и стал осторожно изучать рамы французской двери и окно. Передвигался быстро, опасаясь быть замеченным. Он искал провода, сенсорную ленту и фотоэлементы – все, что указывает на то, что в доме имеется сигнализация на случай взлома. В таком районе каждый третий дом мог находиться под охраной. Но, похоже, этот не входил в их число.

Он потушил фонарь и спрятал его в сумку, а оттуда извлек компактный, работающий на батарейках прибор размером с небольшой радиоприемник. От него отходил проводок длиной около полуметра, на конце которого крепилась присоска, напоминающая крышку от майонезной банки. Он укрепил присоску на одной из створок французской двери.

И снова его охватило жуткое чувство, что на него надвигается что-то страшное. Обернувшись, вперился взглядом в глубину окутанного мраком двора, по спине пробежал холодок. Шуршали на ветру толстые и в то же время хрупкие листья гигантского фикуса, шумели ветви двух пальм, раскачивались и трепетно вибрировали, словно живые, всевозможные кусты. Но внимание О'Хары было приковано к пустому плавательному бассейну, наводившему на него страх. Его внезапно осенило, что там, в бассейне, притаилось нечто, огромное и отвратительное, оно распласталось в этой бетонной яме и ждет, чтобы, улучив момент, сделать свой ход. Это нечто было порождением тьмы, исчадием ада, посланным с одной целью – отвратить смерть от мальчишки. Казалось, что сквозь множество производимых ветром ночных звуков он отчетливо различает идущий из бассейна зловещий, сосущий звук, и до самых костей его пробрала холодная дрожь.

О'Хара вздрогнул – это вернулся Баумберг с двумя мешками.

– Ты тоже слышишь? – спросил Баумберг.

– Да, – ответил О'Хара.

– Он там. Сам Антихрист. Или кто-то из его подручных.

– В бассейне.

Баумберг уставился на черный провал в центре лужайки. Наконец он кивнул:

– Да, я чувствую. Он там, в бассейне.

«Он может причинить нам зло, только если мы начнем сомневаться в могуществе Матери Грейс, нашей заступницы, – твердил про себя О'Хара. – Он может воспрепятствовать нам, только если мы утратим веру или позволим страху овладеть нами».

Так говорила им Мать Грейс.

О'Хара снова занялся дверьми. Присоска оставалась на том же месте – на дверном стекле. Он включил устройство, к которому была подсоединена присоска, и на нем загорелось цифровое табло. Это был детектор звуковых волн, улавливающий и реагирующий на колебания воздуха, возбуждаемые движением. Цифровой датчик ничего не показывал, это означало, что в общей комнате за стеклянными дверями нет включенных радиоприборов.

До того как Мать Грейс обратила его в свою веру, О'Хара был профессиональным взломщиком и вполне преуспевал в своем ремесле. Поскольку Мать Грейс имела пристрастие собирать паству среди самых заблудших, у ее Церкви Сумерек был доступ к таким кладезям уникальных талантов и познаний, о которых законопослушные прихожане традиционной церкви не могли и догадываться. Иногда это обстоятельство оказывалось как нельзя более кстати.

О'Хара снял присоску со стекла, выключил детектор и сунул его в сумку. Затем достал моток липкой ленты и ножницы. Нарезанную полосами ленту он приклеивал на ближнюю к ручке застекленную ячейку двери. Когда все стекло было заклеено, он крепко ударил по нему кулаком.

Стекло разбилось, не произведя большого шума, а осколки остались на ленте. Он осторожно извлек ее и отложил в сторону, затем просунул руку, нащупал ручку замка, повернул ее и открыл дверь.

Теперь практически не оставалось сомнений, что сигнализации в доме нет, следовало проверить лишь одно.

Он опустился на колени, протянул руки, взялся за край коврового покрытия и оторвал его от пола. Панели сигнализации под ним нет – обыкновенная подбивка.

Снова закрепил покрытие на полу. Они с Баумбергом вошли внутрь, неся с собой сумку и мешки.

О'Хара закрыл дверь.

Он посмотрел во двор. Все спокойно.

– Его там больше нет, – сказал Баумберг.

– Нет.

Баумберг всматривался в темноту, туда, где находилась комната для завтрака, а за ней – кухня. Наконец произнес:

– Теперь он здесь, вместе с нами.

– Да, – согласился О'Хара. Он ощущал в доме некоторое враждебное присутствие с того самого момента, как они переступили порог.

– Хорошо бы зажечь свет, – беспокоился Баумберг.

– Все знают, что в доме никого нет. Соседи могут заметить свет и вызвать полицию.

В какой-то комнате на втором этаже скрипнула половица.

До своего обращения в веру Матери Грейс, когда он воровал, прокладывая себе путь в преисподнюю, О'Хара считал бы, что скрип этот вызван обычной усадкой – один из бесчисленных и бессмысленных звуков, живущих в пустом доме, которые рождаются, когда какие-нибудь стыки расширяются или сужаются из-за повышенной или пониженной влажности. Но сегодня – он уверен – причина крылась не в усадке.

Старые друзья и кое-кто из его родни утверждали, что, примкнув к Церкви Сумерек, О'Хара превратился в настоящего параноика. Они ничего не понимали. Он только казался параноиком, потому что видел истину такой, какой она была явлена ему Матерью Грейс, а его друзья и родня были всего лишь грешниками. Он прозрел, они же оставались слепы.

Сверху снова послышался скрип.

– Наша сила в вере, – с дрожью в голосе твердил Баумберг. – Мы не должны сомневаться в этом.

– Мать дала нам опору, – добавил О'Хара.

Скрип.

– Мы выполняем работу, угодную богу, – с вызовом произнес Баумберг.

О'Хара включил фонарь, прикрыв его ладонью, чтобы их нельзя было заметить снаружи.

Они – первый О'Хара, а следом за ним Баумберг – подошли к лестнице и стали подниматься на второй этаж.

Глава 20

Пока они ехали в машине, февральская ночь за стеклами становилась все более неприветливой.

– Ее имя – Грейс Спиви, – сказал Чарли.

Кристина не могла оторвать глаз от фотографии.

Взгляд этой женщины действовал странно завораживающе и, казалось, излучал холодное сияние.

На переднем сиденье Джой с Питом Локберном обсуждали фильм «Восточное время» Стивена Спилберга, который Джой смотрел четыре раза, а Локберн, похоже, еще больше. Голос ее сына доносился до нее откуда-то издалека, с какой-то высокой горной вершины, словно она уже потеряла его.

Чарли выключил электрический фонарик.

Кристина почувствовала облегчение, когда тень легла на фотографию, разрушив ее жуткие чары. Она сунула ее обратно в конверт и вернула Чарли.

– Она – служитель культа?

– Она сама и есть культ. Главным образом, это культ одной личности. В ее религиозном учении нет ничего нового или уникального, все дело в способе подачи. Если с Грейс что-нибудь случится, последователи рассеются, а сама Церковь, очевидно, рухнет.

– Каким образом этой безумной особе удастся привлечь каких-то последователей? По мне – никакого божьего дара у нее нет.

– Однако это именно так, – ответил Чарли. – Сам я с ней не разговаривал, а вот Генри Рэнкину доводилось.

Он занимался тем делом, о котором я упоминал, – о матери, подавшей в секту вместе с двумя детьми. Он говорил мне, что Грейс, безусловно, обладает неким магнетизмом и что она чрезвычайно сильная личность. И несмотря на то что в ее учении нет ничего особенно нового, в нем есть то, что захватывает и возбуждает, как раз то, что у людей определенного склада находит самый горячий отклик.

– В чем же суть ее учения?

– Она говорит, что мир доживает последние дни.

– Но подобные заявления время от времени делает каждый бесноватый фанатик от Калифорнии до штата Мэн.

– Разумеется.

– Значит, должно быть что-то еще. Что она говорит, кроме этого?

Чарли запнулся, было видно, что ему страшно сказать ей остальное.

– Чарли?

Он вздохнул:

– Грейс говорит, что уже родился Антихрист.

– Это я тоже уже слышала. В одной секте утверждают, что Антихрист – это король испанский.

– Вот так новость.

– Другие говорят, что Антихристом будет человек, который возглавит следующее правительство в России.

– Это кажется убедительнее, чем свалить все на короля Испании.

– Я не удивлюсь, если обнаружится секта, считающая Антихристом Берта Рейнолдса, или Стивена Кинга, или Родни Дэнджерфилда.

Чарли оставался серьезным.

– Мы живем в странное время, – сказал он.

– Приближается конец тысячелетия, – объяснила Кристина. – В силу каких-то причин в такое время выплывают на свет всякие ненормальные. Считают, что так было, когда заканчивалось первое тысячелетие: появлялись самые эксцентричные секты, царил упадок нравов, и процветало насилие, которое связывают с общим предчувствием Апокалипсиса. Думаю, что и теперь нас ждет то же самое, ведь на носу двухтысячный год. Черт, неужели уже началось?

– Видимо, так.

Она догадывалась, что Чарли не сказал ей всего о догматах веры Грейс Спиви. Даже в царившем в машине полумраке она видела, что он глубоко взволнован.

– Итак? – подгоняла она.

– Грейс утверждает, что мы находимся в периоде Сумерек, как раз накануне того дня, когда сын Сатаны приберет к рукам власть на земле, чтобы установить свое тысячелетнее царство. Вы хорошо знаете Библию, особенно книги пророков?

– Когда-то все это было мне очень близко. Но то время прошло. Боюсь, что я немного помню.

– Вступайте в общество богословия. Насколько я понимаю, проповеди Грейс Спиви сводятся к тому, что, согласно Библии, царство Антихриста продлится тысячу лет, неся неопишемые страдания человечеству, после чего произойдет битва при Армагеддоне, и бог сойдет на землю, чтобы окончательно уничтожить сатану. Она заявляет, что через нее бог дает людям последний шанс избежать тысячелетнего правления дьявола. По ее словам, он

наказал ей попытаться спасти человечество, построив церковь праведников, которые и не допустят пришествия Антихриста.

– Если бы я не знала, что есть люди фанатичные, а по всей видимости, и опасные, которые верят в подобную чушь, я бы нашла это даже забавным. И как же эта банда праведников намерена сражаться со страшными силами сатаны, если, конечно, допустить существования таких сил?

– Чего я не допускаю. Но насколько мне известно, в их стратегические планы посвящены только члены Церкви. Однако, мне кажется, я догадываюсь, что у них на уме.

– И что же?

Он секунду колебался, затем произнес:

– Они намерены убить его.

– Антихриста?

– Именно.

– Не больше, не меньше?

– Похоже, они понимают, что это будет непросто.

– Еще бы! – Кристине, вопреки драматизму положения, в котором они оказались, стало смешно. – Какой же дьявол позволит убить себя? Словом, их логике недостает последовательности. Антихрист, по определению, – сверхъестественная сущность. Сверхъестественную сущность убить нельзя.

– Я знаю, что римско-католическая богословская традиция поверяет догматы с точки зрения формальной логики, – сказал Чарли. – Взять хотя бы труды Фомы Аквинского. Но мы имеем дело с аномальными типами. Это фанатики. Они не требуют друг от друга следования законам логики. – Он тяжело вздохнул. – Как бы то ни было, если согласиться с библейским изложением мифологических событий и с их трактовкой мадам Грейс, получается, что логика не так уж порочна. В конце концов, предполагается, что Иисус, сын божий, – это начало сверхъестественное, и все же он был убит римлянами.

– Это другое дело, – возразила Кристина. – Смысл легенды о Христе таков, что его миссия, цель и предназначение состояли в том, чтобы дать себя распять и тем самым избавить нас от необходимости искупления грехов.

Верно? Однако, сдается мне, Антихрист едва ли окажется таким же альтруистом.

– Вы опять рассуждаете логически. Если вы хотите понять суть учения Грейс и ее Церкви Сумерек, придется отбросить правила логики в сторону.

– Ну, хорошо. Так кто же, по ее мнению, является Антихристом?

– Когда мы вызволяли из секты тех детей, – сказал Чарли, – Грейс еще не распознала Антихриста. Она еще не нашла его. Думаю, теперь все изменилось.

– Так кто же это? – Но не успел Чарли ответить, внезапная, как молния, догадка, осенила ее.

Джой, не обращая внимания на их беседу, по-прежнему болтал с Питом Локберном.

Тем не менее Кристина перешла на шепот:

– Джой?! Боже, неужели эта безумная принимает моего мальчика за Антихриста?

– Я почти уверен в этом.

Из глубин памяти донесся исполненный ненависти голос старухи: «Он должен умереть, он должен умереть».

– Но почему он? Почему Джой? Почему она не заиклилась на ком-то другом?

– Возможно, вы сами уже ответили на этот вопрос: вы оказались в плохом месте в плохое время, – сказал Чарли. – Если бы на автомобильной стоянке у «Саут-Кост-Плаза» в прошлое воскресенье в то же время оказалась другая женщина с другим ребенком, то именно его, а не Джоя сейчас преследовала бы Грейс Спиви.

Кристина понимала, что он, очевидно, прав, но при одной мысли об этом ей делалось дурно. Тупой, жестокий, злобный бред! Что это за мир, в котором невинная поездка в торговый центр может обернуться смертной мукой?

– Но.., как же остановить ее? – спросила Кристина.

– Если она прибегнет к насильственным действиям, мы попробуем упредить их. Если это не удастся, то..., тогда мы уберем ее людей прежде, чем они коснутся Джоя. Это не повлечет за собой юридической ответственности. Вы наняли нас для своей защиты, и у нас есть законное право применить силу, если это необходимо и неизбежно, чтобы выполнить свои обязательства.

– Да нет же. Я имею в виду..., как заставить ее изменить свое решение? Как заставить ее понять, что Джой всего лишь ребенок? Как заставить ее отступить?

– Я не знаю. Думаю, что одержимость может быть свойственна не только фанатикам. По-моему, заставить ее изменить свои взгляды очень непросто, не говоря уже о том, что для нее имеет принципиальное значение.

– Но вы же говорили, что у нее тысяча последователей.

– На сегодняшний день, возможно, даже несколько больше.

– Если она будет натравливать их на Джоя, мы не сможем уничтожить всех. Рано или поздно кто-то из них найдет брешь в нашей обороне.

– Я не собираюсь наблюдать за этим, – заверил ее Чарли. – У них не будет больших шансов причинить Джую зло. Я заставлю Грейс отказаться от своего замысла.

– Каким образом?

– Пока не знаю.

Кристину снова преследовал образ гарпии с автостоянки – всклокоченные космы, выпученные глаза, грязное, в жирных пятнах платье. Ее охватило отчаяние.

– Нет такого способа, чтобы заставить ее отступить.

– Есть, – настаивал Чарли. – Я найду способ.

– Она не остановится.

– Завтра утром я встречаюсь с первоклассным психотерапевтом, доктором Дентоном Буттом. Его особенно интересуют психологические аспекты всевозможных культов.

Я поговорю с ним об этом деле и расскажу все, что нам известно о Грейс Спиви. Он может нам помочь распознать ее слабые стороны.

Кристина не была уверена, что с этим стоит связывать большие ожидания. Впрочем, в тот момент она, кажется, потеряла всякую надежду.

В машине, мчавшейся сквозь предгрозовую мглу, Чарли взял ее за руку:

– Я не подведу вас.

Впервые она поймала себя на мысли, что его обещания могут оказаться пустым звуком.

Глава 21

О'Хара и Баумберг стояли у окна просторной спальни на втором этаже пустого дома.

Они по-прежнему ощущали грозное присутствие наблюдавшей за ними дьявольской силы. Делали вид, что не замечают ее, стараясь оставаться крепкими в своей вере и решимости завершить дело, порученное им Матерью Грейс.

За окном во мгле все сильнее буйствовал ветер. Отсюда им был виден плавательный бассейн: никакое исчадие ада в бетонной впадине не таилось. Теперь не таилось.

Потому что теперь оно было здесь, в доме.

За бетонной стеной начиналось другое частное владение с лужайкой и широким одноэтажным домом типа ранчо с крышей, стилизованной под кровельную драпку. Перед домом – овальной формы бассейн с включенной подсветкой, отчего вода в нем казалась драгоценным камнем, переливавшимся сине-зелеными гранями.

Из стоявшей на полу сумки О'Хара достал бинокль ночного видения, с помощью которого при минимальном освещении можно было получить увеличенное четкое изображение. В бинокль хорошо было видно дома, примыкавшие к тыльной стороне участков, выходящих на улицу, по которой они ехали. Их фасады выходили на параллельную улицу.

– Который из них дом Скавелло? – спросил Баумберг.

О'Хара повернулся чуть правее и стал смотреть на север.

– Не тот, что сразу за этим, а через один, там, где прямоугольный бассейн и качели.

– Что-то я не вижу никаких качелей, – сказал Баумберг.

О'Хара протянул ему бинокль:

– Слева от бассейна. Детские качели и спортивная площадка.

– Через два дома отсюда, – сказал Баумберг.

– Ну да.

– Свет не горит.

– Их еще нет дома.

– Может, они и не думают приезжать.

– Приедут, – уверенно сказал О'Хара.

– А что, если нет?

– Поедем искать.

– Куда?

– Бог укажет.

Баумберг кивнул.

О'Хара вынул из мешка дробовик.

Глава 22

Уже показался их дом, когда Чарли спросил:

– Видите тот фургон?

На обочине другой стороны улицы, напротив их дома, стоял грузовичок-пикап с закрепленным на станине походным фургончиком. Самый заурядный пикап, она уже заметила его, но не придавала никакого значения. Теперь казалось, что в нем есть что-то зловещее.

– Это тоже они? – спросила Кристина.

– На сей раз это мы, – ответил Чарли. – Я поставил здесь человека, который наблюдает за проезжающими машинами. У него камера с инфракрасной пленкой, чтобы даже в полной темноте можно было установить номер. Кроме того, он может по портативному телефону при необходимости связаться с вами, со мной, а также вызвать полицию.

Зеленый «Шевроле» Пита Локберна остановился напротив дома, а Фрэнк Ройтер загнал машину Кристины на участок.

Мимо проехал следовавший за ними белый «Форд»-фургон. Они молча наблюдали, как он доехал до соседнего квартала, припарковался и погасил огни.

– Дилетанты, – презрительно сказал Пит Локберн.

– Наглые мерзавцы, – добавила Кристина.

Ройтер, оставив собаку в машине, подошел к ним.

Чарли опустил окно, чтобы поговорить с Ройтером, и попросил у Кристины ключи от дома. Она достала ключи из сумочки, и Чарли протянул их Ройтеру:

– Осмотри дом. Убедись, что никого нет.

– Будет сделано, – сказал Фрэнк и расстегнул пиджак на случай, если придется воспользоваться пистолетом, который он держал в кобуре под мышкой. Повернувшись, быстро зашагал к входной двери.

Пит вышел из «Шевроле» и встал рядом, обозревая темную улицу. Его пиджак тоже был расстегнут.

– Сейчас должны прийти плохие люди? – спросил Джой.

– Будем надеяться – нет, малыш.

На улице было много деревьев и совсем слабое освещение, так что Чарли стал беспокоиться, что им придется сидеть в машине. Он вышел, предупредив Кристину и Джоя, чтобы они оставались в машине, и встал спиной к Питу Локберну, прикрывая подход к ним с другой стороны.

Время от времени из-за угла выскакивали машины, проезжали мимо или заворачивали к какому-нибудь дому.

Всякий раз, видя горящие фары очередного автомобиля, Чарли напряжинивался, держа правую руку на рукоятке револьвера под пиджаком.

Было холодно. Он пожалел, что не захватил плащ.

На западе тускло вспыхивали зарницы. Далекий раскат грома вдруг напомнил ему о товарных составах, что проносились мимо маленького убогого домишка в Индиане, в котором он вырос и который теперь, казалось, остался где-то совсем в другом мире.

Почему-то эти поезда никогда не ассоциировались у него с представлением о свободе и избавлении, что, наверное, пришло бы в голову другим мальчишкам, окажись они на его месте. Когда он подростком лежал на узкой кровати, стараясь забыться и не думать о пьяных отцовских дебошах, шум проходящего поезда всегда напоминал ему, что он живет не по ту сторону рельсов. В перестуке колес слышался голос нищеты, нужды, страха и отчаяния.

Удивительно, с какой пугающей ясностью гром напомнил ему о тех далеких поездах. И не менее удивительно, что память о них пробудила в нем прежние детские страхи, всколыхнув давно вроде бы забытое чувство безысходности, затравленности, чувство, которое постоянно преследовало его в отроческие годы.

В этом смысле у них с Кристиной было много общего.

Его детство было отравлено физическим страданием, ее – страданием душевным. Оба они жили под чьим-то каблуком, она – выражаясь фигурально, он же – почти в буквальном смысле. Детми они испытывали чувство сродни клаустрофобии, словно их загнали в ловушку. Он посмотрел в боковое стекло и увидел обращенное к нему лицо Джоя. Он поднял вверх большой палец, показывая мальчику, что все в порядке. Джой улыбнулся и повторил его жест.

В детстве Чарли часто подвергался побоям и теперь особенно трепетно относился к детям, которые оказывались жертвами насилия. Никто не вызывал у него такого гнева, как взрослый, поднявший руку на ребенка. Преступления против незащищенных детей порождали в нем чувство омерзения и брезгливости, наполняя сердце ненавистью и горечью.

Он не позволит причинить зло Джою Скавелло.

Он не подведет этого малыша. Он не мог обмануть веры ребенка, потому что в противном случае он утратил бы веру в себя.

Прошла, казалось, вечность, пока вернулся Фрэнк. Он был насторожен, но уже более спокоен, чем прежде:

– Все чисто, мистер Гаррисон. На заднем дворе тоже никого.

Они плотно обступили Кристину с Джоом и собакой, чтобы те не могли попасть под прямой огонь ни с какой точки, и повели их к дому.

Кристина говорила, что преуспевает, но Чарли никак не ожидал увидеть такой большой, хорошо обставленный дом. В гостиной – гигантских размеров камин с резной облицовкой и дубовыми книжными полками по обе стороны. На огромном китайском ковре – радующие глаз предметы восточного и европейского антиквариата, а также высококачественные копии. У одной из стен стояла выполненная из восьми дощечек розового дерева японская ширма с тончайшей резьбой ручной работы. С обеих сторон из тщательно подобранных кусочков мыльного камня был выложен триптих с изображением водопада, моста и традиционной японской деревни.

Джой решил пойти к себе – играть с собакой, и Фрэнк Ройтер отправился с ним.

Питу Локберну Чарли предложил еще раз обойти весь дом снизу доверху и проверить, закрыты ли двери и окна, плотно ли задернуты шторы – чтобы нельзя было заглянуть снаружи.

– Я, пожалуй, посмотрю что-нибудь на ужин, – сказала Кристина. – Может, сосиски, единственное, чего здесь много.

– Можете не беспокоиться, – сказал Чарли. – В семь часов мой человек должен принести ужин из ресторана.

- Вы очень предусмотрительны.
- Будем надеяться, что это так.

Глава 23

О'Хара навел бинокль на окно на втором этаже в доме Скавелло, затем – на другое, постепенно осмотрел все.

Везде горел свет, однако шторы были плотно задернуты.

– Вдруг она вернулась одна, отправив куда-нибудь мальчишку на ночь, – высказал предположение Баумберг.

– Мальчишка дома, – сказал О'Хара.

– Откуда ты знаешь?

– Неужели ты не чувствуешь его?

Баумберг покосился на окно.

– Чувствуешь? – повторил О'Хара приглушенным и испуганным голосом.

Баумберг мучительно старался ощутить в себе то же знание, которое заставляло трепетать его партнера.

– Тьма, – говорил О'Хара. – Почувствуй тьму, исходящую от мальчишки, ужасную тьму, которая поднимается от него, как туман над морем.

Баумберг точно оголенными нервами впитывал слова О'Хары.

– Дьявол, – уже не говорил, а хрипел О'Хара. – Почувствуй его.

Баумберг прижался лбом и ладонями к холодному стеклу и вперился неподвижным взором в дом Скавелло.

И вот он на самом деле физически ощутил его, как и говорил О'Хара. Тьма, дьявол. Его сила исходила от этого дома, как от контейнера с плутонием исходит радиоактивное излучение. Дьявольский дух струился в ночи, проникал сквозь толщу стекла и поражал Баумберга, точно злокачественная энергия, не производящая ни тепла, ни света, холодная, черная и безжизненная.

Внезапно О'Хара опустил бинокль и отвернулся от окна, встав спиной к дому Скавелло, как будто не в силах превозмочь изливавшуюся оттуда дьявольскую энергию.

– Пора, – произнес Баумберг, поднимая дробовик и револьвер.

– Нет, – сказал О'Хара. – Пусть уgomонятся. Пусть успокоятся. Пусть ослабят бдительность.

– Когда же?

– Мы уйдем отсюда в.., восемь тридцать.

Глава 24

18:45. Кристина молча наблюдала за тем, как Чарли отключил в ее кабинете телефон и вместо него подключил устройство, которое он принес с собой. Это был некий гибрид телефона, автоответчика и портативного компьютера размером с атташе-кейс.

Чарли поднял трубку, и Кристина, хотя и находилась на приличном расстоянии, услышала гудки.

Он положил трубку и сказал:

– Если кто-нибудь позвонит, будем разговаривать отсюда.

– Эта штука записывает?

– Да. Но в основном она служит для определения номеров. Такая же аппаратура установлена в полицейском управлении по чрезвычайным ситуациям.

– Девятьсот одиннадцать?

– Точно. Когда вы звоните по девятьсот одиннадцать, там знают номер вашего телефона и адрес, потому что, как только они поднимают трубку, устанавливая связь с вами, эти сведения поступают к ним, – и он показал на что-то вроде ленты кассового аппарата, чистый

язычок которой выглядывал из узкого отверстия в приборе. – К нам будет поступать такая же информация о любом, кто бы сюда ни позвонил.

– Так что, если позвонит эта Грейс Спиви, у нас будет не только запись ее голоса, но и доказательство, что звонок сделан с ее телефона, или с телефона, который числится за ее Церковью, верно?

– Именно так. Вероятно, это нельзя будет использовать в суде как улику, но, если мы сможем доказать, что она угрожала Джою, делом непременно заинтересуется полиция.

19:00. Ужин прибыл минута в минуту, и от Кристины не укрылось, что Чарли про себя порадовался расторопности своего служащего.

Все вместе, впятером, они ужинали в столовой – телячье рагу, жареный цыпленок, печеный картофель, салат из свежей капусты. Чарли рассказывал забавные случаи из практики своего агентства. Джой слушал как зачарованный, хотя далеко не всегда мог понять или по достоинству оценить смысл этих историй.

Кристина наблюдала за Джоем, отчетливо, как никогда прежде, осознавая, сколько терял ее сын, не имея рядом отца или какого-то другого мужчину, которым он восхищался бы и у которого мог бы учиться.

Чубакка ел из миски в углу, потом вытянулся на полу, положив голову на лапы, поджидая Джоя. Очевидно, он жил в хорошей семье, где о нем заботились и воспитывали. Он должен был скоро привыкнуть к новым хозяевам.

Кристину все еще несколько смущало его сходство с Брэнди, но она начинала подумывать, что со временем это пройдет.

В 19:20 до того далекие редкие раскаты грома внезапно усилились. Страшный грохот расколол ночное небо, так что задрожали стекла.

От неожиданности Кристина уронила вилку. Ей на секунду показалось, что возле дома упала бомба. Осознав, что это всего-навсего гром, она почувствовала неловкость, однако достаточно было посмотреть на остальных, чтобы сказать, что и они были напуганы этим шумом.

Упали первые капли дождя.

В 19:35 Фрэнк Ройтер встал из-за стола, чтобы совершить обход, еще раз проверить все двери и окна, что до него уже проделал Пит. Дождь лил не сильно, но непрерывно.

В 19:47 Джой, поужинав, предложил Питу Локберну сыграть с ним в карты, в «старую деву», и тот согласился. Они отправились в детскую, за ними резво пошлепал и пес.

Фрэнк подвинул стул к окну в гостиной и через щелку между шторами принялся изучать поливаемую дождем улицу.

Чарли помог Кристине собрать со стола одноразовые тарелки и салфетки и отнести их на кухню, куда шум дождя, гулко стучащего по перекрытию внутреннего двора, доносился

особенно явно.

- И что дальше? – спросила она, выбрасывая тарелки в мусорный бак.
- Утро вечера мудренее.
- И что из того?

– Если старуха сегодня не позвонит и никак себя не проявит, утром я встречу с доктором Бумом, о котором уже упоминал. Он занимается неврозами и расстройствами психики на религиозной почве. Разработал несколько удачных нейтрализующих методик, направленных на реабилитацию тех, кто был подвергнут психологической обработке в подобных сектах. Ему знаком обычный ход рассуждений, характерный для всякого рода религиозных вождей, поэтому он может помочь нам найти слабое место Грейс Спиви. Кроме того, я рассчитываю встретиться с самой мадам Спиви лицом к лицу.

- Как вы думаете это устроить?
- Позвоню в Церковь Сумерек и попрошу об аудиенции.
- Полагаете, что она на самом деле вас примет?

Он пожал плечами:

- Ее может заинтриговать подобная наглость.
- Может, нам обратиться в полицию?
- А что мы им предъявим?
- У нас есть доказательства, что за нами с Джоем следят.
- Слежка – это не уголовное преступление.
- Эта Спиви звонила в ваш офис и угрожала Джою.
- У нас нет доказательств того, что это была именно Грейс Спиви. А угрозу слышал

только Джой.

- Может быть, если мы расскажем полиции эту сумасшедшую историю о том, что Джой – это Антихрист...

– Но ведь это только теория.

– Хорошо..., возможно, нам удастся найти кого-то, кто раньше состоял в секте, но вышел из нее, кто мог бы подтвердить, что эта чушь насчет Антихриста – не наши выдумки.

– Из Церкви Сумерек не выходят, – сказал Чарли.

– Что вы хотите сказать?

– Когда к нам обратились, чтобы мы вытащили из секты тех двух детей, мы первым делом подумали: надо бы выйти на какого-нибудь бывшего последователя Грейс Спиви, который потом разочаровался, он мог бы рассказать нам, где прячут детей и как лучше всего умыкнуть их оттуда. Однако нам не удалось найти ни одного человека, кто отошел бы от Церкви Спиви. Похоже, раз вступив туда, они сохраняют преданность Церкви по гроб жизни.

– Всегда найдется кто-то недовольный, разочаровавшийся...

– Только не в Церкви Сумерек.

– Что за хватка у этой безумной, что никто не может вырваться?

– Мертвая хватка, – ответил Чарли.

За окнами полыхнула такая яркая молния, что отсвет ее пробился сквозь мельчайшие щели между пластинок жалюзи.

Небо сотряс новый удар грома, на который жалобным дрожанием отозвались оконные стекла, и пуще прежнего хлынул ливень.

В 20:15, отдав последние распоряжения Локберну и Ройтеру, Чарли уехал.

Он настоял, чтобы Кристина сразу, даже не дожидаясь, пока он сойдет с крыльца, закрыла за ним дверь.

Она отодвинула занавес на ближнем к входной двери окне и смотрела, как он спешит, шлепая по темным лужам, к зеленому «Шевроле», подгоняемый мокрым ветром, среди

густых теней, которые метались в ночи, точно гарпии.

Фрэнк Ройтер попросил ее отойти от окна, и она неохотно подчинилась. Она не могла объяснить почему, но, пока она видела Чарли Гаррисона, она чувствовала себя в безопасности. Но едва она отошла от окна, как тут же стала терзаться сознанием беззащитности Джоя и своей собственной.

Однако понимала, что на Пита с Фрэнком можно положиться, они отлично подготовленные профессионалы, хотя ни один ни другой не давали ей того внутреннего ощущения надежности и спокойствия, которое она получала от Чарли.

20:20. Она вошла в комнату Джоя. Они с Питом сидели на полу и играли в «старую деву».

– Привет, мам, я выигрываю, – сказал Джой.

– Он настоящий карточный шулер, – заметил Пит. – Если об этом узнают в конторе, мне никогда не восстановить свою репутацию.

Устроившись в уголке, Чубакка с высунутым языком наблюдал за своим хозяином.

Кристина почти поверила, что Чубакка – это Брэнди, что не было никакого обезглавленного тела, что Пит с Фрэнком просто друзья дома и что это обычный мирный вечер. Почти. Но не до конца.

Она прошла в кабинет и села за стол, глядя на два задернутых шторами окна, вслушиваясь в шум дождя. Звук был такой, как будто тысячи людей монотонно и протяжно тянули церковные гимны, но так далеко, что слов было не разобрать, а слышался только мягкий и однообразный гул, сливавшийся в один страстный голос.

Она пробовала работать, но не могла сосредоточиться. Тогда взяла с полки книгу, какой-то легкий роман, но не сумела заставить себя прочесть хотя бы строчку.

Подумала, не позвонить ли матери: ей необходимо было выплакаться, но она знала, что у Эвелин едва ли найдутся для нее слова сочувствия и утешения.

Она пожалела, что нет в живых брата, что нельзя позвонить ему и попросить прийти к ней. Тони уже никогда не будет с ней. Как никогда не будет и отца, и, хотя она почти не помнила его, сейчас она тосковала о нем, как ни разу в жизни.

Если бы здесь был Чарли...

Несмотря на то что рядом Фрэнк и Пит и человек, чьего имени она не знала, наблюдал за домом из фургончика, она чувствовала себя страшно одинокой.

Тупо уставилась на стоявший на столе телефон с определителем номера, и ей захотелось, чтобы сейчас позвонила эта безумная старуха и стала угрожать Джою. По крайней мере у них была бы улика для полиции.

Но телефон молчал.

Было слышно только, как бушует за окном гроза.

В 20:40 в кабинет зашел Фрэнк Ройтер и, приветливо улыбнувшись, сказал:

– Не обращайтесь на меня внимания, просто делаю обход.

Он подошел к одному из двух окон, отшел в сторону портьеру, проверил засов, мгновение вглядывался в темноту, потом вернул портьеру в прежнее положение.

Так же как и Пит Локберн, Фрэнк снял пиджак и ходил, закатав рукава. Под левой рукой была кобура. На рукоятку пистолета упал свет и зловеще заиграл на ней.

На мгновение Кристине показалось, что в силу необъяснимой подмены реальности фантазией она очутилась в гангстерском боевике тридцатых годов.

Фрэнк отодвинул портьеру на втором окне – у него вырвался возглас изумления. Заряд, выпущенный из дробовика, был страшнее раскатов грома. Окно вылетело внутрь. Кристина подскочила на месте: на нее обрушился град окровавленных осколков. Прежде чем Фрэнк успел выхватить оружие, его сбило с ног ударной волной и отбросило назад. С грохотом упал стул. Охранник рухнул на стол прямо перед Кристиной. Лица у него больше не было. Заряд картечи превратил его в сплошное кровавое месиво. На улице выстрелили снова. С потолка посыпалась штукатурка и осколки разбитой вдребезги люстры. Настольная лампа оказалась на полу еще до того, как упал Фрэнк Ройтер. Комната погрузилась в кромешную тьму, лишь узкая полоска света пробивалась из холла через приоткрытую дверь. Изодранные картечью портьеры подхватил ворвавшийся внутрь ветер. Лохмотья развевались в воздухе, словно истлевшие похоронные одежды на трупе в балаганной «комнате смеха». Кристина отчетливо услышала чей-то крик, решила, что это Джой, но крик был женский, и тут до нее дошло, что кричит она сама. Трепало ветром ключья портьер, брызги дождя залетали в комнату. Но не только дождь норовил проникнуть внутрь. Через выбитое окно карабкался убийца Фрэнка Ройтера. Кристина бросилась бежать.

Глава 25

Кровь стучала в висках. Охваченную дрожью, с помутившимся от страха сознанием Кристину гнало обостренное чувство смертельной опасности, но двигалась она точно в кошмарном сне, не имея сил преодолеть притупившееся ощущение реальности, изменявшейся как будто в замедленном кино. Кристина кинулась в гостиную. Ее отделяли от цели буквально секунды, но казалось, что между комнатами дома пролегли сотни миль и ее паническое отступление из одной в другую заняло часы. Она была в сознании, и все же ей казалось, что она спит. Все происходило наяву и в то же время – словно в бреду.

Когда она достигла гостиной, туда только вбежали Пит Локберн и Джой. Локберн держал револьвер.

За ними с поджатым хвостом и настороженно прижатыми ушами появился Чубакка. Он громко лаял.

Из входной двери выстрелом с грохотом вышибло замок. Еще летели дверные щепки, когда второй налетчик уже возник в доме. Присев на корточки в прихожей, у входа в гостиную, он прямо перед собой держал дробовик.

Глаза были выпучены, лицо побелело – то ли от ярости, то ли от страха, или от того и другого вместе. Невысокий, плотный, с густой черной бородой, на которой блестели капли дождя, он казался заурядным обывателем, непонятно как оказавшимся в такой ситуации. Первой он заметил Кристину и навел на нее ружье.

Джой завопил.

В ушах у нее зазвенело от сотрясшего комнату грохота, она не сомневалась, что ей пришел конец. Однако оказалось, что конец пришел самому незваному гостю. На его груди проступило и разлилось страшное красное пятно.

Пит Локберн выстрелил первым. Он выстрелил еще раз.

Теперь кровь брызнула из плеча неизвестного». Дробовик выпал у него из рук, и он отпрянул. Третий заряд угодил в шею, свалив его с ног. Уже мертвого, его занесло назад, он наткнулся на столик, голова откинулась и ударила по зеркалу, оно треснуло, и наконец он рухнул окровавленной бесформенной грудой.

Джой бросился в раскрытые объятия Кристины. Она закричала Локберну:

– Там еще один! В кабинете...

Но было поздно. Убийца Фрэнка Ройтера уже был, в гостиной.

Локберн подпрыгнул, развернувшись в воздухе, но опоздал. Нападавший разрядил в него дробовик. Локберна больше не было.

Чубакка, не проводя с ними и дня, уже знал, кому принадлежит его преданное сердце. Он оскалил зубы и с глухим рычанием прыгнул на нападавшего, вонзил клыки в левую ногу и с силой сжал челюсти.

Человек закричал и, размахнувшись, ударил ретривера прикладом по голове. Пес отрывисто взвизгнул и, сразу обмякнув, распластался на полу.

– Нет! – закричал Джой, словно перед ужасом утраты второй собаки меркла смертельная опасность, нависшая над ним самим.

Явно перепуганный, незнакомец, всхлипывая от боли, не переставая причитать: «Помоги мне, господи, помоги мне, господи!» – повернул в их сторону двадцатого калибра дробовик. Кристина с удивлением отметила про себя, что, как и тот, бородатый, этот человек не производил впечатления сумасшедшего, дебила или маньяка. Лютая ненависть, управлявшая им сейчас, совсем не вязалась с его внешностью. Это был вполне обычный человек. Молод – лет двадцати с небольшим, чуть полноват, с гладкой веснушчатой кожей и рыжими волосами, мокрыми от Дождя и прилипшими ко лбу. Именно его «нормальность» пугала больше всего: если даже такие под влиянием Грейс Спиви становятся бездушными убийцами, значит, старуха в состоянии совратить каждого, а следовательно – никому нельзя доверять, потому что любого из своих рабов она может превратить в наемного палача.

Он спустил курок.

Раздался только сухой щелчок.

Он забыл, что оба ствола уже пусты.

Скуля и подвывая, как будто это над ним нависла смертельная угроза, убийца полез в карман и извлек оттуда пару патронов.

Ужас придал Кристине силы. Она схватила Джоя в охапку и побежала. Но не к входной двери, чтобы выскочить на улицу, где – она была уверена – их непременно убьют, а на лестницу, ведущую в спальню – там она оставила свою сумочку: в сумочке был пистолет. Джой судорожно вцепился в нее, но она не ощущала его веса. В нее на какое-то время вселилась нечеловеческая сила, которая помогла ей взлететь вверх по лестнице. Вдруг, уже на самом верху, она споткнулась и, едва не упав, вскрикнула, вцепившись в перила.

Однако нет худа без добра, как раз в тот момент, когда она споткнулась, неизвестный открыл огонь, дуплетом разрядив оба ствола. Картечью в щепки разнесло дубовые перила на лестничной площадке, со стены посыпалась штукатурка. Наверху звякнула разбитая люстра. Не оступись она – и сейчас бы находилась именно там.

Пока убийца в очередной раз перезаряжал стволы, Кристина кинулась в холл на втором этаже. На мгновение растерявшись, прижимая к себе Джоя, она бросалась из стороны в сторону, не зная, куда бежать. Это был ее дом, она знала его, как ни одно другое место на земле, но сегодня он был ей чужим. Стены, комнаты, освещение – все изменилось, казалось незнакомым и враждебным. Коридор, к примеру, представлялся бесконечно длинным и каким-то извилистым, как затейливый лабиринт. Она зажмурила глаза, пытаясь избавиться от вызванного паникой наваждения, затем побежала дальше и очутилась перед дверью спальни комнаты.

За спиной раздавались шаги поднимавшегося по лестнице убийцы. Прихрамывая на левую ногу, он неотступно следовал за ней.

Она влетела в комнату, захлопнула дверь, повернула щеколду и поставила Джоя на пол. Сумочка лежала на ночном столике. Только она схватила ее, тот уже подошел к двери и дернул за ручку. Пальцы не слушались: мгновение она не могла справиться с замком сумочки. Наконец он поддался, и Кристина достала пистолет.

Джой забился в угол, спрятавшись за комодом. Он весь съежился, отчего казался еще меньше.

Заряд картечи едва не разворотил дверь. Справа в ней зияла дыра. Сорванная с косяка петля пролетела через комнату, отскочила от стены и, дребезжа, упала на туалетный столик.

Сжимая пистолет обеими руками, которые предательски дрожали, Кристина подалась вперед, к двери.

Вторым выстрелом выбило замок, и дверь завалилась в комнату, держась на одной петле.

В дверном проеме возникла фигура убийцы. Молодой, рыжеволосый, он бормотал что-то нечленораздельное и, похоже, был перепуган сильнее самой Кристины. У него тоже дрожали руки. Под носом висела слюда, но он, видимо, не замечал этого.

Кристина направила на него пистолет и нажала курок.

Выстрела не последовало.

Пистолет стоял на предохранителе.

Он, похоже, не ожидал, что она будет вооружена. Опять его ружье не было заряжено. Он бросил его и вытащил из-за пояса револьвер.

Как будто со стороны она услышала собственный голос: «Нет, нет, нет, нет!», пока неумело возилась с двойным предохранителем. Наконец справилась с ним и снова нажала на спусковой крючок, и еще раз, и еще.

Никогда никакие звуки так не радовали ее слух, как эти производимые ею выстрелы, гулко ухающие в стенах ее спальни.

Пули попали в него – убийца рухнул на колени, а потом упал лицом вниз, выпустив из безжизненной руки револьвер.

Джой плакал.

Кристина осторожно приблизилась к бездыханному телу. Ковер, на котором оно лежало, пропитался кровью.

Она толкнула убитого ногой. Он был невероятно тяжелый.

Она подошла к двери и выглянула в полутемный холл.

Пол был усыпан щепками и осколками люстры. На ковре виднелись пятна крови, которые оставил убийца с прокушенной ногой, кровавый след тянулся до самой лестницы.

Она прислушалась. Внизу было тихо: ни звука, ни шороха, ни шагов.

Неужели нападавших было только двое?

Она подумала о том, сколько патронов осталось в ее пистолете. В магазине десять штук, она стреляла пять раз, значит, осталось еще пять.

Рыдания стихли, и она услышала голос Джоя:

– М-мамочка?

– Ш-ш-ш.

Они оба прислушались.

Ветер. Раскаты грома. По крыше и оконным стеклам стучит дождь.

Четверо убитых в ее доме. Эта внезапная мысль вызвала приступ тошноты. Дом показался ей зловещим кладбищем, где живым не было места.

Потревоженные ветром ветки деревьев скреблись о стену.

Внутри стояла могильная тишина.

Наконец она посмотрела на Джоя.

Он был белый, как известь. Волосы прилипли ко лбу, глаза смотрели затравленно. Он прикусил себе губу, и теперь по подбородку и дальше на шею тонкой струйкой стекала кровь. Как всегда при виде его крови, она содрогнулась. Однако эта беда была поправима и не шла в сравнение со всем, что они вынесли.

Кладбищенский покой был нарушен. С улицы доносились крики, в них не было гнева, а только страх и любопытство – это соседи наконец осмелились выйти из своих домов. В отдалении завывала сирена.

Часть третья

ПСЫ

Ни один пособник сатаны не состоит у него на содержании; силы, ему противостоящие, платят жалованье миллионам

Марк Твен

Травят, травят псами,
За пятки хватают псы,
Гонится смерть за вами,
Дух ее чувствуете вы.

«Книга исчислимых скорбей»

Глава 26

Пока полицейские занимались своими делами в доме, Кристина с Джоем сидели на кухне, в одном из немногих помещений, которое не было залито кровью.

Никогда еще Кристина не видела так много полицейских сразу. Дом был переполнен людьми в форме, детективами и экспертами в штатском. Был еще полицейский фотограф, коронер и его ассистент. Поначалу она обрадовалась прибытию представителей закона, потому что в их присутствии чувствовала себя в безопасности. Но потом ее осенило – ведь один из них вполне мог оказаться последователем Матери Грейс и членом ее Церкви Сумерек.

Эта мысль не показалась ей странной. На самом деле, рассуждая логически, можно было заключить, что для воинствующей религиозной секты, одержимой решимостью насадить свои взгляды в обществе, было бы крайне важно начать с внедрения своих людей в различные правоохранительные службы, а также с обращения в свою веру тех, кто уже работал в таких организациях. Она вспомнила полицейского Уилфорда, заново родившегося в качестве истого христианина, который неодобрительно отозвался о ее речи и манере одеваться. Это натолкнуло ее на мысль о том, не могла ли Мать Грейс сыграть роль повитухи при его «повторных родах».

Паранойя.

Однако, может быть, в сложившихся обстоятельствах некоторая доля паранойи отнюдь не являлась признаком душевного расстройства, а скорее наоборот, указывала на здоровое желание остаться в живых.

По стеклу все так же барабанил дождь, гроза за окном не унималась. Кристина внимательно наблюдала за полицейскими. Она понимала, что прожить оставшуюся жизнь, не доверяя никому, было бы крайне сложно; требовалось быть постоянно настороже, в таком напряжении, что это неминуемо привело бы к полному интеллектуальному и душевному истощению. Все равно что провести жизнь, не сходя с натянутой под куполом проволоки. Но сейчас она не могла позволить себе расслабиться, она бдила, была во всеоружии, ее мускулы стали сжатой пружиной, готовой распрямиться, чтобы поразить первого, чьи действия окажутся угрозой для Джоя.

И снова ее удивила эластичность его психики, способность восстанавливать душевное равновесие. К моменту прибытия полицейских он находился в состоянии, напоминающем шок. Он закатывал глаза и не желал или не мог говорить. Кровавое зрелище насилия и угроза смерти оставили свой отпечаток, который представлялся неизгладимым. Она понимала, что после такого переживания шрамы не затянутся никогда; с этим оставалось

только смириться. Но пугало, что душераздирающие сцены, свидетелем которых он был, вызовут у него ступор или какое-то психическое отклонение. Но постепенно он отходил, а она, стараясь подбодрить его, достала откуда-то электронную игрушку «Рас-Мап» и села играть с ним.

Издаваемая игрушкой мелодия и музыкальные сигналы, сопровождавшие игру, выделялись причудливым контрапунктом на фоне мрачной атмосферы убийства и многозначительного процесса расследования.

Выздоровлению мальчика способствовало и чудесное исцеление Чубакки после нанесенного ему одним из громил удара прикладом. После него собака потеряла сознание и у нее была рассечена кожа на голове. Однако Кристине быстро удалось остановить легкое кровотечение, прикладывая антисептики. Симптомов сотрясения мозга не было. Теперь пес выглядел почти как прежде, развалившись на полу возле Джоя, время от времени поднимал морду и наблюдал за их игрой, пытаясь сообразить, откуда исходят непонятные звуки.

Кристина уже не была так безоговорочно уверена в том, что сходство этой собаки с Брэнди небезвредно для Джоя. Чтобы побороть в его душе ужас и смятение, было необходимо что-то, напоминавшее о другом времени, беззаботном и мирном; кроме того, у него должно быть чувство преемственности, своего рода мост, по которому он без ущерба для психики преодолеет период хаоса. Чубакка, во многом благодаря своему сходству с Брэнди, помогал мальчику в этом.

Чарли Гаррисон забегал к ним на кухню каждую минуту. Он приставил к ним двух новых телохранителей. Один из них, Джордж Свартхаут, сейчас сидел на высоком стульчике возле телефона, пил кофе, наблюдал за Джоем, входящими и выходящими полицейскими, за Кристиной, которая, в свою очередь, наблюдала за полицией. Второй, Вине Филдс, был в патио, контролируя подходы к дому со стороны заднего двора. Маловероятно, чтобы люди Грейс Спиви предприняли повторную попытку покушения, когда дом кишел полисменами, но полностью игнорировать такую возможность не следовало. В конце концов, поступки в духе камикадзе были довольно популярны среди религиозных фанатиков.

Каждый раз, заходя на кухню, Чарли неизменно шутил с Джоем, играл с ним в «Рас-Мап», чесал Чубакку за ухом и делал все, что было в его силах, чтобы поднять настроение малыша и отвлечь его мысли от кровавой бойни, происшедшей в доме. Когда полицейским потребовалось допросить Кристину, Чарли отправил их в другую комнату, чтобы избавить мальчика от необходимости выслушивать страшные подробности. Они задавали вопросы и Джоем, но Чарли умело руководил допросом и свел его к минимуму. Кристина понимала, что Гаррисону нелегко сохранять невозмутимость и доброжелательность, ведь он потерял двух своих людей, которые были не просто его служащими, но и друзьями. Она испытывала благодарность к нему за то, что он ради Джоя тщательно скрывал собственное смятение, тревогу и боль.

В одиннадцать, как раз когда Джоем надоела игра, Чарли вышел на кухню, пододвинул к столу стул, сел и обратился к Кристине:

- Те чемоданы, что вы уложили утром...
- Они так и лежат в моей машине.
- Я распоряжусь, чтобы их перенесли в мою. Соберите все, что вам может еще понадобится..., скажем..., на неделю. Мы поедем, как только вы будете готовы.
- Куда мы едем?
- Я бы предпочел не говорить этого здесь. Нас могут подслушать.

Неужели и он тоже подозревал, что среди полисменов может оказаться человек Грейс Спиви? Кристина, угадав у него тот же симптом паранойи, какой обнаружила у себя самой, не могла до конца решить, стало ли ей от этого открытия лучше или наоборот.

- Мы спрячемся в каком-нибудь укрытии? – спросил Джой.
- Точно, – сказал Чарли. – Именно это мы и предпримем.

Джой нахмурил брови:

- У ведьмы есть волшебный радар. Она найдет нас.

– Только не там, куда мы собираемся ехать, – заверил Чарли. – Я попросил одного волшебника заколдовать это место, так что теперь ей не обнаружить нас.

– Да-а? – Джой весь подался вперед, как загипнотизированный. – Ты что, знаешь волшебника?

– Ну-ну, не волнуйся, он добрый малый!, – сказал Чарли. – Он не увлекается черной магией или чем-то в этом роде.

– Ну, конечно, – сказал мальчик, – не станет же частный сыщик работать со злым волшебником.

У Кристины накопилась куча вопросов, но она решила, что задавать их при Джое будет неразумно, потому что это может разрушить его и без того хрупкое душевное равновесие. Она поднялась наверх, где под присмотром коронера выносили тело рыжеволосого убийцы, и собрала еще один чемодан.

Спустившись в детскую, уложила вещи Джоя, постояла в нерешительности и стала складывать в отдельную сумку его любимые игрушки.

Ее охватило тревожное предчувствие: что, если она никогда больше не увидит этот дом?

Кровать Джоя, плакаты на тему «Звездных войн» на стене, коллекция пластиковых роботов и космических кораблей – все эти вещи она видела словно сквозь дымку, как будто все они были не реальными предметами, а запечатленными на фотоснимке. Дотронулась до спинки кровати, провела ладонью по прохладной поверхности ученической доски, стоящей в углу комнаты, – она осязала эти предметы и все же больше не воспринимала их как реальность. Пустота. Холодное, не предвещающее ничего хорошего ощущение пустоты.

«Нет, – подумала она. – Я вернусь. Я обязательно вернусь».

Первым в зеленый «Шевроле» отправили Чубакку.

Потом вышли они, одетые в плащи, в сопровождении Чарли и его людей. Очутившись под холодным дождем, Кристина зябко поежилась.

На улице толпились репортеры, съемочные группы, стояла машина передвижной радиостанции службы новостей. Как только показались Кристина и Джой, заработали вспышки мощных фотокамер, репортеры, расталкивая друг друга, бросились занимать выгодные позиции.

Все загалдели одновременно:

– Миссис Скавелло...

– ..прошу вас, минуточку...

– ..только один вопрос...

Она пыталась укрыться от слепящего глаза света.

– ..кто хочет убить вас и...

– ..замешаны ли здесь наркотики...

Она продолжала идти, крепко держа Джоя за руку.

– ..вы можете...

Толпа вокруг ошетилилась микрофонами.

– ..можете ли вы сказать...

– ..будете ли вы...

Вспышки фотокамер то и дело выхватывали из калейдоскопа чужих незнакомых лиц какое-нибудь одно, в жутком освещении казавшееся неестественно бледным.

– ..скажите, что вы чувствуете, пройдя... – Она узнала ведущего десятичасовых новостей с лос-анжелесского кабельного канала.

– ..скажите...

– ..что...

– ..каким образом...

– ..почему...

– ..террористы или кто бы это ни был?

Дождь заливал за воротник плаща.

Джой судорожно сжимал ее руку. Он боялся этих людей.

Ей хотелось крикнуть, чтобы они убирались, чтобы они заткнулись.

Они обступали их все теснее.

Кристине казалось, что она отбивается от своры голодных псов.

Затем среди этой сутолоки и гомона замаячило одно лицо, незнакомое и неприветливое. Это было лицо мужчины пятидесяти с лишним лет с седеющими волосами и густыми бровями. В руках у него был револьвер.

– Нет!

У Кристины перехватило дыхание, страшная тяжесть сдавила грудь.

Неужели снова?! Так быстро?! Они не осмелятся на убийство на глазах у стольких свидетелей! Это сумасшествие!

Чарли заметил оружие и оттолкнул Кристину с Джоем в сторону. В то же самое мгновение какая-то женщина-репортер тоже увидела пистолет в руке у неизвестного и попыталась его выбить, но только получила пулю в бедро.

Сумасшествие.

Кто-то завопил, что-то кричали полицейские, потом все, как по команде, упали на мокрую землю, все, кроме Кристины с Джоем, которые опрометью неслись к зеленому «Шевроле», увлекаемые с обеих сторон Винсом Филдсом и Джорджем Свартхаутом. Они находились в каких-нибудь шести метрах от машины, как вдруг Кристина ощутила резкий толчок в спину и боль пронзила ее левый бок. Она поняла, что ранена, однако даже не оступилась на скользкой от дождя дорожке, а продолжала бежать вперед, хватая ртом воздух. Сердце колотилось так, что каждый удар отдавался мучительной болью. Она не выпускала руку Джоя, не оглядывалась назад, не имея понятия, преследуют ли их, только слышала за спиной выстрелы, а потом чей-то крик: «Давайте сюда «Скорую»!»

Она подумала: может, это Чарли пристрелил убийцу?

Или наоборот – застрелили Чарли?

Эта мысль чуть не заставила ее остановиться, но они уже были у самой машины.

Джордж Свартхаут распахнул заднюю дверь и втолкнул их внутрь, где заливался лаем Чубакка.

Винс Филдс бежал к дверце водителя, чтобы сесть за руль.

– На пол! – закричал Свартхаут. – Лежать!

А потом возник Чарли, который навалился на них, закрывая собой точно щитом.

Взревел мотор, и машина с визгом рванула с места, унося их прочь от этого дома, в ночную мглу, в проливной дождь, в незнакомый мир, который, оказись это даже далекая планета в чужой галактике, все равно не мог быть столь непримиримо враждебен к ним, как тот, что они оставляли за собой.

Глава 27

Кайла Барлоу охватывала дрожь от одной мысли, что он должен сообщить новость Матери Грейс, хотя он предполагал, что ей уже было видение и она все знает.

Он вошел в здание церкви и какое-то время стоял, широкими плечами почти перекрывая дверной проем между нортексом и нефом. Гигантский бронзовый крест над алтарем, витражи с изображением библейских сцен, благостный покой и сладкий аромат фимиама – все это придавало ему силы.

На скамье во втором ряду слева сидела Грейс. Она была одна. Если она и слышала, как вошел Барлоу, то не подала виду. Ее взор был устремлен на крест.

По проходу между рядами Барлоу подошел к ней и опустился на скамью рядом. Грейс

шептала молитву. Он подождал, пока она смолкнет, потом сказал:

- Вторая попытка тоже провалилась.
- Мне это известно.
- Что же теперь?
- Будем следовать за ними по пятам.
- Но где?

– Повсюду, – сначала она говорила тихо, едва слышно, почти шепотом, но постепенно голос становился громче, обретая мощь и убежденность, пока зловещее эхо его не покатилося под мрачными сводами нефа. – Они нигде не найдут ни покоя, ни убежища. Они не дождутся от нас пощады. Мы будем безжалостны и неумолимы, бдительны и тверды. Мы будем псами. Гончими псами Всевышнего.

Будем хватать их за пятки, прыгать, впиваться зубами в глотки и валить их на землю. Так будет. Рано или поздно, здесь ли, там ли, когда господь того пожелает, мы сокрушим их. Я это знаю.

Пока говорила, она неотрывно смотрела на крест, а теперь повернулась к нему, и, как всегда, взгляд ее серых выцветших глаз пронзил его насквозь.

- Что я должен делать? – спросил он.
- Сейчас ступай домой и ложись спать, чтобы к утру быть готовым.
- Разве сегодня вечером мы не будем устраивать облаву?
- Сначала их надо найти.
- Как?
- Бог наставит нас. А теперь ступай. Спать.

Голос снова упал до пронзительного шепота, и в нем чувствовалось измождение.

– Милый мальчик, я не могу уснуть. Я сплю не больше часа. Потом просыпаюсь, и мне являются видения – с откровениями ангелов, гонцами из царства теней, с тревогой, страхами и надеждой, с короткими прозрениями земли обетованной, с ужасным бременем, возложенным на меня господом. – Она вытерла рукой губы. – Как бы я хотела уснуть! Я жажду сна, жажду утолить все невзгоды и тревоги! Но он так изменил мою природу, чтобы я в течение всего этого кризиса обходилась без сна. Я не могу уснуть, пока это не будет угодно господу. По неведомой мне причине ему угодно, чтобы я бодрствовала, он настаивает на этом, давая мне силы обходиться без сна, он держит меня в напряжении, почти невыносимом напряжении. – Ее голос дрожал, и Барлоу показалось, что дрожь эта вызвана одновременно благоговением и страхом. – Я также скажу тебе, милый Кайл, служить орудием господней воли – это восхитительно и страшно, это опьяняет и изнуряет.

Она достала из сумочки носовой платок и высморкалась. Вдруг она заметила, что платок весь в омерзительных буро-желтых пятнах засохшей слизи.

– Взгляни, – сказала она, показывая ему носовой платок, – это чудовищно. А ведь я была такая опрятная женщина. Такая чистоplotная. Мой муж – царство ему небесное – всегда говорил, что у нас дома чище, чем в операционной палате. Я очень ревностно следила за тем, как я выпляжу, хорошо одевалась. И у меня никогда не было таких отталкивающих носовых платков, никогда, до того как господь наградил меня этим Даром, одновременно избавив от многих мелких человеческих забот. – На серые глаза навернулись слезы. – Иногда.., мне становится жутко.., да, я благодарна господу за его Дар мне.., благодарна за то, что обрела.., но мне делается жутко из-за того, что я потеряла...

Ему хотелось бы понять, что она чувствует в качестве исполнителя божьей воли, но его разуму было неподвластно постичь то состояние души, в котором она пребывала, или проникнуть в природу нечеловеческой силы, управляющей ею. Он не находил что сказать и был подавлен оттого, что не мог утешить ее.

- Ступай домой спать, – сказала она. – Возможно, завтра мы уничтожим ребенка.

Глава 28

В машине, мчавшейся по мокрым от дождя улицам, Чарли решительно настоял на том, чтобы осмотреть рану Кристины, невзирая на ее заверения, что рана пустяковая.

С чувством облегчения он обнаружил, что она права: пуля лишь задела ее, оставив небольшой, сантиметров пять, след над левым бедром. Это скорее был ожог, причиненный горячим металлом, нежели пулевое ранение. Пуля не вошла в тело, и крови было немного. Тем не менее они заехали в ночной магазин и купили спирт, йод и бинты, а Чарли обработал рану, пока Вине выруливал на дорогу.

Машина кружила по темным улицам, поливаемым дождем, разворачивалась, петляла, как ночная бабочка, порхающая на одном месте из-за боязни, что в любом другом ее прихлопнут или раздавят.

Они предприняли все мыслимые меры предосторожности, пока не убедились, что их не преследуют, и лишь около часа ночи прибыли в Лагуна-Бич, в то самое безопасное место, о котором говорил Чарли. Это был небольшой коттедж, почти бунгало, с видом на океан. Он расположился в середине довольно длинной улицы. С виду несколько старомодный, постройки сорокалетней давности, он содержался в образцовом порядке – решетчатая веранда, узорчатые ставни, стена, до самой крыши увитая бугенвиллеей. В доме было две спальни и ванная. Он принадлежал тетке Генри Рэнкина, которая сейчас отдыхала в Мексике, и о нем ни Грейс Спиви, ни кто-либо другой из ее Церкви пронюхать не могли.

Чарли жалел, что они не приехали сюда раньше, что он позволил Кристине с Джоем вернуться домой. Разумеется, он не мог предположить, что Грейс Спиви возьмется за дело так быстро и решительно. Убить собаку – это одно, а пачками отправлять вооруженных дробовиками убийц на кровавые акции в тихом жилом пригороде.., увольте.

Но кому могло прийти в голову, что старуха окажется настолько безумна. Он потерял двух своих людей, двух друзей. На душе у него скребли кошки: он мучительно переживал утрату и не мог простить себе их гибели. Он знал Пита Локберна девять лет, Фрэнка Ройтера – шесть и любил их обоих. И хотя понимал, что его вины нет, корил себя, моментами доходя чуть не до грани самоубийства.

Не желая еще больше травмировать Кристину, он изо всех сил старался скрывать свою горечь и ярость. Она пребывала в смятении и, похоже, готова была взвалить ответственность за эти убийства на себя. Он пытался убедить ее: и Фрэнк, и Пит знали, что идут на рискованное дело; не обратись она в «Клемент – Гаррисон», сейчас в морг везли бы ее и Джоя, так что она правильно сделала, придя к ним. Однако, несмотря на его доводы, она не могла избавиться от чувства вины.

Моросил косой дождь, окрестные холмы окутывала ночная тишина. Джой уснул в машине, и Чарли перенес его в дом. Он положил его на кровать в хозяйской спальне. Мальчик даже не пошевелился, а лишь что-то невнятно пробормотал и тяжело вздохнул. Вместе с Кристиной они раздели его и укрыли одеялом.

– Может, ничего, если он сегодня не будет чистить зубы? – озабоченно сказала Кристина.

Чарли не смог подавить улыбку, и Кристина, заметив это, подумала о нелепой иронии судьбы: ребенок трижды чудом избежал смерти, а ты все равно беспокоишься о состоянии его зубов.

Она покраснела:

– Думаю, раз бог избавил его от пуль, он избавит его и от кариеса, верно?

– Не сомневаюсь в этом.

Чубакка свернулся клубком возле кровати и сладко зевнул. День для него тоже выдался нелегкий. В дверях появилась фигура Винса Филдса.

– Какие будут указания, босс? – спросил он.

Снова вспомнив Пита и Фрэнка, Чарли на мгновение растерялся. Он отправил их на линию огня. Не хотелось бы отправлять Винса туда же. Разумеется, это нелепо. Не мог же он сказать Винсу, чтобы он спрятался в платяном шкафу, потому что там безопасно. Работа Винса в том и состояла, чтобы быть на линии огня; и Вине это знал, знал это и Чарли, а оба

они понимали, что дело Чарли отдавать приказы, независимо от того, какими будут последствия.

Так чего же он ждет? Человек или сознательно идет на риск, поступая на эту работу, или у него кишка тонка.

Он откашлялся:

– Вине, ты должен быть здесь. Вот на этом стуле, у постели.

Вине послушно сел.

Чарли проводил Кристину на кухню, маленькую и опрятную. Джордж Свартхаут уже приготовил кофе в большом кофейнике.

Чарли отправил Джорджа в гостиную наблюдать за улицей, а сам налил кофе себе и Кристине.

– Мириам, тетка Генри, любительница коньяка. Хотите капельку с кофе?

– Неплохая идея, – сказала Кристина. Чарли достал из буфета возле холодильника бутылку коньяка и добавил в кофе.

Они сели напротив друг друга за маленький стол у окна, выходящего в мокрый от дождя сад, где сейчас не было видно ничего, кроме окутывающей его густой тьмы, – Как ваша рана? – поинтересовался Чарли.

– Пустяки, саднит – не более. Скажите, что же дальше? Полиция будет проводить аресты?

– Они не имеют права. Все нападавшие мертвы.

– Но женщина, пославшая их, жива. Она соучастник покушения. Она заговорщица и виновна не меньше других.

– У нас нет доказательств, что их направила Грейс Спиви.

– Но если все трое состояли членами ее Церкви...

– За это можно было бы зацепиться. Вопрос в том, как доказать, что они были членами Церкви.

– Можно допросить их знакомых, родственников.

– Это полиция наверняка сделает., если только найдет их знакомых или родственников.

– Что вы хотите сказать?

– Ни один из трех не имел при себе никаких документов. Ни бумажников, ни кредитных карточек, ни водительских прав – ничего.

– Отпечатки пальцев. Их личность можно установить по отпечаткам пальцев.

– Разумеется, полиция попробует и этот вариант. Однако если эти люди не служили в армии, не привлекались к уголовной ответственности и никогда не работали в какой-нибудь службе безопасности, где имеют отпечатки пальцев каждого сотрудника, если ничего этого в их послужном списке нет, то их отпечатков просто не будет ни в одном досье.

– Выводит, мы можем так никогда и не узнать, кто они?

– Возможно и такое. А коль скоро мы не знаем, кто они, то не можем доказать и их связь с Грейс Спиви.

Она была озадачена. Потягивая кофе с коньяком, мучительно соображала, какое звено они могли упустить из виду, пытаясь установить связь между убийцами и Церковью Сумерек. Чарли знал, что она попусту теряет время, что Грейс Спиви чрезвычайно осторожна, однако он хотел, чтобы Кристина сама пришла к такому выводу.

Наконец она спросила его:

– Тот человек, что напал на нас возле дома..., это не тот, который был в белом фургоне?

– Нет. В бинокль я видел другого.

– Но вдруг он был в этом фургоне, возможно, как пассажир. Вдруг фургон еще там, дальше по улице?

– Нет. Полиция уже искала его. Нигде по соседству белый фургон обнаружен не был. Как не обнаружено вообще никакой ниточки, которая могла бы вывести на компанию «Слово Истины» или на Церковь Сумерек.

– А их оружие?

– Его проверяют. Но я подозреваю, что оно приобретено нелегально, и не вижу, как можно установить личность владельца.

Она досадливо поморщилась:

– Но ведь мы знаем, что Грейс Спиви угрожала Джою, нам известно, что кто-то из ее людей преследовал нас.

Неужели после того, что случилось прошлым вечером, у полиции нет достаточных оснований, чтобы по крайней мере допросить ее?

– Они так и сделают.

– Когда они это сделают?

– Немедленно! Если они уже не допросили ее. Но она будет все отрицать.

– За ней будет установлено наблюдение?

– Нет. Да это и неразумно. Можно наблюдать за ней, но невозможно следить за каждым членом ее Церкви.

У полиции просто нет такого количества людей. Кроме того, это неконституционно.

– Значит, мы не продвинулись ни на шаг, – мрачно заключила Кристина.

– Нет. Если и не сразу, то через какое-то время трое безымянных, или их оружие, или снимки человека с белым фургоном непременно выведут нас на Грейс Спиви!

Это живые люди. Они имеют обыкновение упускать из виду мелочи, совершать ошибки, и мы воспользуемся этим. Им не избежать новых ошибок, и рано или поздно у нас будет достаточно оснований, чтобы привлечь их к ответу.

– А пока что?

– Пока вы с Джоем затаитесь.

– Здесь?

– Временно здесь.

– Они найдут нас.

– Нет.

– Найдут, – повторила она с мрачной убежденностью.

– Ваше местонахождение неизвестно даже полиции.

– Но ваши люди знают.

– Мои люди на вашей стороне.

Она кивнула. Но он видел, что ее что-то тревожит.

Что-то, в чем она боялась признаться, но и не могла утаить.

– Что с вами? О чем вы думаете? – настойчиво спросил Чарли.

– Что, если предположить, что кто-то из ваших людей принадлежит к Церкви Сумерек?

Вопрос вызвал у него замешательство. Он лично подбирал своих людей, доверял им и дорожил ими.

– Это невозможно.

– Как бы там ни было, но вашему агентству уже приходилось сталкиваться с мадам Спиви. Вы вызволили из секты двух маленьких детей, вырвав их из рук Матери.

Меня бы не удивило, если бы после этого Грейс из предосторожности внедрила кого-нибудь в вашу организацию.

Она могла обратить в свою веру одного из ваших сотрудников.

– Нет. Это невозможно. Когда она попыталась установить контакт с одним из них, он немедленно доложил мне.

– Им может оказаться кто-то из новых сотрудников, кто состоял в последователях Спиви еще до своего прихода. Вы нанимали кого-нибудь после операции с детьми?

– Несколько человек. Но наши служащие проходят тщательную проверку, прежде чем мы принимаем их на работу.

– Свою принадлежность к Церкви можно утаить.

– Это довольно сложно.

– Я заметила, вы больше не употребляете слово «невозможно».

Ему сделалось не по себе. Он привык полагать, что всегда все тщательно продумывал,

предусматривая любую неожиданность. Но такая мысль не приходила ему в голову, главным образом потому, что слишком хорошо он знал своих людей, чтобы подозревать, что кто-то из них по слабоволю мог вступить в секту психопатов. Однако людей трудно понять до конца, особенно в наши дни, когда они удивляют вас лишь тем, что перестают удивлять.

Он отхлебнул кофе и сказал:

– Я поручу Генри Рэнкину заново проверить каждого, кто пришел к нам после дела Спиви. Если мы что-то упустили, Генри докопается до истины. Он знает в этом толк.

– Вы уверены, что ему можно доверять?

– Боже правый, Кристина, ведь он мне как брат!

– Не зарекайтесь. Вспомните историю Каина и Авеля.

– Послушайте, Кристина, немного подозрительности, немного мании преследования – это не помешает. Я не против, даже наоборот. Это придаст вам осторожности.

Но вы заходите слишком далеко. Необходимо хотя бы кому-то доверять. Вы же не можете заниматься этим делом в одиночку.

Она кивнула и задумчиво уставилась на недопитую чашку кофе.

– Вы правы. И с моей стороны не очень благородно рассуждать о том, можно ли доверять вашим людям, когда двое из них из-за меня поплатились собственной жизнью.

– Они погибли не из-за вас, – возразил Чарли.

– Именно из-за меня.

– Они просто...

– Погибли из-за меня.

Он вздохнул и больше ничего не сказал. Она была слишком эмоциональна, чтобы не чувствовать себя до некоторой степени виноватой в смерти Пита Локберна и Фрэнка Ройтера. Ей придется пережить это, так же, как и ему.

– Ну, хорошо, – сказала она. – Пока мы с Джоем залегли здесь, что будете делать вы?

– Прежде чем уехать из вашего дома, я позвонил в церковь.

– В ее церковь?

– Да. Ее самой не было. Но я попросил ее секретаршу договориться с ней о встрече на завтра. Она обещала позвонить Генри Рэнкину и сообщить ему, когда мне надлежит явиться.

– Отправляетесь ко льву в пасть?

– Все это не настолько драматично или опасно.

– Что вам даст разговор с ней?

– Пока не знаю. Но, по-моему, будет логично сделать такой ход.

Она заерзала на стуле, взяла в руку чашку с кофе и, не притронувшись к ней, поставила обратно на стол, затем нервно прикусила верхнюю губу и наконец произнесла:

– Боюсь, что...

– Что?

– Что если вы пойдете к ней..., она выведает у вас, где мы прячемся...

– Я не настолько глуп.

– Но она может использовать наркотики или прибегнуть к пыткам.

– Поверьте, Кристина, я способен постоять за себя и контролировать действия этой старухи и ее безумной своры.

Она посмотрела на него долгим испытующим взглядом.

У нее были чертовски красивые глаза.

Наконец она сказала:

– Да, вы способны. Вы способны контролировать их.

Я вам очень доверяю, Чарли Гаррисон. Это..., инстинктивное чувство. Мне спокойно с вами. Я знаю – вы толковый малый. Я не сомневаюсь в вас. Честное слово. Но все равно – я боюсь.

В 01:30 человек из «Клемет – Гаррисон» пригнал серый «Мерседес» Чарли к дому в Лагуна-Бич. В 02:05 он устало посмотрел на часы и сказал:

– Что ж, похоже, мне пора, – и подошел к раковине, чтобы ополоснуть чашку.

Он поставил чашку в сушилку и повернулся. Она стояла у окна рядом с дверью, глядя в сад, обхватив плечи руками.

Он подошел к ней:

– Кристина?

Она обернулась и посмотрела на него.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

У нее стучали зубы.

Повинуясь безотчетному побуждению, он взял ее за плечи. Она без тени смущения прижалась к нему и положила голову на плечо. Потом она обвила вокруг него руки, и они застыли, прижавшись друг к другу. Никогда ему не было так хорошо, как теперь, когда он обнимал ее. Он чувствовал у себя на щеке ее волосы, ее руки лежали на его спине, они были словно одно целое, ему передавалось ее тепло, он вдыхал ее запах. В этом объятии скрывалось пронзительное наслаждение неизведанного ранее, но Давно желанного переживания и одновременно ровное безмятежное чувство давно возникшей общности. Было трудно поверить, что не прошло еще и дня, как он знает ее. Ему казалось – он давно мечтал о ней, и это было правдой, просто до того, как увидеть ее, он не знал, что Долгие годы мечтал именно о ней.

Теперь он мог бы поцеловать ее. Он чувствовал потребность увидеть ее лицо обращенным к нему и прижаться губами к ее губам, и он знал, что она ответит ему. Но он не мог позволить себе большего, чем только стоять, обняв ее, потому что инстинктивно ощущал, что время не подходило для изъяснения такого глубокого чувства, которое страстный поцелуй предполагает. Сейчас поцелуй был бы воспринят ею отчасти как реакция на сковывающий ее страх, отчасти как желание ответить на ее неистовую потребность обрести в ком-то опору. Он же мечтал, что впервые поцелует ее, влекомый только любовью и желанием.

Он хотел, чтобы их отношения начались именно с этого.

Когда он отпустил ее, она казалась смущенной. Застенчиво улыбнувшись, сказала:

– Прошу прощения. Совсем не предполагала, что так расклеюсь. Я знаю – я должна быть сильной. В моей ситуации не остается места для слабости.

– Вздор, – мягко сказал он. – Мне самому хотелось обнять вас.

– В самом деле?

– Каждому иногда бывает нужен плюшевый мишка.

Она улыбнулась.

Ему страшно не хотелось оставлять ее. Всю дорогу к машине, пока ветер трепал полы его плаща, он думал о том, что хочет вернуться к ней, хочет сказать ей, что между ними произошло нечто особенное, что не случается так быстро, если только это не кино, а реальная жизнь. Он хотел сказать ей это сейчас, пусть даже время было неподходящим, потому что, несмотря на все его ободряющие слова, он не мог знать наверняка, справится ли с Грейс Спиви и с ее ненормальной командой, и потому, что существовала – пусть ничтожная – вероятность того, что он никогда больше не увидит Кристину Скавелло.

Он жил в районе Норт-Тустин-Хиллз и был на полпути к дому, проезжая по пустынному шоссе Ирвин, когда события последних часов, мысли о Фрэнке Ройтере и Пите Локберне одолели его и у него внезапно перехватило дыхание. Пришлось съехать на обочину и остановиться.

По одну сторону шоссе росли апельсиновые рощи, по другую тянулись поля клубники,

и повсюду стояла кромешная тьма. На дороге в это время никого не было. Откинувшись на сиденье, он смотрел на усеянное брызгами дождя лобовое стекло, на котором струйки воды, переливаясь бликами вторично отраженного света фар, создавали приделанные, недолговечные узоры, тут же смываемые монотонно работающими «дворниками». Сознание того, что человеческая жизнь может быть смыта, стерта так же внезапно, как рисунки на стекле, – сознание этого обескураживало и угнетало. По лицу его текли слезы.

За все время существования агентства «Клемент – Гаррисон» лишь один его сотрудник погиб во время исполнения служебных обязанностей. Он попал в автомобильную катастрофу в рабочее время, хотя это и не было напрямую связано с его службой и могло случиться в любой другой момент. Были и такие, в которых стреляли, стреляли большей частью бывшие мужья, продолжавшие отравлять жизнь женам, невзирая на постановление суда о разводе.

Случалось, что и избивали. Но до сих пор, слава богу, обходилось без жертв. В частном сыске насилия и опасностей много меньше, чем привыкли видеть теле- и кинозрители. Разумеется, зачастую с вами могут обойтись грубо, а вы в свою очередь ведете себя грубо с кем-то другим; насилие всегда потенциально присутствует, но реализуется этот потенциал весьма редко.

Чарли не опасался за свою жизнь, он опасался за жизнь своих людей, тех, кто работал на него и зависел от него. И, возможно, взявшись за этот случай, он тем самым втянул их в нехорошее дело, не имея на то морального права. Не выходило ли так, что, подписав контракт с Кристиной Скавелло о ее охране, он подписал смертный приговор себе и своим помощникам? Кто знает, чего можно ожидать от религиозных фанатиков? Кто знает, на что они могут решиться?

С другой стороны, все работавшие с ним знали, на что шли, даже если, как правило, и рассчитывали на большее, чем в данном случае, везение. А что это было бы за детективное агентство, что это были бы за детективы, отступись они от первого встретившегося им настоящему сложного и опасного дела? И он не мог отказаться от слова, данного им Кристине Скавелло. Кем он предстанет в собственных глазах, если оставит ее беззащитной? К тому же для него становилось все более очевидным, что он влюблен в нее, и он не мог, да и не хотел бороться со своим чувством.

Несмотря на шум дождя и мерный перестук «дворников» на стекле, казалось, что по ту сторону запотевших от гнущей влажности окон машины разлита слишком тяжелая, невыносимая тишина. Ночи не доставало значимых звуков, те, что наполняли ее, были беспорядочными, случайными звуками грозы, и сама их случайность наталкивала на мысль о разверзшейся бездне хаоса, где, собственно, и протекает жизнь – и его и всех остальных. Думать об этом сейчас не хотелось.

Он выехал на дорогу, выжал газ и, подняв, фонтан брызг, помчался вперед.

Глава 29

Кристина не надеялась, что сможет заснуть. Она вытянулась на постели рядом со спавшим мертвым сном Джоем, рассчитывая просто отдохнуть, лежа с закрытыми глазами, пока он не проснется. Но ее мгновенно сморило.

Среди ночи она проснулась и поняла, что дождь перестал. Стояла звенящая тишина.

В углу мягким теплым светом горела настольная лампа под перламутровым абажуром. Джордж Свартхаут сидел на стуле и читал журнал. Она хотела заговорить с ним, но не было сил не только встать, но даже открыть рот. Закрыла глаза, и ее снова унесло в темноту.

Проспав всего четыре с половиной часа, она окончательно проснулась. Голова гудела, еще не было и семи, Джой тихо посапывал. Она оставила его под присмотром Джорджа, а сама отправилась в ванную. Встала под душ и неожиданно вздрогнула, когда горячая вода попала на еще не зажившую рану, причинив саднящую боль.

Вытершись насухо и сменив повязку, она уже одевалась, как вдруг сердце замерло: с Джоем что-то случилось, в этот самый момент, какая-то страшная беда, она почувствовала

неладное. Ей даже показалось, что сквозь шум кондиционера в ванной до нее донесся его крик. Боже, только не это! Сейчас там в спальне какой-нибудь маньяк, из тех, что потрясают Библией, убивает его, рубит на куски. Сердце екнуло, по телу побежали мурашки – несмотря на гул кондиционера, она могла поклясться, что слышит другой звук, как будто глухие удары дубинкой. Они, должно быть, избивают его, режут и избивают; крик застрял у нее в горле – она знала, знала: Джой мертв – боже! – и в безумной панике, застегнув «молнию» на джинсах и не успев заправить блузку, босиком, с развевающимися прядями мокрых волос бросилась вон из ванной.

Все это было не больше чем ее воображение.

С мальчиком ничего не случилось.

Он уже не спал, а сидел на постели и как замороженный слушал сказку о волшебном попугае и сиамском короле, которую рассказывал Джордж.

Беспокоясь, что ее мать узнает о случившемся по радио или прочитает в газетах, Кристина решила позвонить ей, но позже об этом пожалела. Эвелин внимательно выслушала, изобразила приличествующее случаю потрясение, но вместо того, чтобы выразить сочувствие, устроила форменный допрос, чем удивила и разозлила Кристину.

– Что ты сделала этим людям? – хотела знать Эвелин.

– Каким людям?

– Этим, из Церкви.

– Мама, я ничего не сделала этим людям. Это они хотят что-то сделать с нами. Разве ты не слышала, что я тебе говорила?

– Без всякой причины они не стали бы этого делать, – сказала Эвелин.

– Это сумасшедшие, мама.

– Не могут же все быть сумасшедшими, целая Церковь народу одновременно.

– К сожалению, это так. Это плохие люди, мама, очень плохие.

– Не могут же все сразу быть плохими. Тем более такие религиозные люди, как эти. Не будут же они преследовать вас ради простого удовольствия.

– Я уже говорила тебе, почему они преследуют нас.

Они вбили себе в голову, что Джой...

– Это ты мне говорила, – прервала Эвелин. – Но дело, должно быть, не в этом. Поверь мне, должно быть что-то другое. Ты, очевидно, сделала что-то такое, что вызвало их гнев. Но даже если допустить, что ты прогневала их, я уверена – они не хотят никого убивать.

– Мама, я же сказала тебе – у них было оружие, погибли люди...

– Значит, это были люди не из этой Церкви, – сказала Эвелин. – Ты все перепутала. Это кто-то другой.

– Мама, я ничего не перепутала. Я...

– Служители Церкви не носят оружия, Кристина.

– Служители этой Церкви носят оружие.

– Это кто-то другой, – настаивала Эвелин.

– Но ведь...

– У тебя всегда было предвзятое отношение к религии, – сказала Эвелин. – Предвзятое отношение к церкви.

– Мама, у меня нет никакого предубеждения против...

– Именно поэтому ты с такой готовностью обвиняешь во всем верующих, тогда как очевидно, что это не их рук дело, а может, каких-нибудь политических террористов, из тех, что вечно мелькают в новостях, или ты сама впуталась куда не следует. Кристина, признайся, ты в чем-то замешана? Это связано с наркотиками? Как показывают по телевизору, из-за них все вечно стреляют друг в друга. Ответь мне, Кристина!

Ей показалось, что из глубины доносится монотонное тиканье дедушкиных часов. Внезапно ей стало трудно дышать.

Разговор продолжался в том же духе, пока Кристине не надоело. Сказала, что ей надо уходить, и повесила трубку, прежде чем на другом конце успели что-то возразить.

Мать даже не сказала: «Я люблю тебя», – или «Будь осторожна», или «Я сделаю для вас все, что смогу».

Точно у нее и не было матери. Что до отношений между ними, то их действительно не было.

В половине восьмого Кристина приготовила всем завтрак. Вскоре снова пошел дождь.

Это нельзя было назвать утром: серый, тусклый свет и низкие, мрачные тучи – разверзшиеся хляби небесные.

Туман висел клочьями, и было ясно, что без солнца он уже не рассеется и к вечеру окутает землю сплошной непроглядной пеленой. Стояла пора, когда ураганы, приходящие с Тихого океана, беспощадной грядой обрушиваются на побережье Калифорнии, терзая прибрежные районы до тех пор, пока ручьи и водоемы не вспучатся и не выйдут из берегов, а на холмах не возникнут оползни, увлекая на дно каньонов жилые дома. Похоже, именно такая цепь ураганов и надвигалась сейчас на них.

При мысли о наступающей полосе долгого ненастья угроза, исходящая от Церкви Сумерек, казалась еще более зловещей. С приходом зимних дождей улицы затопляли потоки воды, автострады были запружены транспортом настолько, что возникали гигантские пробки, движение парализовывало. Калифорния словно сжималась, отступая перед горами, которые, стягиваясь к побережью, все больше сужали живую полосу земли, отделяющую их от океана. В разгар сезона дождей в Калифорнии витал призрак клаустрофобии, об этом нельзя было прочитать в туристических проспектах, этого нельзя было увидеть на почтовых открытках. В такую погоду Кристина всегда чувствовала себя попавшей в западню, даже если ее и не преследовала хорошо вооруженная армия маньяков.

Кристина отнесла яичницу с беконом Винсу Филдсу, дежурившему у входной двери, и поинтересовалась:

– Вы оба, должно быть, устали. Сколько времени вы можете не спать?

Поблагодарив ее за завтрак, Филдс взглянул на часы и сказал:

– Нам осталось около часа. Новая команда прибудет к десяти.

Разумеется. Новая команда. Свежая смена. Этого следовало ожидать, но она не хотела об этом думать. Она уже привыкла к Винсу и Джорджу и доверяла им. Окажись один из них членом Церкви Сумерек, ее с Джоем уже не было бы в живых. Она не хотела, чтобы они уходили, но они не могли стоять на посту вечно. Глупо было с ее стороны не понимать этого.

Теперь приходилось думать о тех, кто придет им на смену, ведь среди них мог оказаться тот, кто с потрохами проданся Грейс Спиви.

Она вернулась на кухню. Джой и Джордж Свартхаут завтракали за полукруглым сосновым столиком, за которым могло разместиться только три человека. Она села, но аппетит уже пропал. Поковыряв вилкой в тарелке, она сказала:

– Джордж, а следующая смена охраны...

– Скоро будет здесь, – сказал он, заедая яичницу поджаренным хлебом.

– А вам известно, кого Чарли..., мистер Гаррисон пришлет к нам?

– Их имена?

– Да, имена.

– Нет. Там несколько ребят. Кто-то из них. А что?

Она не могла объяснить почему, но ей было бы спокойнее, если бы она знала их имена. Кристина была незнакома с персоналом агентства, и фамилии вряд ли что-нибудь сказали бы

ей, ведь по ним не определить, является тот или другой лазутчиком Грейс Спиви или нет. Это было неразумно.

– Если вы знаете кого-то из наших и хотите, чтобы они дежурили здесь, вам надо сообщить об этом мистеру Гаррисону, – сказал Джордж.

– Нет-нет. Я ни с кем не знакома. Просто..., впрочем... это неважно.

Джой, почувствовав причину ее страха, перестал дразнить Чубакку кусочком бекона и положил маленькую ладошку Кристине на руку, как бы стараясь подбодрить ее, подражая манере, которую успел подметить в Чарли.

– Не расстраивайся, мам, – сказал он. – Они будут хорошие ребята. Чарли присылает только хороших ребят.

– Самых лучших, – согласился Джордж.

Обернувшись к Джорджу, Джой попросил:

– Слушай, расскажи маме про говорящего жирафа и про принцессу, у которой не было лошади.

– Сомневаюсь, что твоя мама любит такие истории, – улыбаясь, сказал Джордж.

– Тогда расскажи еще раз мне, – не унимался Джой. – Пожалуйста.

Пока Джордж рассказывал сказку, скорее всего своего собственного сочинения, Кристина задумчиво смотрела в окно: где-то там, сквозь дождь уже ехали два очередных охранника из агентства Чарли, и у нее почти не оставалось сомнений, что один из них окажется последователем этой гадины Спиви.

Паранойя. Она понимала, что отчасти ее проблема чисто психологического характера. Чарли предупреждал ее, чтобы она не порола горячку. Ни Джою, ни ей самой не станет легче, если она начнет шарахаться от собственной тени. Все дело в проклятой, мерзкой погоде, обрушившейся на них, в бесконечном дожде и в окутывающем, будто саваном, тумане. Ей казалось, что она в западне, что она задыхается, – ее воображение вырабатывало свои ресурсы.

Она понимала все.

Но это уже не имело значения.

Она не могла рассеять свой страх уговорами. Она знала: произойдет нечто страшное, когда два этих новых человека будут здесь.

Глава 30

Во вторник в восемь часов утра Чарли встретился с Генри Рэнкином у Церкви Сумерек, строгого здания в испанском колониальном стиле с витражами в окнах, красной черепичной крышей, двумя звонницами и широким лестничным маршем, ведущим к шести массивным дубовым дверям, украшенным ручной резьбой. Лил дождь, и потоки воды устремлялись вниз по лестнице на потрескавшийся, разбитый тротуар, образуя грязные лужи.

Церковь давно не штукатурили, а двери нуждались в покраске, от здания веяло ветхостью и запущенностью, что, впрочем, вполне гармонировало с окрестными кварталами, десятилетия пребывавшими в полном упадке. Когда-то церковь принадлежала пресвитерианской общине, которая впоследствии оставила ее, переехав чуть дальше к северу, в район, где велось новое строительство и не было такого обилия заброшенных магазинов, порнографических салонов, прогоревших ресторанов и закусовых, разваливающихся домов.

– Неважно выглядишь, – сказал Генри. Он стоял на тротуаре, у самых ступеней, под большим черным зонтом.

Когда Чарли под таким же зонтом подошел к нему, на лице Рэнкина появилось озабоченное выражение.

– Не спал до половины четвертого, – объяснил Чарльз свой помятый вид.

– Я хотел назначить встречу попозже, – сказал Генри, – но это единственное время, когда она готова принять нас.

– Ничего страшного. Будь у меня больше времени, я просто валялся бы в постели,

глазая в потолок. Полиция допрашивала ее прошлым вечером?

Генри кивнул:

– С утра я разговаривал с лейтенантом Кареллой. Они побывали у мадам Спиви – она все отрицала.

– И они поверили ей?

– У них есть подозрения, хотя бы потому, что уже имели дело с такого рода сектами.

Каждый раз, когда проезжала машина, из-под колес слышался как будто змеиный шорох.

– Удалось ли установить личности троих убитых?

– Пока нет. Что касается оружия, номера значились в составе груза, два года назад отправленного одним Нью-Йоркским оптовиком в розничную сеть на Юго-Западе.

До места назначения груз так и не дошел. Похищен по дороге. Так что это оружие было приобретено на черном рынке. Ни продавца, ни покупателя установить невозможно.

– Они ловко заматают следы, – заметил Чарли.

Пора было идти. Чарли не очень-то рассчитывал на эту встречу. У него не хватало терпения выслушивать язык психопатического бреда, на котором зачастую изъяснялись такого рода сектанты. Кроме того, после вчерашнего возможно все, что угодно: такие не остановятся перед убийством даже у себя дома.

Он оглянулся и посмотрел на свою машину. За рулем сидел Картер Рилбек. Он должен ждать их в течение получаса и в случае, если они не выйдут, прислать подмогу.

Под пиджаками у Чарли и Генри были револьверы.

Дом священника располагался слева от церкви, в глубине неухоженного дворика между двумя коралловыми деревьями, которые давно никто не подрезал. Перед домом рос запущенный кустарник. Как и само здание церкви, дом священника нуждался в ремонте. Чарли подумал: раз конец света для тебя вопрос решенный, то уже не очень заботишься о таких мелочах, как уход за садом или покраска дома Половицы на террасе скрипели, а дверной звонок издал тонкий, дребезжащий звук скорее животного происхождения, нежели механического.

Занавески на дверном стекле сдвинулись, и за ним появилось одутловатое, с нездоровым румянцем и зелеными навывкате глазами лицо тучной женщины. Она долго пристально изучала их, потом занавеска вернулась на место, щелкнул замок, и их впустили в грязную переднюю.

Когда дверь за ними закрылась, оставив за собой шелест дождя, Чарли сказал:

– Мое имя...

– Мне известно, кто вы такие, – отрезала женщина и повела их по коридору, где справа находилась дверь в залу. Дверь была приоткрыта, женщина распахнула ее настежь, показывая, что можно войти. Вместе с ними не зашла и не объявила об их приходе, предоставив это им самим.

Очевидно, причудливыми правилами этикета, замешанными на христианских догматах и апокалиптических пророчествах, которым следовали поклонники Спиви, соблюдение элементарной вежливости не предусматривалось.

Они очутились в комнате метров шести в длину и пяти в ширину, обставленной дешевой мебелью, которой к тому же было очень немного. Вдоль одной стены тянулись полки с картотекой. В центре стоял металлический столик с тремя складными, металлическими же, стульями, на нем – дамская сумочка да еще пепельница. Больше в комнате ничего не было: ни штор на окнах, ни шкафов или столов, никаких безделушек. От желтоватого тления единственной висевшей под потолком лампочки в сочетании с сумеречно-серым светом, проникавшим сквозь высокие окна, возникало ощущение, что находишься в палате психиатрической лечебницы.

Но больше всего поражало полное отсутствие предметов культа: ни изображений Христа, ни пластмассовых статуэток святых или ангелов, ничего, что несло бы религиозный смысл, никаких сакральных предметов или поделок, отдающих китчем – в зависимости от

того, как к этому относиться, – словом, ничего из того, что рассчитываешь увидеть в среде сектантов-фанатиков. Нигде в доме не были заметны признаки, которые указывали бы на религиозность его хозяев.

Грейс Спиви стояла спиной к ним в дальнем конце комнаты и смотрела в мокрое от дождя окно.

Генри кашлянул, давая понять, что она не одна.

Она не шевелилась.

– Миссис Спиви? – промолвил Чарли.

Наконец она повернулась к ним. Сегодня на ней было все желтое: палевая блузка, канареечный шарфик в крапинку, темно-желтая юбка, желтые башмаки. На руках браслеты желтого металла и штук шесть таких же перстней с желтыми камнями. Эффект достигался совершенно нелепый. Яркость ее нарядов лишь подчеркивала нездоровую бледность рыхлого лица и дряблость покрытой старческими пятнами кожи. Создавалось впечатление, что она, по причине нередкого у людей преклонных лет маразма, вдруг возомнила себя двенадцатилетней девочкой, собирающейся на день рождения к подружке.

Седые космы зловеще торчали, но еще более зловещим был взгляд ее серых глаз, хищный и завораживающий.

Странное оцепенение сковывало ее фигуру: она стояла, вобрав голову в плечи, прижимая к бедрам сжатые в кулаки руки.

– Мое имя Чарльз Гаррисон, – представился Чарли, который никогда прежде не видел эту женщину, – а это – мой помощник, мистер Рэнкин.

Она, нетвердо держась на ногах, словно пьяная, сделала два шага от окна. Лицо подрагивало, еще больше побелев. У нее вырвался крик боли, и она, едва не упав, остановилась, раскачиваясь из стороны в сторону, как будто пол уходил из-под ног.

– Вам плохо? – спросил Чарли.

– Вам придется мне помочь, – сказала она.

Ничего подобного он не ожидал. Он рассчитывал увидеть сильную женщину, властную, магнетической силы личность, которая постаралась бы с самого начала вывести их из равновесия. А вместо этого она сама вышла из равновесия, причем в самом буквальном смысле.

Сейчас она стояла в полусогнутом положении, словно скорчившись от боли, и все в том же судорожном оцепенении со сжатыми в кулаки руками.

Чарли и Генри приблизились к ней.

– Помогите мне дойти до того стула, пока я не упала, – слабым голосом произнесла она. – Это все ноги.

Чарли посмотрел вниз и содрогнулся. На ее ступнях была кровь. Они взяли Спиви под руки и почти отнесли к стоявшему за столиком металлическому стулу. Когда они усаживали ее на стул, Чарли увидел у нее на ногах, прямо над язычком башмаков, кровавые раны, совершенно похожие между собой, нанесенные каким-то острым предметом, вроде пестика для колки льда.

– Надо вызвать врача, – предложил Чарли, внутренне смутившись оттого, что ему приходилось проявлять к ней участие.

– Нет, – сказала она. – Не надо никакого врача. Пожалуйста, садитесь.

– Но...

– Все пройдет. Все будет хорошо. Бог надзирает за мной, он милостив ко мне. Садитесь. Прошу вас.

Обескураженные, они обошли стол, чтобы занять два стула, стоявшие прямо напротив нее, но не успели сесть, как старуха, разжав кулаки, протянула к ним ладони.

– Смотрите, – вымолвила она повелительным шепотом. – Смотрите на это! Воззрите!

Так и не успев сесть, они остолбенели от чудовищного зрелища. На обеих ладонях зияли такие же кровоточащие раны, как и на ступнях. Чарли с ужасом заметил, что кровь потекла быстрее прежнего.

Невероятно – на губах старухи играла улыбка!

Он взглянул на Генри и увидел в его глазах тот же немой вопрос, который задавал сам себе: что за чертовщина здесь происходит?

– Это для вас, – старуха явно была возбуждена. Подавшись вперед, она протянула руки через стол, обратив к ним ладони, всем видом своим побуждая их смотреть.

– Для нас? – произнес Генри в недоумении. – Что вы хотите сказать?

– Знамение, – сказала она.

– Знамение?

– Святое знамение.

Чарли уставился на обращенные к нему ладони.

– Стигмы.

Боже правый. Да ее место – в психушке. Чарли почувствовал, как по спине пробежал холодок.

– Это раны Христа, – сказала она.

«Куда мы попали?» – попытался сообразить Чарли.

– Я все-таки вызову врача, – еще раз предложил Генри.

– Нет, – сказала она мягко, но в то же время тоном, не терпящим возражений. – Да, эти раны болят, но это сладкая боль, блаженная боль, боль очищения; эти раны не вызывают заражения, они затягиваются сами. Неужели вы не понимаете? Это стигматы Христа, следы от гвоздей, которыми его прибивали к кресту.

Она безумна, подумал Чарли и с беспокойством посмотрел на дверь, прикидывая, куда могла уйти женщина с одутловатым лицом. Хочет привести сюда других ненормальных, чтобы сколотить бригаду смерти и устроить человеческое жертвоприношение? И у них хватает наглости называть себя христианами!

– Я знаю, о чем вы сейчас думаете, – голос Грейс Спиди звучал уже громче, набирая силу. – В ваших глазах я не похожа на пророка. Вам кажется, что бог не будет творить свой промысел посредством такой сумасшедшей старухи, как я. Но он творит именно так. Христос любит изгоев, приветает прокаженных, развращенных, нечистых на руку, убогих и юродивых и посылает их нести его слово миру. А знаете почему? Вы знаете почему?

Теперь голос ее разносился по всей комнате, напомнив Чарли одного телепроповедника, который своей речью гипнотизировал аудиторию, обладая к тому же даром перевоплощения под стать хорошему актеру.

– Знаете ли вы, почему господь набирает пророков своих среди самых отверженных? – не унималась она. – Да потому, что он хочет испытать вас. Любой легко поверит проповедям благообразного пастора с лицом Роберта Рэдфорда и голосом Ричарда Бертон! Но только праведники, только те, кто душой принимает его Слово..., только те, кто воистину верит, узнают и примут его Слово, независимо от того, чьи уста его изрекают!

На стол капала кровь. От звука голоса дрожали стекла.

– Господь проверяет вас. Слышите ли вы послание его вопреки всему, что вы думаете о пророке его? Чиста ли душа ваша, чтобы слышать? Или душа ваша – тлен и вы – глухи?

Они оба точно онемели. Ее тирада завораживала, лишая дара речи и приковывая внимание.

– Слушайте, слушайте, слушайте! – настойчиво повторяла она. – Внимайте тому, что я говорю вам. Эти стигмы были посланы мне богом в тот самый момент, когда вы позвонили в дверь. Он послал вам знамение, и это может означать только одно: вы еще не заложили душу дьяволу, и господь предоставляет вам шанс искупить грехи ваши и спастись. По-видимому, вы не отдаете себе отчета в том, кто эта женщина и кто такой ее ребенок. Если бы вы знали это, но по-прежнему защищали их, бог не предлагал бы вам сейчас искупления. Вы знаете, кто они такие? Знаете?

Чарли откашлялся, словно освобождаясь от охватившего его легкого смятения.

– Мне известно, кем вы их считаете, – сказал он.

– Дело не в том, что я считаю. Дело в том, что я знаю.

Бог сказал мне об этом. Мальчишка – Антихрист, а его мать – черная Мадонна.

Чарли не ожидал такой откровенности, будучи уверен, что она будет отрицать всякий интерес к Джою, как делала это, когда ее допрашивала полиция. Прямолинейность настораживала, но он пока не знал, как к этому отнестись.

– Я знаю, вы не записываете наш разговор, – сказала Грейс. – У нас имеются детекторы, которые обнаружили бы включенный магнитофон, и мне было бы известно об этом. Сейчас я могу быть откровенной с вами. Мальчишка пришел в мир, чтобы установить свое тысячелетнее царство.

– Но ведь он всего лишь ребенок, – сказал Чарли, – обыкновенный шестилетний ребенок.

– Нет, – сказала она, держа руки ладонями вверх, чтобы была видна сочившаяся из ран кровь. – Он гораздо хуже. И он должен умереть. Мы должны уничтожить его.

Такова воля божья.

– Вы действительно имеете в виду...

– Теперь, когда вам это известно, когда бог явил вам истину, вы не должны больше защищать их.

– Они мои клиенты, – сказал Чарли. – Я...

– Если вы будете упорствовать, бог проклянет вас, – с тревогой говорила старуха, убеждая их спасти свои души.

– Мы связаны обязательствами...

– Проклятье, неужели вы не понимаете? Вы будете гореть в аду. Вы лишаете себя последней надежды. Вы обрекаете себя на вечные страдания. Вы должны слушать и учиться.

Он заглянул в ее возбужденные глаза, в которых горела неистовая одержимость. К чувству жалости примешивалось чувство отвращения, и он не мог и не хотел вступать с ней в дискуссию. Он понял, что приходить сюда не имело смысла. С этой женщиной невозможно объясниться с позиций здравого смысла.

Теперь он боялся за Кристину и Джоя больше, чем прошлой ночью, когда один из соратников Грейс Спиви стрелял в них.

Она воздела вверх свои окровавленные ладони:

– Его знамение явлено вам, вам, чтобы вы убедились, что я истинный посланник божий. Вы видите? Вы верите теперь? Вы понимаете?

– Вам не следовало делать этого, миссис Спиви. Вы зря теряете время, рассчитывая найти в нашем лице легковых простаков.

По лицу ее пробежала тень, она вновь сжала кулаки.

– Если вы проделали это ржавым или грязным гвоздем, советую вам немедленно пойти к врачу и сделать прививку против столбняка. Это очень серьезно, – сказал Чарли.

– Вы потеряны для меня, – сказала она категорическим тоном и положила руки на стол.

– Я пришел, чтобы попытаться убедить вас, – сказал Чарли. – Теперь я вижу, что это невозможно. Поэтому мне остается только предупредить вас...

– Вы служите сатане. У вас был шанс...

– ..Если вы не отступитесь...

– ..и вы не воспользовались этим шансом...

– ..если вы не оставите семью Скавелло в покое...

– ..и теперь дорого заплатите за это!

– ..я буду копать под вас, несмотря ни на какой ад или всемирный потоп, пока вы не окажетесь на скамье подсудимых, а вашу Церковь не лишат положенных ей налоговых льгот, пока у вашей паствы не откроются глаза, пока не раздавлю вашу безумную секту. Я заявляю это со всей серьезностью. Я могу быть безжалостным и решительным не меньше вашего. Я уничтожу вас. Остановитесь, пока не поздно.

Она молча смотрела на него.

– Миссис Спиви, мы можем рассчитывать, что вы положите конец этому сумасшествию? – обратился к ней Генри.

Она не ответила. Лишь опустила глаза.

– Миссис Спиви?

Ответа не было.

– Довольно, Генри. Пойдем отсюда.

Когда они подошли к двери, она отворилась, и огромный детина, пригнув голову, чтобы не задеть за притолоку, вошел в комнату. За два метра ростом, лицо как из кошмарного сна, он казался не правдоподобным. «Такие бывают только в фильмах ужасов», – подумал Чарли. Он походил на Франкенштейна с накачанным телом Конана – героя Шварценеггера, – убогое детище плохого сценария и скудного бюджета. Гигант увидел слезы на глазах Грейс Спиви, и лицо его исказило выражение отчаяния и гнева, от которого кровь стыла в жилах. Он протянул руку, схватил Чарли за шиворот и едва не оторвал от пола.

Генри потянулся за пистолетом, но Чарли остановил его:

– Подожди, не надо, – считая, что ситуация хотя и была критической, еще не вышла из-под контроля.

– Что вы ей сделали? Что вы сделали? – спрашивал гигант.

– Ничего, – сказал Чарли, – мы...

– Отпусти их, Кайл, – сказала старуха. – Пусть идут.

Великан колебался. Глаза его, словно светящиеся глубоководные чудовища, взирали на Чарли с такой неумолимой яростью, от которой содрогнулся бы сам дьявол.

Наконец он отпустил Чарли и грузно зашагал к столу, за которым сидела женщина. Он заметил кровь на руках Грейс и снова повернулся к Чарли.

– Она сделала это сама, – объяснил тот, ретируясь к двери. Ему не нравились заискивающие интонации собственного голоса, но в этот момент было не до гордости.

Сейчас связываться с этим детиной было бы неразумно. – Мы и пальцем ее не тронули.

– Отпусти их, – повторила Грейс Спиви.

– Убирайтесь, живо, – произнес гигант низким угрожающим голосом.

Чарли и Генри поспешно ретировались.

Возле входной двери стояла та самая женщина с одутловатым лицом и глазами навыкате, она отворила дверь и, как только они оказались на крыльце, с грохотом захлопнула ее и закрыла на замок.

Чарли не стал прятаться под зонт, а, напротив, поднял голову, подставляя лицо дождю, чтобы смыть всю грязь, которая, как ему казалось, прилипла к нему в этом сумасшедшем доме.

– Да поможет нам бог, – сказал Генри.

Его голос дрожал от волнения.

Они вышли на улицу.

Потоки воды, пенясь, устремлялись к водостоку, образуя на перекрестке грязно-бурое озеро, по которому ветер гонял целую флотилию из мусора и щепок.

Чарли обернулся и посмотрел на дом, из которого только что вышел. Казалось очевидным, что царившие в нем грязь и разложение – это не просто упадок, а отражение нравов обитателей дома. В его представлении покрытые слоем грязи стекла, облетающая краска, просевшее крыльцо и потрескавшаяся штукатурка отражали не просто небрежение, но служили материальным воплощением человеческого безумия. В детстве он любил научно-популярную фантастику, время от времени читал ее и сейчас. и, может быть, поэтому вспомнил о законе энтропии, согласно которому Вселенная движется в одном направлении – к загниванию, упадку, разложению и хаосу. Создавалось впечатление, что Церковь Сумерек, пропагандируя откровенное безумие и хаос, увидела в энтропии высшее выражение божественной сущности.

Ему стало страшно.

Глава 31

После завтрака Кристина позвонила Вэл Гарднер и еще нескольким приятельницам и сообщила, что у них с.

Джоем все хорошо, однако не упомянула, где они находятся. Благодаря Церкви Сумерек она уже не доверяла полностью своим друзьям, даже Вэл, и очень сожалела об этом.

Она закончила с телефонными звонками, когда на смену Винсу и Джорджу прибыли два новых телохранителя. Один, Сэнди Брекенштейн, лет тридцати, высокий, худой, с выступающим кадыком, напоминал Ичабода Крейна в старом диснеевском мультфильме «Легенда спящей пещеры». Его напарник. Макс Стек, был похож на буйвола – с узловатыми пальцами, массивной грудью, толстой шеей, но совершенно детской улыбкой.

Джой сразу же полюбил и Сэнди, и Макса и уже носился из конца в конец небольшого дома от одного к другому, стараясь составить компанию каждому, без умолку болтая, выпытывая, хорошо ли быть телохранителем, рассказывая им свою очаровательную версию сказки о говорящем жирафе и принцессе, у которой не было лошади, ту самую, что ему поведал Джордж Свартхаут.

Кристина не могла так быстро, как Джой, проникнуться доверием к новым защитникам. Она была дружелюбна, но осторожна и наблюдательна.

Она хотела иметь свое оружие. Пистолета больше не было. Прошлой ночью полиция забрала его, чтобы проверить, правильно ли он зарегистрирован. Она не могла просто взять для обороны нож из кухонного стола. Если Сэнди или Макс были последователями Грейс Спиви, нож не предупредил бы насилие, а ускорил бы его. А если они не принадлежали Церкви Сумерек, то подобным открытым выражением недоверия она только бы обидела и отдалила их. Единственным ее оружием были осмотрительность и сообразительность, которые не очень-то помогут, столкнусь она с маньяком, вооруженным «магнумом» девятого калибра.

Однако, когда в начале десятого произошла неприятность, то исходила она не от Сэнди или Макса. Хотя именно Сэнди, наблюдавший за улицей, сидя на стуле у окна столовой, заметил что-то неладное и привлек их внимание.

Кристина, выйдя из кухни, чтобы спросить, не хочет ли он кофе, увидела, что Сэнди напряженно наблюдает за улицей. Он встал и склонился к окну, не отрывая бинокля от глаз.

– Что там? – спросила она. – Кто-то есть?

Он смотрел еще минуту, потом опустил бинокль.

– Может, и никого.

– Но вы думаете, кто-то есть?

– Скажите Макс, чтобы следил за двором, – ответил Сэнди; кадык его ходил вверх-вниз. – Один и тот же фургон три раза проехал мимо дома. Сердце ее забило быстрее, словно переключили скорость.

– Белый фургон?

– Нет. Темно-синий «Додж» с надписью сбоку. Это может ничего и не значить. Просто кто-то не может найти нужный дом. Но.., все же лучше предупредить Макса.

Она поспешила на кухню, в заднюю часть дома, и старалась говорить с Максом Стеком спокойно, но голос дрожал, и она ничего не могла поделать с руками и нервно, учащенно жестикулировала.

Макс проверил замок кухонной двери, хотя он уже делал это, когда заступил на дежурство. Полностью опустил жалюзи на одном окне и наполовину на другом. В углу дремал Чубакка. Почувствовав в воздухе напряжение, он поднял голову и зарычал.

Джой сидел за столом у окна, выходящего в сад, и сосредоточенно раскрашивал карандашами книжку-раскраску. Кристина увела его подальше от окна в угол, чтобы он в случае чего не угодил под огонь.

Со свойственной шестилетнему ребенку забывчивостью и способностью к быстрой психологической адаптации, он уже почти не помнил об угрожавшей им опасности, из-за которой они и были вынуждены скрываться в чужом доме. Теперь все это ожило в его памяти, и глаза его широко раскрылись.

– Ведьма рядом? – спросил он.

– Может быть, мы и зря беспокоимся.

Она наклонилась, подтянула ему джинсы и заправила выбившуюся рубашку. От страха закололо сердце, она поцеловала Джоя в щеку.

– Возможно, это ложная тревога, – сказала она. – Просто люди Чарли не привыкли рисковать.

– Они классные ребята, – сказал он.

– Ну, разумеется, – согласилась Кристина.

Теперь, когда она видела, что, возможно, этим людям придется отдать за них с Джоем жизнь, ей стало стыдно за свою подозрительность.

Макс отодвинул столик от окна, чтобы через него не приходилось перегибаться.

Чубакка вопросительно заскулил и принялся расхаживать кругами, стуча лапами по кафельной плитке, которой был выложен пол на кухне.

Кристина испугалась, что в критический момент Чубакка будет путаться у Макса под ногами, и они с Джоем позвали его. Пес еще не привык к новой кличке, однако, повинаясь повелительному тону, подошел к Джоем и сел рядом.

Макс пристально всматривался в щель между пластинками жалюзи.

– Проклятый туман, похоже, не собирается рассеиваться, – сказал он.

Кристина понимала, что при таком дожде и тумане ничего не стоит проникнуть в сад с его зарослями азалий, олеандра, вероники, сирени, миниатюрными апельсиновыми деревьями и живой изгородью из бугенвиллеи. Кто угодно легко приблизится на опасное расстояние к дому, не будучи обнаруженным. Не обращая внимания на ободряющие слова матери, Джой посмотрел на потолок, прислушиваясь, как дождь барабанит по крыше, и произнес:

– Ведьма рядом. Она идет сюда.

Глава 32

Доктор Дентон Бут служил живым подтверждением того, что у наследников Фрейда и Юнга не было ответов на все вопросы. Одна стена в рабочем кабинете Бута была увешана дипломами самых престижных университетов страны, наградами, полученными от коллег из нескольких профессиональных ассоциаций, дипломами почетного доктора высших учебных заведений четырех стран. Его учебник по общей психологии был чрезвычайно популярен и признан наиболее удачным за последние тридцать лет, а его позиция в качестве самого компетентного ученого в области патологической психологии никем не подвергалась сомнению. И все же при всем опыте и знаниях у доктора Бута были собственные проблемы.

Он был тучным человеком. Не просто приятно полноватым. Чрезмерно, пугающе тучным. Жирным.

Когда Чарли встречал Дентона Бута (Бу, как называли его друзья) после того, как не виделся с ним несколько недель, всякий раз его неизменно поражала монументальность доктора; все время казалось, что он стал еще толще.

При росте около ста восьмидесяти сантиметров, как и у самого Чарли, Бут весил сто восемьдесят килограммов.

Его лицо было хорошей имитацией луны, шея напоминала столб, а пальцы вызвали ассоциацию с сардельками.

Когда он садился, то заполнял собой кресло.

Чарли не понимал, почему Бут, который распознавал и лечил неврозы даже у тех, кто был в высшей степени невосприимчив к его терапии, не в состоянии справиться с собственным обжорством.

Но чрезмерные габариты и связанные с этим психологические проблемы нисколько не влияли на добродушный, веселый нрав доктора, на его способность радоваться жизни и заразительно смеяться. Невзирая на то, что Бут был на пятнадцать лет старше и куда более

образованнее Чарли, они уже в первую свою встречу почувствовали родство душ и вот уже несколько лет дружили, а раз-другой в месяц обязательно вместе обедали, на Рождество обменивались подарками и вообще, с настойчивостью, которая иногда удивляла обоих, старались не терять друг Друга из виду.

Бу тепло встретил Чарли и Генри в Коста-Меза, в своем офисе, занимающем часть угловых помещений высокого, стеклянного здания, и тут же стал демонстрировать свою последнюю антикварную копилку. Он собирал копилки с приводящим в действие различные фигурки механическим заводом, благодаря которому каждая брошенная монета делала вас свидетелем маленького приключения. По меньшей мере штук двадцать подобных копилок было выставлено на обозрение в разных уголках офиса. Данный экземпляр представлял собой замысловатую штуковину: на крышке стояли раскрашенные вручную фигурки двух бородатых золотодобытчиков и такое же до смешного детализированное скульптурное изображение осла. Бу вложил двадцатипятипенсовик в руку одного старателя и нажал кнопку. Рука с монеткой поднялась, протягивая ее второму персонажу, но тут осел опустил прикрепленную на шарнирах подвижную голову и вцепился зубами в монету, которую старатель тотчас выпустил из рук, а осел задрал морду, и монета провалилась в его внутренности и дальше – в копилку. А два старателя в досаде лишь покачивали головами. На седельной сумке у осла значилось его прозвище – «дядюшка Сэм».

– Эта штучка сделана в 1903 году. В мире известно всего восемь действующих моделей, – с гордостью сообщил Бу. – Называется она «Сборщик податей», но я окрестил ее «В мире ослов нет справедливости».

Чарли рассмеялся, а Генри, казалось, был озадачен.

Они прошли к большим удобным креслам, стоявшим в углу вокруг стеклянного кофейного столика. Под тяжестью Бу кресло издало слабый стон.

Офис занимал угловое помещение и поэтому имел две наружные стены, почти целиком стеклянные. Здание стояло в стороне от других высотных построек в Коста-Меза, и окна выходили на один из немногих сохранившихся в этой части округа участков сельскохозяйственных угодий, поэтому создавалось впечатление, что за окном нет ничего, кроме серой пустоты с рваными клочьями облаков, тонкой пелены тумана и дождя, сплошным потоком стекающего по стеклам. Это сбивало с толку, как будто офис Бута существовал помимо этого мира в альтернативной реальности, в другом измерении.

– Так ты говоришь, это касается Грейс Спиви? – спросил Бут.

У него был профессиональный интерес к психозам на религиозной почве, он даже выпустил книгу, посвященную психологии вождей религиозных сект. Его занимала личность Грейс Спиви, и он рассчитывал посвятить ей главу в своей следующей книге.

Чарли рассказал Бу о Кристине и Джое, об их встрече с Грейс в «Саут-Кост-Плаза» и о попытках их убийства.

Врач, который, имея дело с больными, никогда не напускал на себя важный вид, больше полагаясь на уговоры и добродушный юмор, врач, которого невозможно было представить озабоченно нахмурившим брови, этот врач вдруг помрачнел.

– Худо дело. Очень худо. Я всегда знал, что Грейс – глубоко верующий человек, а не обычный шарлатан, разрабатывающий религиозную жилу с целью подзаработать.

Она всегда была убежденной сторонницей теории близкого конца света. Но я и предположить не мог, что она настолько глубоко погрузилась в психопатические фантазии, – сказал Бут. Тяжело вздохнул и посмотрел на дождь за окном с высоты двенадцатого этажа. – Понимаете, она много говорит о своих «видениях», используя их, чтобы привести свою паству в состояние религиозной экзальтации. Я привык считать, что на самом деле никаких видений у нее не бывает, а она элементарно притворяется, понимая, что это эффективный инструмент для обращения в свою веру и для того, чтобы держать паству в руках.

С помощью видений она может представить дело таким образом, что это господь повелевает совершать то, что на самом деле угодно ей, чему можно бы и не подчиниться, усомниться кто-нибудь в божественном происхождении этих приказов.

– Но если допустить, что она истинно верующий человек, – сказал Генри, – как же она оправдывает для себя такое надувательство?

– О-о, это очень просто, – сказал психотерапевт, отвлекаясь от картины дождливого февральского утра. – В собственных глазах она может оправдаться, уговаривая себя, что говорит людям то, что бог непременно передал бы ей, если бы и вправду являлся ей в видениях. И второе возможное объяснение: она действительно видит бога и внимает ему – и это куда более серьезно.

– Ты хочешь сказать, она видит его в буквальном смысле? – недоумевая спросил Чарли.

– Ни в коем случае, – Бу махнул пухлой рукой. Он был агностик и не чужд атеизма. Он не раз говорил Чарли, что, судя по тому, в каком жалком состоянии пребывает мир, у бога, должно быть, продолжительные вакации где-нибудь в Албании, на Таити или в другом удаленном уголке Вселенной, куда последние новости не доходят. – Я действительно имею в виду, что она видит и слышит бога, но, разумеется, все это лишь плод ее больного воображения. У больных психозом, особенно в запущенной форме, нередки галлюцинации, которые могут быть и религиозной природы. Но я не мог и предположить, что Грейс зашла так далеко и окончательно свихнулась.

– Она зашла так далеко, что туда даже рельсы не проложены, – сказал Чарли.

Бу засмеялся, хотя и не так непринужденно, как хотелось бы Чарли, но все же это было лучше той мрачной задумчивости, от которой Чарли было не по себе. Что касалось работы, Буту была несвойственна какая-либо претенциозность, и он не изображал из себя святошу; слово «чокнутый» звучало в его устах так же привычно, как «психическое расстройство».

– Но если у Грейс совершенно отказали тормоза, значит, есть что-то, что не поддается объяснению, – сказал Бут.

Чарли обратился к Генри:

– Он обожает все объяснять. Прирожденный педант.

Он объяснит тебе все про пиво, пока ты будешь допивать свою кружку. Только не проси его объяснить, в чем смысл жизни, иначе нам не выйти отсюда до самой пенсии.

Бут сохранял необычайную серьезность.

– Сейчас меня занимает отнюдь не смысл жизни, – сказал он. – Допустим, что Грейс действительно свихнулась – это похоже на правду. Но если она в самом деле верит в этот бред насчет Антихриста и не остановится перед убийством невинного ребенка, значит, у нее все признаки параноидальной шизофрении на фоне апокалиптических галлюцинаций и мании величия. Однако трудно вообразить, чтобы кто-то, находясь в таком состоянии, мог оставаться служителем культа и руководить деятельностью секты.

– Может быть, сектой управляет кто-то другой, – предположил Генри, – а она лишь своеобразный символ, который кто-то ловко использует.

Бут скептически покачал головой:

– Параноидального шизофреника чертовски сложно использовать таким образом. Эти люди слишком непредсказуемы. Но если она обратилась к насилию и начала действовать, исходя из своих светопреставленческих пророчеств, ей совсем необязательно быть сумасшедшей. Тому может быть другое объяснение.

– Например? – спросил Чарли.

– Например?... Возможно, ее последователи разочаровались в ней, или в секте возникли центробежные тенденции, и она решила прибегнуть к решительным мерам, чтобы дать пастве новый заряд энтузиазма и веры.

– Нет, – сказал Чарли, – у нее определенно не все дома. – И он рассказал Буту о неприятном визите к Грейс.

Для Бута это прозвучало как гром среди ясного неба.

– Неужели она действительно вгоняла гвозди в ладони?

– Ну, при этом мы не присутствовали, – признал Чарли, – Может, ей и помогал кто-то из соратников, который держал молоток. Но наверняка не без ее ведома.

Бу переменил положение, и кресло под ним заскрипело.

– Возможно и другое. Самопроизвольное образование крестных стигмат на ладонях и ступнях у страдающих психозами на фоне религиозного бреда преследования – явление редкое, но к разряду неслыханных его не отнесешь, – сказал Бут.

Услышав это, Генри Рэнкин был потрясен:

– Что вы хотите сказать – что они настоящие? Что это.., божьих рук дело?

– О нет, я вовсе не имел в виду, что это подлинные крестные знамения или что-то в этом роде. Бог здесь ни при чем.

– Ты меня успокоил, – сказал Чарли. – А то я уже испугался, что ты ударился в мистику. А чего я от тебя никогда не ожидал, так это того, что ты ударишься в мистику или станешь солистом балета.

Однако печать тревоги не сходила с лица толстого доктора.

– Боже мой, Бу, я и так уже боюсь. Но если ситуация представляется настолько тревожной тебе, тогда мне следовало быть вдвое больше напуганным, – сказал Чарли.

– Я в самом деле встревожен, – продолжал Бут. – Что касается феномена стигмат, существуют свидетельства того, что, находясь в состоянии мессианской экзальтации, больной такой формой психоза может воздействовать на свое тело.., на структуру тканей.., воздействовать почти на уровне подсознания, чему в современной медицине нет объяснения. Это сродни тому, как индусы ходят по раскаленным углям или лежат на гвоздях, избегая травм за счет одной концентрации воли. Раны Грейс могут быть обратной стороной той же медали.

Генри, который во всем полагался на здравый смысл, порядок и предсказуемость и считал, что устройство вселенной должно отличаться такой же безупречной аккуратностью, какая царит в его шкафу для белья, был явно выбит из колеи разговорами о непостижимых возможностях психики.

– Они что же, могут вызывать у себя кровотечение, просто подумав об этом? – ошарашенно спросил он.

– Очевидно, им даже не обязательно думать об этом, по крайней мере, это происходит не на уровне сознания, – пытался объяснить Бут. – Стигматы образуются в результате сильного подсознательного желания стать религиозной фигурой или символом, объектом поклонения, стать чем-то большим собственной самости, частью космоса. – Он сложил руки на огромном животе. – Что вам, например, известно о так называемом чуде при Фатиме?

– Почти ничего, – ответил Чарли.

Генри добавил:

– Тысячи людей видели явление Святой Девы Марии в тех местах. В двадцатые, по моему, годы этого века.

– Одно из двух: или это удивительное сошествие на землю обожествляемого существа, или невероятный случай массовой истерии или самовнушения, – сказал Бут, явно склоняясь в пользу второй версии. – Сотни людей свидетельствовали о том, что видели Деву Марию, и описывали возникшее в этот момент зарево на небе, сиявшее всеми цветами радуги. Среди огромной толпы у двоих образовались крестные стигматы, у какого-то мужчины начали кровоточить ладони, а у одной из женщин на ступнях появились отметины от гвоздей. Несколько человек заявляли, что обнаружили микроскопические проколы на лбу и голове, словно оставленные терновым венцом. Документально подтвержден случай, когда один из свидетелей плакал кровавыми слезами, причем в ходе последующего медицинского осмотра не было обнаружено никакого повреждения глаз, что могло бы послужить причиной кровотечения. Короче говоря, область психики во многом остается белым пятном. Там, – и он многозначительно постучал пальцами по голове, – скрыты такие тайны, которые нам, возможно, не дано раскрыть никогда.

Чарли поежился. Его бросало в дрожь при одной мысли о том, что Грейс настолько погружена в безумие, что могла вызвать самопроизвольное кровотечение с одной-единственной целью – придать материальное воплощение своему больному воображению.

– Конечно, – говорил Бут, – может стать, что вы и правы, говоря о молотке и гвоздях.

Самопроизвольные крестные стигматы – вещь крайне редкая. Вполне вероятно, Грейс сделала это сама или кто-то из ее людей помог ей.

По стеклам текли потоки воды. Вдруг за окном мелькнула черная птица, жалкая и промокшая, искавшая укрытия от ливня. Чудом не врезавшись в стекло, она полетела прочь.

Думая о том, что рассказал им Бут о кровавых слезах и стигматах, вызываемых одним подсознательным желанием, Чарли сказал:

– Кажется, до меня дошло, в чем смысл жизни.

– И в чем же?

– В том, что все мы скромные актеры в космическом фильме ужасов, который идет на экране в собственном кинотеатре господ бога.

– Возможно, – согласился Бут. – Если ты внимательно считаешь Библию, то увидишь, что господь может изобретать кары страшнее тех, о которых могли мечтать Тоб Хупер, Стивен Спилберг и Алфред Хичкок вместе взятые.

Глава 33

Когда синий «Додж» – фургон с рекламой серфинга в третий раз проехал мимо дома, Сэнди Брекенштейн в бинокль различил его номерной знак. Кристина бросилась на кухню, чтобы сообщить о подозрительной машине Макс, а Сэнди позвонил Джулии Гетере, отвечавшей в «Клемет – Гаррисон» за связь с полицией, и попросил навести справки о «Додже».

В ожидании известий от Джулии он напряженно стоял у окна, не выпуская из рук бинокль.

Не прошло и пяти минут, как «Додж», уже в четвертый раз, проехал мимо дома и теперь взял направление к холмам Сэнди взгляделся в бинокль и за потоками воды за лобовым стеклом разглядел смутные очертания двух фигур.

Похоже, их интересовал именно этот дом. Потом они пропали. Сэнди готов был пожалеть, что они не остановились напротив дома. Тогда они, по крайней мере, оставались бы у него в поле зрения. Это лучше, чем потерять их из виду.

Пока Сэнди стоял у окна, покусывая губу и сожалея, что не пошел по стопам отца и не стал фининспектором, Джулия из конторы связалась с управлением транспорта полиции, а затем и со службой шерифа округа Оранж.

Благодаря тому, что везде были компьютеры, она получила необходимую информацию удивительно быстро и уже через пять минут перезвонила Сэнди. По данным полиции, синий «Додж» был зарегистрирован на имя Луиса Спадо из Анахайма, а из конторы шерифа, куда поступали самые свежие сведения со всех полицейских участков округа, ей сообщили, что сегодня в шесть утра мистер Спадо заявил в полицию об угоне своей машины.

Как только все это стало известно, Сэнди отправился на кухню, чтобы поделиться новостью с Максом, который не меньше его был обеспокоен.

– Дело дрянь, – прямо сказал Макс.

– Но ведь эта машина не из Церкви, – сказала Кристина, – Она уже позаботилась о Джое, и сейчас он сидит в углу за холодильником – Верно, но люди из Церкви могли ее угнать, – заметил Сэнди – Чтобы вывести Церковь из-под подозрения, если они снова решили напасть на нас, – пояснил Макс.

– Или это простое совпадение, что кто-то разъезжает в ворованной машине по этой улице, – сказала Кристина не очень убежденно.

– Никогда не встречал случайность, которая бы меня устроила, – произнес Макс, по-прежнему наблюдая за садом позади дома.

– И я тоже, – подтвердил Сэнди.

– Но каким образом они вышли на нас? – скорее потребовала, чем спросила Кристина.

– Ума не приложу, – сказал Сэнди.

– Убей бог, не знаю, – согласился с ним Макс. – Мы соблюдали все меры

предосторожности.

У всех на уме был наиболее вероятный ответ: у Грейс Спиви в «Клемет – Гаррисон» был осведомитель, однако никто не хотел произносить этого вслух. Боялись, что это окажется правдой.

– Что ты передал в контору? – спросил Макс Сэнди.

– Чтобы высылали подкрепление.

– Полагаешь, есть смысл дожидаться помощи?

– Думаю, нет.

– Вот и я тоже. Мы здесь похожи на подсадных уток.

Этот дом был надежным убежищем, пока мы считали, что они никогда не вычислят его. Теперь лучше всего смыться отсюда, и побыстрее, пока они не обнаружили, что мы заметили их. Для них будет неожиданностью, если мы внезапно снимемся с места.

Сэнди был с ним согласен.

– Одевайтесь, – обратился он к Кристине. – Возьмите только два чемодана – вам придется нести их самой: по дороге к машине у нас с Максом руки должны быть свободны.

Женщина кивнула. Она была потрясена. Джой стоял бледный, как воск... Даже собака выглядела встревоженной: принюхивалась, настороженно задирая морду, и как-то странно поскуливала.

У Сэнди тоже было тоскливо на душе: он не забыл, что стало с Фрэнком Ройтером и Питом Локберном.

Глава 34

От удара грома задрожали стекла.

Дождь лил пуще прежнего. Из кондиционера на потолке шел горячий воздух, но Чарли все равно не мог унять охвативший его нервный озноб, от которого на ладонях выступил липкий пот.

Дентон Бут продолжал свой рассказ:

– Я беседовал с людьми, которые знали Грейс еще до того, как ее обуял религиозный фанатизм. Многие отмечали ее преданность мужу. Они были женаты сорок четыре года, и она боготворила его. Ее забота об Альберте не знала границ. Она угождала ему во всем: вела хозяйство, потакая его вкусам и привычкам, готовила только его излюбленные блюда, делала все, чего бы он ни пожелал.

Было лишь одно, о чем он мечтал больше всего на свете и чего она не могла дать ему – сын. На его похоронах она не сдержалась и разрыдалась и все твердила одно и то же:

«Я так и не подарила ему сына». Не исключено, что в ее глазах ребенок-мальчик – каждый ребенок-мальчик – становился олицетворением ее неспособности иметь собственного ребенка, о котором всю жизнь мечтал покойный муж. Пока он был жив, она компенсировала это тем, что носилась с ним как с писаной торбой, но с его смертью для нее исчезла даже такая возможность искупить свое бесплодие – тогда-то она, возможно, и возненавидела маленьких мальчиков. Сначала возненавидела, потом начала испытывать к ним суеверный страх, а потом вообразила, что один из них – Антихрист, пришедший, чтобы извести весь род людской. Это прискорбное, но вполне обычное развитие психозов.

– Насколько я припоминаю, у них была приемная дочь, – сказал Генри.

– Та самая, что настояла, чтобы Грейс была подвергнута психиатрической экспертизе, когда у нее впервые появилась идея об этой Церкви Сумерек, – сказал Чарли.

Бут продолжал:

– Тогда Грейс продала дом, перевела в наличность все сбережения и вложила деньги в свою Церковь. Ее поступки выглядели иррациональными, и дочь была права, тревожась за состояние матери. Но для Грейс психиатрическая экспертиза закончилась триумфом...

– Каким же образом? – изумился Чарли.

– Ей не откажешь в сообразительности. Она знала, что хотят обнаружить психиатры, и

имела достаточно самообладания, чтобы скрыть те симптомы, которые могли вызвать у них тревогу.

– Но она пустила все свои средства на организацию Церкви, – сказал Генри. – Врачи, несомненно, понимали, что такой поступок не может быть совершен в твердом рассудке.

– Напротив. Если допустить, что она отдавала себе отчет в рискованности своих действий и предвидела все возможные последствия или, по крайней мере, убедила в этом врачей, то сам по себе факт пожертвования всем во имя бога не может служить достаточным основанием для признания ее лицом, не отвечающим за свои поступки. Вам известно, что в этой стране свобода вероисповедания – это одно из конституционных прав, и закон предпочитает почтительно обходить такие случаи.

– Ты должен помочь мне, Бу, – сказал Чарли. – Объясни мне образ мыслей этой женщины. Дай мне какую-нибудь зацепку. Как нейтрализовать ее? Как заставить изменить отношение к Джою Скавелло?

– Для психопатической личности такого типа не существует понятия страха и неуверенности. Она едва ли подвержена депрессии. Наоборот, обладая твердой верой в свое предназначение, усугубляемой манией величия на религиозной почве, такая личность, несмотря на обманчивую внешность, заставляющую предположить обратное, – это скала, не подвластная стрессам и в высшей степени стойкая к внешнему воздействию. Она живет в выдуманном ею самом мире, и мир этот настолько прочен, что сокрушить его или поколебать ее веру в него – невозможно.

– Ты утверждаешь, что переубеждать ее бесполезно?

– Думаю, это лишено смысла.

– В таком случае как же мне заставить ее отступить?

Ведь это же мыльный пузырь. Должен быть какой-то элементарный способ обезвредить ее.

– Ты или не слышишь, или не хочешь слышать то, что я говорю. Было бы ошибкой предположить, что она беззащитна и уязвима лишь потому, что является психопатической личностью. Людям с таким расстройством психики свойственна необыкновенная сила, способность стойко переносить удары и поражения, противостоять всем формам стресса. Стремление уберечь себя от воздействия подобных факторов – это единственная подоплека психопатических фантазий, которые по сути не что иное, как способ защитить себя от жестокостей и разочарований жизни, и это чертовски действенный способ.

– Ты хочешь сказать, что у нее нет слабых мест? – спросил Чарли.

– Слабые места есть у каждого. Я хочу сказать, что в случае с Грейс найти их будет непросто. Мне необходимо просмотреть ее досье и подумать... Дай мне хотя бы день.

– Думай быстрее, – Чарли поднялся, – а то мне в спину дышат несколько сот религиозных фанатиков, одержимых манией убийства.

Когда они уже выходили из офиса. Бут сказал:

– Чарли, я знаю, ты относишься с большим доверием к моему мнению...

– Точно, у меня просто комплекс в отношении твоего мессианства.

Не обращая внимания на шутку и сохраняя непривычное для него угрюмое выражение лица, Бут сказал:

– Просто должен предупредить, в настоящий момент, если ты хочешь спасти жизнь своим клиентам, есть только один способ нейтрализовать Грейс.

– Какой же?

– Убить ее, – совершенно серьезно ответил Бут.

– Да; – ты точно не принадлежишь к числу мягкотелых либералов от психиатрии, одержимых стремлением дать закоренелым убийцам последний шанс исправиться. Ты где получил свой диплом – в Школе психиатрии имени Атиллы?

Чарли очень хотелось, чтобы Бут поддержал его шуточный тон. Его выбило из колеи то мрачное настроение, которое вызвал у психиатра его рассказ об утреннем визите к Грейс Спиви и которое совершенно не вязалось с характером Бута. Чарли ждал от него хотя бы

ободряющей улыбки, хотел услышать, что нет худа без добра и что всегда есть какая-то надежда, но видел лишь сдержанный пессимизм, и это пугало больше, чем витийствование самой Грейс Спиви.

– Чарли, ты меня знаешь, – наконец нарушил молчание Бут. – Я во всем могу найти смешную сторону, даже в слабоумии. Меня забавляют некоторые аспекты смерти, системы налогообложения, проказы американской политики и злокачественные опухоли. Тебе могут подтвердить, что я веселился, когда вместе с внуками смотрел в повторном показе «Лаверн и Ширли». Но в данном случае я не вижу ничего забавного. Чарли, ты мой близкий друг, и я боюсь за тебя.

– Не хочешь же ты сказать, что я действительно дол-, жен убить ее.

– Я знаю, ты не способен на хладнокровное убийство, – сказал Бут. – Но, боюсь, смерть Грейс – это единственное, что способно отвлечь внимание этих сектантов от твоих клиентов.

– Выходит, было бы куда полезнее, если бы я оказался способен совершить хладнокровное убийство?

– Выходит – так.

– Полезнее быть чуточку убийцей?

– Да.

– Боже правый, что ты говоришь!

– Таковы обстоятельства, – промолвил Бут.

Глава 35

В доме не было гаража, их зеленый «Шевроле» стоял под навесом, и это значило, что им придется обнаружить себя, садясь в машину. Сэнди это было не по душе, но выбирать не приходилось. Можно остаться в доме и ждать подкрепления, однако он чувствовал нутром, что такое решение ошибочно.

Сэнди вышел первым через запасной выход, ведущий прямо на стоянку. Навес и заросшие жимолостью боковые решетки защищали от дождя, но лишь отчасти, поскольку холодный ветер швырял брызги под навес со стороны въезда и они попадали ему в лицо.

Прежде чем подать сигнал Кристине и Джою, что все тихо и можно идти, он вышел на дорожку проверить, не прячется ли кто-нибудь перед домом. Он был в плаще, но зонт с собой не взял, чтобы оставить руки свободными, и теперь дождь лил ему на голову, стекал по лицу и за воротник. Ни на дорожке, ни у входной двери, ни возле кустов никого не было, и Сэнди дал знать Кристине, чтобы они с мальчиком садились в машину.

Он сделал еще несколько шагов по дорожке – выглянуть на улицу, как вдруг увидел синий «Додж» – фургон. Машина стояла в полутора кварталах на другой стороне улицы, развернувшись в направлении к их дому. Едва Сэнди заметил его, фургон вырулил с обочины и устремился к нему.

Сэнди оглянулся и увидел, что Кристина с двумя чемоданами уже подошла к машине, рядом была собака, а мальчик держал открытой заднюю дверь.

– Постойте! – крикнул Сэнди.

Он снова посмотрел на улицу. Синий фургон быстро приближался. Чертовски быстро!

– Назад, в дом! – закричал Сэнди.

Женщина, должно быть, внутренне была готова ко всему, потому что, не раздумывая и ни о чем не спрашивая, бросила чемоданы, схватила в охапку сына и устремилась к двери, у которой стоял Макс.

Все остальное заняло считанные секунды, но Сэнди Брекенштейну эти панические мгновения показались бесконечно, невыносимо долгими.

Синий «Додж» сразу повел себя как-то странно: он наискось пересек улицу и въехал во двор второго от них дома, расположенного выше по склону холма. Но здесь он и не думал останавливаться. Свернув с дорожки, но не затем, чтобы выехать обратно на улицу, машина взревела и понеслась в их направлении по траве через лужайку перед домом, выбрасывая из-

под колес ошметки грязи и куски дерна, сминая цветы; с грохотом влетела в декоративный прудик для птиц, колеса пошли юзом, но только на миг — с маниакальной целеустремленностью машина мчалась вперед.

Что за черт...

Правая дверца фургона открылась, и из него на ходу выпрыгнул человек, упал на траву и покатился кубарем.

Сэнди подумал о крысах, покидающих тонущее судно.

Фургон вдребезги разнес деревянную изгородь, разделяющую два участка.

За спиной Сэнди услышал крик Макса:

— Что здесь происходит?

«Додж» был уже на соседнем участке.

Чубакка неистово лаял.

Водитель поддал газу. «Додж» летел, будто скорый поезд, если не ракета.

Расчет был ясен. Каким бы безумием это ни казалось, они собирались протаранить дом, в котором укрылись Скавелло.

— Выходите! — закричал Сэнди. — Выходите во двор, живо!

Макс бросился вон из дома, и они втроем, с Кристиной и Джоем, а следом собака, побежали прочь, на задний двор — единственное место, куда путь им еще не был перекрыт.

Выше, у соседнего дома, «Додж» круто вывернул, чтобы не врезаться в дерево джакаранды, и пробил последнюю изгородь, отделявшую его от их участка.

Сэнди уже развернулся и убежал вдоль стены.

Услышал, как сзади с хрустом разлетелась деревянная ограда.

Он стремглав проскочил под автомобильным навесом, мимо машины, успев заметить брошенные чемоданы, криками умоляя остальных спешить — ради бога спешить, — быстрее в глубину сада, к задней изгороди, за которой был узкий проулок.

И не успели они пересечь сад, как машина со страшным грохотом врезалась в дом. А долей секунды позже оглушительный взрыв сотряс воздух, и на мгновение показалось, что вздыбилась земля и обрушилось небо.

Фургон был начинен взрывчаткой!

Сэнди взрывной волной подбросило вверх, обдало горячим воздухом. Он перелетел через кусты азалии и правым плечом врезался в изгородь. На том месте, где был дом, теперь вздымался ослепительный столб огня и дыма и летели какие-то обломки и целые предметы: камни, разбитые доски, куски кровли, дранки и штукатурка, битое стекло, разодранная спинка мягкого кресла, оторванная крышка от унитаза, диванные подушки, клочья коврового покрытия, — Сэнди пригнулся, молясь, чтобы ему на голову не рухнуло что-нибудь тяжелое или острое.

Укрываясь от падающих обломков, он подумал, успел ли выпрыгнуть из машины водитель, как это сделал еще раньше тот, кто сидел справа. Выскочил ли он в последний момент или был настолько одержим идеей покончить с Джоем Скавелло, что остался за рулем до конца? Может, сейчас он сидит среди груды щебня с облезающей под огнем кожей, сжимая обгоревшими до костей пальцами оплывающую баранку рулевого колеса?

Когда произошел взрыв, словно чья-то гигантская рука с силой толкнула Кристину в спину. Оглушив, ее отбросило в сторону от Джоя, и она грохнулась оземь. В короткой, но зловещей тишине она перекатилась через клумбу, подминая яркие красные и лиловые гроздья бальзаминов, кожей ощущая волны раскаленного воздуха, способного, казалось, обратить ливень в пар. Больно ударившись коленом о кирпичный бордюр и ткнувшись лицом в грязь, она осталась лежать, привалившись к стене беседки, оплетенной бугенвиллеей. Уши у нее все еще были заложены, сверху сыпалась дранка, битая штукатурка и щебень.

Постепенно слух, кажется, возвращался, потому что она услышала, как рядом с лязгом упал тостер – еще недавно такая необходимая вещь для приготовления завтрака – и как живой запрыгал по земле, за ним хвостом волочился шнур. Вдруг что-то огромное свалилось на крышу беседки – то ли стропило, то ли здоровенный кусок каменной кладки. Беседка рухнула, стена, у которой сидела Кристина, провалилась внутрь, и она оказалась заваленной ветвями бугенвиллеи. Кристина ужаснулась – она была на волосок от гибели.

– Джой! – закричала она.

Ответа не было.

На четвереньках она отползла от разрушенной беседки и, пошатываясь, встала на ноги.

– Джой!

Ни звука.

Из-за пелены зловонного дыма, поднимавшегося с пепелища, перемешанного с ключьями тумана и косыми струями дождя, в саду уже в двух метрах невозможно было ничего разглядеть. Джоя и след простыл. Кристина понятия не имела, где его искать, она вслепую двинулась налево, тяжело дыша из-за едкого дыма и тисками сдавившего грудь страха. Она наткнулась на искореженную дверцу холодильника, прошла между карликовыми апельсиновыми деревьями, на одном из которых висела простыня, и наступила на валяющуюся в траве, метрах в десяти от косяка, дверь. Потом увидела Макса Стека. Она был живой и пытался выбраться из колючих розовых кустов, в которых застрял. Кристина прошла мимо него, она по-прежнему звала Джоя и по-прежнему не получала ответа. Вдруг ей стало не по себе: среди кучи хлама она заметила куклу Джоя.

Взрывом ей оторвало обе ноги и руки, голова обгорела, в животе зияла прореха, из которой вываливалось наружу все, чем она была набита. Это была всего лишь игрушка, но странным образом в глазах Кристины она стала неким предвестником смерти, символом того, что она могла увидеть, когда наконец найдет Джоя. Она пустилась бегом, стараясь, чтобы изгородь оставалась в поле зрения, как безумная кружила по участку в поисках сына, спотыкалась, падала, снова вставала и не переставала молить бога об одном – чтобы увидеть Джоя целым и невредимым.

– Джой!

Тишина.

– Джой!

Тишина.

Дым разъедал глаза. Она с трудом что-либо различала.

– Джо-о-о-о-й!

И вдруг она увидела его. Он неподвижно лежал в глубине участка, возле калитки, ведущей в проулок, уткнувшись лицом в мокрую от дождя землю. Чубакка, склонившись над мальчиком, обнюхивал его шею, точно надеясь обнаружить в нем признаки жизни, но тот оставался неподвижен, пугающе неподвижен.

Глава 36

Кристина опустилась на колени и отогнала собаку.

Она взяла Джоя за плечи.

Мгновение она не решалась перевернуть его, боясь увидеть обезображенное лицо или выбитые осколками глаза.

Их накрыла очередная волна дыма, поднимавшегося над горящими руинами, вызвав у Кристины приступ кашля, по щекам ее катились слезы, наконец она бережно повернула Джоя на спину. На лице не было никаких повреждений, его лишь запачкало грязью, да и ту быстро смыл дождь. Порезов или открытых переломов она не обнаружила. Крови, слава богу, не было.

Его веки затрепетали, глаза открылись, и он рассеянно посмотрел на нее.

Джой просто потерял сознание.

Вдруг она почувствовала себя так свободно и легко, словно парила над землей.

Она прижала его к себе, а когда взгляд его прояснился, поводила перед глазами тремя пальцами и спросила, сколько пальцев он видит, для того чтобы убедиться, что нет сотрясения мозга. Он в недоумении часто заморгал.

– Милый, сколько здесь пальцев? – повторила она.

Джой хрипло откашлялся, очищая легкие от дыма, и наконец сказал:

– Три. Три пальца.

– А сейчас?

– Два.

Макс Стек, выбравшись из розовых кустов, подошел к ним.

Кристина продолжала допрашивать Джоя:

– Ты узнаешь меня?

Похоже, он был озадачен, но не потому, что затруднялся ответить, а потому, что не мог сообразить, зачем она задает такой вопрос.

– Ты моя мама, – произнес он.

– А как тебя зовут?

– Ты что, не знаешь?

– Я хочу убедиться, знаешь ли ты, – сказала она.

– Ну, конечно, знаю, – сказал мальчик. – Джой.

Джозеф. Джозеф Энтони Скавелло.

Никакого сотрясения у него не было.

Почувствовав удивительное облегчение, она крепко прижала его к себе.

За ними, сидя на корточках, кашлял Сэнди Брекенштейн. У него была рассечена левая бровь, и половина лица залито кровью, однако серьезных ран не было.

– Мальчика можно нести? – спросил он – С ним все нормально, – сказал Макс Стек.

– Тогда давайте выбираться отсюда. Как бы они не стали разносить, достиг ли цели взрыв.

Макс открыл калитку.

Чубакка кинулся вперед, в проулок, остальные двинулись следом. Это был узкий проход, по обе стороны тянулись задние дворы, кое-где попадались гаражи и стояли мусорные баки. Стоков для воды не было, и она устремлялась по узкому проулку вниз к водозаборной трубе у подножия холма.

Они вышли на середину проулка, превратившегося в русло неглубокого ручья, не зная, в какую сторону идти, как вдруг во втором доме выше по склону открылась калитка, и оттуда появился высокий мужчина в желтом дождевике с капюшоном. Даже в сумеречном свете, сквозь дождь Кристина увидела, что он вооружен.

Макс выхватил револьвер и, держа его двумя руками, закричал:

– Брось оружие!

Но незнакомец открыл огонь.

Макс, не раздумывая, трижды выстрелил, доказав, что он первоклассный стрелок. Не успел над холмами смолкнуть звук выстрелов, незадачливый убийца свалился на землю, раненный в ногу. Поднимая столб брызг, кубарем покатился по склону, полы плаща вздымались, словно крылья гигантской яркой птицы. Он сбил два мусорных бака, и его наполовину засыпало вывалившимися оттуда отходами. Пистолет выпал у него из рук и завертелся на асфальте.

Они даже не остановились посмотреть, жив он или мертв. Поблизости могли находиться другие слуги Сумерек.

– Надо выбираться отсюда, найти телефон, сообщить, вызвать группу поддержки, – Макс говорил короткими отрывистыми фразами.

Сэнди и Чубакка впереди, Макс в прикрытии сзади – так, скользя на мокром асфальте, но не падая, они устремились вниз.

Кристина все время оглядывалась назад.

Раненый так и остался лежать под кучей мусора. Преследования не было. Пока.

На первом же углу свернули направо и пустились бегом по ровной, тянувшейся вдоль холма улице, промчались мимо шарахнувшегося от них в сторону перепуганного почтальона. Вдогонку ревел ветер, вокруг шумели и качались деревья, трещали хрупкие пальмовые листья, и, попав под ноги, прогрохотала банка из-под содовой.

Миновав два квартала, снова свернули на круто уходящую вниз улицу. Нависавшие с двух сторон ветви деревьев образовывали своеобразный туннель, отчего и без того безрадостный ненастный день казался еще мрачнее, как будто это было не утро, а глубокий вечер.

Кристине было больно дышать: ей обожгло горло. Глаза еще резало от дыма, а сердце так бешено колотилось, что ломило в груди, она не знала, на сколько еще у нее хватит сил, если они будут мчаться с такой скоростью. Ненадолго.

Ода с удивлением отметила, что Джой на своих маленьких ножках несетя очень быстро. Им почти не приходилось приспосабливаться к нему – он не отставал.

Навстречу, вверх по холму, поднималась машина, свет ее фар прорезал туманную дымку и густую тень от гигантских деревьев еще прежде, чем они успели ее разглядеть.

Внезапно Кристину осенило, что это могло означать только одно – снова люди Грейс Спиви. Она схватила Джоя за руку и бросилась с ним в другую сторону.

Сэнди кричал ей, чтобы она остановилась, потом крикнул Макс; она уже не разобрала что, громко залаял Чубакка, но она ни на кого не обращала внимания.

Неужели они не видят, что это сама смерть?

Она слышала за спиной нарастающий рев двигателя.

Он настигал с неумолимостью рока. Джой споткнулся о край тротуара, и его занесло во двор какого-то дома. Кристина всем телом навалилась на Джоя, чтобы уберечь его от выстрелов, которых ожидала каждую секунду.

Машина уже поравнялась с ними. Казалось, что весь мир наполнен рокочущим звуком ее двигателя.

– Нет! – закричала она.

Но машина не остановилась. Эти люди не были посланцами Грейс Спиви.

Когда Макс помогал Кристине подняться на ноги, она чувствовала себя сконфуженной. Все-таки не весь мир преследует их, как ей это казалось.

Глава 37

В центре Лагуна-Бич на станции техобслуживания «Арко» они укрылись от возможного нападения учеников Грейс Спиви. Сэнди Брекенштейн показал хозяину свою лицензию полицейского, обрисовал суть дела и заручился его поддержкой. Им разрешили взять Чубакку в служебное помещение, и они надежно привязали его к стойке с инструментами. Сэнди не хотел оставлять пса на улице не только потому, что тот бы промок, он уже был мокрым и дрожал, но, главное, была вероятность, пусть ничтожная, что люди Спиви будут рыскать по городу, вынюхивая их следы, и могут опознать собаку.

Пока Макс оставался с Кристиной и Джоем в задних помещениях, подальше от дверей и окон, Сэнди звонил из маленького застекленного аукционного зала. Он позвонил в «Клемет – Гаррисон», но Чарли в офисе не оказалось. Он поговорил с Шерри Ордуэй, секретаршей, описав ей положение так, чтобы она поняла всю серьезность, но не назвал ни места, где они находятся, ни телефона, по которому их можно найти. Он не думал, что Шерри могла быть осведомителем Церкви Сумерек, но и не был абсолютно уверен в ее лояльности.

– Найдите Чарли. Мне необходимо поговорить с ним, – сказал Сэнди.

– Но как же он узнает, где вы? – спросила Шерри.

– Я перезвоню через пятнадцать минут.

– Если я смогу найти его за пятнадцать минут...

– Я буду перезванивать каждые пятнадцать минут, пока вам это не удастся. – И он

повесил трубку.

Он вернулся в служебное помещение, где в воздухе ощущалась влага и пахло краской, смазочными маслами и бензином. На одном из двух гидравлических подъемников была подвешена «Тойота», пробегавшая года три, и человек с лисьим лицом в сером комбинезоне менял у нее глушитель. Сэнди сказал Макс и Кристине, что пока не удалось связаться с Чарли Гаррисоном.

Другой рабочий, молодой блондин, монтировал новые покрышки на изготовленные по заказу хромированные колеса, а Джой с восторгом смотрел на приспособления, и в голове у него крутилось множество вопросов, но он старался задавать мастеру лишь наиболее волнующие его.

Бедный мальчик промок до костей; грязный, растрепанный, он не жаловался и не хныкал, как делали бы другие дети в таких обстоятельствах. Это потрясающий ребенок – в любой ситуации он старался найти положительную сторону, вот и сейчас, наблюдая за установкой покрышек, он как бы вознаграждал себя за испытания, через которые только что прошел.

Семь месяцев назад жена Сэнди – Морриан родила мальчика – Троя Франклина Брекенштейна. Сэнди надеялся, что его сын будет таким же благовоспитанным, как Джой Кавелло. Потом он подумал: «Если б я чего и желал, так это жить подольше и видеть, как растет Трой, неважно, благовоспитанным он будет или нет».

Через пятнадцать минут Сэнди вернулся в зал и по телефону, который стоял около автомата по продаже конфет, позвонил Шерри Ордуэй. Она проверила автоответчик Чарли – он пока не звонил.

Дождь барабанил по асфальту перед зданием станции, и по улице растекался глубокий мутный поток. Мастер поставил еще одну покрышку, а Сэнди еще больше разнервничался, когда позвонил в офис в третий раз.

– Чарли в полицейской лаборатории с Генри Рэнкином, он пытается выяснить, что показала судебно-медицинская экспертиза о телах в доме Скавелло и не связаны ли они с Грейс Спиви, – ответила Шерри.

– Но это длинная история.

– Тут уж ничего не поделаешь, – сказала Шерри.

Она дала ему номер телефона Чарли, который он записал в свою маленькую записную книжечку.

Позвонив в лабораторию, он попросил Чарли, и тот сразу подошел. Сэнди рассказал более подробно, чем Шерри Ордуэй, о нападении в доме Мириам Рэнкин. Хотя Чарли уже знал о случившемся от Шерри, он был потрясен и встревожен тем, как быстро люди Спиви определили местонахождение Скавелло.

– С ними все в порядке? – спросил он.

– Грязные, мокрые, но невредимые, – успокоил Сэнди.

– Итак, среди нас есть провокатор, – сказал Чарли.

– Похоже, что так. Если только они не выследили вас прошлой ночью, когда вы выходили из дома.

– Я уверен, что нет. Но, может, в нашей машине установлен «жучок».

– Может быть.

– А может, и нет, – сказал Чарли. – Как ни прискорбно, но надо признать, что, возможно, к нам внедрился агент. Откуда ты звонишь?

Вместо ответа Сэнди спросил:

– Генри Рэнкин с вами?

– Да. Рядом. Хочешь поговорить с ним?

– Нет. Я просто хочу знать, слышит ли он наш разговор?

– Только не тебя.

– Если я скажу, где мы, никому не говорите, – сказал Сэнди и добавил, – не потому, что у меня есть причины подозревать, что Генри – агент Спиви. У меня их нет.

Я очень доверяю Генри. Но дело в том, что по-настоящему я не доверяю никому, кроме вас. Вас, себя и Макса, потому что, если бы это был Макс, он бы уже покончил-с мальчиком.

– Если у нас есть негодяй, – ответил Чарли, – это, скорее всего, секретарь, или бухгалтер, или что-то в этом роде.

– Знаю. Но я несу ответственность за женщину и мальчика. И пока я с ними, моя жизнь тоже висит на волоске.

– Скажи мне, где ты, – сказал Чарли. – Я никому не передам и приеду один.

Сэнди сказал.

– Погода сейчас..., пожалуй, дай мне сорок пять минут.

– Мы никуда не уйдем, – ответил Сэнди.

Он повесил трубку и вернулся к остальным в гараж.

Молния почти не видна была во время вчерашней грозы, а последние двенадцать часов ее не было совсем. Бури в Калифорнии обычно спокойнее, чем в других районах страны. Во время грозы не всегда бывает молния, а сильные электрические разряды и вовсе редкость. Но сейчас, когда холмы пропитались влагой и существовала угроза селей, когда улицы превратились в бурные реки, а на берег набрасывались гонимые ветром огромные волны, над Лагуна-Бич неожиданно засверкали страшные молнии.

Удары грома, от которых дрожали стены, сопровождались апокалиптическими разрядами молнии, как будто пронзавшими землю, и серый день на короткое время становился ослепительно ярким. Подобно фотовспышке, молния, на мгновение блеснувшая в проеме двери, озарила высокие грязные окна гаража, и тени внутри стали живыми, заплясали, извиваясь. Второй разряд вызвал мощный удар грома, заставил задребезжать стекла в расшатанных рамах, а потом прогремел и третий разряд: мокрый асфальт перед станцией блестел и вспыхивал мерцающими огнями, как будто природа обрушивала на землю свой гнев.

Джой отошел от матери и стоял у открытых дверей гаража. Он вздрагивал при каждой вспышке молнии и ударе грома, но, казалось, совсем не боялся. Когда на минуту небо прояснилось, он повернулся к матери:

– Здорово! Гнев божий, да, мам? Ты про это говорила?

– Гнев божий, – согласилась Кристина. – Лучше отойди оттуда.

Следующий всполох пронзил небо, и день, казалось, померк от убийственного электрического удара. Этот был сильнее предыдущих: не только задрожали окна и стены, но заколебалась под ногами земля, а у Сэнди застучали зубы.

– Здорово! – сказал Джой.

– Милый, отойди от открытой двери, – попросила Кристина.

Мальчик не пошевелился, и в следующее мгновение его осветила целая серия молний, таких ослепительных и мощных, что механик от испуга выронил накидной ключ.

Собака заскулила и попыталась спрятаться под стойку с инструментами, а Кристина бросилась к Джою, схватила его и увела от дверного проема.

– Мам, так красиво, – сказал он.

Сэнди старался представить, каково это – быть опять молодым, таким молодым, чтобы не осознавать, как много страха в этом мире, таким молодым, чтобы не знать значения слова «рак», не думать о смерти, или неизбежности налогов, или ужасах ядерной войны, или предательской природе тромбов в кровеносной системе человека. Каково это быть таким молодым, чтобы с восторгом наблюдать за молнией и не подозревать, что в одну десятитысячную долю секунды она может поджарить твои мозги. Сэнди посмотрел на Джоя Скавелло и нахмурился. Он чувствовал себя старым, всего тридцать два, но уже старым.

Его волновало, что он не может вспомнить, что когда-то был молодым и свободным от страха, хотя, конечно, в шесть лет он не задумывался о смерти. Говорят, что у животных отсутствует боязнь смерти, – ужасно несправедливо, что человек не может позволить себе такую же роскошь. Человек не может избежать мыслей о неотвратимости смерти: сознательно или бессознательно она с ним каждый час. Если бы Сэнди мог поговорить с этой

религиозной фанатичкой Грейс Спиви, он бы хотел узнать у нее, как она может так верить и быть такой преданной богу, который сотворил человека только затем, чтобы позволить ему как-нибудь ужасно умереть. Он вздохнул. Он видел все в мрачном свете, а это было не свойственно ему.

Похоже, сегодня не обойтись одной бутылкой пива на ночь, нужен десяток. Но все же..., он бы хотел задать Грейс Спиви свой вопрос.

Глава 38

Ближе к полудню Чарли прибыл в Лагуна-Бич, где на станции техобслуживания нашел ожидавших его Сэнди, Макса, Кристину и Джоя с собакой.

Джой бросился к нему и, налетев у самых дверей, закричал:

– Чарли, жаль, ты не видел, как шарахнуло дом, как в кино про войну или что-то такое!

Чарли подхватил его на руки и поднял вверх:

– А я-то думал, что ты будешь злиться на нас за эту осечку. Боялся, что ты снова будешь настаивать, чтобы наняли Магнума.

– Ну нет, – сказал мальчик. – Твои ребята молодцы.

А потом, откуда тебе было знать, что это будет настоящая война?

В самом деле, откуда?

Чарли отнес Джоя в глубь гаража, где между полками с запчастями и грудями покрышек стояли все остальные.

Сэнди уже говорил ему, что с женщиной и мальчиком все в порядке, и, разумеется, Чарли верил его слову, однако лишь теперь, когда увидел их собственными глазами, сердце его окончательно успокоилось. Его охватило чувство радостного облегчения, он ощущал его почти физически, и это лишний раз напоминало – хотя напоминание ему было совершенно не нужно – о том, насколько важное место в его жизни заняли эти два человека за такое короткое время.

К тому времени они уже просохли, но все равно смотреть на них было жалко: мятая грязная одежда, спутанные обвисшие волосы. Макс и Сэнди были полны мрачной гневной решимости, на их лицах читалась угроза, одного их вида было достаточно, чтобы очистить от посетителей какой-нибудь переполненный бар.

К чести Кристины надо признать, что красота ее не померкла, и выглядела она почти так же хорошо, как если бы была свежа и ухожена. Чарли вспомнил, что он чувствовал прошлой ночью в домике Мириам Рэнкин, когда, прежде чем уехать к себе, держал Кристину в объятиях, и то же самое теплое желание обнять ее охватило его сейчас, но на глазах своих служащих все, что он мог себе позволить, это, отпустив Джоя, взять ее руку в свои и сказать:

– Слава богу, вы живы.

Нижняя губа у нее задрожала. Мгновение казалось, что она вот-вот уткнется ему в плечо и разрыдается. Но, взяв себя в руки, она сказала:

– Я все время повторяю себе, что это просто дурной сон..., но я никак не могу проснуться.

– Мы должны немедленно увезти их отсюда, из Лагуны, – сказал Макс.

– Согласен, – сказал Чарли. – Мы поедem сейчас же, в моей машине. Когда мы уедem, позвоните в офис и сообщите Шерри, где вы находитесь, чтобы сюда прислали машину. Отправитесь обратно к дому Мириам...

– От него не много осталось, – сказал Сэнди.

– Взрыв был дьявольской силы, – подтвердил Макс. – Фургон, должно быть, до отказа набили взрывчаткой.

– Возможно, от дома ничего не осталось, – сказал Чарли, – но там полиция и пожарные. Шерри связалась с полицией Лагуна-Бич, я говорил с ней по телефону из машины, пока ехал сюда. Сообщите полиции о случившемся, окажите им всяческое содействие и выясните, что им удалось установить.

– Они нашли того парня из проулка, которого я подстрелил? – спросил Макс.
– Нет, – сказал Чарли, – он исчез.
– Если только ползком. Я попал ему в ногу.
– Стало быть, ползком, – сказал Чарли. – Или же был кто-то третий, который помог ему скрыться.

– Третий? – удивился Сэнди.
– Ну да, – подтвердил Чарли. – Шерри говорит, что второй так и остался в фургоне.
– Боже!
– Да это настоящие камикадзе, – с дрожью в голосе произнесла Кристина.
– Его, должно быть, разнесло на тысячу кусочков, – начал говорить Макс и сказал бы еще больше, если бы его не остановил Чарли, указав на мальчика, который слушал все это, широко раскрыв рот.

Они замолчали, каждый представил себе страшный конец, постигший человека из фургона. Дождь стучал по крыше, словно барабанная дробь похоронной процессии.

Механик включил электроключ, и все вздрогнули от резкого металлического звука. Когда звук смолк, Чарли посмотрел на Кристину и сказал:

– Хорошо, давайте-ка отсюда выбираться.

Макс и Сэнди, не оставляя без внимания ни единого шороха, проводили их до стоявшего перед гаражом серого «Мерседеса». Кристина села впереди рядом с Чарли, Джой с собакой – сзади.

Чарли, уже сидя за баранкой и обращаясь через открытое окно к Сэнди и Макс, сказал:

– Вы хорошо поработали!

– Да, только едва не потеряли их, – сказал Сэнди, не принимая похвалы.

– Главное – не потеряли, – сказал Чарли. – При этом сами остались живы.

Лишись он еще кого-то из своих людей, когда так свежа в памяти гибель Пита и Фрэнка, он не уверен, что справился бы с этим. С данного момента только ему одному будет известно местонахождение Кристины и Джоя. Его люди будут заниматься этим делом, доказывать, что существует связь между Церковью Сумерек и всеми этими убийствами или попытками убийства, но, пока не удастся остановить Грейс Спиви, только он один будет знать, где скрываются его подопечные. Таким образом, шпионы Грейс Спиви не смогут их найти, а ему не придется переживать за своих людей. Он будет рисковать только своей собственной жизнью.

Чарли поднял оконное стекло, заблокировал все четыре двери с дистанционного пульта и помчал прочь.

Лагуна-Бич был чудесным, теплым, чистым и жизнерадостным городком, но сегодня его окутывали дождь и туман, и все краски поблекли. У Чарли возникло ощущение, что он на кладбище, как будто над ним медленно опускают крышку гроба. Ему стало легче дышать лишь после того, как они выехали за черту города и устремились на север по шоссе Пэсиденк-Кост.

Кристина обернулась и посмотрела на Джоя, который притих на заднем сиденье. Брэнди.., то есть нет, Чубакка лежал рядом, положив голову ему на колени. Джой рассеянно поглаживал собаку и безучастно смотрел в окно на беспокойные, покрытые рябью воды океана, с которого в сторону берега надвигалась плотная стена тумана. У него был отсутствующий взгляд, ничего не выражающий, почти – но не совсем. В нем угадывалось нечто, чего Кристина никогда прежде не замечала, и она не могла постичь этого. О чем он думал? Что чувствовал? Она уже дважды спросила его, как он себя чувствует, и он ответил, что хорошо. Она не хотела надоедать ему, но также не могла и унять тревоги.

И дело было не только в том, что ее беспокоило его физическое здоровье, хотя она

терзалась и об этом. Более всего ее волновало состояние его психики. Если он выйдет живым из этой безумной охоты за ним, которую устроила Грейс Спиви, какие раны на всю жизнь останутся после этого в его душе? Невозможно, чтобы такое испытание прошло без всяких последствий для его психики.

Джой продолжал гладить собаку по голове, но при этом пребывал точно в гипнотическом сне: как будто не ощущая, что собака на самом деле рядом с ним, отсутствующим взглядом смотрел на океан.

– Полиция хочет, чтобы я привез вас, – у них есть к вам вопросы, – сказал Чарли.

– К черту полицию, – отозвалась Кристина.

– Теперь они серьезно хотят помочь...

– Потребовалось несколько смертей, чтобы они удостоили нас своим вниманием.

– Не стоит списывать их со счетов. Разумеется, мы защитим вас лучше, чем они, и, возможно, нам удастся раскопать что-то, что ускорит арест Грейс. Но теперь, когда полиция завела дело об убийстве, они выполняют основную работу, необходимую, чтобы выдвинуть против Грейс обвинение и привлечь ее к суду. Только так можно остановить ее.

– Я не верю полиции, – резко возразила она. – У Спиви, видимо, есть свои люди там.

– Не могла же она посадить их в каждое полицейское управление по всей стране. У нее нет такого количества последователей.

– Необязательно в каждое, – бесстрастно сказала Кристина. – Достаточно иметь своих людей в тех городах, где она проводит кампании по сбору средств и вербует сторонников.

– Полицейские Лагуна-Бич тоже, разумеется, хотели бы поговорить с вами о том, что случилось сегодня утром.

– К чертям и их тоже. Даже если никто из них и не принадлежит к Церкви Сумерек, Спиви, возможно, рассчитывает на то, что я появлюсь в полицейском управлении. Ее люди могут поджидать нас, чтобы в ту же секунду прикончить, как только выйдем из машины. – Страшная догадка осенила ее, и она спросила:

– Вы что, везете нас в полицию?

– Нет, – успокоил Чарли. – Я только сказал, что они хотели встретиться с вами. Я не говорил, что считаю это хорошей идеей.

Кристина откинулась на сиденье:

– А есть они, хорошие идеи?

– Главное – не унывать.

– Я хочу сказать, что мы будем делать теперь? У нас нет никакой одежды, кроме той, что на нас, да еще сумка и кредитная карточка. Не много. Нам негде остановиться.

Мы не можем поехать ни к друзьям, ни к знакомым. Они травят нас, как дичь.

– Не совсем так, – сказал Чарли. – Дичь, которую травят, не может позволить себе роскоши спастись бегством на «Мерседесе».

Кристине были приятны его робкие попытки вызвать ее улыбку, но у нее не было сил подыграть.

Глухой перестук «дворников» – стеклоочистителей походил на сердцебиение неведомого неземного существа.

– Мы отправимся в Лос-Анджелес, – сказал Чарли. – Хотя там и слышали о существовании Церкви Сумерек, но ее основная деятельность сосредоточена в округах Оранж и Сан-Диего. В Лос-Анджелесе шляется гораздо меньше соратников Грейс, поэтому риск того, что нас случайно заметят, невелик. Практически никакого риска.

– Они повсюду, – сказала Кристина.

– Побольше оптимизма, – сказал Чарли. – И не забывайте о маленьких ушках.

Она оглянулась и посмотрела на Джоя, почувствовав себя виноватой, ведь она могла нечаянно напугать его. Но он, казалось, не обращал никакого внимания на их разговор. По-прежнему смотрел в окно, только теперь не на океан, а на вереницу магазинов вдоль шоссе в Корона-Дель-Мар.

– В Лос-Анджелесе купим чемоданы, одежду и все, что может потребоваться, – сказал

Чарли.

– И дальше?

– Поужинаем.

– И потом?

– Найдем отель.

– Что, если в этом отеле работает кто-то из ее людей?

– А что, если кто-то из ее людей работает мэром Пекина? – спросил Чарли. – Тогда лучше не совать носа в Китай?

На этот раз Кристина одарила его вымученной улыбкой – единственное, на что она оказалась способна. Но сама она была изумлена, что еехватило хотя бы на это.

– Простите, – сказала она.

– За что? За то, что вы живой человек и к тому же до смерти напуганы?

– Не хочется впадать в истерику.

– Так не надо.

– Не буду.

– Вот и хорошо. Есть ведь и хорошие новости.

– Например?

– Установили личность одного из трех нападавших, погибшего в первую ночь, – того рыжего, что вы застрелили. Его имя Пэт О'Хара. Полиция уверена в этом потому, что он профессиональный взломщик и за ним числятся три ареста и одна судимость.

– Взломщик? – Кристина была совершенно сбита с толку тем обстоятельством, что в этой истории был замешан заурядный уголовник.

– Но полиция не только установила его имя. Они нашли подтверждение его причастности к секте Грейс Спиви.

Эти слова вывели Кристину из апатии.

– Каким образом?

– Его родные и приятели показали, что восемь месяцев назад он вступил в секту Сумерек.

– Наконец-то! – выпалила она, дрожа от охватившего ее возбуждения. -

Теперь у них есть все, чтобы притянуть Грейс Спиви к ответу.

– Разумеется, они снова были в церкви и говорили с ней.

– И это все? Всего лишь поговорили!

– На данном этапе у них нет никаких доказательств...

– Но О'Хара член ее секты!

– Однако нет доказательств, что он действовал, выполняя ее распоряжение.

– Все они делают то, что она говорит им, они слепо подчиняются ее приказам.

– Но Грейс заявляет, что ее Церковь придерживается свободных взглядов, никого не контролирует и не навязывает своей воли, так же как в любой католической или протестантской церкви, так же, как в синагоге.

– Чушь собачья, – сказала она тихо, но с большим чувством.

– Верно, – подтвердил Чарли. – Но это чертовски трудно доказать, особенно учитывая то обстоятельство, что мы не можем взять показания у кого-либо из бывших членов секты, чтобы получше узнать о царящих там порядках.

От возбуждения, овладевшего Кристиной, не осталось и следа.

– В таком случае какой нам прок от новости, что О'Хара состоит в секте Сумерек?

– Ну, это придает вес вашим заявлениям о том, что Грейс преследует вас. Теперь в полиции куда более серьезно относятся к вашему делу, а это нам не повредит.

– Но этого мало.

– Есть и еще кое-что.

– Что?

– О'Хара – или тот второй, что был вместе с ним, – оставил у вашего дома кое-какие следы. Это сумка с эмблемой авиакомпания. В ней нашли приспособления, употребляемые

взломщиками, но не только... Там была пластиковая банка, наполненная бесцветной жидкостью, которая оказалась простой водой. Но еще более любопытные находки – небольшой бронзовый крест и Библия.

– Подтверждается, что у них была некая сумасшедшая религиозная миссия, верно?

– Это, конечно, нельзя считать доказательством, но так или иначе интерес представляет. Круг все больше сужается. Это еще одно звено в цепи фактов, на основе которых можно будет возбудить дело против Грейс Спиви.

– Такими темпами она окажется на скамье подсудимых разве что в самый канун следующего столетия, – мрачно изрекла Кристина.

Они мчались по бульвару Макартура – дорога ныряла вниз, взбиралась на холмы, мимо Фэнш-Айленд, мимо роскошных особняков, мимо заболоченной поймы в районе Ньюпорт-Бей, поросшей высоким тростником, который то гнулся под косыми струями дождя, то вдруг выпрямлялся и часто дрожал, когда порывистый штормовой ветер внезапно менял направление. Был полдень, но большинство встречных машин ехали с зажженными фарами.

– А полиции известно, что проповедует Грейс Спиви?

О наступлении Сумерек, о Страшном суде, об Антихристе? – спросила Кристина.

– Да, все это им известно, – ответил Чарли.

– Им известно то, что она утверждает, будто Антихрист уже среди нас?

– Да.

– И что последние несколько лет она посвятила его поискам?

– Да.

– И что она намерена уничтожить его, как только найдет?

– Она никогда не говорила об этом публично, и такого пассажира нет ни в одном из опубликованных ею религиозныхopusов.

– Но именно таковы ее планы, и мы знаем об этом.

– Существует разница между тем, что мы знаем, и тем, что мы можем доказать.

– Полиция должна понимать, что именно поэтому она заиклилась на Джое и...

– Вчера вечером на допросе она отрицала, что знает вас с Джоем, как отрицала и саму сцену в «Саут-Кост-Плаза». По ее словам, она не понимает, что вы имеете против нее и почему стремитесь опорочить ее доброе имя.

Она заявила, что еще не нашла Антихриста и, более того, считает это делом далекого будущего. Когда ее спросили, что она предпримет, если все же найдет Антихриста, ответила, что обратится с молитвами о помощи ко всевышнему. Ее спросили, не будет ли она предпринимать попыток убить Антихриста, но она сделала такой вид, будто одна мысль об этом вызывает негодование. Заявила, что она – божий человек, а не уголовник и что вполне достаточно будет ее молитв, которые остановят Антихриста и водворят его обратно в ад.

– И они, разумеется, ей поверили.

– Нет. Сегодня утром я разговаривал со следователем и читал протокол беседы с Грейс Спиви. Они считают ее личностью крайне неуравновешенной, а возможно, и опасной, отводя ей место основного подозреваемого по делу о попытке убийства вас двоих.

Кристина не могла скрыть своего удивления.

– Вот видите? – сказал Чарли. – Не стоит быть такой пессимисткой. Кое-что все же делается. Не так быстро, как хотелось бы, это верно, – потому что существуют формальные правила, которым полиция должна следовать, существует доказательственное право, конституционные права, наконец, которые надо уважать...

– Мне иногда кажется, что единственные люди, которые имеют конституционные права, – это уголовные преступники.

– Понимаю. Но лучшее, что мы можем сделать, – это постараться приспособиться к системе.

Они миновали аэропорт «Оранж» и выехали на автостраду Сан-Диего, ведущую на север, к Лос-Анджелесу.

Кристина снова оглянулась на Джоя. Он уже не смотрел в окно и не гладил собаку. Его

укачало: свернувшись на заднем сиденье, он крепко спал, открыв рот и сладко посапывая.

Повернувшись к Чарли, Кристина сказала:

– Меня пугает, что в то время, как мы медленно и деликатно приспосабливаемся к системе, этой сучке Спиви никакой закон не писан. Она может себе позволить действовать быстро и жестоко. Пока мы будем топтаться, пытаясь не ущемить ее прав, она нас всех поубивает.

– Но раньше она, возможно, изведет саму себя, – сказал Чарли.

– Что вы хотите сказать?

– Утром я был у нее в церкви, встречался с ней. Говорю вам, Кристина, она невменяема. Совершенно иррациональная особа. Расползается по швам.

И Чарли поведал о визите к старухе, о кровавых стигматах на ступнях и ладонях.

Если он рассчитывал, что придаст Кристине бодрости, изобразив Грейс Спиви косноязычной кликушей, балансирующей на краю гибели, то он ошибся. Неистовая одержимость этой безумной женщины делала ее в глазах Кристины еще более страшной и безжалостной, чем прежде, а ее угрозы от этого представлялись еще более неотвратимыми.

– Вы сообщили об этом полиции? – спросила Кристина – Вы сказали, что она в вашем присутствии откровенно угрожала Джю?

– Нет. Одних моих слов против нее недостаточно.

Он рассказал о своей встрече с Дентоном Бутом, его другом, психологом.

– Бут утверждает, что подверженные такого рода психозам отличаются неимоверной силой. Он говорит, не стоит надеяться на то, что ее хватит удар и это решит все наши проблемы, – но, говоря так, он сам никогда не видел ее. Будь он там со мной и Генри, он бы знал, что она долго не протянет.

– Были у него какие-нибудь предложения, идеи относительно того, как ее остановить?

– Он сказал, что самый верный способ – это убить ее, – с улыбкой ответил Чарли.

Но Кристине было не до смеха.

Оторвав взгляд от залитого дождем шоссе, он посмотрел на нее. Догадался, о чем она думает, и сказал:

– Бу, разумеется, пошутил.

– Пошутил?

– Как вам сказать..., не совсем... То есть он действительно имел это в виду..., но в то же время он не мог не знать, что мы не можем всерьез рассматривать такой вариант.

– Но вдруг это и есть единственный выход?!

Чарли снова посмотрел на нее, озабоченно нахмурившись:

– Надеюсь, и вы шутите?

Она не ответила.

– Кристина, если вы пойдете на нее с оружием..., если вы убьете ее, то окажетесь за решеткой. Джю у вас отберут по суду. Так или иначе вы потеряете его. Прикончить Грейс Спиви – это не выход из положения.

Кристина, тяжело вздохнув, согласно кивнула. Ей не хотелось спорить об этом.

Но она задумалась...

Пусть она закончит жизнь за решеткой и пусть у нее заберут Джю, но по крайней мере он останется жив.

Когда их «Мерседес» съехал с автострады на бульвар Уилшир в западном секторе Лос-Анджелеса, Джой проснулся и, шумно зевнув, спросил, где они находятся.

– Вествуд, – ответил Чарли.

– Никогда не был в Вествуде, – сказал Джой.

– Вот как? – Чарли оживился. – А я подумал, что ты гражданин мира и побывал везде.

– Как же я мог побывать везде? – спросил мальчик. – Ведь мне только шесть лет.

– Что ж, достаточно взрослый, чтобы успеть везде, – сказал Чарли. – В твои годы я добирался от дома в Индиане аж до самой Пеории.

– Это неприличное слово? – подозрительно спросил мальчик.

Чарли рассмеялся, увидев, что у Кристины последний вопрос тоже вызвал улыбку.

– Пеория? Да нет, ничего неприличного в этом слове нет. Это всего лишь название места. Видно, ты все-таки не гражданин мира. Гражданин мира Пеорию знает так же хорошо, как Париж.

– Мамочка, о чем это он говорит?

– Милый, он просто дурачится.

– Я так и подумал, – сказал мальчик. – Все детективы иногда так себя ведут. Джим Рокфорд, бывает, дурачится.

– Именно у него я этому научился, – сказал Чарли. – У старины Джима Рокфорда.

Они оставили машину в подземном гараже возле Вествудского театра напротив здания Лос-Анджелесского университета и направились в Вествуд-Виллидж, чтобы купить одежду и другие необходимые вещи. Расплачивались по кредитным карточкам. Вопреки обстоятельствам и невзирая на отвратительную погоду, прогулка доставила им огромное удовольствие. Над входом в каждый магазин был или козырек, или матерчатый навес, под которым можно было оставить Чубакку, чтобы тот не мок под дождем, пока они делают покупки. Повышенного внимания они к себе не привлекали, поскольку растрепанный вид и забрызганную грязью одежду можно было отнести на счет проливного дождя – основная тема, живо обсуждавшаяся всеми продавцами.

Чарли язвил по поводу одежды, которую они примеряли, а когда притворился, будто приглядел для себя спортивную рубашку кричащего апельсинового цвета, Джой зажал нос пальцами, словно почувствовал всепроникающий цитрусовый запах. Их вполне можно было принять за обычную семью, совершающую вылазку по магазинам, и казалось, что религиозные фанатики существуют где-то в другом мире, на Ближнем Востоке, где они никак не могут поделить свою нефть или мечети. Было приятно сознавать, что втроем они образуют некое единое целое, что их связывают особые узы, и Чарли вновь ощутил приступ ностальгии по домашнему теплу и уюту, о которых он прежде, до встречи с Кристиной Скавелло, никогда не думал.

Они дважды относили покупки к машине, складывая их в багажник. Купив все необходимое для Кристины и Джоя, зашли еще в два магазина, чтобы экипировать и Чарли. Он не хотел рисковать, заезжая домой, где ему могли сесть на хвост, и купил себе чемодан, туалетные принадлежности, а также смену белья и кое-какую одежду с расчетом на три дня.

Несколько раз замечали на улице людей, которые как будто наблюдали за ними или просто вызывали подозрение, но всякий раз опасность оказывалась мнимой, и постепенно они почувствовали себя спокойней. Конечно, не забывались и держались настороже, но уже не вели себя так, будто за каждым углом их поджидали вооруженные маньяки.

Магазины уже закрывались, было половина шестого, когда они зашли в уютный ресторанчик, отделанный под атласное дерево, с витражами на окнах и фирменными блюдами типа фаршированного картофеля с сыром и беконом. Для ужина было еще довольно рано, но они не обедали и просто умирали от голода.

Заказали аперитив, после чего Кристина с Джоем отправились в туалетную комнату умыться и переодеться.

Пока их не было, Чарли по платному телефону позвонил в офис. Шерри еще сидела на работе и соединила Чарли с Генри Рэнкином, который хоть и ждал его звонка, однако новостей у него было немного. Исходя из результатов лабораторной экспертизы, полиция заключила, что в синем «Додже» – фургоне было два ящика с пластиковой взрывчаткой, аналогичной той, что находится на вооружении в американской армии, однако установить, где она была приобретена или похищена, не представлялось возможным. Удалось связаться с Мириам, теткой Генри, живущей в Мексике. Разумеется, ее поразило известие о том, что ее

дома больше нет, но Генри она ни в чем не винила. Сказала, что не намерена возвращаться из Мексики раньше времени – отчасти потому, что вряд ли из имущества можно еще что-то спасти, а причиненный ущерб ей все равно возместят по страховке; отчасти же потому, что была жизнерадостным человеком и легко принимала неприятные сюрпризы, которые преподносила ей судьба, но главное – в Акапулько она познакомилась с очень интересным мужчиной. Его зовут Эрнесто. Это были все новости.

– Я буду звонить два раза в день, чтобы быть в курсе, как продвигается дело, и чтобы, по возможности, оказать со своей стороны содействие, – сказал Чарли.

– Если будет что-то новенькое про тетю Мириам и Эрнесто, я обязательно поделюсь с тобой.

– Буду признателен.

Повисла напряженная пауза – ни один, ни другой были не в настроении поддерживать разговор в шутовском тоне.

Наконец Генри нарушил молчание:

– Ты уверен, что поступаешь правильно, пытаешься защитить их в одиночку?

– Это единственная возможность.

– Трудно поверить, что Спиви внедрила к нам своих людей, тем не менее я каждого изучаю под микроскопом на предмет червотчины. Если такой есть – я его вычислю.

– Я верю тебе, – сказал Чарли.

Он не собирался говорить, что, пока Генри проверяет всех остальных, его самого – по приказу Чарли – проверяет другой оперативник, Майк Спекловитч. Чарли мучили угрызения совести – приходилось не доверять другу, хотя он понимал, что это вызвано необходимостью.

– Где ты сейчас? – спросил Генри.

– В австралийской глубинке, – ответил Чарли.

– Что? Ах да. Не мое дело, верно?

– Мне, право, очень жаль, Генри.

– Ничего страшного. Возможно, ты ведешь единственно верную игру, – сказал Генри, но в голосе звучала обида.

Чарли повесил трубку и вернулся к столу. Настроение было подавленное: он ценил отношения доверительности и товарищества, установившиеся между его сотрудниками, а теперь с горечью отмечал, что эти отношения разрушаются из-за дела Спиви. Официантка поставила перед ним водку с мартини. Даже не пригубив, он заказал еще одну, после чего стал изучать меню.

Кристина вернулась с сумкой, набитой старой одеждой и всякой косметикой. Теперь на ней были бежевые вельветовые джинсы и зеленая блузка, а на Джое – синие джинсы и ковбойская рубашка – предмет особой гордости. Новую экипировку было бы нелишне хорошенько выгладить, но она по крайней мере была куда чище и свежее того, что они носили с тех самых пор, как покинули обреченный дом Мириам Рэнкин. В самом деле, несмотря на складки на блузке, Кристина выглядела сногшибательно, и у Чарли при одном взгляде на нее затрепетало в груди.

К тому времени, как они вышли из ресторана, прихватив с собой пару гамбургеров для Чубакки, на город опустилась ночь и дождь поутих. Слегка моросило, и тяжелый, насыщенный влагой воздух угнетал дыхание, однако, похоже, необходимость постройки ковчега отпала. Пес почуял запах бутербродов, догадался, что это для него, так А» – 'что пришлось скормить их ему тут же, не дожидаясь возвращения в гараж. Он уплел их прямо перед входом в ресторан, на что Кристина заметила:

– Знаете, у него даже повадки те же, что были у Брэнди.

– Ты же всегда говорила, что у Брэнди дурные повадки, – напомнил Джой.

– Именно это я и хотела сказать.

Теперь, когда гроза отступила, улицы заполнили студенты Калифорнийского университета, спешившие кто в ресторан поужинать, кто в кино; было полно празднующихся зевак, глазающих на витрины, и театралов, коротавших время,

оставшееся до начала вечернего спектакля. Калифорнийцы ненавидят дождь и после грозы, подобно сегодняшней, высыпают на улицы, пребывая почти в карнавальном настроении. Чарли с сожалением уходил отсюда: посреди сошедшего с ума мира Вествуд-Виллидж создавал ощущение оазиса душевного здоровья, и он чувствовал благодарность за ту короткую передышку, которую они здесь нашли.

Днем, когда ставили машину, гараж был почти полон и им пришлось переехать на самый нижний уровень. Сейчас, спускаясь в лифте, они ощущали приподнятое настроение, что всего несколько часов назад казалось невозможным. Не было более веского доказательства того, что бог существует и что жить в этом мире совсем неплохо, чем хороший ужин и безмятежная прогулка по оживленным улицам, когда не боишься, что тебя в любой момент могут застрелить.

Но настроение упало, едва открылись двери лифта.

Освещение перед самым лифтом было отключено. По обе стороны в глубине гаража горело несколько тусклых лампочек, были видны ряды машин, грубые бетонные стены и массивные несущие колонны, но пространство перед ними окутывала тьма. Казалось маловероятным, что три или четыре лампы перегорели одновременно.

Эта тревожная мысль мелькнула в голове Чарли, как только раздвинулись двери лифта. Он не сделал еще и шага, как вдруг Чубакка разразился лаем, увидев впереди густые тени. Внезапно пес стал невероятно злобным, словно охваченный бешенством, однако не рвался из лифта прочь в погоню за тем, кто вызвал его гнев, и это, было плохим знаком – что-то нехорошее подстерегало там, в темноте.

Чарли протянул руку, чтобы нажать кнопку.

Что-то просвистело и ударило в стену, в пяти сантиметрах от Кристины. Пуля. В металлической панели зияла дыра. Звук от выстрела был как запоздалая мысль.

– На пол! – крикнул Чарли и нажал кнопку. Раздался второй выстрел, и пуля попала в двери, которые в этот момент начали сдвигаться. Под аккомпанемент собачьего лая и крика Кристины Чарли нажал кнопку верхнего этажа, наконец двери закрылись, и они, словно пойманные в клетку, тронулись вверх. И Чарли показалось, что, пока они поднимались из этого бетонного колодца, он слышал еще один, последний выстрел.

Убийцы, планируя покушение, не приняли в расчет, что собака мгновенно учует их и поднимет такой шум. Они не хотели убивать свою жертву в кабине лифта, а ждали, что Кристина с Джоем выйдут из него. Случись все так, как планировалось, они стреляли бы наверняка и сейчас Джой или его мать – или оба – уже были бы мертвы.

Так или иначе, но все покушавшиеся находились на нижнем уровне гаража. Если бы они предусмотрели такую случайность, если бы они предвидели возможность того, что их жертва окажется начеку и не покинет кабину лифта, они могли бы поставить своих людей и наверху. Могли поставить стрелков на каждом этаже, где останавливается лифт.

«Как они вычислили нас? – в смятении пытался понять Чарли, пока Кристина поднималась с пола. – Черт побери, как!» Он сжал пистолет, который не вынимал с тех пор, как утром ушел на свидание с Грейс Спиви, и направил его прямо перед собой, на двери лифта.

Лифт остановился на последнем этаже. Открылись двери. Тусклый желтый свет. Серые бетонные стены. Призрачно мерцали контуры машин, стоявших в тесных боксах. Вооруженных людей видно не было.

– Идем! – сказал Чарли.

И они пустились бегом, опасаясь, что нападавшие следуют за ними по пятам.

Глава 39

Они бежали по Хилгард-авеню, потом дальше, от Калифорнийского университета и деловой части Вествуда к дорожному и тихому пригороду. Чарли было спокойнее, когда их скрывала тень, и тревожно в островках света вокруг уличных фонарей, где их –

единственных на улице – было легко обнаружить. Несколько раз они поворачивали, пытаясь найти укрытие около роскошных вилл.

Постепенно становилось ясно, что они оторвались от преследователей, хотя и знали, что долго еще не будут чувствовать себя в полной безопасности.

Дождь кончился, и в воздухе висел легкий туман, но к тому времени, когда Чарли стал подыскивать машину, они, хоть и были в плащах, снова вымокли и замерзли.

Машины стояли вдоль тротуара под пропитанными влагой коралловыми деревьями и пальмами, и Чарли, воровато оглядываясь, пробовал открыть дверцы, молясь, чтобы никто не наблюдал за ними из соседних домов.

Первые три не поддались, а дверца четвертой, желтого «Кадиллака», изготовленного года два назад, открылась.

Кристине и Джою он жестом велел садиться в машину скорее.

– Ключи есть?

– Нет.

– Вы собираетесь угнать ее или как?

– Да, садитесь.

– Я не хочу, чтобы вы нарушали закон и попали в тюрьму из-за меня и...

– Садитесь! – нетерпеливо произнес он.

На переднем велюровом сиденье могли поместиться трое, и Кристина посадила Джоя посередине, боясь отпустить его даже на заднее сиденье. Собака забралась назад, отряхиваясь и разбрызгивая на всех капли дождя.

В «бардачке» нашелся маленький съемный фонарик, крепящийся к специальной нише и постоянно заряжающийся на ходу. Чарли осветил им под приборным щитком, ниже ведущего колеса, и нащупал провода зажигания.

Замкнул контакты, и сразу заработал мотор «Кадиллака».

Прошло не более двух минут с того момента, как он открыл машину. Отъехали от тротуара, с потушенными фарами проехали первый квартал. Убедившись, что их не заметили, Чарли включил фары и направил машину к Сансет-бульвару.

– Что, если полиция остановит нас? – спросила Кристина.

– Не остановит. Владелец, скорее всего, до утра не заявит об угоне. И даже если уже через десять минут обнаружит пропажу, то все равно некоторое время машина не будет объявлена в розыск.

– Но могут остановить за превышение скорости...

– Я не собираюсь превышать скорость.

– ..или какое-нибудь нарушение.

– Вы думаете – я каскадер?

– А ты – каскадер? – спросил Джой.

– Конечно, лучше Эвели Нивеля, – ответил Чарли.

– Кого? – поинтересовался мальчик.

– Боже, я старею, – ответил Чарли.

– У нас будет погоня, как по телевизору? – не унимался Джой.

– Надеюсь, нет, – сказал Чарли.

– А я хотел бы, – отозвался мальчик.

Чарли посмотрел в зеркало заднего обзора. Следом шли две машины. Но он не мог определить ни их модели, ничего. Только две пары фар в темноте.

– Но рано или поздно найдут машину, – сказала Кристина.

– Мы припаркуем ее где-нибудь и возьмем другую, – ответил Чарли.

– Украсть еще одну?

– Я ведь не пойду к «Герцу» или «Авису». Машину, взятую напрокат, найти легче.

«Боже, помоги, – подумал он. – Скоро я буду похож на Рэя Милланда из «Потерянных выходных» – начну шарахаться от собственной тени, видеть огромных жуков, выползающих из стен».

Он повернул налево. Обе машины сзади тоже.

– Как они нашли нас? – спросила Кристина.

– Наверное, установили радиомаячок на моем «Мерседесе».

– Когда же они это сделали?

– Не знаю. Может, когда я был в церкви утром.

– Но вы говорили, что оставили в машине человека, чтобы тот послал за подмогой, если б вы не вернулись вовремя.

– Да, Картера Рилбека. – – Значит, он видел, как устанавливали маячок.

– Если, конечно, он не один из них, – сказал Чарли.

– Вы думаете, это может быть?

– Наверное, нет. Они могли поставить «жучок» до этого. Как только узнали, что вы меня наняли.

У Хилгарда повернул направо. Машины сзади тоже.

Он сказал Кристине:

– Или, может быть, Генри Рэнкин принадлежит Церкви Сумерек и, когда я звонил ему из ресторана, выследил по номеру, откуда звонок.

– Вы говорили, он как брат.

– Да. Но разве Каин не был братом Авелю?

Повернули налево, на Сансет-бульвар, Калифорнийский университет остался слева, а здание Бел-Эйр на холмах справа.

За ними последовала только одна машина.

Кристина сказала:

– Вы говорите так, будто стали параноиком, вроде меня.

– Грейс Спиви не оставляет мне выбора.

– Куда мы едем? – спросила она.

– Дальше.

– Куда?

– Еще не знаю.

– Мы потратили столько времени на покупку одежды и прочего, а теперь почти ничего нет, – произнесла она.

– Мы завтра можем купить все необходимое.

– Я не могу прийти домой, не могу ходить на работу, не могу остановиться ни у кого из моих друзей...

– Я ваш друг, – сказал Чарли.

– Теперь у нас даже нет машины.

– У нас есть.

– Краденая.

– У нее четыре колеса, – ответил он. – Она на ходу.

Этого вполне достаточно.

– Я чувствую себя так, будто мы ковбои из какого-то старого фильма – индейцы заманили их в каньон и теснят к стене.

– А помните, кто побеждает всегда в таких фильмах? – спросил Чарли. – – Ковбои, – вмешался Джой.

– Точно.

Пришлось остановиться на красный свет светофора, потому что по иронии судьбы на другой стороне перекрестка находилась полицейская патрульная машина. Остановившись, Чарли почувствовал, как он уязвим. То и дело он поглядывал в боковые зеркала и в зеркало заднего вида, наблюдая за машиной, следующей за ними, – боялся, что кто-нибудь выйдет из нее, пока они стоят здесь, кто-нибудь с дробовиком.

– Мне бы вашу уверенность, – устало произнесла Кристина. Ее тон испугал Чарли.

«Мне бы тоже», – подумал про себя.

Светофор переключился. Проехали перекресток. Машина сзади немного отстала.

Чарли сказал:

– Утром все будет лучше.

– А где мы будем утром? – спросила Кристина. Доехали до пересечения с бульваром Уилшир. Повернули направо к автостраде.

– Как насчет Санта-Барбары?

– Вы серьезно?

– Это недалеко. Часа два. Мы можем быть там к девяти тридцати, заказать номер.

Идущая следом машина тоже повернула направо у Уилшира и снова повисла на хвосте.

– Лос-Анджелес – большой город, – сказала она. – Вы не считаете, что мы там будем в безопасности?

– Может, и будем, – согласился он, – но я не буду чувствовать себя в безопасности, а мне необходимо остановиться там, где я бы не беспокоился, мог расслабиться и спокойно обдумать случившееся. Не могу работать в состоянии постоянной паники. Они не ожидают, что мы уедем далеко от моего офиса. Считают, что я буду крутиться где-то поблизости, не дальше Лос-Анджелеса, поэтому, думаю, в Санта-Барбаре мы будем в безопасности.

Чарли свернул на въезд к автостраде Сан-Диего, ведущей на север. Посмотрел в зеркало. Пока машины не было. Понял, что все время сдерживал дыхание..

– Вы не рассчитывали на такие неприятности и неудобства, – возражала Кристина.

– Рассчитывал, – ответил он. – Это же мой хлеб.

– Ну да, конечно.

– Спросите Джоя. Он все о нас знает, детективах. Он знает, просто мы любим рисковать.

– Да, мам, – сказал мальчик. – Они любят рисковать.

Чарли снова взглянул в зеркало заднего вида. Сзади не было ни одной машины. Их не преследовали.

Они двигались на север, в ночь. Вскоре опять начался сильный дождь и опустился туман. Ландшафт и дорога приняли смутные очертания, и временами казалось, что они едут не по дороге, а пребывают в призрачном иллюзорном мире духов и снов.

Глава 40

Квартира Кайла Барлоу в Санта-Ане была обставлена соответственно его габаритам. В ней стояли просторные кресла, большой раздвижной глубокий диван, крепкие приставные столики к нему и массивный журнальный столик, на который можно было положить ноги, не боясь его опрокинуть. Круглый стол в обеденном алькове появился в результате бесконечных поисков в магазинах уцененной мебели. Этот простой, разбитый, некрасивый стол был выше, чем обычные, и Кайлу хватало места для ног. В ванной – очень старая, очень большая ванна на ножках, а в спальне разместился огромный шкаф, приобретенный за сорок шесть долларов, и очень широкая кровать с изготовленным на заказ матрасом, на котором он только-только помещался. Его квартира – единственное место на земле, где он чувствовал себя по-настоящему спокойно.

Но только не сегодня.

Он не мог чувствовать себя спокойным, пока Антихрист жив. Не мог расслабиться, зная, что за последние двенадцать часов провалились два покушения.

Он метался взад-вперед из маленькой кухни в гостиную, спальню, опять в гостиную, останавливаясь, чтобы посмотреть в окно. Жуткий бледно-желтый свет уличных фонарей и красный, синий, розоватый, фиолетовый оттенки неоновых реклам освещали главную улицу, причудливо искажая цвета и очертания предметов. Проезжающие машины поднимали фосфоресцирующие брызги воды, которые снова падали на тротуар подобно осколкам горного хрусталя. Ночь была совсем не жаркой, но падающие капли дождя казались капельками расплавленного серебра.

Он пробовал смотреть телевизор. Не смог сосредоточиться.

Он не мог сидеть на одном месте – садился и сразу вскакивал, пересаживался в другое кресло, опять вскакивал, шел в спальню, ложился на кровать, слышался странный шум за окном, он вставал, чтобы посмотреть и убедиться, что это всего лишь шум воды в водостоках, возвращался в спальню, решал, что не хочет ложиться, возвращался в гостиную.

Антихрист был еще жив.

Но не только это заставляло нервничать. Он старался не думать, что его еще что-то волнует, притворялся, что беспокоится только из-за мальчишки Скавелло, но в конце концов вынужден был признаться себе, что на самом деле тяготело над ним.

Старая страсть. Непреодолимая страсть. ТАЙНАЯ СТРАСТЬ. Он хотел – нет!

Неважно, что он хотел. Он не имеет права на это. Не может уступить ТАЙНОЙ СТРАСТИ. Не осмеливается.

Он упал на колени посередине гостиной и молился господу, чтобы тот помог преодолеть его слабость. Молился неистово, страстно, самозабвенно, стиснув зубы так, что прошиб пот. Все еще он чувствовал старое невысказанное чудовищное желание кромсать, колотить, выворачивать руки, ноги, драть когтями, причинять боль, убивать.

В полном отчаянии он поднялся с колен, пошел на кухню, открыл холодную воду, заткнул раковину, достал из холодильника кубики льда и бросил в воду. Когда раковина почти наполнилась, закрыл кран и опустил в ледяную воду голову. На некоторое время застыл в таком положении, задержав дыхание, лицом вниз, чувствуя жгучую боль, пока в конце концов не начал задыхаться, тогда поднял голову. Он дрожал, зубы стучали от холода, но ярость внутри не прошла, и он опять опустил голову и держал ее в воде до тех пор, пока не почувствовал, что легкие готовы взорваться, поднялся, отплеываясь и откашливаясь, теперь он совсем ооченел, била дрожь, но ярость все еще клокотала. Теперь здесь был сатана. Должен быть. Он был здесь, вызывал у Кайла старые чувства и соблазнял его, отнимал последний шанс на спасение.

Я не буду!

Как бешеный, метался по квартире, точно стараясь определить, где спрятался сатана. Он заглянул в кладовку, открыл шкафы, отдернул занавески. Он не рассчитывал увидеть сатану воочию, но был уверен, что почувствует присутствие дьявола где-нибудь, каким бы невидимым он ни был. Но никого не нашел. Это только доказывало, что Дьявол знает, где прятаться.

Когда наконец оставил поиски сатаны, в ванной увидел свое отражение в зеркале: дикие глаза, раздувающиеся ноздри, трясущаяся нижняя челюсть, бескровные губы, оскаленные кривые желтые зубы. Он вспомнил призрака из фильма «Призрак оперы». Вспомнил чудовище Франкенштейна и сотни других искаженных, нечеловеческих лиц из сотни фильмов, которые смотрел в «Театре ужасов».

Мир ненавидел его, а он ненавидел мир, всех их, кто смеялся, указывал на него пальцем, женщин, которые находили его отталкивающим, всех. «Нет, господи, прошу.

Не позволяй мне думать об этом. Избавь меня от этого.

Помоги. Прошу». Он не мог отвести глаз от тусклого зеркала, где отражалось его лицо, вобравшее в себя черты многих героев фильмов ужасов. – Он всегда смотрел по телевизору старые фильмы ужасов. Многими ночами сидел в одиночестве перед черно-белым экраном, замороженный кошмарными образами, а когда фильм заканчивался, направлялся в ванную, к этому зеркалу и смотрел на себя и говорил себе, что он не такой уродливый, не такой отпугивающий, не такой, как существа, которые выползали из первобытных болот, или прилетали из космоса, или исчезали из лабораторий сумасшедших ученых. По сравнению с ними он был почти обычным. В худшем случае жалким. Но никогда не мог уговорить себя. Зеркало не лгало. Оно показывало лицо, вызывающее кошмары.

Он улыбнулся себе в зеркале, стараясь выглядеть дружелюбным. Результат получился ужасным. Вместо улыбки получилась злобная ухмылка. Ни одна женщина не пошла бы с ним, если бы он не платил, и даже некоторые проститутки отказывали ему. Шлюхи. Все. Грязные, вонючие, бессердечные шлюхи. Он хотел причинить им боль.

Хотел передать, загнать свою боль в одну из них и оставить хотя бы ненадолго, чтобы самому избавиться от боли.

Нет. Это плохие мысли. Злые мысли.

Вспомни Мать Грейс.

Вспомни о Сумерках, о спасении души и вечной жизни.

Но он хотел. Он жаждал.

Неожиданно для себя он вдруг очутился у выхода из квартиры. Приоткрыл дверь. Он собирался найти проститутку или кого-то избить. Или то и другое.

Нет!

Захлопнул дверь, запер на замок, прислонился к ней спиной, безумным взглядом обвел гостиную. Он должен был действовать быстро, чтобы спасти себя. Он проигрывал в сражении с искушением. Он задрожал, заскулил, застонал. Он знал: через какое-то мгновение опять откроет дверь и уйдет охотиться...

В панике бросился к небольшой книжной полке, вытащил одну книгу из множества томов своей библиотеки церковной литературы, вырвал горсть страниц, бросил на пол, вырвал еще и еще, пока от книги не остался один переплет, который тоже разодрал пополам.

Еще хорошо было что-то уничтожить. Он задыхался и дрожал, как загнанная лошадь, схватил вторую книгу, разорвал на кусочки, разбросал вокруг, поспешно схватил третью, уничтожил, потом еще и еще...

Когда пришел в себя, вокруг на полу выросла кipa из порванных книг, тысячи вырванных страниц. Он сидел и тихо плакал. Вынул носовой платок, вытер глаза. Встал на колени, потом поднялся. Он больше не дрожал. ТАЙНАЯ СТРАСТЬ ушла. Сатана исчез.

Кайл не уступил соблазну и теперь понимал, почему господь хотел, чтобы такие, как он, вступили в битву с Сумерками. Если господь набирал свою армию из людей, которые никогда не грешили, как он мог быть уверен, что они устоят перед искушением дьявола? «Но, выбирая людей, подобных мне, – думал Кайл, – людей, не устоявших перед грехом, давая нам второй шанс на спасение, позволяя нам проявить себя, господь приобрел армию закаленных солдат».

Он поднял глаза к потолку, но увидел вместо него небо и заглянул в сердце Вселенной. Произнес:

– Я – достоин. Я выбрался из трясины порока и доказал, что не вернусь обратно. Если ты хочешь, чтобы я вручил тебе душу мальчишки, теперь я – достоин. Дай мне мальчишку. Позволь взять его душу. Позволь.

Он чувствовал, что ТАЙНАЯ СТРАСТЬ снова поднимается в нем – потребность души, рвать, громить, но на этот раз это было чистое чувство, святое послание божьему гладиатору. Его осенило, что господь просил сделать его то, чего он больше всего хотел избежать. Он не хотел опять убивать. Он не хотел больше причинять людям вред. Он наконец стал испытывать к себе хоть какое-то уважение, увидел, пусть смутную, возможность жить когда-нибудь в мире с остальными – и теперь господь хотел, чтобы он убивал, выплескивал свою ярость на избранные жертвы. «Почему? – вопрошал он во внезапной тихой тоске. – Почему я? Я гордился ТАЙНОЙ СТРАСТЬЮ, а теперь боюсь ее, она должна пугать меня. Почему меня надо использовать так, а не как-то иначе?» Это было тем, что Мать Грейс называла «греховными мыслями», и он старался избавиться от них. Он не должен подвергать сомнению волю господя. Просто надо принять то, что он хочет.

Пути господни неисповедимы. Иногда он гневается, и мы не можем понять, почему он требует от тебя так много.

Например, почему он хочет, чтобы ты совершил убийство... Или почему он сотворил тебя уродом, когда ему ничего не стоило сделать тебя красавцем.

Нет. Это еще одна греховная мысль.

Кайл убрал изодранные в клочья книги и налил себе стакан молока. Присев возле телефона, стал дожидаться, когда позвонит Грейс и скажет, что пробил час стать мечом господним.

Часть четвертая ПОГОНЯ

Ложь заворачивает.

Платон

Как ни весела охота, верьте,
Вам не избежать объятий смерти.
Собаки резвятся, точно черти,
На каждой морде – маска смерти.
Охота не вечна, псы голодны.
Быстро и жадно
НажрутсЯ они.

«Книга исчислимых скорбей»

Глава 41

В Вентуре они бросили желтый «Кадиллак». Они шли по улице мимо частных домов, пока внимание Чарли не привлек темно-синий «Форд», владелец которого имел неосторожность оставить ключ в замке зажигания. Проехали пару миль и остановились на слабо освещенной стоянке за каким-то кинотеатром, где Чарли снял с машины номерные знаки и бросил в багажник, после чего отвернул номера с припаркованной поблизости «Тойоты» и перевесил их на «Форд».

Если повезет, хозяин «Тойоты» не обнаружит пропажи до завтра, а возможно, и дольше, а заметив, что с его машины сняли номера, может, и не станет – по крайней мере сразу – заявлять в полицию. Как бы там ни было, полиция наверняка не придаст пропаже номеров такое же серьезное значение, как угону машины. И вряд ли после этого каждый полицейский штата будет озабочен поисками пары табличек, а кроме того, весьма маловероятно, чтобы этот мелкий случай связали с угоном «Форда». Полиция, получив заявление о краже номеров, расценит ее как простое хулиганство. А между тем на похищенном «Форде» появятся новые номера, и, таким образом, машина с этими номерами не будет значиться в розыске.

Из Вентуры они направились на север и около десяти вечера во вторник прибыли в Санта-Барбару.

Прежде Чарли любил убегать сюда, когда работать становилось невозможно. Обычно останавливался в «Билтморе» или в «Монтесито Инн». Однако на этот раз выбрал захудалый мотель под названием «Тихий приют», расположившийся в восточной части Стейт-стрит. Все знали о той слабости, которую Чарли питал к дорогим вещам и хорошему сервису, поэтому никому не могло прийти в голову искать его в таком убогом месте.

В «Тихом приюте» нашелся свободный номер, совмещенный с кухней, и Чарли снял его на неделю, зарегистрировавшись под именем Юноха Флинта и заплатив вперед наличными, чтобы лишний раз не показывать кредитную карточку.

На окнах в номере висели бирюзового цвета шторы, на полу лежал выцветший оранжевый ковер, а на кроватях – кричащие желто-лиловые покрывала. Одно из двух: либо художник был стеснен в выделенных ему средствах и у него не было выбора, либо он был

слепой, получивший это место в соответствии с федеральной программой занятости, направленной на обеспечение равных возможностей. Матрасы на двух просторных кроватях оказались слишком мягкими и сбившимися. Кушетка, которую можно было бы использовать в качестве третьего спального места, еще меньше подходила для этой цели. Мебель была разрозненная и довольно обшарпанная.

В ванной висело пожелтевшее от времени зеркало, кафельная плитка на полу вся потрескалась, а у кондиционера во время работы появлялась одышка астматика. На кухне, расположенной в алькове и не видной из комнаты, стоял стол и четыре стула, имелась раковина с протекающим краном, разбитый холодильник, плита, дешевые тарелки и еще более дешевые столовые приборы, а также электрокофеварка; прилагались пакетики с кофе, сахар и обезжиренные сливки – стоимость их входила в оплату номера. Не бог весть что, но все же там было чище, чем они ожидали.

Пока Кристина укладывала Джоя в постель, Чарли сварил кофе. Спустя несколько минут, войдя на кухню, Кристина заметила:

– М-м-м, божественный аромат.

Он налил две чашки кофе – себе и ей – и спросил:

– Как там Джой?

– Я еще не успела укрыть его, как он уже спал. Собака улеглась вместе с ним на кровати. Обычно я этого не позволяю. Но, черт возьми, я подумала, что, когда день начинается со взрыва бомбы и потом катится в том же духе, ты заслуживаешь, чтобы тебе разрешили спать вместе с собакой.

Они сидели за кухонным столиком у окна, выходящего к автостоянке и небольшому плавательному бассейну, обнесенному кованой железной оградой, которая явно нуждалась в покраске. На мокром асфальте и на припаркованных машинах отражался оранжевый неоновый свет вывески мотеля. Снова надвигалась гроза.

Кофе оказался неплохой, но самое приятное было просто побеседовать – обо всем, что приходило в голову, – о политике, кино, книгах, любимых местах отдыха, о работе, музыке, о мексиканской кухне, обо всем, кроме Грейс Спиви с ее Сумерками. Как будто между ними существовало негласное соглашение не упоминать о той ситуации, в которой они оказались. Они отчаянно нуждались в передышке.

Для Чарли же эта беседа значила много больше: она давала возможность ближе узнать Кристину. С неиссякаемой любознательностью, свойственной влюбленному мужчине, он не пропускал ни одной детали, касающейся ее жизни, о каких бы приземленных материях ни шла речь.

Возможно, он льстил себе, но ему казалось, что Кристина тоже проявляет к нему интерес. Он надеялся, что не обманывается. Больше всего на свете хотелось, чтобы она разделяла его чувства.

К полуночи он поймал себя на том, что рассказывает ей такие подробности, которых прежде не говорил никому и о которых хотел забыть. Он думал, что поведал Кристине о событиях, давно утративших способность причинять ему боль, но теперь понял, что боль эта никогда по-настоящему не оставляла его.

Он рассказал о годах лишений в Индианаполисе, когда бывало нечего есть, а зимой в доме царил ледяной холод, потому что пособие по бедности уходило в первую очередь на выпивку. Рассказал, как не мог уснуть ночами из-за страха, что крысы, кишасшие в убогой лачуге, заберутся в кровать и объедят ему лицо.

Он рассказал о жестоком отце-пьянице, который избивал мать с педантичной регулярностью, словно выполняя принудительную работу. Иногда и Чарли доставалось, когда отец слишком напивался, и уже не мог учинить настоящий дебош.

Мать была слабой недалекой женщиной, к тому же сама не прочь выпить, Чарли она тяготилась и ни разу не вступилась за него, когда отец поднимал на него руку.

– Ваши отец и мать до сих пор живы? – спросила Кристина.

– Слава богу, нет! Теперь, когда я преуспел, они наверняка разбили бы лагерь у меня на

пороге, изображая лучших в мире родителей. Но в этой семье никогда не существовало и тени любви или привязанности.

– Вы довольно высоко забрались по лестнице, – сказала Кристина.

– Да, особенно если учесть, что я не рассчитывал протянуть долго.

Кристина посмотрела в окно на стоянку и плавательный бассейн. Он тоже смотрел туда. Вокруг стояла такая незыблемая тишина, что казалось – они единственные люди на земле.

Чарли продолжал рассказ:

– Я всегда думал, что рано или поздно, но отец убьет меня. Но самое забавное, что уже тогда я мечтал стать частным детективом, таким, как те, которых я видел по телевизору, – Ричард Даймонд или Питер Ганн, я знал, что они-то никогда ничего не боялись. А я, сколько себя помню, вечно жил в страхе и поэтому больше всего хотел избавиться от него.

– И сейчас вы, разумеется, бесстрашный человек, – ее голос выдал иронию.

Чарли улыбнулся:

– Все кажется простым, когда ты ребенок.

У мотеля остановилась машина, и они замерли в оцепенении, пока из нее не вышла молодая пара с двумя детьми.

Чарли подлил кофе и продолжал:

– Частенько, лежа в постели и прислушиваясь к крысиному шороху, молился, чтобы родители умерли прежде, чем успеют меня прикончить, и я по-настоящему разгневался на бога – он не откликался на мои молитвы. Я не мог защитить себя сам. Почему же бог не помогает беззащитным? – думал я. Постепенно взрослея, пришел к выводу: господь милостив и не станет убивать никого, даже таких моральных уродов, как мои старики. Тогда я стал молиться о том, чтобы хотя бы вырваться из этого места.

«Милый боже, – молил я, – это я, Чарли, и все, чего я хочу, это выбраться когда-нибудь отсюда, чтобы жить в красивом доме, и что у меня были деньги, и чтобы больше ничего не бояться».

Вдруг он вспомнил один трагикомический эпизод, о котором вроде бы давно забыл, и рассмеялся, удивившись причудливым лабиринтам памяти.

– Как вы можете смеяться над этим? – спросила Кристина. – Хотя теперь я знаю, что все кончилось хорошо, мне до сих пор страшно за того мальчика из Индианаполиса. Как будто он все еще живет там.

– Нет, нет... Я совсем не над этим... Я вспомнил кое-что другое, смешное и в то же время грустное. Спустя примерно год после того, как я начал молиться богу, мне надоело дожидаться, когда он отзовется на мои молитвы, и на какое-то время я обратился к противоположной стороне.

– К противоположной стороне?

Глядя на улицу, где в темноте бушевал ливень, Чарли сказал:

– Тогда я прочитал историю о человеке, продавшем Душу дьяволу. Просто однажды ему захотелось получить то, в чем он давно нуждался, и заявил, что готов продать за это душу, и – бах – дьявол тут как тут с готовым контрактом, который остается только подписать. Тут я и решил, что дьявол действует намного быстрее и эффективнее бога. И по ночам стал молиться дьяволу.

– Подозреваю, что он так никогда и не объявился с этим контрактом?

– Нет. Оказался таким же недееспособным, как и бог.

И однажды ночью вдруг до меня дошло, что мои старики наверняка окажутся в аду и если я продам свою душу дьяволу, то и я попаду туда же и останусь вместе с ними целую вечность. Эта мысль так напугала меня, что в темноте я вскочил с кровати и со всей истовостью, на которую был способен, стал молить бога спасти меня. Я понимал, что у него слишком много молитв, на которые надо ответить, и что должно пройти какое-то время, прежде чем очередь дойдет до меня. Я падал ниц, просил, умолял простить меня за то, что усомнился в нем. Похоже, я делал это довольно шумно, потому что мать вошла в комнату посмотреть, что происходит. Она, как всегда, была пьяна.

Когда я признался, что разговариваю с богом, она сказала: «Да ну? Тогда скажи ему, что твой папаша опять шляется где-то с какой-нибудь шлюхой, и попроси его сделать так, чтобы у этого ублюдка отвалился член».

– Боже правый! – воскликнула Кристина сквозь смех, но было видно, что она шокирована. Чарли понимал, что ее покорило не само слово и не то, что он решился рассказать ей эту историю, ее потрясла атмосфера, царившая в доме и приоткрывшаяся ей в привычной для матери Чарли грубости.

– Мне было только десять лет, – продолжал Чарли, – но всю свою жизнь я провел в самом грязном районе города, а моих родителей никто никогда не спутал бы с Оззи и Гарриет. Так что в то время я уже понимал, о чем она говорит, и ее слова казались мне самыми смешными из всего слышанного когда-либо. И после этого каждую ночь, обращаясь к богу со своими молитвами, я рано или поздно вспоминал то, что просила у бога моя мать, и начинал хохотать. Ни одна молитва не обходилась без моих хихиканий. А немного погодя я совсем прекратил беседы с богом: в свои двенадцать или тринадцать лет я уже знал, что, скорее всего, никакого бога и никакого дьявола нет, а даже если и есть, то ты должен сам устроить свою жизнь.

Кристина тоже рассказала о своей матери, о монастыре, о том, чем занимается в магазине. Некоторые ее истории были такими же грустными, как и его. Другие были смешными, но в любом случае они казались самыми захватывающими из всех, которые он когда-нибудь слышал, потому что это были ее истории.

Время от времени один из них говорил, что не мешало бы поспать, ведь они действительно измучены, но они продолжали беседовать, выпив два кофейника кофе. Было уже половина второго ночи, когда Чарли вдруг подумал, что непреодолимое желание узнать друг друга ближе не единственная причина их бдения. Они боялись ложиться спать. Часто выглядывали в окно. Чарли признал: они ждали, когда на стоянке появится белый «Форд» – фургон.

Наконец он сказал:

– Послушайте, мы же не можем просидеть так всю ночь. Здесь нас не найдут. Это невозможно. Давайте ложиться. Нам надо набраться сил.

Кристина посмотрела на окно:

– Если спать по очереди, один из нас все время сможет дежурить.

– Это необязательно. Они не могли нас выследить.

– Я буду дежурить первой. Вы ложитесь, я разбужу вас, скажем..., в полпятого.

Он вздохнул:

– Нет, я не хочу спать, ложитесь вы.

– Тогда разбудите меня в полпятого, чтобы я вас сменила.

– Хорошо.

Они сполоснули грязные чашки. И вдруг обнялись и осторожно, тихо поцеловались. Его руки нежно ее ласкали, очаровательные изгибы тела возбуждали его. Если бы в комнате не было Джоя, они бы легли в постель, и это было бы самым лучшим. Но все, что могли они себе позволить, – стоять на кухне, прижавшись друг к другу, пока возбуждение не вылилось в раздражение. Тогда она поцеловала его страстно, а потом легко и нежно в уголки губ, и пошла спать.

Погасив свет, Чарли сел за стол у окна и стал наблюдать за стоянкой. Он не намеревался будить Кристину в половине пятого. Через полчаса после того, как она легла в кровать, где спал Джой, Чарли, убедившись, что она уснула, улегся в другую кровать.

Пока не сморил сон, он еще раз вспомнил о том, что рассказал Кристине о своем детстве, и в первый раз за двадцать пять лет произнес молитву. Как и раньше, молился о безопасности и избавлении маленького мальчика, но не того мальчика из Индианаполиса, которым он когда-то был, на этот раз он просил за другого малыша, в Санта-Барбаре, волей злой судьбы ставшего объектом ненависти сумасшедшей старухи.

Господи, не дай Грейс Спиви совершить это. Именем твоим не дай ей убить невинное

дитя. Нет большего святотатства, чем это. Если ты действительно существуешь, если тебе действительно небезразлично, тогда пришло время совершить чудо. Пошли стаю воронов, чтобы они выклевали глаза этой старухе. Пошли наводнение, которое унесло бы ее прочь. Сделай что-нибудь – пусть инфаркт, инсульт, только бы остановить ее.

Прислушиваясь к себе, он осознал, почему после стольких лет молчания снова обратился к богу. Впервые за долгое-долгое время, преследуемый сумасшедшей старухой и ее фанатиками, он почувствовал себя незащищенным ребенком, которому нужна помощь.

Глава 42

Кайлу Барлоу снилось, что его убивают: безликий громила все бил и бил его ножом, Кайл понимал, что умирает, хотя было не больно и совсем не страшно. Он не сопротивлялся, а, напротив, подчинялся, и в этой покорности таилось самое глубокое чувство душевного покоя, какое только он мог испытывать. И хотя его убивали, это был не кошмар, а приятный сон; и какая-то его часть понимала, что убивают не всего его, а только порочную часть, убивают прежнего Кайла, который ненавидел весь мир, и когда он избавится от этой порочной части, то будет таким же, как все, – единственное, о чем он мечтал всю жизнь. Быть таким, как все...

Его разбудил телефонный звонок. В темноте он нащупал трубку.

– Слушаю?

– Это Кайл? – слышался голос Матери Грейс.

– Это я, – сон как рукой сняло.

– Много чего происходит сейчас, – сказала она.

Он посмотрел на светящийся циферблат часов. Они показывали 4:06.

– Что? Что происходит?

– Мы избавляемся от неверных, – загадочно произнесла она.

– Я хочу присутствовать там, где что-то будет происходить.

– Мы сожгли их и посыпали землю солью, чтобы они не смогли вернуться, – голос становился тверже.

– Ты же обещала мне. Я хотел сам быть там.

– До сих пор ты был не нужен, – сказала Мать Грейс.

Он сбросил одеяло, сел на край кровати, оскалившись в темноту:

– Что от меня требуется?

– Они увезли мальчишку. Они хотят спрятать его до тех пор, пока он не станет достаточно могущественным, пока не превратится в неприкасаемого.

– Куда увезли его? – спросил Кайл.

– Не знаю точно. Но они наверняка были в Вентуре.

Жду или новых известий, или видения, которое прояснит ситуацию. Пока будем искать на севере.

– Кто?

– Ты, Эдна, я сама, еще шесть-восемь человек.

– Мы будем искать мальчишку?

– Да. Собери вещи и приходи в церковь. Мы уезжаем не позже чем через час.

– Я буду немедленно, – сказал он.

– Да благословит тебя бог. – Она повесила трубку.

Барлоу было страшно. Он вспомнил сон, вспомнил, как хорошо было во сне, показалось, что он понимает смысл сна: у него пропадает вкус к разрушению, пропадает жажда крови. Но сейчас ничего хорошего в этом не было, потому что впервые в жизни ему предоставлялся шанс применить свой талант к насилию на благое дело. От этого зависело его спасение.

Он должен убить мальчишку. Это праведное дело. Он не должен окончательно утратить чувство горькой, ненависти, которое руководило им всю его жизнь.

Было уже поздно. Сумерки опускались, и Грейс хотела, чтобы он стал карающим мечом господ.

Глава 43

В среду утром дождь перестал, а небо лишь наполовину было забрано облаками.

Чарли поднялся первым, принял душ, и к тому времени, когда проснулись Кристина с Джоем, он варил кофе.

Кристину, похоже, поразили сам факт, что они до сих пор живы. Халата у нее не было, она обмоталась полотенцем и вышла на кухню, похожая на индейскую скво.

– Вы не разбудили меня подежурить, – сказала она.

– Мы же не морские пехотинцы, – Чарли улыбнулся, он решил избегать паники, охватившей их накануне.

Будучи чересчур взвинченными, они не могли действовать, только отбивались. В конечном итоге такое поведение приведет к гибели.

Он должен был подумать, он должен был составить план, но не в состоянии был делать ни того, ни другого, Постоянно нервно оглядываясь. Здесь, в Санта-Барбаре, они были в безопасности, пока соблюдали минимальные меры предосторожности.

– Но мы же все спали, – сказала Кристина.

– Мы должны были отдохнуть.

– Но я спала настолько крепко..., они могли ворваться сюда, и я бы поняла это только тогда, когда прогремели бы выстрелы.

Чарли огляделся, притворно нахмурившись.

– А где камера? Мы что, снимаем ролик о мерах личной безопасности?

Она вздохнула и улыбнулась:

– А вы думаете, мы в безопасности?

– Думаю, да.

– В самом деле?

– Эта ночь подтвердила, что это так, верно?

На кухню вошел Джой, босой, в трусиках, волосы растрепаны и все еще заспанное лицо.

– Мне снилась ведьма, – сказал он.

– Сны не могут причинить вред, – сказал Чарли.

В это утро мальчик выглядел подавленным. Его яркие синие глаза были скучными.

– Мне приснилось, что она превратила тебя в жука, а потом раздавила ногой.

– Сны ровным счетом ничего не значат, – сказал Чарли. – Мне однажды приснилось, что я президент Соединенных Штатов. Но ведь вокруг меня не шныряют агенты секретной службы, правда?

– Она убила..., во сне она убила и мою маму тоже, – произнес Джой.

Кристина прижала его к себе:

– Малыш, Чарли прав. Сны ничего не значат.

– Что бы мне ни снилось, ничего не происходило на самом деле, – сказал Чарли.

Мальчик подошел к окну и, устремив взгляд на автостоянку, сказал:

– Она где-то там.

Кристина посмотрела на Чарли. Он понял, о чем она думает. До сих пор Джоя отличала удивительная эластичность психики: он легко приходил в себя после очередного стресса, после каждого перенесенного ужаса у него всегда находились силы для улыбки. Но теперь, возможно, он исчерпал свои ресурсы и его психика была уже не в состоянии восстанавливаться. Чубакка зашел на кухню и, остановившись рядом с мальчиком, тихо зарычал.

– Видите? – сказал Джой. – Чубакка знает. Знает, что она где-то рядом.

В мальчике уже не было прежней живости. Было мучительно видеть его посеревшее

лицо, его самого, совсем упавшего духом.

Чарли с Кристиной пытались приободрить его, но тщетно.

В половине десятого они позавтракали в ближнем кафе. Чарли и Кристина были чертовски голодны, но Джоя пришлось заставить поесть. Они сидели в уголке у большого окна, Джой все время смотрел на небо, где виднелось несколько полосок синевы, похожих на яркие ленты, связывающие грязные облака. Он был таким угрюмым, как только может быть шестилетний ребенок.

Чарли заинтересовало, почему мальчик то и дело смотрел на небо. Может быть, он ждал, что ведьма прилетит сюда на метле?

Да, на самом деле так оно и было. Когда вам шесть лет от роду, вы не всегда в состоянии отличить настоящую опасность от мнимой. В этом возрасте вы верите в то, что в шкафу живет чудовище, и убеждены, что под кровать заполз кто-то еще похуже. Для Джоя, возможно, более естественным было высматривать помело в небе, чем белый «Форд» – фургон на шоссе.

Чубакку оставили в машине около кафе. На завтрак ему принесли яичницу с ветчиной, которую он с жадностью проглотил.

– Вчера были гамбургеры, сегодня – яичница с ветчиной, – сказала Кристина, – нужно бы зайти в магазин и купить собачью еду, а то пес решит, что всегда будет так хорошо питаться.

Они опять отправились за одеждой и всякими мелочами в торговый центр неподалеку от Ист-Стейт-стрит.

Джой кое-что примерил, но совсем равнодушно, уже не проявляя вчерашнего энтузиазма. Он мало говорил и совсем не улыбался.

Кристина была встревожена этим. Так же, как и Чарли.

Когда они вышли из магазина, было время обеда. Последней их покупкой стал маленький электронный приборчик в отделе радиотоваров. Размером с пачку сигарет, он представлял собой продукт паранойи 70 – 80-х годов и, в другое время, когда люди больше доверяли друг другу, не нашел бы своего покупателя. Это был детектор, позволяющий установить, подключено ли к телефону записывающее устройство или другая аппаратура слежения.

В телефонной будке около бокового входа в универсам «Сирс» Чарли открыл телефон на трубке, заменив телефонов, прилагающимся к детектору. Затем снял микрофон и ключом от машины замкнул блокирующее устройство, не позволяющее позвонить в другой город, минуя оператора телефонной станции, после чего набрал номер «Клемет – Гаррисон» в Коста-Мезе. Если прибор засечет подслушивающее устройство, он успеет повесить трубку сразу после соединения, и, возможно, прежде, чем установят, что звонят по междугородному номеру, и определят код города. Послышалось два гудка, затем щелчок. Прибор показал, что записывающего устройства нет.

Но вместо знакомого голоса Шерри Ордуэй Чарли услышал запись на автоответчике телефонной станции:

– Номер, который вы набрали, больше не функционирует. Пожалуйста, уточните номер по справочнику или свяжитесь с оператором, чтобы...

Чарли повесил трубку.

Попробовал еще раз.

Результат тот же.

Мучимый предчувствием катастрофы, набрал домашний номер Генри Рэнкина. Трубку сняли после первого же гудка, детектор снова не показал подслушивающего устройства, но в этот раз отвечал не автоответчик.

– Алло? – сказал Генри.

– Генри, это я. Я только что звонил в офис...

– Я как раз сидел у телефона, ожидая, что рано или поздно ты свяжешься со мной. Чарли, у нас большие неприятности, – сказал Генри.

Кристина не слышала, о чем говорил Чарли, но догадалась – что-то произошло. Когда он наконец повесил трубку и открыл дверь, на нем не было лица.

– Что случилось? – спросила она.

Взглянув на Джоя, Чарли сказал:

– Ничего страшного. Я говорил с Генри Рэнкином.

Они работают, но новостей пока нет.

Он лгал, желая пощадить Джоя, однако, как и Кристина, тот почувствовал это и спросил:

– Что она теперь сделала? Что сделала ведьма?

– Ничего, – ответил Чарли. – Она не может разыскать нас и поэтому бушует в округе Оранж. Вот и все.

– Что значит «бушует»? – спросил Джой.

– Не волнуйся. Все будет в порядке. Все идет по плану. Пойдемте в машину, надо найти какой-нибудь супермаркет и запастись провизией.

Пока они шли через торговые ряды к машине, Чарли беспокойно оглядывался и заметно нервничал, чего утром за ним не наблюдалось.

Кристине начала было передаваться его уверенность в том, что здесь, в Санта-Барбаре, они в безопасности, но сейчас из глубины подсознания снова, охватив ее всю, выполз страх.

Погода опять портилась, что тоже было дурным предзнаменованием. Небо затягивали черные тучи.

Они нашли супермаркет. Джой отставал. Обычно он бежал впереди, выбирая покупки и радуясь, что может помочь. Но сегодня шел медленно, почти не обращая внимания на прилавки.

Убедившись, что мальчик не слышит, Чарли тихо сказал:

– Вчера вечером спалили мою контору.

– Спалили?! – Внутри у Кристины все оборвалось. – Вы хотите сказать..., сожгли?

Он кивнул, взял с полки пару банок с мандариновыми дольками и положил их в тележку.

– Все пропало..., мебель, аппаратура, картотека... – Помедлил, подождав, пока мимо пройдут две женщины с тележками, и продолжал:

– Картотека хранилась в негорючих ящиках, но кто-то открыл их, вытащил все бумаги и облил бензином.

Кристина была потрясена:

– Но в таком деле, как ваше..., неужели у вас не было сигнализации?

– Две параллельные системы, действующие независимо друг от друга, обе с автономными источниками питания на случай отключения электроэнергии, – сказал Чарли.

– Такие вещи должны действовать безотказно.

– Так оно и предполагалось. Но ее людям удалось проникнуть внутрь.

Кристина почувствовала себя дурно:

– Думаете, это была Грейс Спиви?

– Я знаю, что это была она. Вы еще не слышали об? всем, что произошло вчера вечером. Да, кроме нее, и некому, потому что все было сделано с удивительной злобой и бешеной одержимостью, а она сейчас должна испытывать злобу, потому что мы улизнули от нее. Не знает, куда мы пропали, не в состоянии настигнуть Джоя и поэтому крушит все что попало в сумасшедшем раже.

Кристина вспомнила стол в офисе, картины Мартина Грина и промолвила:

– О, Чарли, мне так жаль. Из-за меня вы потеряли свое дело, и все ваше...

– Это может быть восстановлено, – ответил он, хотя она видела, что потери расстроили его. – Важные файлы микрофильмированы и хранятся в другом месте. Их можно восстановить. Мы найдем новое помещение. Страховка почти полностью покроет ущерб. Меня тревожат не деньги и не какие-то неудобства, а то обстоятельство, что в течение по меньшей мере нескольких дней, пока Генри не наведет там порядок, мои люди будут не в состоянии контролировать Грейс Спиви – и они не смогут прикрывать и поддерживать нас. Временно нам придется полагаться только на свои собственные силы.

Было от чего расстроиться.

Джой подошел к ним, держа в руках банку ананасовых консервов.

– Мам, можно мне это?

– Разумеется, – сказала она и положила банку в тележку. Если бы это заставило его улыбнуться, она купила бы ему упаковку миндальных конфет и еще что-нибудь из того, что обычно ему не позволялось. Джой опять ушел вперед, оглядывая полки.

– Вы сказали, вчера случилось что-то еще... – напомнила Кристина.

Чарли колебался. Он положил в тележку две банки яблочного сока, затем с болью и тревогой в голосе сказал:

– Ваш дом тоже сожгли.

Моментально, не отдавая себе отчета, она принялась в уме перечислять вещи, которых лишилась, – те, что были ей дороги, и те, что имели действительно большую ценность и теперь пропали в результате поджога: детские рисунки Джоя, восточный ковер в гостиной стоимостью пятнадцать тысяч долларов – это была первая дорогая вещь, которую она позволила себе купить после долгих лет самоограничения, которого требовала от нее мать, фотографии Тони, ее покойного брата, коллекция хрусталя «Лавлик»...

В какой-то момент она едва не разрыдалась, но тут вернулся Джой и сообщил, что в конце ряда находится молочный отдел и он хочет купить к ананасу творога.

И тут Кристина осознала, что потеря восточных ковров, картин и старых фотографий не имеет ровно никакого значения, пока с ней остается Джой. Только он в ее жизни был незаменим. Слезы отступили, и она велела ему взять творог.

Когда Джой отошел, Чарли сказал:

– И мой дом – тоже.

До нее не сразу дошло:

– Сгорел?

– Дотла, – сказал он.

– О боже.

Это было уже слишком. Кристина чувствовала себя разносчиком чумы. Она приносила несчастье каждому, кто пытался помочь.

– Грейс в ярости! – воскликнул Чарли. – Она не знает, куда мы исчезли, а поскольку действительно считает Джоя Антихристом, то боится, что миссия, порученная ей богом, провалилась. Она бесится и в то же время напугана и наносит удары вслепую. Сам факт, что Грейс пошла на это, означает, что здесь мы в безопасности. Более того, это значит, что она неумолимо уничтожает самое себя. Она слишком далеко зашла. Переступила все мыслимые границы. Полиция не может не связать эти три поджога с убийствами в вашем доме и со взрывом в Лагуна-Бич, в доме Мириам Рэнкин. Теперь это самое крупное дело в округе Оранж, а может быть, и во всем штате.

Она не может безнаказанно взрывать или сжигать дома.

Она объявила войну всему округу, и, честное слово, никто не будет терпеть этого. Теперь полиция займется ею всерьез. Они будут допрашивать ее и каждого члена ее Церкви. Они будут изучать ее дела под микроскопом. Вчера вечером она не могла не совершить ошибки, она не могла не оставить улики. Все, что нужно полиции, – это одна-единственная маленькая ошибка, за которую они ухватятся, и от ее алиби ничего не останется. С ней покончено.

Это дело времени. От нас требуется только одно – сидеть в мотеле и несколько дней не высовывать носа, ждать, пока Церковь Сумерек не развалится на кусочки.

– Надеюсь, что вы правы, – промолвила Кристина, больше не желая себя чересчур обнадеживать.

Джой вернулся с творогом и некоторое время находился около них, пока они не оказались в ряду с небольшим отделом игрушек. И он вновь оставил их, чтобы поглазеть на игрушечное оружие.

– Закончив с провизией, накупим кучу журналов, колоду карт, какие-нибудь игры – чтобы было чем заняться до выходных. Когда перевезем все это к себе, я избавлюсь от машины...

– Но я думала, что она не будет объявлена в розыск еще несколько дней. Вы же сами сказали.

Чарли старался не выглядеть удрученным, но голос и выражение лица выдавали его. Он бросил в тележку пачку печенья.

– Все так, но, если верить Генри, полиция уже нашла желтый «Кадиллак», который бросили в Вентуре, и уже связала его с угонем «Форда» и пропавшими номерными знаками. На «Кадиллаке» остались отпечатки пальцев, и быстро установили, что они принадлежат мне, поскольку мои отпечатки есть в досье полицейского управления.

– Но из того, что вы говорили, я поняла, что полиция никогда не работает так быстро.

– Как правило, нет. В данном случае нам просто не повезло.

– Опять?

– «Кадиллак» принадлежит местному сенатору, и полиция подошла к этому делу не как к заурядному угону.

– Нас будто кто-то сглазил.

– Это просто случайность, – сказал Чарли, но такое развитие событий явно вывело его из равновесия.

В следующем проходе были полки с картофельными и кукурузными чипсами и прочей сухой закуской – то, от чего Кристина всегда подальше держала Джоя. Но сейчас взяла картофельные чипсы и сырные шарики, положила в тележку – и потому, что хотела поднять Джоем настроение, но главным образом потому, что казалось глупым отказывать себе в чем-то, когда отпущенного им времени могло оставаться очень мало.

– Так что теперь полиция ищет уже не столько «Форд», – сказала

Кристина, – сколько нас.

– Но есть кое-что и похуже, – произнес он едва слышно, почти шепотом.

Она уставилась на него, сомневаясь, хочет ли услышать то, что Чарли собирается сказать. За эти дни создалось впечатление, что они попали в тиски; последние несколько часов тиски чуть отпустили, но теперь Грейс Спиви вновь зажимала их.

– Полиция в вествудском гараже нашла мой «Мерседер». Им сообщили о нем по телефону. В багажнике..., обнаружили труп.

Кристина едва не лишилась дара речи:

– Чей?

– Они пока не знают. Мужчина. Лет тридцати с лишним, без документов, с двумя огнестрельными ранами.

– Люди Спиви прикончили его и подбросили в вашу машину? – спросила она, приглядывая за Джоем, который выбирал игрушечные пистолеты в конце прохода.

– Да, думаю, так. Возможно, он находился в гараже, когда они напали на нас. Может

быть, он слишком много знал, и его необходимо было убрать. А потом поняли, что тело можно использовать, чтобы навести полицию на мой след. Теперь меня разыскивают не последователи Грейс Спиви, а каждый полицейский штата.

Они остановились на месте и говорили тихо, но увлеченной уже не притворяясь, что поглощены выбором продуктов.

– Но полиция, надеюсь, не считает, что это вы убили его?

– Им приходится допускать, что я каким-то образом причастен.

– Но неужели они не поймут, что это связано с Церковью, с этой сумасшедшей...

– Безусловно. Однако могли решить, что этот тип в моем багажнике – один из ее людей и что я убрал его.

И даже если заподозрят, что меня подставили, им все равно необходимо допросить меня. Так или иначе, вынуждены подготовить ордер на мой арест.

Теперь за ними охотился весь мир. Казалось, не было никакой надежды. Словно яд, в Кристине поселилось отчаяние, высасывая последние силы. Она хотела просто лечь, закрыть глаза и уснуть.

– Идемте, – сказал Чарли. – Давайте заканчивать с покупками, отвезем все в мотель, а потом избавимся от машины. Мне не стоит высовываться, пока какой-нибудь полицейский не заметит наши номера или не опознает меня.

– Вы думаете, что полиции известно, что мы отправились из Вентуры в Санта-Барбару?

– Они не могут знать этого наверняка, однако известно, что из Лос-Анджелеса мы все время двигались на север, так что вполне могут предположить, что мы подались в Санта-Барбару.

Когда еще раз они проходили по рядам и расплачивались у кассы, Кристина почувствовала, что ей трудно дышать. Как будто на них направили прожектор. Ждала, что вот-вот завоют сирены. Джой становился все более вялым и грустным. Чувствовал, что от него что-то скрывают. Конечно, нехорошо, что приходится его обманывать, но Кристина сочла это лучшим, чем рассказать правду о поджоге дома. Тогда он был бы убежден, что никогда они не вернутся домой. Этого бы он не выдержал. Даже она была почти уже на пределе. Потому что это могло оказаться правдой. Возможно, им не суждено больше вернуться домой.

Глава 44

Чарли загнал «Форд» на стоянку и, когда ставил перед входом в номер, в маленьком окне на кухне заметил какое-то движение. Это могло быть и плодом воображения.

Могла зайти горничная. Чарли не верил ни в то, ни в другое.

Не выключая двигателя, подал назад.

– Что случилось? – спросила Кристина.

– Банда, – ответил Чарли.

– Что? Где?

С заднего сиденья голосом, исполненным ужаса, Джой произнес:

– Ведьма.

Пока отъезжали назад, впереди медленно открывалась дверь их номера. «Черт побери, как же им удалось найти нас так быстро?» – изумился Чарли. Не тратя времени на разворот, продолжал вести машину задним ходом, быстро приближаясь к выезду на шоссе.

В этот момент на улице появился белый фургон. Резко вывернув, заблокировал въезд к «Тихому приюту».

Чарли увидел это в зеркало заднего вида и нажал на тормоза, чтобы избежать столкновения.

Послышалась стрельба. Из мотеля выскочили два человека с автоматами.

– Ложитесь!

Кристина оглянулась на Джоя.

– Живо на пол! – приказала она.

– И вы тоже, – сказал Чарли, снова нажав на педаль газа и крутанув руль, чтобы увернуться от фургона.

Кристина отстегнула ремень и пригнулась, чтобы ее не было видно в переднее стекло. Но если будут стрелять в дверь, пули ей все равно не избежать.

Здесь Чарли был бессилен что-либо предпринять. Он мог только постараться поскорее выскочить отсюда.

В закрытой машине оглушительно залаяла собака.

Чарли промчался задним ходом через автостоянку, едва не столкнувшись с «Тойотой» и задев за край железной загородки, окружавшей плавательный бассейн. Другого выезда на улицу не было, но ему было на это наплевать. Он проделает свой собственный выезд. Подал назад на тротуар, задний мост заскрежетал по бордюру, Чарли молил бога, чтобы не пробило бак. «Форд» резко подскочил и вылетел на тротуар. Слава богу, движок продолжал работать. Сердце стучало, как шестицилиндровый мотор.

Чарли не отпускал ноги с педали газа – машина, визжа шинами, с ревом вылетела задним ходом на Стейт-стрит, едва не врезавшись в «Фольксваген», ехавший вверх по улице, и заставив полдюжины других автомобилей резко затормозить и вывернуть в сторону, чтобы уступить ему дорогу.

Белый фургон рванул от мотеля на улицу и попытался протаранить их. Он мчался прямо на них, и решетка радиатора напоминала жуткий оскал, разверстую акулю пасть.

За лобовым стеклом было видно двоих. Фургон зацепил правое переднее крыло «Форда», раздался металлический скрежет и звон стекла разбитой фары. От сильного удара «Форд» подскочил – кричал Джой, скулила собака, Чарли чуть не откусил язык.

Кристина хотела подняться и посмотреть, что происходит, но Чарли закричал, чтобы она оставалась на месте, переключил скорость и рванул вперед по Стейт-стрит, на восток, обогнув белый фургон. Тот попытался протаранить их, дав задний ход, но опоздал.

Чарли боялся, что покореженное крыло будет цепляться за колесо и в конце концов им придется остановиться, но этого не случилось. Несколько раз слышалось какое-то бряканье, когда от машины отваливались поврежденные части, однако того специфического скрежещущего звука, с которым крыло блокирует колесо или ось, не было. Снова послышалась стрельба. Пули били по обшивке, но в салон не попадали. «Форд» на огромной скорости проскочил простреливаемый сектор. Чарли с такой силой сжал зубы, что у него свело челюсти.

Впереди у перекрестка из-за угла появился еще один белый «Форд» – фургон, выскочивший из тени огромного дуба.

Боже, они повсюду!

Фургон остановился на перекрестке, загораживая им путь. Чарли отчаянно вырулил на полосу встречного движения, заставив шарахнуться в сторону приближавшийся «Мустанг». Какой-то красный «Ягуар», чтобы избежать столкновения, подпрыгнув на бордюре, влетел на автостоянку. Они были у самого перекрестка, и, хотя Чарли не отпускал ногу с педали газа, машина больше не набирала скорость.

Второй фургон приближался. Он уже не успевал заблокировать дорогу, поэтому пошел на таран.

Чарли все еще ехал по полосе встречного движения.

Водитель мчащегося навстречу «Понтиака» затормозил слишком резко, и машину занесло и боком неотвратно потащило прямо на них.

Чарли отпустил газ, но не тормозил, иначе потерял бы маневренность и лишь на время отсрочил бы столкновение. У него оставались доли секунды, чтобы оценить ситуацию. Он не мог повернуть влево из-за потока транспорта. Справа наезжал белый фургон. Подать назад тоже нельзя – там машины, и, кроме того, на переключение скорости не было времени. Оставалось одно – продолжать ехать вперед и попытаться увильнуть от летящей на них стальной машины «Понтиака», который уже нависал над ними, точно гора.

Из-под дымящихся шин «Понтиака» в воздух летели куски резины.

В следующее мгновение ситуация переменилась: «Понтиак» уже не был обращен к ним боком, а, продолжая на ходу вращаться, развернулся на сто восемьдесят градусов.

Теперь он летел на них задом, занимая меньший участок трассы. Чарли рванул руль вправо, затем влево; огибая юзом летевший «Понтиак», который просвистел мимо в каком-нибудь дюйме.

С правой стороны в них врезался фургон. К счастью, он зацепил лишь бампер, который оторвался с диким скрежетом. Машина задрожала, ее отбросило на пару метров в сторону. Рулевое колесо словно сошло с ума: оно вращалось под ладонями Чарли, обжигая кожу. Он вскрикнул от боли, но не выпустил баранку из рук. Извергая проклятья и пытаясь подавить наворачнувшиеся от боли слезы, которые мешали смотреть, он направил машину на восток, надавил на газ и помчался вперед. Миновав перекресток, он вывернул вправо и перебрался на нужную полосу. Он просигналил идущим впереди машинам, чтобы они уступили дорогу.

Второй фургон, тот, что снес бампер, наконец выбрался из свалки, образовавшейся на перекрестке, и пустился в погоню. Их разделяли две машины, потом одна, потом он оказался сразу за ними.

Кристина с Джоем после того, как стихла стрельба, приподнялись на своих сиденьях. Мальчик посмотрел в заднее стекло и воскликнул:

– Это ведьма! Я вижу ее! Я вижу ее!

– Сядь и пристегни ремень, – велел ему Чарли. – Возможно, придется резко тормозить или поворачивать.

Фургон был в десяти метрах и продолжал нагонять их.

Оставалось семь метров. Чубакка опять залаял.

Перегнувшись, Джой обнял собаку и пытался ее успокоить. Впереди идущие машины сворачивали и сбавляли скорость.

Чарли поправил зеркало заднего обзора. Фургон был всего в пяти метрах. В трех.

– Они будут таранить нас на ходу, – сказала Кристина.

Слегка нажав на тормоза, Чарли повернул направо в узкий переулок, оставляя позади себя перегруженную транспортом Стейт-стрит. Они оказались в старом жилом районе, застроенном в основном бунгало и двухэтажными домами. Вокруг стояли старые деревья, по одной стороне были припаркованы машины.

Фургон ехал следом, однако немного отстал, так как задержался на повороте. Он был менее маневренным, чем «Форд». Именно на это и рассчитывал Чарли.

На ближайшем углу Чарли повернул налево, почти не сбавляя скорости, едва не поставив машину на два колеса.

Он чуть было не потерял управление, но все-таки справился с ним, чудом избежав столкновения с автомобилем, который стоял у самого перекрестка. Миновав квартал, ушел вправо, затем влево, снова направо и еще раз направо, кружа по узким улочкам и постоянно увеличивая дистанцию между ними и фургоном.

Когда они уже оторвались на расстояние двух кварталов, так что их преследователи больше не видели, куда они поворачивают, Чарли прекратил беспорядочные маневры и стал выбирать дорогу более расчетливо, направляясь обратно в сторону Стейт-стрит, затем пересек основную городскую магистраль и заехал на автостоянку возле какого-то торгового центра.

– Мы что, останавливаемся? – спросила Кристина.

– Да.

– Но...

– Мы оторвались от них.

– Возможно, на какое-то время. Но они...

– Мне надо кое-что проверить, – сказал Чарли.

Он припарковался так, чтобы не было видно со Стейт-стрит, поставив машину между двумя другими, которые по размеру превосходили «Форд»: один – туристический трейлер, а

второй – грузовичок-пикап.

Очевидно, при столкновении со вторым белым фургоном, помимо бампера, была повреждена выхлопная труба, а может, и глушитель. Снизу в салон проникал едкий дым.

Чарли попросил немного опустить стекла. Он не хотел бы выключать двигатель, чтобы в случае необходимости немедленно сняться с места, но дым был таким едким, что пришлось заглушить мотор.

Кристина отстегнула ремень и повернулась к Джой:

– Как дела, малыш?

Мальчик не ответил.

Чарли оглянулся на него.

Джой забился в угол, крепко стиснув кулачки. Подбородок дрожал, в лице не было ни кровинки. Губы кривились, однако он был слишком напуган, чтобы заплакать, и, парализованный страхом, не мог вымолвить ни слова.

Наконец он поднял глаза, взгляд был затравленным и каким-то старческим.

Когда Чарли увидел обращенные на него глаза мальчика, в которых читалось страшное страдание, его охватили тоска, и отчаяние, и гнев. У него было подсознательное желание немедленно выйти из машины, найти на Стейт-стрит Грейс Спиви и разрядить в нее обойму.

«Сука. Тупая, безумная, безжалостная, злобная, отвратительная старая сука!»

Собака тихо поскуливала, как будто сопереживая своему юному хозяину. Мальчик издал похожий звук и посмотрел на пса, который положил голову ему на колени.

Ведьма нашла их, словно по волшебству. Мальчик предупреждал, что от ведьмы спрятаться невозможно, что бы они ни предпринимали. И, похоже, он был прав.

– Джой, – сказала Кристина, – что с тобой, малыш?

Скажи что-нибудь. Все в порядке?

Мальчик кивнул, но не произнес ни слова. И кивнул он как-то неуверенно.

Чарли понимал, что происходит с мальчиком. Было трудно говорить, за какие-нибудь несколько минут все может пойти кувырком.

В глазах Кристины стояли слезы. Чарли догадывался, о чем она думает. Она боялась, что теперь Джой сломался.

Возможно, так оно и было.

Глава 45

Клубящиеся черно-серые тучи прорвались, и разразилась собиравшаяся все утро гроза. Дождь поливал стоянку у торгового центра и стучал по крыше их потрепанного «Форда». Зловещие вспышки молний озаряли хмурое серое небо.

Хорошо, думал Чарли, глядя в окно на затопляемый водой мир. Шторм, особенно грозовые разряды, были им на руку. Они радовались любой помощи, пусть даже небесной.

– Должно быть где-то здесь, – сказал Чарли, открыв сумочку Кристины и вывалив все, что в ней было, на кресло.

– Но я не понимаю, как они могли это сделать, – сказала она.

– Это единственное место, где они могли его спрятать, – настаивал он, перерывая содержимое в поисках наиболее вероятного предмета, в котором мог быть спрятан миниатюрный передатчик. – Это единственная вещь, которая путешествует с нами от самого Лос-Анджелеса.

Мы бросили чемоданы, оставили мою машину, так что это единственное место, где можно было его спрятать.

– Но кому могла попасть в руки моя сумочка?

– Его могли установить еще пару дней назад, до того, как началось это безумие, когда вы еще не подозревали ничего, – сказал Чарли. Он понимал, что хватается за соломинку, и старался, чтобы его голос не выдавал отчаяния, но это не очень ему удавалось.

«Если мы не таскаем с собой передатчик, – думал он, – тогда как же, черт побери, им

удалось так быстро выйти на нас? Как?» Он огляделся по сторонам. Никаких белых фургонов не было. Пока.

Джой смотрел в окно. Губы его шевелились, но он не произносил ни звука. Он выглядел совершенно изможденным. Капли дождя сквозь узкую щель в окне попали ему на лицо, но он, казалось, не замечал этого.

Чарли вспомнил о своем несчастном детстве, о побоях, которые терпел от отца, вспомнил пьяное лицо матери, в котором не было ни тени любви. Он подумал о других беспомощных детях во всем мире, которые становятся жертвами насилия, потому что еще слишком малы, чтобы дать сдачи, и новая волна гнева придала ему сил.

Он взял зеленую малахитовую пудреницу, которую вместе со всем остальным вытряхнул из сумочки Кристины, открыл ее, убрал пуховку и снял слой пудры, выбросив и то и другое в мешок для мусора, который был подвешен на щитке. Он быстро проверил пудреницу, но ничего не нашел. Он постучал ею об руль, отчего она разбилась, и он внимательно осмотрел осколки, не обнаружив ничего подозрительного.

– Если бы где-то здесь был передатчик, – сказала Кристина, – у него должен был быть мощный источник питания, верно?

– Батарейка, – сказал он, разбирая футляр с помадой.

– Но он же не смог бы работать от такой крохотной батарейки.

– Уровень современной технологии позволяет и не такое. Они могут быть микроскопическими, вы не поверите.

Хотя все четыре окна были слегка приоткрыты и свежий воздух беспрепятственно поступал в салон, стекла запотели. Чарли не мог наблюдать за стоянкой, это нервировало, поэтому он завел машину и, несмотря на выхлопные газы, которые просачивались в салон из поврежденного глушителя и выхлопной трубы, включил обогреватель стекол. В сумочке была ручка с золотым пером и капиллярная ручка. Чарли разобрал обе.

– На какое расстояние может передавать такое устройство? – поинтересовалась Кристина.

– Зависит от того, насколько совершенна его конструкция.

– А точнее?

– Мили на две.

– Всего лишь?

– Ну, максимум на пять.

– Но из Лос-Анджелеса его засечь невозможно?

– Нет.

В ручках передатчика не оказалось.

– Как же они нашли нас здесь, в Санта-Барбаре? – спросила Кристина.

Просматривая ее бумажник, проверяя карманный фонарик, пузырек с эскедрином и другие мелочи, он сказал:

– Возможно, у них есть осведомители в полицейских управлениях, через которых они узнали, что угнанный «Кадиллак» обнаружен в Вентуре. Затем, должно быть, предположили, что мыдвигаемся в сторону Санта-Барбары, объявились здесь и на своих фургонах начали наугад прочесывать улицу за улицей с включенными принимающими устройствами, пока не оказались на достаточном расстоянии и не запеленговали передатчик.

– Но ведь мы могли отправиться в сотню других мест, – сказала Кристина. – Я просто не понимаю, как они так быстро вышли на Санта-Барбару.

– Может, они искали нас не только здесь. У них могут быть специальные группы в Вентуре, Оджее и в десятке других городов.

– Какова вероятность обнаружить нас, прочесывая город такого размера и рассчитывая засечь сигнал передатчика?

– Вероятность невелика, но такое возможно. Наверное, так оно и было, потому что как иначе они могли нас обнаружить?

– Это ведьма, – с заднего сиденья произнес Джой. – У нее есть волшебная сила..

колдовские чары..., что-то такое, – и он снова погрузился в угрюмое молчание, глядя на дождь за окном.

Чарли был готов согласиться с наивным объяснением Джоя. Старуха отличалась нечеловеческой одержимостью и обладала потрясающим даром преследования добычи.

Естественно, никакого волшебства в этом не было.

Всему есть логическое объяснение. Версия о миниатюрном передатчике выглядела наиболее убедительно, но будь это передатчик или что-либо другое, им было необходимо приложить весь свой интеллект и здравый смысл, чтобы найти ответ. В противном случае им никогда не оторваться от этой старой суки с ее фанатиками.

Стекла очистились.

Белых фургонов на стоянке не было. Чарли проверил все содержимое сумочки, но так и не нашел электронного устройства, которое, по его мнению, наверняка было там спрятано. Тогда стал прощупывать саму сумку в надежде найти что-то под подкладкой.

– По-моему, нам пора трогаться, – нервничала Кристина.

– Одну минуту, – сказал Чарли, разрывая пилкой для ногтей крепкие швы на ручке сумки.

– Меня уже тошнит от выхлопных газов, – сказала она.

– Откройте пошире окно.

Внутри ручек не нашел ничего, кроме ватной прокладки.

– Никакого передатчика, – сказала она.

– И все же дело, должно быть, именно в этом.

– Но если не в сумочке..., то где же?

– Где-то, – мрачно произнес он.

– Вы же сами сказали, что он должен быть в сумочке.

– Я ошибся. Где-то еще... – Он задумался, но мысль о белых фургонах не давала сосредоточиться.

– Нам надо ехать, – настаивала Кристина.

– Я знаю.

Он снял машину с ручного тормоза, переключил скорость и, подняв столб брызг, тронулся с места.

– Куда теперь? – спросила Кристина.

– Не знаю.

Глава 46

Некоторое время они бесцельно кружили по Санта-Барбаре и соседнему городку Монтесито, держась в стороне от крупных автомагистралей, переезжая из одного спального района в другой с одной-единственной целью – не останавливаться.

То здесь, то там на перекрестках в местах соединения – водостоков образовались настоящие озера, из-за которых проехать было сложно, а иногда и совсем невозможно.

С деревьев капало, они стояли мокрые, с отяжелевшими от сырости ветками. Из-за дождя и туманной хмари все дома, независимо от стиля и цвета, казались одинаково серыми и грязными.

Кристина боялась, что Чарли не представляет себе, как выбраться из создавшегося положения. Более того, что у него не осталось и надежды. Он был неразговорчив, вел машину, не произнося ни звука, мрачно глядя на залитые дождем улицы. Только теперь она окончательно осознала, насколько привыкла полагаться на его хорошее настроение, на его оптимизм и непоколебимую уверенность в себе. Она держалась только благодаря ему. Никогда она не думала, что будет способна сказать такое о мужчине, каком бы то ни было, но сейчас должна была признать: без Чарли она просто пропала бы.

Джой говорил только тогда, когда к нему обращались, но сказать ему было особенно нечего, и голос его звучал отстраненно, точно у призрака.

Таким же вялым и апатичным был Чубакка.

Всю дорогу они слушали радио, ловили станции, передающие рок-музыку, или кантри, или свинг, или джаз. Но любая музыка, независимо от стиля, звучала фальшиво.

Реклама казалась неуместной: когда за вами гонится банда лунатиков, чтобы убить вас и маленького мальчика, какая вам разница, лучше или хуже та или иная марка машинного масла, виски, джинсов или туалетной бумаги?

Новости в основном касались погоды и были неутешительными: в десятке городов между Лос-Анджелесом и Сан-Диего – наводнения, в Малибу затопило первые этажи дорогих особняков, грязевые потоки наносят ущерб в Сан-Клементе, Лагуна-Бич, Пэсифик-Пэлисейдс, Монтесито и других населенных пунктах к северу по побережью.

Мир Кристины рухнул и развалился на части, и теперь, похоже, все мироздание готово было последовать этому примеру.

Когда Чарли заговорил, нарушив тягостное молчание, Кристина почувствовала такое облегчение, что едва не разрыдалась.

А сказал он следующее:

– Главная наша задача – убраться из Санта-Барбары, найти безопасное место и затаиться до тех пор, пока Генри не приведет все в порядок. Мы не сможем ничего предпринять, пока все мои люди не займутся делом Спиви вплотную и не начнут оказывать давление на нее и на всех прочих в ее поганой Церкви.

– Как же нам выбраться из города? – спросила Кристина. – Ведь машина в розыске.

– Да. К тому же разваливается на ходу.

– Ну что, угоним еще одну тачку?

– Нет, – сказал Чарли. – Первым делом нам нужны наличные. Деньги на исходе, а расплачиваться всюду по кредитным карточкам невозможно, потому что так мы оставляем след. Но пока мы здесь, в этой осторожности нет никакого смысла – им все равно известно, что мы в Санта-Барбаре, так что нужно получить по кредиткам всю имеющуюся на наших счетах наличность.

Чарли стал действовать с ошеломляющей скоростью.

Они разыскали телефонную будку и по справочнику выписали адреса ближайших отделений банков «Уэллс-Фарго» и «Секьюрити Пэсифик». Чарли имел счет в первом, Кристина – во втором.

В одном из филиалов «Секьюрити Пэсифик» Кристина по кредитной карточке «Виза» сняла тысячу долларов, в другом получила пятьсот долларов по «Мастеркард», а в третьем приобрела на две тысячи долларов дорожных чеков номинальной стоимостью по двадцать и сто долларов каждый. Затем у входа в банк, используя свою автоматическую чековую книжку, получила в банковском кассовом аппарате три сотни долларов одновременно и, справившись через компьютер, выяснила, что имеет право снимать такую же сумму дважды в день. Таким образом, к полутора тысячам, полученным по «Мастеркард» и «Виза», добавила еще шестьсот долларов. Вместе с двумя тысячами в дорожных чеках у нее образовалась сумма в четыре тысячи сто долларов.

– Теперь посмотрим, что имеется у меня, – сказал Чарли, приступив к поискам отделения «Уэллс-Фарго».

– Но этого должно хватить надолго, – сказала Кристина.

– Только не для того, что я задумал, – ответил Чарли.

– И что же вы задумали?

– Потерпите..., увидите.

В бумажнике у Чарли всегда лежал незаполненный чек. В ближайшем отделении своего банка, предъявив целую кипу удостоверений и пространно побеседовав с управляющим, Чарли снял со своего текущего счета семь тысяч пятьсот долларов из имевшихся восьми тысяч двухсот пятидесяти четырех.

Он боялся, что полиция уже известила банк о том, что имеется ордер на его арест и, как только он появится за банковской стойкой, первый же служащий донесет на него властям. Но

удача улыбнулась ему. Полиция не могла тягаться в оперативности с Грейс Спиви и ее сектантами.

В других банках он снял деньги по «Виза», «Мастеркард», «Карт-Бланш» и «Америкэн Экспресс».

Дважды, пока они кружили по городу, они видели патрульные машины, и каждый раз! Чарли старался убраться подальше с глаз полиции. Если же это было невозможно, он, затаив дыхание, ждал, что их вот-вот остановят, но всякий раз проносило. Он понимал – они играют с судьбой: в любой момент какой-нибудь фараон мог обратить внимание на номера или люди Спиви вновь запеленгуют их.

Где же спрятан передатчик, если не в сумке Кристины? Где-то ведь он должен быть. Другого объяснения не было.

С каждой минутой он все больше тревожился, покрываясь холодным потом.

К концу дня они собрали больше четырнадцати тысяч долларов.

Все так же лил дождь, и быстро темнело.

– Ну, вот, – сказала Кристина. – Даже если бы можно было выжать еще несколько сотен, банки уже закрыты.

Так что же теперь?

Они остановились у торговых рядов, где приобрели новую сумочку для Кристины и кейс, чтобы сложить туда аккуратные банковские пачки, а также свежую газету.

Внимание Чарли привлек огромный заголовок, занимавший половину первой полосы:

*ЛИДЕР РЕЛИГИОЗНОЙ СЕКТЫ
РАЗЫСКИВАЕТСЯ В СВЯЗИ С СЕРИЕЙ
ПОДЖОГОВ И ВЗРЫВОВ*

Он показал газету Кристине. Стоя под козырьком у магазина готового платья, они внимательно, боясь пропустить хотя бы слово, прочитали статью. Шумел дождь, пузырились лужи на тротуаре. В статье мелькали их имена и говорилось, что Чарли разыскивается для дачи показаний по смежному делу об убийстве, но, к счастью, их фотографий газета не напечатала.

– Итак, полиция ищет не только меня, – заключил Чарли, – но и Грейс Спиви. Это уже отрадно.

– Это верно, только они ничего не смогут ей предъявить, – сказала Кристина. – Она чересчур умна и коварна для них.

– Ведьмы не боятся полицейских, – мрачно заметил Джой.

– Не стоит отчаиваться, – подбодрил их обоих Чарли. – Если бы вы видели эти дыры у нее на ладонях, если бы вы слышали, какой бред она несет, вы бы поняли, что она балансирует на краю пропасти. Меня совсем не удивит, если при очередном разговоре с полицией она будет бахвалиться перед ними своими подвигами.

– Послушайте, – сказала Кристина, – ее, очевидно, разыскивают в округе Оранж или в районе Лос-Анджелес, но никак не здесь. Почему бы нам не позвонить в полицию – разумеется, анонимно – и не сообщить им, что она в этих краях.

– Превосходная мысль, – сказал Чарли.

Он позвонил из телефонной будки и был весьма краток. Он говорил с дежурным сержантом Пуласки, сообщив ему, что к произошедшему тем днем инциденту в мотеле «Тихая пристань» причастны Грейс Спиви и ее Церковь Сумерек. Он описал белые фургоны и предупредил, что члены секты вооружены автоматами. Он повесил трубку, не обращая внимания на вопросы сержанта.

Вернувшись в машину, Чарли снова развернул газету, нашел в разделе объявлений рубрику «Продажа автомобилей» и углубился в чтение.

Дом был небольшой, но опрятный. Одноэтажный коттедж под двускатной крышей с фронтоном – стиль, который редко встретишь в Калифорнии, – выкрашенный голубой

краской, с белыми ставнями и белыми же оконными рамами. Фонари в конце дорожки и на крыльце напоминали латунные корабельные светильники. Дом походил на тихую гавань, в которой можно укрыться от шторма и всяких превратностей судьбы.

Внезапная ностальгия по собственному дому охватила Чарли, он почувствовал запоздалую горечь, вспомнив о том, что сообщил ему утром Генри Рэнкин: его дом, так же как и Кристинин, сгорел дотла. Он убеждал себя, что страховка возместит ущерб, что не стоит оплакивать прошлое, что в жизни есть более важные вещи, чем те, что сгорели в огне. Но сейчас, как бы ни увещевал себя, не мог избавиться от тупой боли в сердце. Стоя в промозглых февральских сумерках под проливным дождем, усталый, обремененный грузом ответственности за безопасность Кристины и Джоя (бремя, тяжесть которого час за часом все увеличивалась), он не мог избавиться от щемящей тоски по любимому креслу, книгам и мебели в своем кабинете.

»Хватит, – гневно приказал он себе. – Нет времени на сантименты и жалость к самому себе. По крайней мере, если мы собираемся жить дальше».

От его дома осталась куча щебня.

Его любимое кресло обратилось в прах.

Его книги превратились в дым.

Втроем в сопровождении Чубакки они поднялись на крыльцо и позвонили.

Дверь открыл седой мужчина, на вид лет шестидесяти с лишним, в коричневом вязаном кардигане.

– Мистер Мэдиган? – осведомился Чарли. – Я звонил вам некоторое время тому назад по поводу...

– Вы Пол Смит, – сказал Мэдиган.

– Он самый.

– Проходите, проходите. О, да у вас собака. Можете привязать ее на крыльце.

Кинув взгляд мимо хозяина дома в глубину гостиной, где лежал светло-бежевый ковер, Чарли заметил:

– Боюсь, мы наследили у вас. Там на дорожке – тот самый фургон?

– Точно, – сказал Мэдиган. – Секундочку, я только возьму ключи.

Они молча ждали, пока он ходил за ключами. Коттедж стоял на высоком холме, с которого открывался вид на Санта-Барбару. Сквозь плотную пелену дождя внизу тускло мерцали огни города.

Когда Мэдиган вернулся, на нем был плащ с капюшоном и высокие резиновые калоши. Янтарный свет, отбрасываемый фонарями, смягчал некоторую грубоватость изборожденного морщинами лица. Если бы они снимали фильм и искали актера на роль благодушного старикана, Мэдиган подошел бы как нельзя лучше. Мэдиган принял Крестину и Джоя за жену и сына Чарли и посетовал, как они рискнули выйти на улицу в такую отвратительную погоду.

– Мы родом из Сизтла, – солгала Кристина. – И такая погода для нас – привычное дело.

Тем временем Джой все больше уходил в себя. Он не разговаривал с Мэдиганом и даже не улыбнулся, когда тот пытался подтрунивать над ним. Впрочем, если не знать, каким общительным ребенком он был, его неразговорчивость легко можно было принять за обычную застенчивость.

Мэдиган горел желанием сбыть с рук джип-фургон, хотя и не отдавал себе отчета, что проявлял свое желание чересчур откровенно. Он считал, что ведет себя сдержанно, но без конца твердил о маленьком – всего тридцать две тысячи миль – пробеге, о протекторах, которые почти как новые, и прочих достоинствах машины.

Чарли быстро сообразил, что к чему. Год назад Мэдиган стал пенсионером и ощутил, что на одну скромную пенсию и пособие службы социальной защиты трудно вести образ жизни, к которому они с женой привыкли.

У них было два автомобиля, моторный катер и джип-фургон, не считая двух снегоходов. Теперь им приходилось выбирать между морским туризмом и зимними видами спорта, и они

решили избавиться от джипа и снегоходов.

Мэдигану было досадно, он сетовал на правительство, которое тянуло с него налоги, когда он был помоложе.

– Выдирай они всего на десять процентов меньше, у меня бы сейчас была такая пенсия, что остаток жизни я провел бы как король. Но они забирали мои денежки и пускали их на ветер, да-да, пускали на ветер.

Хотя, кроме двух лампочек, горевших над гаражом, другого освещения поблизости не было, Чарли отметил, что фургон находился в приличном состоянии, нигде не поржавел и не нуждался в ремонте. Двигатель заводился с пол-оборота, не чихал и не стучал.

– Если желаете, можете попробовать на ходу, – предложил Мэдиган.

– Это необязательно, – сказал Чарли. – Давайте лучше обсудим условия.

Мэдиган просиял:

– Пройдемте в дом.

– Право, не хотелось бы наследить у вас на ковре.

– Мы войдем через кухню.

Они привязали Чубакку к столбу на заднем крыльце, вытерли ноги, отряхнули плащи и вошли в дом.

В веселенькой светло-желтых тонов кухне было тепло.

Миссис Мэдиган мыла и тут же возле раковины натирала овощи. Круглолицая и седая, она принадлежала к тому же типу благообразных и доброжелательных стариков, что и ее муж. Она настояла на том, чтобы Кристина с Чарли выпили кофе, и налила чашку горячего шоколада для Джоя, который был по-прежнему неразговорчив и печален.

Мэдиган перебрал, пожалуй, процентов на двадцать, но Чарли без колебаний согласился на его цену, и старик не мог скрыть радостного удивления.

– Что ж., прекрасно! Если вы завтра принесете чек...

– Я бы хотел заплатить наличными и забрать джип сегодня, – сказал Чарли.

– Наличными? – удивился Мэдиган. – Э-э., гм... можно и так. Только вот оформление...

– Вы что-то задолжали банку или у вас нет паспорта на машину?

– О нет, я ничего за нее не должен, а паспорт у меня здесь.

– Значит, можно оформить и сегодня.

– Но нам придется пройти экспертизу на уровень токсичности выхлопных газов, прежде чем вы сможете перерегистрировать ее на свое имя.

– Знаю, я займусь этим утром, первым делом.

– А если возникнут осложнения...

– Вы, я вижу, мистер Мэдиган, порядочный человек.

Уверен, вы не стали бы предлагать мне машину в плохом состоянии.

– Ну что вы! Я ухаживал за ней, как за младенцем.

– Меня это устраивает.

– Вам надо будет поговорить со своим страховым агентом...

– Непременно. Пока же, на ближайшие двадцать четыре часа, я застрахован.

Быстрота, с какой Чарли хотел все проверить, а также то, что он предложил расплатиться сейчас же и наличными, привели Мэдигана в некоторое замешательство и даже заронили какое-то подозрение. Однако он получал на восемьсот-девятьсот баксов больше того, на что первоначально рассчитывал, и этого было достаточно, чтобы он посмотрел на странные обстоятельства сквозь пальцы.

Пятнадцать минут спустя они уже ехали в джипе-фургоне, и ни полиция, ни Грейс Спиви не могли бы установить факта покупки Чарли этой машины до тех пор, пока он не обратится в полицию с заявлением о перерегистрации ее на свое имя.

И хотя дождь лил так же, а черные тучи то и дело прорезала молния, вечер больше не представлялся таким зловещим, каким был до сделки с Мэдиганом.

– Почему это непременно должен быть джип? – спросила Кристина, когда они выехали

на шоссе 101 и взяли курс на север.

– Там, куда мы направляемся, – ответил Чарли, – нам потребуется четырехприводная машина.

– А куда мы направляемся?

– В конечном итоге в горы.

– Зачем?

– Есть один уголок, где мы сможем укрыться, пока Генри или полиция не найдут способа остановить Грейс Спиви. Я на паях владею коттеджем в горах Сьерра-Невады у озера Таху.

– Это так далеко...

– Но это идеальное место. Уединенное. Кроме меня, совладельцев еще трое. Каждый из нас проводит там по несколько недель в году, а когда дом пустует, мы сдаем его в аренду. Его построили как горнолыжный приют, но зимой он практически не используется, потому что дорогу туда так и не заасфальтировали. Там планировали построить двадцать шале такого же типа, а администрация округа обещала проложить дорогу, однако успели построить только первый, после чего планы забросили. Так что теперь туда ведет грунтовая дорога, по которой может проехать только одна машина, снег никогда не чистят, а зимой добраться до места совсем не просто. Дело довольно убыточное, как оказалось, но, возможно, сейчас принесет пользу.

– Мы все время бежим, бежим куда-то... Я не привыкла бегать от проблем.

– Но мы ничего не можем с этим поделать. Все в руках Генри и других. Наше дело – держаться подальше и остаться в живых. А в горах ни одна душа искать нас не будет.

С заднего сиденья раздался усталый и бесцветный голос Джоя:

– Ведьма будет искать нас. Она найдет нас. Нам не спрятаться от нее.

Глава 47

Грейс, как обычно, не спалось.

Выехав из Санта-Барбары – вдесятером на двух белых фургонах и синем «Олдсмобиле», – они направились на север и спустя какое-то время остановились в мотеле в Соледаде. Мальчишку они упустили. Грейс была уверена – его увозили в северную часть штата, – она шкурой чувствовала это, но не знала, куда именно, и была вынуждена сделать остановку, чтобы дожидаться последних новостей – или божественного озарения.

Еще до того, как остановиться в мотеле, Грейс решила впасть в транс, и Кайл всячески старался помочь ей в этом, но она никак не могла перешагнуть барьер, отделяющий этот мир от потустороннего. Что-то стояло у нее на пути, некая стена, которой никогда прежде не было, – зловещая сдерживающая сила. Она ощущала присутствие сатаны. Он был рядом, в фургоне, не позволяя ей войти в царства теней. И ее молитв оказалось недостаточно, чтобы развеять дьявольские чары и вознестись к богу, чего она страстно желала.

Поверженные, они остановились на ночлег и все вместе поужинали в местном кафе. Они были слишком измучены и напуганы, и ни у кого не было ни аппетита, ни желания о чем-то говорить. После ужина все разошлись по комнатам, словно монахи по кельям, чтобы помолиться, собраться с мыслями, прийти в себя.

Но сон ускользал от Грейс.

Кровать у нее была удобная, с тугим матрасом, однако ей постоянно мерещились голоса из царства духов. Хотя она и не пребывала в трансе, голоса звали к ней откуда-то из-за изголовья, бормоча и предупреждая о чем-то – она никак не могла разобрать, о чем же, – задавая вопросы, которые она не могла разобрать. За то время, что она владела Даром, это был первый случай, когда ей не удавалось вступить в контакт с миром теней, и ею овладели раздражение и страх одновременно. Ей было страшно, так как она понимала, что это значит: дьявол добивался все большей власти над миром. Зверь стал настолько уверен в себе, что уже мог дерзко вмешиваться в отношения Грейс с богом.

Сумерки опускались быстрее, чем предполагалось.

Неумолимо распаивались врата ада.

И хотя теперь голоса духов были невнятные, их мольбы звучали приглушенно и искаженно, Грейс улавливала в них тревожные нотки и знала, что впереди разверзлась пропасть.

Может быть, если она отдохнет, если ей удастся уснуть, она наберется сил и сможет преодолеть барьер, разделивший два мира. Но в это страшное время покоя ей не было.

За последние несколько дней она похудела на два килограмма, и глаза ее воспалились от постоянного недосыпания. Она хотела только одного – уснуть. Но невнятные голоса не отступали – ее уносил поток потусторонних голосов. Ей передавалась их тревога, ее охватывала паника.

Время было на исходе. Мальчишка становился все сильнее.

Слишком мало времени, чтобы успеть сделать все необходимое.

Слишком мало времени. А может быть, времени уже и не осталось...

Ее заполняли не только голоса, но и видения. Лежа в темноте на постели и вперив взгляд в потолок, Грейс видела, как внезапно оживали тени и покров ночи превращался в черные крылья и что-то отвратительное начинало опускаться с потолка – нет – и падало на нее, трепыхалось, и шипело, и плеvalo ей в лицо какой-то холодной слизью – о боже, нет! – и дышало, источая серное зловоние. Отчаянно молотя руками, она давилась, силясь позвать на помощь, но голос предал ее, так же как она предала доверие господу. Руки не слушались. Тогда она заколотила ногами, но ноги тоже отнимались. Она извивалась.

Тело сотрясала дрожь. Она чувствовала на теле грубые ладони. Они щипали и били ее. Чей-то масляный язык облизал ее лицо. Она видела устремленные на нее кровавые глаза, оскал рта, полного страшных острых зубов, провал носа – кошмарная личина, частью человечья, частью свиная, частью напоминавшая морду летучей мыши. К ней вернулась речь, но говорить она могла только шепотом.

Она истово призывала бога, святых и произносила те священные слова, которые могли бы отвратить таинственного демона; и наконец он стал сжиматься и усыхать, глаза его тускнели, смрадное дыхание стихало, и вот он милостиво отпустил ее, взмыл к потолку и шарахнулся в окутанный мраком угол комнаты.

Она села, отбросила скомканное одеяло и перевалилась к краю кровати. Дрожащей рукой нащупала ночную лампу. Сердце колотилось с такой силой, что ломило всю грудь и казалось, трещат кости. Она включила ночник.

Никакого демона в комнате не было.

Включив еще одну лампу, прошла в ванную.

Там тоже никого не было.

Но она знала, что он был реальностью, чудовищной реальностью, а не просто плодом ее воображения или галлюцинаций. Да, да. Она знала истину. Она знала страшную истину...

...но чего она не знала, так это того, как она вышла из комнаты и очутилась на полу возле широкой кровати. Очевидно, в ванной ей стало плохо и она ползком добралась до постели. Но этого она не помнила. Когда сознание вернулось к ней, она нагая лежала ничком на ковре и тихо плакала.

Потрясенная, сбита с толку, сконфуженная, она надела пижаму и тут заметила, что под кроватью прячется змея. Она шипела. Это был самый зловещий звук, который Грейс когда-либо доводилось слышать. Змея выползла из-под кровати, огромная, как удав, с дьявольской мордой, какая бывает у гремучей змеи, с сетчатыми глазами насекомого и большими, точно скрюченные пальцы, клыками, с которых стекали капли яда.

Так же, как некогда змей в Эдемском саду, тварь произнесла;

– Твой бог больше не будет тебе покровительствовать, твой бог отказался от тебя.

Она отчаянно затрясла головой:

– Нет-нет-нет!

С дьявольской грацией, от которой становилось не по себе, змея свернулась в кольцо, а

из кольца поднялась ее голова. Она открыла пасть и бросилась вперед, укусив Грейс в шею...

...как вдруг, не понимая, как она там очутилась, Грейс обнаружила себя сидящей на табуретке перед туалетным столиком, вперив взгляд в свое отражение в зеркале. Глаза ее были воспалены и слезились, ее пробирала дрожь. В глазах – она видела это даже по искаженному отражению, – в глазах было нечто такое, чего она не ожидала увидеть, и в испуге опустила взгляд, посмотрев на свою дряблую шею. Грейс думала, что увидит след от змеиного укуса, но ничего не было. Это невозможно. Зеркало лжет. Она провела ладонью по шее, но не почувствовала никакой раны, не было и боли. Выходит, змея не укусила ее. Но ведь она так отчетливо помнит...

Прямо перед собой она увидела полную окурков пепельницу. В правой руке дымилась сигарета. Должно быть, она просидела здесь около часа, курила, уставившись в зеркало, – но этого она не помнила. Что с ней?

Она потушила сигарету и снова посмотрела на себя в зеркало. Она была потрясена. Точно увидела себя впервые за много лет. Увидела всклокоченные грязные космы, ввалившиеся глаза, а под ними синие нездоровые мешки.

Зубы – о боже, их будто две недели не чистили – с сильным желтым налетом. Теперь она знала: Дар лишил ее не только сна, но и многого другого из ее прежней жизни.

Только теперь она была вынуждена с горечью признать, что ее божественный Дар – все эти видения, трансы, общения с духами – заставил ее махнуть на себя рукой. На пижаме были жирные пятна и пепел от сигарет. Она подняла руки и принялась с изумлением их рассматривать; когти давно не стриженные и обломанные, а под ними – слой грязи, костяшки пальцев посерели от грязи.

Она всегда ценила чистоту и опрятность. Что бы сказал ее Альберт, если б увидел ее такой...

Мелькнула унижительная мысль: не была ли ее дочь права, когда отправила ее на психиатрическое обследование? Подумалось, не грезит ли она. Может, она никакой не религиозный лидер, а просто старая женщина с помутившимся рассудком, одержимая страшными галлюцинациями и бредом, – сумасшедшая. Действительно ли Джой Скавелло – воплощенный Антихрист? Или всего лишь невинный ребенок? Действительно ли грядут Сумерки?

Или ее страх перед дьяволом всего лишь больная фантазия глупой старухи? Внезапно с выворачивающей душу ясностью осознала, что ее «святая миссия» – не более чем крестовый поход жалкого шизофреника.

Нет. Она яростно затрясла головой. Нет!

Эти мерзкие сомнения – происки сатаны.

Это был ее Гефсиманский сад. В Гефсиманском саду у Кедронского ручья тяжелые сомнения охватили Иисуса.

Ее Гефсиманский сад расположился в куда более скромном месте: невзрачном мотеле в Соледаде, штат Калифорния. Но в ее жизни это был такой же ответственный момент, как и в жизни Иисуса.

Это было испытание. Она должна укрепиться в своей вере в бога и в самое себя. Грейс открыла глаза и посмотрела на себя в зеркало, взгляд оставался таким же безумным. Нет!

Она схватила пепельницу и швырнула в отражение, разбив вдребезги зеркало. На туалетный столик и на пол посыпались стекло и окурки.

Она сразу же почувствовала себя лучше. Дьявол прятался в зеркале. Она разбила стекло, и дьявол оставил ее.

Волна уверенности в своих силах захлестнула ее.

У нее была божественная миссия.

Она должна выполнить ее.

Глава 48

Незадолго до полуночи Чарли остановился у мотеля, где они сняли двухместный номер. Будучи уверенным, что их никто не преследовал, и чувствуя себя намного спокойнее, чем прошлым вечером, он и теперь не сомневался в необходимости быть начеку постоянно, поэтому с Кристиной они отдыхали по очереди.

Джой спал беспокойно, его преследовали кошмары, от которых он то и дело просыпался в холодном поту. А утром выглядел еще бледнее и практически не разговаривал.

Ливень стих, и лишь слегка моросило.

Низко нависали темные зловещие тучи.

После завтрака Чарли вновь повел джип на север, на Сакраменто. Кристина села сзади вместе с мальчиком.

Она читала ему купленные накануне книжки с рассказами и комиксами, Джой покорно слушал и при этом не задал ни единого вопроса и ни разу не улыбнулся. Кристина предложила ему сыграть в карты, но он не захотел.

Все больше Чарли переживал за мальчика, чувствовал возрастающие досаду и гнев. Он обещал защитить их, дал слово положить конец преследованиям Спиви. На поверку же вышло, что он помогал им только бежать, удирать, поджав хвост. Будущее представлялось туманным.

Даже Чубакка выглядел подавленным. Его поместили в багажном отделении за задним сиденьем. Он лежал неподвижно и только иногда поднимал голову, чтобы посмотреть на серый бесцветный день, затем вновь скрывался за спинкой сиденья. Они прибыли в Сакраменто, когда не было и десяти. Разыскали большой магазин спорттоваров и закупили массу вещей, необходимых для жизни в горах: спальные мешки на случай, если в доме окажется недостаточно тепло, башмаки на толстой подошве, лыжные костюмы: белый – для Джоя, синий – для Кристины, зеленый – для Чарли, перчатки, темные очки, чтобы предотвратить снежную слепоту, вязаные шапочки, снегоступы, охотничьи спички в жестяных упаковках, топор и дюжину других вещей. Кроме того – дробовик «реммингтон», автоматический винчестер под патроны калибра 0,308 дюйма – легкое, но мощное оружие, и кучу патронов.

Чарли был уверен – в горах Спиви не найдет их.

В этом не могло быть сомнений.

Но просто, на всякий случай...

Они на скорую руку перекусили в «Макдоналдсе», а потом Чарли позвонил Генри Рэнкину, подсоединив предварительно к платному телефону детектор и убедившись, что линия не прослушивается. Новостей было немного.

Газеты Оранжа и Лос-Анджелеса все так же пестрели материалами, посвященными Церкви Сумерек, а полиция по-прежнему занималась поисками Грейс Спиви. Искали и Чарли, все с большим нетерпением. Полиция подозревала, что он не объявляется из-за того, что и в самом деле замешан в убийстве. Полицейским и в голову не приходило, что он избегает их из опасения, что у Спиви могли быть осведомители в полицейском управлении. Такой возможности они просто не допускали. Тем временем Генри Рэнкин пытался снова поставить агентство на ноги, устроив у себя в доме штаб-квартиру. С завтрашнего дня он надеялся вплотную заняться делом Спиви.

На станции техобслуживания они переоделись во все теплое. До гор оставалось рукой подать.

Снова сели в джип, Чарли взял курс на восток к горам Сьерра-Невада. Кристина сидела с Джоем, читала, разговаривала с ним, отчаянно, но без видимых результатов пытаясь его растормошить.

Дождь совсем прекратился.

Усиливался ветер.

Потом началась метель.

Мать Грейс ехала в «Олдсмобиле». За ней на двух белых фургонах следовали восемь учеников. Они двигались по шоссе номер пять в самом сердце Калифорнии, вокруг простирались необозримые поля, на которых даже в самый разгар зимы вызревал урожай.

За рулем сидел Кайл Барлоу. Его охватывали то тревога и раздражительность, то усталость и сонливость, временами угнетали утомительная бесконечная дорога и унылый дождливый пейзаж.

Хотя их агенты в полиции и других местах не знали ничего о местонахождении Джоя Скавелло и его матери, они держали курс на север от Соледада, потому что Грейс уверяла, что мальчишка и его стража должны быть где-то там. Она заявила, что ночью ей было видение.

Барлоу был совершенно убежден – никакого видения не было, это одни домыслы. Слишком хорошо он знал ее, чтобы так просто попасться на удочку. Видел ее насквозь.

Посети ее видение, она была бы теперь..., в эйфории. Она же, напротив, мрачна и молчалива. Кайл подозревал, что Грейс пребывает в полной растерянности и не хочет открыться им, что потеряла всякий контакт с царством теней.

Его охватила тревога. Если Грейс утратила способность говорить с богом, если не могла больше совершать путешествия в потусторонний мир и общаться с ангелами и душами умерших, означало ли это, что она не является больше божьей избранницей и лишена божьего благословения на выполнение своей миссии? Или власть дьявола над миром настолько возросла, что Зверь может встать между богом и Грейс?

Если это так, то Сумерки вот-вот наступят, и тогда начнется тысячелетнее правление зла.

Он посмотрел на Грейс. Та была словно в забытьи: взгляд устремлен вперед, сквозь дождь, на прямое как стрела шоссе. Она выглядела еще более постаревшей, словно за несколько дней прожила десятилетие, и походила на древнюю мумию, посеревшую и иссохшую.

Серым было не только ее лицо, но и вся одежда. По непонятной для Барлоу причине Грейс всегда носила одежду какого-нибудь одного цвета, видимо, это имело религиозный смысл, касалось ее видений, хотя он и не был в этом уверен. Он привык видеть ее в одной гамме, однако сегодня впервые она была в сером. Он мог представить ее в платье какого угодно цвета – желтого, синего, всех оттенков красного, зеленого, белого, лилового, оранжевого или розового, – но это всегда был яркий цвет, а не такой безнадежно унылый, как теперь.

Ее выбор был неожидан. Утром, выйдя из мотеля, им пришлось зайти в магазин – купить Грейс серые башмаки и такие же серые блузку и свитер, потому что у нее никогда не было серых вещей. Она пребывала в нервном состоянии, на грани истерики, пока не облачилась во все серое. «Сегодня в царстве духов серый день, – сказала она перед тем, – и энергия имеет серый цвет. Я должна выглядеть соответствующе. Я не вписываюсь, я вношу диссонанс. Я должна быть гармонична». Настаивала, чтобы ей купили украшения – была равнодушна к драгоценностям, но найти серые кольца, браслеты и броши оказалось непросто. Большинство ювелирных изделий – броские и яркие. В конце концов ей пришлось довольствоваться ниткой серого жемчуга, и было непривычно видеть ее без единого перстня на бледных высохших пальцах.

Серый день в царстве духов.

Что бы это значило? Хорошо это или плохо?

Судя по поведению Грейс, ничего хорошего в этом не было. Времени оставалось мало. Именно это Грейс имела в виду утром, но не захотела развивать свою мысль дальше. Время текло неумолимо, они пребывали в растерянности и продвигались на север, полагаясь только на интуицию.

Кайлу стало страшно. Он испугался: убей он снова, пусть даже во имя господ, и оживет его ужасное прошлое. Он ведь гордился, что может подавить в себе агрессивность и

тягу к насилию, что начинает – пусть постепенно – приспосабливаться к жизни в обществе, а теперь появилось опасение, что за одним убийством последуют другие. Имел ли он право убить – даже во имя господ?

Он понимал – это ненужные мысли, но не мог избавиться от них. И порой, когда украдкой поглядывал на Грейс, его охватывало беспокойство: может быть, все это время он заблуждался и она вовсе не посланник божий – но это была совсем непозволительная мысль. Дело в том... Грейс учила, что существуют так называемые нравственные критерии, теперь он безотчетно поверял ими все свои поступки.

Так или иначе, но если Грейс права в отношении этого ребенка – а она, разумеется, права, – то времени у них слишком мало, но здесь они ничего не могли поделать, оставалось ехать вперед и надеяться на то, что к ней вернется способность вступать в контакт с царством духов, да еще время от времени позванивать в церковь в Анахейме, чтобы узнать, нет ли каких-нибудь обнадеживающих новостей.

Барлоу чуть прибавил газ. Они и без того мчались со скоростью свыше семидесяти миль в час. Это была предельно допустимая при таком дожде скорость, даже принимая во внимание, что трасса идеально прямая. Но ведь они были избранными. Ведь с ними был бог. Барлоу надавил на педаль газа. Стрелка спидометра достигла отметки «80». Два белых фургона следовали за ними не отставая.

Глава 50

Джип, как и обещал Мэдиган, находился в отличном состоянии, и в четверг они без хлопот достигли озера Таху.

Крестину утомила дорога, зато Джой немного приободрился и даже проявлял интерес к мелькающему за окном пейзажу. Это не могло не радовать. Не то чтобы он повеселел – просто оживился, и Кристина сообразила, что ведь он никогда раньше не видел настоящего снега – только на картинках, в кино или по телевизору. Здесь снега было в избытке. Деревья сгибались под его тяжестью, все вокруг, сколько хватало глаз, окутало белое покрывало. Нависали тяжелые свинцовые облака, мело, и по радио передавали, что к ночи будет буран.

Озеро лежало на самой границе двух штатов, одна его часть находилась в Калифорнии, другая – в Неваде. В калифорнийской части городка Саут-Лейк-Таху, раскинувшегося на берегу озера, располагалось огромное количество мотелей (удивительно, что в таком красивом и относительно дорогом курортном местечке многие из них были самые что ни на есть захудалые), полно магазинов, винных лавок и ресторанов. В невадской части было несколько крупных, хотя и не столь броских, как в Лас-Вегасе, отелей и казино, где развлекались самыми разнообразными азартными играми. Северный берег был застроен не густо, и постройки лучше вписывались в ландшафт, нежели на южном берегу. По обе стороны границы, как на юге, так и на севере, попадались изумительные уголки, которые европейцы называли «американской Швейцарией»: горы с покрытыми снегом вершинами, ослепительно сверкающими даже в самый облачный день; обширные участки девственных сосновых, еловых, пихтовых и других вечнозеленых лесов; озеро, которое летом было самым прозрачным и самым живописным в мире, переливающееся всеми оттенками синего и зеленого, настолько чистое, что дно было видно даже на глубине двадцати, а то и более метров.

Они остановились на северном берегу возле торгового центра – большого, но довольно примитивной постройки здания, расположенного в тени лиственниц и елей. У них еще были продукты, купленные накануне в Санта-Барбаре, которые они так и не успели положить в холодильник в «Тихом приюте». Они выбросили скоропортящуюся провизию и запаслись молоком, яйцами, сыром, мороженым и другими замороженными продуктами.

В магазине по просьбе Чарли замороженную провизию упаковали в большую коробку, отдельно от остальной. На стоянке Чарли проделал в коробке несколько отверстий и вместе с Кристиной привязал коробку шпагатом сверху к багажнику. Была минусовая температура, и

можно было не опасаться, что по дороге к коттеджу продукты растают.

Пока они возились с коробкой (Чубакка заинтересованно наблюдал за ними из машины), Кристина на многих автомобилях заметила лыжи. Она всегда хотела научиться кататься на лыжах, представляла себе, что когда-нибудь они с Джоем будут брать уроки, как только он немного подрастет. Было бы так здорово! Но сейчас казалось, что и этого им не суждено. Это была мучительная мысль. Невероятно мучительная.

Она понимала, что должна держать себя в руках, хотя бы ради Джоя. Он почувствует ее мрачное настроение и еще больше замкнется в себе.

Но Кристина не могла избавиться от тяжких мыслей, казалось, ничто не в состоянии поднять ей настроение.

Говорила себе, что надо наслаждаться бодрящим, чистым горным воздухом, но он был обжигающе холодным. Поднимись ветер, и погода станет просто невыносимой.

Пыталась убедить себя, что снег необыкновенно красив, но он был мокрым, холодным и враждебным.

Она посмотрела на Джоя. Он стоял позади нее, наблюдая, как Чарли затягивал последний узел на коробке. Он был похож на маленького старичка.

Не лепил снежков, не высовывал язык, чтобы поймать снежинки, не катался на обледеневших участках стоянки. Он не делал ничего из того, что сделал бы маленький мальчик, впервые в жизни увидевший снег.

«Он просто устал, как и я, – убеждала себя Кристина. – Был трудный день. С субботы никто из нас по-настоящему не спал. Как только мы хорошо поужинаем, поспим восемь часов без кошмаров, без того, чтобы просыпаться при каждом воображаемом шорохе, тогда нам будет лучше. Обязательно. Конечно». Но она не могла убедить себя, что завтра ей станет хорошо или что к лучшему изменятся обстоятельства. Несмотря на пройденное расстояние и на удаленность пристанища, к которому они направлялись, она не ощущала себя в безопасности. Дело не только в том, что тысячи две религиозных фанатиков больше всего хотели бы их смерти. Это ужасно. Но было что-то тягостное в том, как теснились вокруг огромные деревья, как обступали со всех сторон горы и в застывших тенях и сером зимнем свете таилась необъяснимая угроза.

Никогда она не почувствует себя здесь в безопасности.

Но горы ни при чем Она нигде бы не чувствовала себя в безопасности.

Они свернули с главной дороги, огибающей озеро, на двухрядное шоссе, поднимавшееся по отлогим склонам мимо богатых особняков и охотничьих приютов, затерявшихся в густом лесу среди массивных деревьев. И если бы в этих домах не горел теплый яркий свет, то в окутавшей все вокруг черно-лиловой тьме их было бы совсем не видно, даже до наступления вечера здесь приходилось зажигать свет.

По обе стороны дороги намело высокие сугробы, а в некоторых местах из-за снежных заносов проезжей оставалась только одна полоса. Нельзя сказать, что движение было оживленным – им встретились только две машины: еще один джип-снегоочиститель и «Тойота Лендровер».

Когда асфальтированная дорога кончилась, Чарли решил, что неплохо бы надеть на колеса цепи. Хотя недавно и прошел снегоочиститель, снега здесь было больше, чем внизу, и чаще попадались обледенелые участки.

Съехав на ровную узкую дорожку, которая тянулась вдоль склона, Чарли остановил машину, достал цепи. Ушло минут двадцать на то, чтобы установить их, и он невесело заметил, как вместе с усиливающейся пургой стремительно сгущался мрак.

Они поехали дальше, громяхая цепями на колесах.

Скоро асфальтированная дорога превратилась в узкую грунтовку. Первые полмили ее чистили, но поскольку она была уже, чем на нижних участках, ее быстрее заносило снегом. Тем не менее медленно, но верно джип упорно карабкался вверх.

Чарли уже не старался поддерживать разговор. Это было бесполезно. С того самого момента, как они выехали из Сакраменто, Кристина становилась все менее и менее

разговорчивой. И теперь, как и Джой, замкнулась в себе и всю дорогу молчала. Произошедшая в ней перемена приводила его в отчаяние, хотя он и понимал, почему ей трудно сопротивляться депрессии. Горы, которые обычно вызывали ободряющее чувство легкости и свободы, теперь странным образом подавляли и угнетали. Даже когда проезжали по широкой луговине и деревья отступали от дороги, общее настроение окружающего ландшафта оставалось прежним.

Возможно, у Кристины закралось подозрение, не было ли путешествие сюда серьезной ошибкой.

Чарли тоже думал об этом.

Но больше было решительно некуда поехать. Помня, что их искали люди Грейс, а полиция прочесывала всю Калифорнию, учитывая, что они не могли доверять ни властям, ни даже сотрудникам Чарли, им не оставалось ничего другого, как только укрыться в каком-нибудь месте, где никто их не обнаружит, другими словами, в таком месте, где было бы как можно меньше людей. Чарли убеждал себя, что они поступили весьма разумно, что проявили необходимую осторожность при покупке джипа, что все хорошо спланировали и что двигались с завидной скоростью и, в конечном итоге, полностью контролировали ситуацию. Они проведут здесь, возможно, всего неделю или около того, до тех пор, пока его люди или полиция не арестуют Грейс Спиви.

Но как бы он ни уговаривал себя, им владело такое чувство, как будто они совершенно утратили ориентиры и их бегство превратилось в паническое. Казалось, в горах их ждет не тихая гавань, а ловушка. Было ощущение, что они шли по узким шатким сходям.

Чарли попытался отогнать эти мысли, понимая, что ему изменяет здравый смысл. Сейчас в нем возобладали эмоции. Пока не вернется способность трезвой оценки, лучше всего выбросить из головы всякие мысли о Грейс Спиви.

Теперь встречалось гораздо меньше домов и коттеджей, чем вдоль асфальтированной дороги, по которой они ехали прежде, а еще метров через четыреста дома и вовсе перестали попадаться.

Дальше дорогу никто не чистил, и она скрывалась под полутораметровой толщей снега. Чарли остановил машину, поставив на ручной тормоз, и выключил двигатель.

– И где ваша хижина? – спросила Кристина.

– В полумиле отсюда.

– Что же нам делать?

– Пойдем пешком.

– В этих снегоступах?

– Точно. Для этого мы их и купили.

– Раньше мне никогда не приходилось ими пользоваться.

– Ничего, научитесь.

– Джой...

– Мы понесем его по очереди. А потом он останется в доме, а мы вернемся за...

– Как, останется один?

– С ним будет собака, и ему там ничто не угрожает, Спиви не могла узнать, что мы направляемся сюда, она не вездесуща.

Джой не возражал. Казалось, он даже не слышал, о чем они говорили. Он уставился в окно, хотя видеть там ничего не мог – стекло запотело от его дыхания.

Чарли вышел из машины и поморщился от морозного воздуха. С тех пор как они отъехали от торгового центра у озера, значительно похолодало. Снегопад усилился. Огромные снежинки крутились под низко нависшими облаками на легком ветру, но, когда на секунду Чарли оглянулся вокруг, он почувствовал, что ветер усиливается. На опушке тесно прижавшиеся друг к другу деревья, казалось, приседают, готовясь к прыжку.

Вдруг он вспомнил старую сказку о Красной Шапочке. Перед глазами ожила картинка из книги детства: Красная Шапочка пробирается сквозь мрачный лес, в котором бродят злые волки.

Потом пришли на ум Ганзель и Грета, заблудившиеся в лесу.

А потом он вспомнил про ведьм.

Про ведьм, которые поджаривают маленьких детей в печи и съедают их. Боже, никогда до него не доходило, насколько страшными были некоторые сказки! Снежинки стали меньше и летели все быстрее и быстрее.

Начал тихо завывать ветер.

Кристина подивилась, как быстро она освоила неуклюжие снегоступы, и поняла, насколько непросто было бы двигаться без них, особенно с тяжелыми рюкзаками, которые пришлось на себе тащить. В некоторых местах ветер обнажил землю, но в других, где было хотя бы малейшее препятствие, задерживающее снег, – намело огромные сугробы высотой от двух до четырех метров, а иногда и выше. И, конечно же, снег засыпал каждую ложбинку и каждое углубление, так что попытайся они пройти над невидимой впадиной без снегоступов, непременно провалились бы в глубокий снежный колодец, выбраться из которого было бы трудно, если вообще возможно.

Серый полуденный свет был тревожен, искусствен, производил обманчивый эффект, создавая ложное ощущение глубины и изменяя очертания предметов. Иногда даже Кристина принимала снежный гребень за впадину, пока не подходила ближе. И только тогда понимала, что вместо предполагаемого спуска предстоит подъем.

Джою оказалось гораздо сложнее приспособиться к снегоступам, хотя специально подбирали ему детский размер. День быстро угасал, а заканчивать разгрузку машины в кромешной темноте не хотелось, поэтому не было времени обучать Джоя. Тогда Чарли взял его на руки.

Чубакка хотя и был крупным псом, но не настолько тяжелым, чтобы наст не выдержал его, кроме того, он инстинктивно избегал места, где наст был тонким либо его не было вовсе, и часто обходил самые глубокие сугробы, пробираясь от одного продуваемого ветром места к другому. Все-таки раза три он провалился. Один раз удалось выбраться самому, а дважды его пришлось вытаскивать.

После того как оставили машину, они прошли вверх по склону около трехсот метров, пока не достигли конца безлесного участка. По заваленной снегом просеке углубились в лес, двигаясь вдоль широкого кряжа. Справа простирался ровный участок леса, а слева – заросшая лощина. Хотя до наступления темноты оставался час, в лощине сгущалась синева с оттенками серого и лилового, а вдаль ее поглощала мгла, в которой не было видно ни единого огонька, что заставляло Кристину предположить, что никакого жилья впереди нет.

Она уже знала, что Чарли был значительно сильнее, чем можно было предположить по его виду. И все равно Кристина не переставала поражаться его выносливости.

Рюкзак давил ей на плечи, словно набитый цементом, в то же время Чарли будто бы не обращал внимания на свою ношу, гораздо большую и тяжелую, чем у нее. Он еще нес на руках Джоя и, пройдя первую четверть мили, лишь раз остановился и спустил мальчика на землю, чтобы размять затекшие мускулы.

Через сотню метров они стали отдаляться от края лощины, продвигаясь вдоль склона горы, а еще метров через пятьдесят дорога снова пошла в гору. Деревья стали еще толще и массивнее и местами погружались в такую глубокую тень, что, казалось, уже наступила ночь. И наконец они вышли на другую поляну, шире той, где остался джип, простиравшуюся метров на четыреста.

– Вот и моя хижина! – сказал Чарли звенящим на морозе голосом.

Кристина ничего не видела.

Он остановился, снова опустил Джоя и показал рукой:

– Вон там, вдаль, на самой опушке леса, а у дома – ветряная мельница.

Сначала она увидела ветряную мельницу благодаря вращающимся крыльям: высокая, один каркас, ничего от голландской живописности в ней не было, скорее походила на нефтяную вышку – функциональную и уродливую.

И хижина и мельница сливались с деревьями, растущими за ними, хотя, вероятно, днем их было лучше видно.

– Вы не говорили про ветряк, – значит, есть свет? – спросила она.

– Да, конечно. – Его щеки, нос, подбородок покраснели от холода, он высморкался. – И полно горячей воды.

– И электрическое отопление?

– Да... Даже на таком ветреном месте мельница недостаточно для этого мощная.

У Джоя развязался шнурок капюшона и выбился шарф.

Кристина наклонилась поправить. Лицо мальчика покраснело, глаза слезились от холода.

– Мы почти пришли, капитан.

Он кивнул.

Переведя дух, снова побрели вверх. Чубакка побежал вперед, будто понимая, что хижина означает конец пути.

Дом был построен из красного дерева, которое снаружи немного потемнело от непогоды. Хотя крытая кедровой дранкой крыша имела крутые скаты, немного снега задержалось и на ней. Оконные стекла покрывали морозные узоры. Снегом замело ступеньки и крыльцо.

Они сняли снегоступы и перчатки. Чарли достал ключ из тайника, хитроумно скрытого в одном из столбов на крыльце. Он открыл дверь, хрустнул лед, и заскрипели замерзшие петли.

Они вошли внутрь, и Кристина с удивлением отметила приятную обстановку. Нижний этаж представлял собой один большой зал, в дальнем конце переходивший в кухню, отделенную длинным обеденным столом из сосны. Натертые дубовые полы, лоскутные коврики, удобные мягкие темно-зеленые диваны и кресла, медные светильники, обитые деревом стены, шторы в шотландскую клетку с преобладающим зеленым цветом, гармонировавшим с диванами и креслами, а также массивный каменный камин, размером со стенной шкаф. Зал окружала галерея второго этажа, где находились еще три комнаты. «Две спальни и ванная», – объяснил Чарли. Дом был простой, но вполне приличный.

У входной двери, на полу, облицованном кафельной плиткой, они оставили обледеневшие башмаки. Потом обошли дом. На мебели лежал слой пыли, в воздухе чувствовалась затхлость. Электричества не было, потому что пробки были отключены, а щиток находился на мельнице, в помещении, где стояла силовая установка. Но Чарли сказал, что потребуется лишь несколько минут, чтобы все наладить. Возле трех каминов – одного большого в гостиной и двух поменьше в каждой из спален – лежали наколотые дрова и щепки, которые Чарли использовал для растопки. На каминах – вентиляционные отдушины, так что даже в разгар зимы в доме бывало довольно тепло.

– Хорошо, что никто не врвался в дом и ничего не поломано, – сказал Чарли.

– Такое случается? – спросила Кристина.

– Вроде бы нет. В другое время года, когда дорога свободна от снега, здесь почти всегда кто-нибудь есть.

А когда сюда не пробраться из-за заносов и некому приглядывать за домом, потенциальные взломщики даже и не догадываются, что так глубоко в лесу есть какая-то хижина. А тот, кто знает., может, считает, что овчинка выделки не стоит. И все-таки, когда первый раз приезжаешь сюда весной, все время боишься найти разоренный дом.

Тихо потрескивали дрова, и через вентиляционные отверстия в гостиную потянуло долгожданным теплом. Чубакка уже устроился у очага, положив морду на лапы.

– И что теперь? – спросила Кристина.

Чарли открыл рюкзак и достал фонарь.

– Вы с Джоем распаковывайте сумки, а я займусь электричеством.

Кристина с Джоем отнесли рюкзаки на кухню, а Чарли снова надел башмаки. Он отправился на мельницу, а они стали рассовывать в кухонные ящики консервы; как обычная семья, приехавшая в горы в обычный отпуск и предвкушавшая неделю веселого отдыха. Как будто. Насвистывая веселые мелодии, пошучивая и притворяясь, что ей действительно нравится это приключение, Кристина попыталась создать праздничное настроение у Джоя, однако либо мальчик понимал, что это наигранное веселье, либо вовсе не обращал на нее внимания, так или иначе, он почти не реагировал и совсем не улыбался.

Наверху, монотонно жужжа, вращались крылья ветряка, напоминающие пропеллер. Чарли лопатой разгреб снег у деревянных дверей, за которыми начинались ступени, ведущие в помещение под мельницей. Он спустился на два лестничных пролета, довольно глубоко уходящих под землю; комната с силовой установкой располагалась ниже уровня промерзания почвы. Он оказался в туманной синеватой мгле, которая лишала снежинки, падавшие вокруг него, белизны, и они больше напоминали развеянный в воздухе пепел. Чарли достал из кармана куртки фонарь, включил, осветив тяжелую металлическую дверь.

Открыл ее и мгновение спустя оказался в помещении с силовой установкой. Похоже, все в порядке: кабель, мощные аккумуляторные батареи, рассчитанные на десять лет, на двух стеллажах, сама установка, закрепленная на бетонной подушке, полки с инструментами.

В нос ударил неприятный запах, и он сразу догадался, откуда он исходит. Сначала подошел к щитку и включил все пробки. Затем нашел на стене выключатель и зажег на потолке две продолговатые лампы дневного света. И тогда увидел трех дохлых разложившихся мышей, одну – в центре комнаты и двух – в углу у стеллажа с аккумуляторами.

Необходимо было оставлять здесь отраву, особенно сейчас, зимой, когда, вероятнее всего, мыши будут искать убежище, потому что, если дать грызунам волю, они перегрызут изоляцию на кабеле и проводах, и к весне система электроснабжения выйдет из строя.

Мышь, которая валялась в центре комнаты, видимо, сдохла уже давно, так как совсем разложилась. Остались лишь кости и кусочки шкурки. Двух, лежавших в углу, смерть настигла недавно. Их маленькие тельца раздулись и источали зловоние. В глазницах копошились черви. Эти подошли несколько дней назад.

Чувствуя тошноту, Чарли вышел на улицу, взял лопату, вернулся, сгреб останки, отнес за мельницу и выбросил в лес. Но, даже избавившись от них, даже несмотря на то, что порыв ветра с гор принес чистый воздух, Чарли чувствовал мерзкий запах смерти. Странно, но этот запах сопровождал его всю дорогу назад в комнату с аккумуляторами и продолжал висеть во влажном, затхлом воздухе помещения.

Времени для тщательной проверки оборудования не было, но он хотел убедиться, что мыши, прежде чем испустить дух, не успели причинить серьезного вреда. В некоторых местах они уже начали грызть проводку и кабель, но повода для серьезного беспокойства не было.

Он уже почти закончил проверку, удостоверившись, что система цела, как вдруг за спиной услышал странный злоеющий звук.

Глава 51

Смеркалось. Угасли все краски, и деревья, и холмы, и все вокруг становилось таким же серым, как простиравшееся перед ними полотно шоссе.

Кайл Барлоу включил фары и, нависая над рулевым колесом «Олдсмобиля», широко оскалился.

Наконец-то. Наконец-то у них появилась реальная зацепка. Появилась ниточка. Информация. Четкий план.

Теперь они полагались не только на наитие и молитвы.

Теперь они ехали не вслепую, держа курс на север просто потому, что это казалось

хорошей идеей. Теперь они знали, где был мальчишка, где он должен быть. Теперь у них была цель. И Барлоу снова доверял Матери Грейс. Она сидела рядом с ним, привалившись к дверце, забывшись коротким, но глубоким сном, что случалось с ней все чаще в последнее время. Это хорошо. Ей нужен отдых. Схватка приближалась. Кто – кого? Когда они окажутся лицом к лицу с дьяволом, от нее потребуется вся ее энергия.

Но если допустить, что Грейс не являлась посланницей бога, тогда как же такая ценная информация попала к ней? Это лишний раз подтверждало, что она права, она знала, что делает, говорила правду, и они должны подчиниться ей. Его сомнения вновь рассеялись.

Барлоу взглянул в зеркало заднего обзора. Два фургона по-прежнему следовали за ним. Они были крестоносцами. Только не в седле, а на колесах.

Глава 52

Услышав за спиной странные звуки, Чарли развернулся и слегка присел, словно приготовившись обороняться.

Он ожидал увидеть в дверном проеме Грейс Спиви, однако источником непонятного звука оказался не человек.

Это была крыса.

Мерзкая тварь находилась между ним и выходом, но он был уверен, что появилась она не с улицы, потому что по услышанному ранее звуку понял – она выбралась откуда-то из генераторной установки. Она шипела, пищала, уставив на него кровавые глаза, словно угрожая отрезать путь назад.

Это была чудовищно большая крыса, но, несмотря на свои размеры, указывающие, что питалась она вдосталь, впечатление вполне здоровой не производила. Шерсть не гладкая, а маслянистая, свалявшаяся и грязная. В ушах засохшая грязь или корка, возможно и кровь, а с морды падали куски кровавой пены. Скорей всего, это действовал яд. Сейчас, обезумевшая от боли, крыса могла оказаться бесстрашным и злобным противником.

У Чарли возникло еще более тревожное подозрение – возможно, пена на морде свидетельствовала о том, что крыса больна бешенством. Переносят ли грызуны бешенство, так же как собаки и кошки? Ежегодно в горах Калифорнии служба ветеринарного надзора обнаруживала несколько случаев бешенства среди животных. Иногда закрывались целые участки парков до выяснения, имеет ли место эпидемия бешенства.

Вероятнее всего, эта крыса была отравлена, а не поражена бешенством, но если он ошибается и крыса его укусит...

Он пожалел, что не захватил с собой лопату после того, как выкинул дохлых мышей. Оружия никакого не было, кроме револьвера, а для такой мелкой твари это было уж слишком, как палить по воробьям из пушки.

Он выпрямился, и это вывело крысу из себя. Она двинулась на него.

Он отпрянул к стене.

Тварь стремительно приближалась с пронзительным писком. Если она заберется по ноге...

Он ударил ее мыском ботинка. Она пролетела через комнату и, ударившись о стену, с визгом плюхнулась на пол. Чарли бросился за дверь, прежде чем крыса поднялась. Он взбежал вверх по лестнице, схватил лопату и опять спустился вниз.

Крыса была в дверях. Обезумевшая, она издавала протяжный воющий и стонущий звук, от которого бросало в дрожь. Снова кинулась к Чарли.

Он размахнулся и ударил ее лопатой плашмя. Потом еще раз и еще, пока звук не прекратился. Затем посмотрел на нее и, увидев, что она еще шевелится, ударил снова, с еще большей силой. Наконец она затихла, наверняка мертвая, а он, тяжело дыша, опустил лопату.

Как могла крыса такого размера проникнуть в закрытую комнату?

С мышами все понятно – тем, чтобы пробраться внутрь, нужна лишь крохотная щелка. Но эта тварь была размером с десяток мышей, ей потребовалось бы отверстие по крайней

мере восьми-десяти сантиметров в диаметре. А поскольку перекрытие в этой небольшой комнате бетонное, а стены из шлакоблоков, скрепленных раствором, крыса никак не могла их прогрызть. Дверь – металлическая, без малейшего изъязна.

Может, ее заперли здесь прошлой осенью, когда уезжали последние отдыхающие? Или когда приходил инспектор из земельной службы, чтобы законсервировать дом на зиму? Нет, этого не может быть. Крыса давно бы съела отравленную приманку и сдохла бы несколько месяцев назад. Ее отравили недавно, а следовательно, и проникла она сюда недавно.

Он проверил каждый уголок, пытаясь найти отверстие, через которое могла бы пробраться крыса, но нашел только небольшие щели на стыках шлакоблоков, сквозь которые могли пролезть лишь мыши, пробравшись сперва в теплоизоляционную подушку в толще двойных стен.

Это – загадка, и, стоя над дохлой крысой, Чарли не мог отделаться от чувства, что короткая и яростная схватка с этой отвратительной тварью значила нечто большее, чем могло показаться на первый взгляд; крыса была неким символом. Надо признать, он вырос в страхе перед крысами, которыми кишел дом, где прошло его детство.

Невольно вспомнил фильмы ужасов, в которых крысы рыскали по заброшенным кладбищам. Смерть. Вот что, как правило, символизировали крысы. Смерть, разложение, пропасть тьмы. Возможно, это был знак. Возможно, предупреждение о том, что смерть, которую олицетворяла Грейс Спиви, настигнет их здесь, в горах; предупреждение, что надо быть готовыми к этому.

Чарли встряхнулся. Нет. Он слишком поддавался своему воображению. Так же, как в понедельник в офисе, когда, глядя на Джоя, увидел голый череп вместо лица.

Это было не более чем воображение: и тогда, и теперь.

Он не верил в приметы. Здесь смерть их не найдет.

Грейс Спиви никогда не узнает, куда они уехали. Никогда.

Джой не умрет.

Он в безопасности.

Они все в безопасности.

Кристине не хотелось оставлять Джоя одного, пока они с Чарли пойдут к джипу за остальной провизией. Она знала, что Грейс Спиви поблизости не было, знала, что здесь им ничто не угрожает и ничего не случится за то короткое время, пока ее не будет, и все же содрогалась при мысли, что, вернувшись, они найдут ее мальчика мертвым.

Но Чарли не мог один унести всего, и с ее стороны было бы неудобно просить его об этом. И Джоя они не могли взять с собой. Потому что тогда им пришлось бы идти медленнее, а предвечерний свет неумолимо угасал, и буран усиливался. Она должна идти, а Джой должен остаться. Выбора не было.

Даже хорошо для всех, если он на какое-то время останется один с Чубаккой; тем самым укрепит их с Чарли уверенность, что они выбрали действительно безопасное убежище, убеждала она себя, а кроме того, возможно, это придаст веру и надежду Джою.

И все же, когда Кристина, пытаясь приободрить сына, обняла и поцеловала его, оставляя сидящим на диване перед камином, она едва смогла найти в себе силы, чтобы повернуться и уйти. Закрыв за собой дверь и глядя, как Чарли запирает ее, почувствовала такой приступ страха, что ее едва не стошнило. Сходя с заснеженного крыльца, она ощутила в ногах такую болезненную слабость, что с трудом могла двигаться. Каждый шаг, отдалявший ее от коттеджа, давался ей с таким усилием, как будто она шла по планете, где сила гравитации была в пять раз больше земной.

С тех пор как они оставили джип и поднялись выше в горы, погода окончательно испортилась, и постепенно, загоняя вглубь страх, ею овладели мысли о необыкновенной

враждебности стихии. В горах пронзительно свистел ветер, раскачивая огромные деревья; скорость его достигала двадцати-тридцати миль в час, а при порывах по меньшей мере пятидесяти. Снег уже не был крупным и пушистым, превратившись в мелкие колючие иголки, бешено мчавшиеся под напором ветра. Когда они поднимались вверх, то шли без защитных масок, теперь же Чарли велел достать их.

И хотя Кристина сначала возражала, потому что в маске было трудно дышать, теперь она была рада, что надела ее, так как температура резко упала до нуля, а то и ниже. К морозу прибавлялся страшный ветер, даже под маской она чувствовала его ледяное дыхание, а без маски наверняка обморозилась бы.

Когда они достигли машины, последний свет дня таял; как будто на горшке, в который погрузили весь мир, задвигали гигантскую крышку. Вокруг колес уже намело сугробы, а замок замерз и с трудом поддавался, когда Чарли открывал его ключом.

Они набили рюкзаки банками и коробками с провизией, спичками, патронами для ружей и многим другим.

Чарли привязал три свернутых спальных мешка бечевкой к поясу так, чтобы тащить их за собой; сделанные из теплозащитного полихлорвинила, они были легкие и хорошо скользили по снегу. Чарли сказал, что с ними у него не будет никаких хлопот. Кристина несла винтовку, повесив ее на плечо, а Чарли взял дробовик. И хотя в машине оставалось еще много нужных вещей, они были не в состоянии их забрать.

– Придется вернуться еще раз! – прокричал Чарли сквозь рев ветра.

– Уже совсем темно, – возразила она, неожиданно осознав, – как просто можно сгинуть в слепящей мгле.

– Завтра, – сказал он. – Вернемся сюда завтра.

Она кивнула, и Чарли закрыл джип на ключ, хотя погода и без того была прекрасным сторожем. Ни один уважающий себя вор, привыкший к безмятежной жизни, не высунет носа на улицу в такую ночь.

Они пустились в обратный путь, продвигаясь значительно медленнее, обремененные своей ношей, преодолевая ветер и само сознание, что им приходится взбираться наверх, а не спускаться. До сих пор идти в снегоступах было удивительно легко, но теперь, когда они миновали только первую поляну, у Кристины ныли бедра и икры, и она знала, что наутро все тело будет ломить.

Ветер подхватывал снег с земли и кружил его ледяными балдахинами, образуя воронки, которые в диком танце вертелись во мраке. В меркнущем свете снежные вихри носились словно духи, будто холодные призраки, блуждающие по забытым богом предгорьям у вершины мира.

Склоны, казалось, были еще круче, чем тогда, когда они взбирались по ним впервые вместе с Джоем и собакой, и уж совершенно очевидно, что снегоступы у Кристины стали в два раза больше, чем прежде, и... в десять раз тяжелее.

Ночь окончательно настигла их, когда они вошли в лес, еще не успев добраться до верхней поляны. Им не грозила опасность заблудиться, потому что от заснеженной земли исходило слабое свечение и был ясно виден проход между деревьями, по обе стороны которого стоял глухой лес.

Но к тому времени, как они вышли к верхней поляне, рассвирепевший буран лишил их последней привилегии – возможности ориентироваться по снежному свечению.

Теперь снег падал настолько густо, а ветер вздымал такую плотную пелену метели, что, если бы не едва различимый огонь в доме, они, несомненно, сбились бы с пути и брели бы без всякого ориентира, описывая круги, пока не упали бы в снег и не умерли меньше чем в четырехстах метрах от очага. Неверный, рассеянный янтарный свет в окнах хижины служил путеводной звездой. Когда же тучи снега скрывали от них этот последний луч надежды, Кристине приходилось бороться с охватывающей ее паникой, останавливаться и ждать, пока вновь не мелькнет свет, так как иначе, пробуя идти вслепую, она через несколько шагов обязательно сбивалась с пути. Она старалась держаться вплотную к Чарли, но часто и он

пропадал, потому что видно было не дальше, чем на расстоянии вытянутой руки.

Боль в ногах усилилась, плечи и спина нестерпимо гудели, а ночной холод непонятно как проникал под одежду. Но Кристина проклинала и одновременно благословляла буран, это был дьявольский ураган! Теперь они были отрезаны от всего мира. Изолированы. К утру к ним нельзя будет пройти из-за снега. Буран был их лучшей защитой. По крайней мере, в ближайшие день-два Грейс Спиви не доберется до них, даже если произойдет чудо и она узнает, где они находятся.

Зайдя в дом, они увидели, что настроение у Джоя улучшилось. На щеках снова появился румянец, впервые за последние два дня он был бодр и разговорчив и даже улыбался. На мгновение произошедшая в нем перемена показалась Кристине невероятной и даже таинственной, но внезапно она поняла, что буран подействовал на него так же успокаивающе, как и на нее.

– Теперь все будет хорошо, да, мам? Ведь ведьма не сможет летать на своей метле во время такого урагана, верно? – сказал он.

– Да, – согласилась Кристина, снимая рюкзак. – Сегодня у ведьм нелетная погода.

– Инструкции ФАВ, – сказал Чарли.

Джой вопросительно посмотрел на него:

– Что это за... ФАВ?

– Федеральная Администрация Ведьм, – сказал Чарли, разуваясь. – Это такое правительственное агентство, которое выдает ведьмам лицензии.

– А чтобы стать ведьмой, нужна лицензия? – спросил мальчик.

Чарли изобразил удивление:

– Ну конечно, а ты как думаешь – кто угодно может стать седьмой? Во-первых; если девочка пожелает сделаться ведьмой, то она должна доказать, что она вредная.

Например, твоя мама никогда бы не подошла. Кроме того, будущая ведьма должна быть страшной, потому что ведьмы всегда страшные. А если хорошенькая женщина, вроде твоей мамы, захочет стать ведьмой, то ей придется сделать пластическую операцию, чтобы обезобразить себя.

– Здорово! – широко открыв глаза, воскликнул Джой. – В самом деле?

– Но это еще не самое страшное, – сказал Чарли. – Самое сложное, если хочешь стать ведьмой, это найти высокий островерхий черный колпак.

– Да ну?

– Ну вот подумай сам, ты же ходил с мамой в магазин, когда она покупала одежду. Ты хоть раз видел в магазинах такие колпаки?

Мальчик нахмурился.

– Ну вот, не видел, – сказал Чарли, переноса на кухню один из рюкзаков. – Такие колпаки нигде не продают, потому что никто не хочет, чтобы к ним в магазин все время являлись ведьмы. От ведьм пахнет крыльями летучих мышей, хвостами тритонов, саламандровым языком и всякой прочей гадостью, которую они варят в своих котлах. Когда покупатели увидят в магазине ведьму, от которой воняет вареным свиным рылом, они больше носа туда не покажут.

– Фу, гадость, – сказал Джой.

– Вот именно, – согласился Чарли.

Кристина была так рада, что Джой снова похож на обычного шестилетнего ребенка, что с трудом сдерживала слезы. Ей хотелось обнять Чарли, крепко прижать его к себе и поблагодарить за его силу, за то, как он обращается с мальчиком, и просто за то, что он такой, какой есть.

За окном выл, свистел и ухал ветер. Ночь обнимала хижину, снег укутывал ее.

В гостиной в камине потрескивали поленья.

Они вместе готовили ужин. После ужина сидели на полу, играли в карты и в «крестики-нолики», и Чарли шутил, а Джой хохотал над его шутками. Кристина чувствовала себя умиротворенной и спокойной.

Глава 53

Магазинчик, торгующий снегоходами в Саут-Лейк-Таху, уже закрывался, когда туда зашли Грейс Спиви, Барлоу, а с ними еще восемь человек. Они приехали из центра города, где купили себе лыжные костюмы и другую теплую одежду. Они уже переоделись и теперь вполне могли сойти за местных жителей. К радости и изумлению хозяина заведения – дородного мужчины по имени Орли Трит, который сказал, что друзья зовут его просто Попрыгунчик, – они приобрели четыре снегохода «Скиду» и два буксировочных трейлера.

В магазине больше остальных говорили Кайл Барлоу и член их секты Джордж Уэствек, потому что Уэствек хорошо разбирался в снегоходах, а Барлоу, что бы он ни покупал, умел превосходно торговаться. Его внушительные размеры, угрожающая внешность и с трудом сдерживаемая агрессивность давали ему преимущество во время любой сделки, но его умение вести переговоры основывалось не только на устрашении. Его отличало развитое чутье, позволявшее определить сильные и слабые стороны оппонента и угадать его намерения. Он обнаружил в себе эти способности уже после того, как Грейс отвратила его от жизни, полной самоуничтожения и социопатии, и это открытие было столь же радостным, сколь и неожиданным. Он был в неоплатном долгу перед Матерью Грейс не только потому, что она спасла его душу, но и потому, что она предоставила ему возможность найти в себе и развить таланты, о которых без ее помощи он бы так никогда и не узнал.

Орли Трит, который был слишком тучен для детского прозвища Попрыгунчик, все пытался догадаться, кто же это такие. Он приставал к Грейс, Барлоу и остальным, расспрашивая, не принадлежат ли они к какому-нибудь клубу, не родственники ли они.

Помня о том, что полиция по-прежнему хотела бы встретиться с Грейс, чтобы расспросить ее о последних событиях в округе Оранж, и беспокоясь, что кто-нибудь из ее учеников случайно проговорится, Барлоу отправил всех, кроме Джорджа Уэстека, подыскать какой-нибудь отель на центральной улице городка, где было бы достаточно свободных номеров.

Трит не верил своим глазам, когда они стали расплачиваться за снегоходы пачками наличных. От Барлоу не ускользнуло, что глаза Трита алчно загорелись, и он подумал, что тот уже прикидывает, как бы «схимичить» с отчетностью и утаить эти наличные от налоговой службы.

И хотя любопытство доставляло Триту почти физическое страдание, он прекратил совать нос не в свое дело из боязни все испортить.

Их фордовские фургоны не были оборудованы замками для буксировки трейлеров, но Трит пообещал, что их приварят за ночь:

– Утром все будет готово..., скажем..., к десяти.

– Раньше, – произнесла Грейс. – Гораздо раньше.

Мы должны быть на северном берегу с рассветом.

Трит, улыбнувшись, кивнул в сторону витрин, за которыми в тусклом свете фонарей на стоянке валил снег и шумел ветер.

– Синоптики обещают осадки до полуметра, штормовой ветер пройдет только к четырем-пяти часам завтрашнего утра, так что дорожные бригады расчистят шоссе к северному берегу только часам к десяти, а может, к одиннадцати. Вам, ребята, нет смысла уезжать отсюда раньше.

– Если снегоходы не будут готовы к четырем тридцати утра, сделка не состоится, – сказала Грейс.

Барлоу знал, что она блефует, так как это было единственное место, где они могли приобрести необходимые им машины, но, судя по изменившемуся лицу Трита, тот воспринял ее угрозу всерьез.

– Послушай, Попрыгунчик, здесь всего делов-то на два часа. Если сделаешь это сегодня, мы заплатим тебе сверху, – сказал Барлоу.

– Но мне необходимо подготовить снегоходы и...
– Так подготовь.
– Но я уже закрывался, когда вы...
– Придется задержаться на пару часов, – сказал Барлоу. – Я знаю, это хлопотно, я ценю это, в самом деле.

Однако, Попрыгунчик, как часто тебе удастся продать зараз четыре снегохода и два трейлера?

Трит вздохнул:

– Ладно, все будет готово к четырем тридцати утра, но вам все равно не добраться сразу до северного берега.

Грейс, Джордж Уэстбек и Барлоу вышли на улицу, где их ждали остальные.

Эдна Вановф подошла к ним и сказала:

– Мать Грейс, мы нашли мотель, где достаточно свободных номеров. Это в четверти мили вверх по шоссе. Мы можем дойти пешком.

Грейс взглянула на ночное небо, прищурилась, когда ветер швырнул ей в лицо пригоршню снега, залепив лоб.

Из-под натянутой на уши вязаной шапки выбились длинные спутанные пряди мокрых седых волос.

– Сатана вызвал этот ураган. Он пытается остановить нас, хочет помешать нам добраться до мальчишки. Пока не станет слишком поздно. Но бог поможет нам.

Глава 54

В половине десятого Джой уже засыпал. Ему постелили чистые простыни и укрыли теплым сине-зеленым стеганым одеялом. Кристина хотела остаться с ним, хотя еще и не собиралась спать, но Чарли нужно было поговорить с ней и обсудить план действий.

– Ты ведь не боишься один, да, Джой? – спросил он.

– Думаю, нет, – ответил мальчик. Под просторным одеялом на огромной пуховой подушке он выглядел совсем крошечным, словно эльф.

– Я не хочу оставлять его одного, – сказала Кристина.

– Чтобы добраться до него, им надо подняться по лестнице снизу, а там будем мы, – сказал Чарли.

– А окно?..

– Окно – на втором этаже. Им пришлось бы поставить стремянку, а я сомневаюсь, что они захватят ее с собой.

Но Кристина, нахмурившись, в нерешительности посмотрела на окно.

– Кристина, сюда до нас не добраться. Прислушайтесь к этому ветру. Даже если бы им было известно, что мы где-то здесь, в горах, даже если бы они знали о существовании этой хижины – чего быть не может, – сегодня им все равно не пройти.

– Мам, все будет хорошо, – сказал Джой. – Со мной будет Чубакка, и Чарли ведь сказал, что по инструкции ФАВ ведьмам запрещено летать в пургу.

Кристина вздохнула, подоткнула ему одеяло и, поцеловав, пожелала спокойной ночи. Джой захотел, чтобы Чарли тоже поцеловал его. Для Чарли это было совершенно новым ощущением, и, когда губы мальчика коснулись его щеки, волна переживаний захлестнула его: острое осознание детской незащитности; жгучее желание защитить; понимание чистой и непосредственной привязанности ребенка. Его младенческая невинность и очаровательное простодушие заставили учащенно биться сердце, а та безоглядная вера, с которой мальчик относился к Чарли, трогала и вместе с тем пугала его. Момент был настолько душевным, радостным и счастливым, что Чарли изумился, как он мог до сих пор, дожив до тридцати шести лет, обходиться без собственной семьи.

А может быть, это была судьба, может быть, он ждал, пока его помощь потребуется Кристине и Джою? Если бы У него уже была своя семья, он бы, пожалуй, не был способен на

то, на что пошел ради семьи Скавелло; все, что он делал, выходя за рамки служебных обязанностей, выпало бы на долю кого-то из сотрудников, кто, возможно, вел бы себя не так умно и предусмотрительно. Когда Кристина впервые вошла в его офис, он был потрясен ее красотой и почувствовал, что они должны были встретиться так или иначе; если бы их не свела судьба в лице Грейс Спиви, они бы все равно нашли друг друга. Ему казалось, что их взаимные чувства были неизбежны. А теперь таким же неизбежным и правильным представлялось то, что он должен быть защитником Джоя, а вскоре стать и его законным отцом, чтобы каждый вечер слышать, как маленький мальчик произносит не «спокойной ночи, Чарли», а «спокойной ночи, папа».

Судьба.

Этому понятию он никогда не придавал большого значения. Спроси его кто-нибудь неделей раньше, верит ли он в судьбу, он, вероятно, ответил бы «нет». Теперь же для него простая, естественная и неоспоримая истина заключалась в том, что путь всех мужчин и женщин определен судьбой и что ему предназначено судьбой быть рядом с этой женщиной и этим ребенком.

Они задернули плотные шторы и оставили включенным светильник, набросив на абажур полотенце, чтобы свет был не таким ярким. К этому времени Джой уже спал. Чубакка свернулся калачиком на кровати. Кристина хотела прогнать его, но он только виновато на нее посмотрел. Чарли шепнул ей, чтобы она не трогала пса, и они крадучись вышли из комнаты, оставив дверь слегка приоткрытой.

Пока они спускались по лестнице, Кристина несколько раз оглянулась, как будто колебалась, покидая мальчика. Но Чарли взял ее за руку и решительно провел к столу.

Они сидели, пили кофе и разговаривали. А за окном под карнизами постанывал ветер и снежная крупа сыпала в стекла.

— Итак, когда буран уляжется и расчистят дороги, я съезжу к торговому центру и из автомата позвоню Генри Рэнкину. Я буду ездить каждые два дня, а возможно, и каждый день. Когда меня не будет, думаю, вам с Джоем следует укрываться в помещении, где стоит силовая установка, под мельницей. Там...

— Нет, — прервала его Кристина. — Мы будем вместе с вами.

— Это утомительно, если ездить ежедневно.

— Ничего, я выдержу.

— Но Джой может не выдержать.

— Мы не останемся здесь одни! — пылко воскликнула она.

— Учитывая, что нас разыскивает полиция, «все вместе мы будем более заметны, и им будет легче...

— Мы будем с вами, — сказала она. — Прошу вас. Пожалуйста.

Чарли кивнул:

— Хорошо.

Он достал карту, которую купил в Сакраменто, расстелил ее на столе и показал Кристине запасной маршрут на случай бегства; они воспользуются им, если люди Спиви, вопреки всем ожиданиям, объявятся здесь и если у них останется время для бегства. Тогда они поднимутся еще выше в горы, перевалят через хребет, спустятся в долину и вдоль горного ручья двинутся на юг, к озеру, до которого было четыре или пять миль пути, однако в занесенном снегом краю это могло показаться доброй сотней миль.

Но по дороге у них будут надежные ориентиры, и, имея с собой карту и компас, они не пропадут.

Постепенно разговор перешел на другую тему. Они стали говорить о себе: о своем прошлом, о том, что они любили и чего не любили, о своих мечтах и надеждах, — пользуясь возможностью, которой раньше у них не было.

Через какое-то время они поднялись из-за стола, потушили свет и перешли на диван перед камином, который освещал комнату мягким неровным светом, отчего тени, казалось, оживали. Разговор стал интимным и немногословным, и вскоре само молчание наполнилось

для них смыслом.

Чарли не помнил первый поцелуй; он вдруг почувствовал, что они обнимают друг друга с нарастающим пылом, его рука касалась ее груди, и он нащупал ладонью под блузкой набухший горячий сосок. Языком ее был такой же горячий, губы обжигали, а когда он кончиками пальцев провел по ее лицу, словно электрический разряд пронзил его. Ни одну женщину он не желал с такой страстью, как желал Кристину, и судя по тому, как напряглось все ее тело, как извивалась она в его объятиях, женщину опалила не меньшая страсть. Он знал, что, несмотря на не самые удачные обстоятельства и место, уготованное им судьбой, сегодня она будет принадлежать ему – это неизбежно.

Блузка расстегнута – он нашел губами ее грудь.

– Чарли, – тихо сказала она.

Он нежно поцеловал один сосок, потом другой.

– Нет, – сказала она и отстранилась, но в этом не было осуждения, а только нерешительность и тайная надежда, что он будет уговаривать ее.

– Я люблю тебя, – сказал он, и это было правдой.

Потребовалось всего несколько дней, чтобы он полюбил ее тонко очерченное лицо, ее тело, оригинальный острый ум, ее храбрость перед лицом опасности, ее неукротимый дух; ему нравилось, как она ходила, как развевались на ветру ее волосы.

– Джой... – сказала она.

– Он спит.

– Он может проснуться...

Чарли поцеловал ее в шею – под его губами пульсировала жилка, ее сердце колотилось так же сильно.

– Он может выйти на галерею..., и увидеть нас, – сказала она.

Тогда он увел ее от камина к длинному глубокому дивану, который стоял под галереей и не был виден сверху.

Все окутывали темно-лиловые тени.

– Мы не должны, – бормотала она, продолжая целовать его шею, подбородок, щеки, губы, глаза. – Даже здесь..., вдруг он проснется...

– Сначала он позовет нас, – сказал Чарли, задыхаясь, изнемогая от желания. – Не станет же он сразу спускаться в темную комнату.

Она осыпала поцелуями его лицо, уголки рта, коснулась губами уха.

Его руки скользили по ее телу, и он приходил в восторг от совершенства ее форм. Каждая милая выпуклость и впадинка, каждый манящий уголок, пышная грудь, плоский живот, зрелые ягодицы, гладкие округлые бедра и икры – все в ней до миллиметра отвечало идеалу женственности.

– Хорошо, – слабым голосом произнесла она. – Только тихо.

– Ни звука, – пообещал он.

– Ли звука.

– Ни единого звука...

Ветер стонал за окном, а он не мог позволить своему наслаждению вырваться наружу.

Это неподходящий момент, мелькало в ее затуманенном сознании.

Неподходящее место, неподходящее время, неподходящее все.

Джой. Может. Проснуться.

И хотя это должно было беспокоить ее, но казалось уже не настолько важным, чтобы подавить желание.

Он признался, что любит ее, и она сказала, что любит, и она знала, что так оно и было, что это правда, а не притворство. Она не знала наверняка, когда родилось это чувство. Если бы она напрягла свою память, то, возможно, восстановила бы то мгновение, когда уважение, восхищение и привязанность переросли во что-то большее и властное. Ведь она знала его всего несколько дней, и не так уж трудно определить момент появления на свет любви в таком коротком отрезке времени. Разумеется, сейчас она была не в состоянии трезво судить

об этом.

Чувство захватило ее целиком, хотя это не было для нее характерно.

Несмотря на их взаимное объяснение в любви, не только любовь заставила ее отбросить всякую осторожность и пойти на риск быть застигнутой врасплох в момент страсти: было еще и естественное здоровое влечение. Никогда она не хотела мужчину так, как хотела Чарли. Внезапно она поняла, что должна ощутить его внутри себя, что она не сможет дышать, пока он не овладеет ею. У него было стройное тело, крепкие, резко очерченные мускулы; его скульптурные плечи, твердые, как камень, бицепсы, гладкая широкая грудь – все возбуждало в ней такое желание, которого она до сих пор не знала. Ее нервы стали более чувствительными – каждый поцелуй и касание, каждое его движение в ней приносило потрясающее наслаждение, граничащее с болью. Удивительное наслаждение, которое переполняло ее, вытесняя и подавляя все остальное, всякую мысль, пока она наконец не прижалась к нему безотчетно, едва успев изумиться, с какой отрешенностью она обняла его, не в силах противостоять охватившему ее первобытному зову плоти.

Вынужденная тишина, обет молчания имели странный и сильный эротический эффект. Даже когда Чарли испытывал оргазм, он не издавал ни стона, а только сдавливал ее бедра и прижимал ее к себе, и хотя его рот был раскрыт, он оставался нем и каким-то образом подавлял крик, сохранял энергию и потенцию, эрекция не ослабевала ни на мгновение, и они останавливались только затем, чтобы изменить положение, оставаясь сплетенными вместе, разметавшись на диване, и уже она оказывалась сверху и в плавном ритме взлетала над ним, словно купаясь в текучей материи, и это было не похоже ни на что, что ему доводилось испытывать прежде, и он утрачивал чувство времени и пространства, растворившись в тихой, шелковистой, безмолвной музыке плоти и движения.

Никогда в жизни она так не теряла голову во время близости. Она забыла, где была и даже кем была, она превратилась в безумно совокупляющееся животное, сосредоточившись только на наслаждении, отбросив все остальное. Только один раз гипнотический ритм любви был нарушен, когда ей вдруг показалось, что Джой спустился и стоит в тени, наблюдая за ними, но когда она подняла голову от груди Чарли и огляделась, то не увидела ничего, кроме очертаний мебели, освещенных потухающим огнем камина, и поняла, что вообразила это себе. Затем любовь – похоть – секс снова захватили ее с такой потрясающей и даже пугающей силой, что она отдалась им, не в состоянии совладать с собой, и пропала окончательно.

Перед тем как рухнуть без сил, Чарли три раза доходил, до пика наслаждения, она – больше, но дело было не в счете, а в том, что ни один из них не испытывал ничего подобного в прошлом. Когда все кончилось, он еще продолжал трепетать и чувствовал себя опустошенным. Какое-то время они лежали молча, пока вновь не услышали завывающий за окнами ветер и до их сознания не дошло, что осень угасает и в комнату пробирается холод. Они нехотя оделись и поднялись на второй этаж, где для Кристины была приготовлена вторая спальня.

– Я могу лечь с Джоем, а ты ляжешь здесь, – сказала она.

– Нет, ты только разбудишь его, а бедняге нужен отдых.

– Но где же ты будешь спать? – спросила она.

– На галерее.

– На полу?

– Я постелю спальный мешок у лестницы.

На мгновение сонливость уступила место тревоге.

– Я думала..., ведь ты говорил, что сегодня они не смогут до нас добраться, даже если...

Он приложил палец к ее губам.

– Они не доберутся. Никак. Но будет нехорошо, если утром Джой увидит меня в твоей кровати, верно? А на диванах спать слишком мягко. Так что если уж спать в мешке, то почему бы не положить его возле лестницы?

– И спать с пистолетом под подушкой?

– Разумеется. Хотя в этом и нет необходимости. Это действительно так. Давай-ка ложиться.

Укрыв одеялом, он поцеловал ее и вышел из комнаты, оставив дверь открытой.

На галерее он взглянул на часы и с удивлением обнаружил, что уже очень поздно. Неужели они занимались любовью почти два часа? Нет, не может быть. В их близости было что-то пугающее, восхитительно-животное, они отдались друг другу безудержно и самозабвенно, потеряв представление о времени. Он никогда не подозревал в себе буйства, присущего разве жеребцу, и не предполагал, что может заниматься любовью так долго и ненасытно. Но его часы раньше никогда не спешили и не могли вдруг за тридцать минут убежать на целый час или даже больше.

Чарли поймал себя на том, что стоит один за дверью Кристины и улыбается самодовольно, как Чеширский кот.

Он подобрал поленьев в камин, отнес на галерею спальный мешок, выключил свет и лег. Он вслушивался в звуки бурана, но недолго, сон объял его, словно темная волна прилива.

Во сне он поправлял Джою постель, разглаживал одеяло, взбивал подушку; Джой хотел поцеловать его, и, когда Чарли наклонился, подставив ему щеку, он ощутил, что губы мальчика тверды и холодны. Посмотрев на него, увидел вместо лица лишь пустой череп с двумя горящими глазами, которые казались чудовищно неуместными на этом известковом подобии лица. Чарли не чувствовал его губ, а лишь отверстый, лишенный плоти рот и ледяные зубы. Он содрогнулся от ужаса. Джой отбросил одеяло и сел на кровати. Обыкновенный маленький мальчик, только на месте головы у него был пустой череп. Череп уставился на Чарли выпученными глазами, а маленькие детские пальчики начали расстегивать пижаму с изображением космических рыцарей, и, когда обнажилась впалая грудь ребенка, Чарли увидел, что она разверста, он хотел повернуться и бежать, но не мог, не мог закрыть глаза и – отвести взгляд, а мог лишь смотреть, как разрывается детская грудь и оттуда появляются полчища кровоглазых крыс, похожих на ту, что он видел на мельнице. Десятки, сотни, тысячи крыс, пока тело мальчика не опустошилось и он не рухнул, обратившись в комочек кожи, словно лопнувший воздушный шар. А крысы подступали все ближе к Чарли...

...Он проснулся, задыхаясь, в поту, с застывшим в горле криком. Что-то тянуло его вниз, не давая пошевелить ни рукой, ни ногой, и на мгновение ему показалось, что это крысы, те, из сна. И он в панике забился, пока наконец не осознал, что лежит в застегнутом спальном мешке.

Он нашел «молнию», расстегнул мешок, подполз к стене и сел, прислонившись к ней, слушая, как гулко ухает сердце, и ожидая, пока оно успокоится.

Придя в себя, он зашел в комнату Джоя, просто на всякий случай. Мальчик безмятежно спал. Чубакка поднял лохматую морду и зевнул.

Чарли посмотрел на циферблат. Он спал около четырех часов. Приближался рассвет.

Он вернулся на галерею.

Дрожь не унималась.

Он спустился вниз и приготовил кофе.

Старался не вспоминать о сне, но это не удавалось.

Никогда ему не снился кошмар настолько близкий к яви, и сила его воздействия на Чарли была так велика, что он начинал, воспринимать его не просто как сон, а как феномен

ясновидения, предвосхищение событий будущего. Не то чтобы крысы должны были и в самом деле извергнуться из тела Джоя. Разумеется, нет. Сон имел символический смысл, но означал он одно: Джой должен был умереть. Не желая верить в это, в смятении от одной мысли, что ему не удастся защитить мальчика, он тем не менее был не в состоянии относиться к этому только как ко сну.

Он знал, он чувствовал нутром: Джой должен умереть.

Возможно, всем им придется умереть.

Теперь он понимал, почему они с Кристиной предавались любви с таким неистовством, с таким самозабвением и животной страстью. В глубине души они знали – у них нет времени; подсознательно они ощущали приближение смерти и попытались бросить ей вызов этим древнейшим и самым жизнеутверждающим ритуалом, танцем плоти.

Он поднялся из-за стола, оставив недопитый кофе, и подошел к входной двери. Оттер замерзшее стекло и посмотрел на занесенное снегом крыльцо. Кружились снежинки, и было темно. Буран шел на убыль, и Спиви была где-то рядом, близко. Вот каков был смысл его сна.

Глава 55

К рассвету буран прекратился.

Кристина с Джоем проснулись рано. Мальчик не был таким жизнерадостным, как накануне вечером. Более того, он снова погрузился в уныние, был мрачен, однако помогал Кристине и Чарли готовить завтрак и хорошо поел.

После завтрака Чарли оделся и вышел на улицу, один, чтобы пристрелять винтовку, купленную накануне в Сакраменто.

Ночью выпало еще около полуметра снега. Сугробы вокруг коттеджа стали значительно выше, достигая окон первого этажа. Лапы елей согнулись под тяжестью снега, и мир вокруг был так безмолвен, что казался огромным кладбищем.

День был холодным, серым, унылым. Ветер пока не поднялся.

Он соорудил мишень из квадратного куска картона, привязав его бечевкой к стволу ели, стоявшей в нескольких метрах от мельницы, вниз по склону. Затем отмерил двадцать пять ярдов и распластался на снегу. Пристроив свернутый спальный мешок под ложе, он прицелился в центр мишени и три раза выстрелил, делая паузы, чтобы убедиться, что перекрестье прицела совмещается с центром мишени.

Сотая модель винчестера была снабжена оптическим прицелом, и мишень была у него прямо перед глазами. Он видел, как каждая граненая пуля попадает в цель.

Выстрелы разорвали тишину гор и эхом отзывались в далеких долинах.

Чарли встал, подошел к мишени и по разбросу выстрелов определил среднюю точку попаданий. Затем, измерив расстояние между этой точкой и центром мишени, он определил погрешность и соответствующим образом подстроил оптический прицел. Выстрелы ложились правее и ниже.

Сначала он откорректировал угол подъема, затем угол отклонения, после чего снова распластался на снегу и снова выстрелил три раза. Теперь он с удовлетворением увидел, что все выстрелы попали в «яблочко».

Поскольку пуля летит не по прямой, а по изогнутой траектории, она дважды пересекает линию прицела – первый раз при подъеме, второй раз – при падении. Применительно к оружию и боеприпасам, которыми он пользовался, Чарли подсчитал, что каждая выпущенная им пуля первый раз пересечет линию прицела на расстоянии приблизительно двадцати пяти ярдов, достигнув высшей точки, то есть около двух с половиной дюймов над линией прицела, находясь в удалении ста ярдов, и затем по нисходящей траектории пересечет линию прицела в двухстах ярдах от него. Таким образом, его винчестер был пристрелян для поражения цели на расстоянии двухсот ярдов.

Он, де хотел никого убивать.

Он надеялся, что в этом не будет необходимости.

Но он был готов к этому.

Кристина и Чарли надели снегоступы и рюкзаки и спустились к нижней поляне, чтобы закончить разгрузку джипа.

На плече у Чарли висела винтовка.

– Ты что, готовишься к неприятностям? – спросила Кристина.

– Нет. Но что толку в ружье, если не держать его при себе?

Сегодня она оставила Джоя с более спокойным сердцем, чем накануне, но все же тревожилась за него. Периоды хорошего настроения у него были кратковременны. Он снова замкнулся в себе, уйдя в свой собственный внутренний мир, и эта перемена в нем была еще более пугающей, чем в прошлый раз. Когда накануне вечером он совсем оправился, она понадеялась, что теперь он долгое время сохранит бодрость. Если же он вновь погрузится в безнадежное молчание, то, скорее всего, оно будет еще более глубоким, чем раньше, и, возможно, на сей раз ему вообще не удастся выйти из этого состояния. Конечно, нельзя полностью исключить вероятность того, что совершенно нормальный, хорошо адаптирующийся ребенок может оказаться подвержен аутизму, оборвав все связи с внешним миром. Она читала о таких случаях, но никогда не обращала на них особого внимания. Ведь Джой всегда был открытым, веселым и общительным ребенком, и она в первую очередь боялась всевозможных вирусных заболеваний и несчастных случаев. Аутизм мог проявиться у каких-то других детей, но ни в коем случае не у ее сына – экстраверта. Но теперь... Утром он не сказал и двух слов и ни разу не улыбнулся. Ей хотелось не отходить от него ни на минуту, прижать его к себе, но она вспомнила и о том, как вчера, когда он остался один, у него наконец появилась внутренняя уверенность, что ведьма не должна находиться поблизости. Возможно, и сегодня, предоставленный самому себе, он придет к такому же оптимистическому заключению.

Когда они с Чарли направились вниз, Кристина ни разу не оглянулась на хижину. Если бы она это сделала, то Джой, возможно наблюдавший за ними из окна, мог воспринять это как признак ее беспокойства за него, и тогда ее собственный страх передался бы и ему.

Дыхание замерзло в воздухе, и иней покрывал волосы. Воздух был холодным и колючим, но, поскольку ветра не было, они не надели лыжные маски.

Сначала они не разговаривали, а просто шли, пробираясь между снежными сугробами, то и дело проваливаясь, несмотря на снегоступы. Выбирали наст покрепче, шурясь, потому что глаза уставали от снежного сияния, хотя солнца и не было. Наконец, дойдя до края леса, Чарли произнес:

– Э-э-э... По поводу вчерашнего...

– Чур, я первая, – перебила она его негромко, потому что вокруг стояла такая тишина, что даже шепот был слышен. – Я была несколько..., смущена сегодня утром.

– Из-за вчерашнего?

– Да.

– Ты жалеешь, что это случилось?

– Нет-нет.

– Слава богу, потому что я-то уж точно не жалею.

– Я просто хотела сказать тебе, что..., такой, какой я была вчера..., такой настойчивой, такой ненасытной, такой...

– Страстной?

– Это больше, чем страсть, тебе не кажется?

– Да, пожалуй.

– Боже, я была похожа на какое-то животное. Мне все время не хватало тебя.

– Это очень приятно для моего самолюбия, – сказал он, широко улыбаясь.

– А я и не знала, что у тебя большое самолюбие.

– Да нет. Но и любимцем женщин я никогда себя не считал.

– Но после вчерашнего считаешь?

– Совершенно верно.

Они углубились в лес метров на двадцать, остановились и, взглянув друг на друга, нежно поцеловались.

– Я просто хочу, чтобы ты понял, у меня такого никогда не было, – сказала она.

Он изобразил притворное удивление и разочарование:

– Ты хочешь сказать, что ты не помешана на сексе?

– Только с тобой.

– Видимо, потому, что я – дамский угодник?

Она не улыбалась.

– Чарли, это важно для меня – чтобы ты понял. Прошлой ночью..., я не знаю, что на меня нашло.

– Я на тебя нашел.

– Не шути. Прошу тебя. Я не хочу, чтобы ты думал, что у меня так было с другими. Не было. Никогда. Я делала прошлой ночью с тобой то, чего никогда раньше не делала. Я даже не знала, что могу это делать. Я была необузданным животным. Я..., я не ханжа, но...

– Послушай, – сказал он, – если ты была животным, то я был чудовищем. Как правило, я не теряю контроля над собой, и, конечно, на меня не похоже..., быть таким требовательным..., грубым. Но я не стыжусь себя такого, каким я был. И ты не должна. Между нами произошло что-то особенное, что-то необыкновенное, именно поэтому мы и вели себя так, как вели. Возможно, это было грубо, но чертовски хорошо, правда?

– О да!

Они снова поцеловались, но на этот раз их поцелуй был прерван отдаленным глухим рокотом. Чарли прислушался.

Звук нарастал.

– Самолет? – спросила она, посмотрев вверх на узкую полоску неба между деревьями.

– Снегоходы, – сказал Чарли. – Раньше в горах всегда было тихо и спокойно. Сейчас не то время. Эти проклятые снегоходы снуют повсюду. Их как нерезанных собак.

Гул моторов приближался.

– Зачем им забираться так высоко? – в ее голосе была тревога.

– Кто их знает.

– Звук такой, как будто они уже над нами.

– Может, и наоборот. Звук в горах обманчив и разносится очень далеко.

– Но если мы встретим их?..

– Скажем, что арендуем коттедж. Меня зовут.. – Боб... Хендерсон. Мы из Сиэтла, а здесь катаемся на лыжах и просто отдыхаем. Понятно?

– Понятно.

– И ни слова о Джое.

Она кивнула.

И они пошли дальше.

Моторы ревели все сильнее и сильнее и вдруг замолкли один за другим. Снова повисла тишина, и раздавался лишь скрип снегоступов.

Дойдя до верхнего края поляны, они увидели в просвете между деревьями, метрах в трехстах ниже, возле своего джипа четыре снегохода и восемь-десять человек, окруживших машину. Они находились слишком далеко, и Кристина не могла рассмотреть их, нельзя было даже определить, женщины это или мужчины, просто маленькие темные фигурки на ослепительно белом снегу. Джип наполовину засыпало снегом, и незнакомцы расчищали сугробы, чтобы открыть двери.

До Кристины доносились голоса, но слов было не разобрать. В холодном воздухе раздался звон разбитого стекла, и тут Кристина поняла, что это не просто любители покататься на снегоходах.

Чарли потащил ее назад, в тень и левее от тропы, и они оба едва не упали, потому что снегоступы не были предназначены для того, чтобы уходить от погони... Они стояли под гигантской тсугой. Ее густые ветви начинались метрах в двух над землей, скрывая их своей

тенью.

Тонкий слой снега под деревом был усыпан иголками.

Чарли прислонился к огромному стволу и, выглянув из-за него, посмотрел туда, где в просвете между соснами на другом конце поляны виднелся их джип. Он отстегнул от пояса футляр и достал бинокль.

– Кто это? – спросила Кристина, наблюдая, как Чарли наводит бинокль. Она заранее знала ответ, но не хотела поверить в очевидное. – Они не просто туристы. Это уж точно. Те не стали бы выбивать стекла в чужих машинах.

– Может, это просто группа подростков, – сказал он, – которые ищут себе приключений.

– Никто не будет забираться так высоко в горы по такому снегу в поисках приключений, – сказала она.

Чарли отступил на два шага вправо и, держа бинокль обеими руками, взгляделся внимательнее. Наконец он произнес:

– Я узнал одного из них – тот здоровый тип, который пришел к Спиви, когда мы с Генри уже уходили от нее.

Она называла его Кайл.

– О боже.

Горы оказались не тихой заводью, а тупиком, западней.

Неожиданно они поняли, что идея укрыться среди безлюдных заснеженных склонов и лесов оказалась недаленовидной и просто глупой. Отрезав себя от всего мира, чтобы их никто не нашел, они в то же время лишились всякой надежды на чью-нибудь помощь в случае неожиданного нападения. Здесь, высоко в холодных горах, их убьют и похоронят, так что ни одна душа, кроме самих убийц, никогда не узнает, что с ними произошло.

– Ты видишь..., ее? – спросила Кристина.

– Спиви? По-моему..., да... Та, что сидит в снегоходе.

Я уверен – это она.

– Но как они нашли нас?

– Кто-то знал, что я являюсь совладельцем этого коттеджа. Кто-то вспомнил об этом и сообщил людям Спиви.

» – Генри Рэнкин?

– Возможно. Об этом месте знают очень немногие.

– И все же..., почему так быстро?

– Шестеро..., семеро..., девять. Нет, десять. Их десять человек.

«Мы не умрем», – промелькнуло в сознании Кристины. И впервые с тех пор, как она оставила монастырь и утратила свою веру, она пожалела, что совершенно отвернулась от религии. Неожиданно на фоне безумия фанатиков из секты Спиви древнее учение римской католической церкви, проникнутое духом сострадания, показалось ей притягательным и успокаивающим душу, и ей страстно захотелось обратиться к этому учению, искренне, не лицемерно, умолять бога о помощи и просить Святую Деву о божественном заступничестве. Но нельзя, отвергнув церковь, полностью вычеркнув ее из своей жизни, вновь обратиться к ней, когда в этом возникает необходимость, и рассчитывать на то, что церковь примет тебя в распростертые объятия без всякого искупления грехов. Твоя вера нужна господу в трудные времена так же, как и в благополучные. Умри она теперь от рук фанатиков, и будет лишена даже последнего причастия, возможности быть похороненной в освященной земле; Кристина искренне удивилась, что сейчас потребность в вере вдруг пробудилась в ней после долгих лет, в течение которых она не придавала ей никакого значения.

Чарли убрал бинокль в футляр и снял с плеча винтовку.

– Возвращайся в дом как можно быстрее, – сказал он, – держись за деревьями, пока тропа не повернет, тогда они не увидят тебя с поляны. Собери Джоя, возьми немного еды. Одним словом, будь готова.

– Ты остаешься здесь, зачем?

– Чтобы прикончить кого-нибудь из них, – ответил он.

В одном из карманов его куртки были патроны. Он расстегнул его. Когда он разрядит винтовку, то сможет быстрее перезарядить ее.

Кристина стояла в нерешительности, боясь уходить от него.

– Иди, – приказал он, – живее, у нас мало времени.

Она кивнула и с колотящимся сердцем бросилась между деревьями вверх по склону, стараясь двигаться как можно быстрее, насколько позволяли снегоступы и ветки, которые приходилось все время раздвигать руками. Она с благодарностью отметила про себя, что огромные деревья преграждают доступ солнечным лучам, а подлеска практически нет, иначе снегоступы неизбежно застревали бы в кустах и идти ей было бы куда тяжелее.

Чтобы стрелять точно, необходимо соблюдать два правила: занять, по возможности, удобную и устойчивую позицию и спускать курок в нужное время и как можно более плавно. Лишь немногие стрелки – охотники, военные и другие – умеют делать это как следует. Большинство начинает стрелять не подготовившись, вместо того чтобы выбрать более удачную позицию, или со всей силы давят на спусковой крючок и делают это так резко, что руки непременно уводит в сторону.

Лучше всего стрелять из положения лежа, особенно если цель находится ниже. Сняв снегоступы, Чарли вышел на опушку леса, к самому краю поляны, и лег на землю. Снег здесь был неглубокий, всего около двух дюймов, так как ветер продувал поляну с запада и уносил снег к востоку, где он собирался в сугробы вдоль края леса. Склон был довольно крутой, и Чарли смотрел вниз на людей, которые по-прежнему копошились вокруг джипа. Он приподнял винтовку, поддерживая ее левой рукой и поставив локоть на землю. В таком положении, ружье закреплялось неподвижно, упираясь в предплечье, которое было зафиксировано.

Он прицелился в темную фигуру, сидевшую в головном снегоходе, хотя маячили и более удобные мишени, но он был почти уверен, что это Грейс Спиви. Ее голова чуть возвышалась над передним щитком, но об этом не стоило волноваться: пуля не могла от ricochetить от плексигласа.

Если ему удастся подстрелить ее, возможно, это вызовет смятение и раскол среди остальных. На фанатиков не могло не произвести удручающего впечатления, если бы их маленький божок погиб у них на глазах.

Чарли был в перчатках, но в них он плохо чувствовал курок, поэтому он снял перчатку с правой руки и положил палец на спусковой крючок. Так было гораздо лучше.

Он навел перекрестье прицела на лоб Грейс Спиви, рассчитав, что на таком расстоянии пуля к моменту попадания уже пересечет линию прицела и ударит где-то на дюйм ниже. Если повезет – точно между глаз. Если же нет – все равно она попадет или в лицо, или в шею.

Несмотря на минусовую температуру, Чарли было жарко. Пот градом катился с него.

Можно ли назвать это самообороной? Никто из них сейчас не угрожал ему оружием, и его жизнь не находилась в непосредственной опасности. Разумеется, он понимал, что, если не уничтожить нескольких из них прежде, чем они подойдут ближе, перевес будет на их стороне.

И все же он колебался. Никогда еще не доводилось ему так хладнокровно расстреливать людей... Что-то в нем восставало против того, чтобы действовать исподтишка, дабы не уподобиться тем монстрам, которые загнали его в ловушку. Но если он откажется от такой возможности, то непременно погибнет – так же, как Кристина и Джой.

Перекрестье прицела было точно на лбу Спиви. Чарли надавил на курок, но не сразу, а постепенно, потому что под давлением прицел слегка отклонился от цели, и он, продолжая давить на спусковой крючок, снова поймал ее на «мушку» и лишь после этого окончательно нажал на спуск, и, словно запоздалая мысль, прогремел выстрел.

Он вздрогнул, но не от предвосхищения выстрела, отреагировав на него позднее, когда пуля уже не могла отклониться, к этому времени уже вылетев из ствола. Предвосхищающая дрожь – это то, чего следует избегать при стрельбе, ибо во время постепенного, в два приема, спуска курка подсознание вводится в заблуждение, и выстрел всегда оказывается

неожиданным.

Но для него гораздо неожиданнее было другое: ему показалось, что в самый момент выстрела Спиви подалась вперед, потянувшись за чем-то, и слегка нагнулась. Сейчас, снова пытаясь разыскать ее в окуляре, он не мог этого сделать. Одно из двух: или он попал в нее и она рухнула, или ее на самом деле в последний момент спасла судьба – она пригнулась и теперь была вне досягаемости.

Он немедленно прицелился в следующего.

В одного из тех, что стояли у джипа. Тот только и успел, что повернуться на звук первого выстрела. Он, видимо, не обладал мгновенной реакцией, был растерян и не вполне осознавал опасность.

Чарли выстрелил. На этот раз он был вознагражден: человек отлетел назад и распластался на снегу, убитый или смертельно раненный.

Пробираясь краем леса, Кристина достигла открытого места, и идти ей стало легче. Тут она услышала выстрел, а через секунду или две еще один. Она хотела вернуться к Чарли, хотела быть рядом с ним, хотя и знала, что не сможет ничем помочь. У нее не было времени даже для того, чтобы оглянуться. Она удвоила усилия, изо рта у нее валил пар, она старалась как можно мягче наступать на снег, но из-за спешки все равно ломала наст и проваливалась, отчаянно выискивала относительно свободные от снега участки, чтобы двигаться быстрее.

А если с Чарли что-то случилось? Что, если они с Джоем больше не увидят его?

Она не ходила в походы и знала, что ей не выжить в этой снежной пустыне. Если им придется покинуть коттедж вдвоем, без Чарли, они наверняка заблудятся и умрут от голода или замерзнут.

Природа словно желала еще больше устроить ее, словно издевалась над ней – снова повалил снег.

Когда упал первый, остальные бросились за джип, но двое направились к снегоходам, образовав прекрасные мишени, и Чарли прицелился в одного из них. Как и предыдущий, этот выстрел оказался точным: пуля попала в грудь, человека перебросило через снегоход, он упал в сугроб и остался лежать неподвижно.

Второй лег на землю, и в него было трудно целиться, но Чарли все равно выстрелил. Он не мог определить, попал ли на этот раз, потому что его жертва теперь была скрыта под снегом.

Он перезарядил винтовку.

Чарли подумал, что среди них могут быть охотники или бывшие военные с достаточной смекалкой и они определяют его местонахождение. Он стал обдумывать, как ему пробраться по опушке и найти другую позицию, надеялся – за деревьями его передвижение не будет обнаружено. Однако чутье подсказывало, что такого опыта у них не было и они не знали правил партизанской войны. Поэтому он остался на месте, рассчитывая, что кто-то из них совершит ошибку.

Долго ждать не пришлось. Один из тех, кто укрылся за джипом, оказался чересчур любопытным. Прошло полминуты, и он, присев на корточки, оглянулся, надеясь, что в таком положении попасть в него невозможно. На самом же деле для Чарли он был прекрасной мишенью. Вероятно, тот тоже полагался на собственное чутье, рассчитывая упасть и прижаться к земле при малейшем шорохе, но был подстрелен и упал замертво еще до того, как звук выстрела докатился до него.

Трое. Остается семеро. А если не считать и Спиви, то шестеро.

Впервые в жизни Чарли с благодарностью вспоминал время, проведенное во Вьетнаме. С тех пор прошло пятнадцать лет, но он еще не утратил военной сноровки. Ему был знаком выматывающий душу ужас, который испытывает как охотник, так и преследуемый, и сейчас

он чувствовал психологический стресс, который бывает во время боя, но он знал, как использовать это напряжение, как обратить этот стресс в свою пользу, чтобы оставаться на чеку.

Остальные не двигались, зарывшись в снег, прижавшись к джипу и к снегоходам. Чарли слышал, как они что-то кричат друг другу, но никто больше не посмел высунуться.

Он понимал, что теперь они прикованы к месту на пять-десять минут и, может быть, есть смысл вернуться сейчас в хижину, воспользовавшись этим преимуществом во времени. Но ему не хотелось упускать шанс: если у него хватит терпения, ему представится случай сделать еще один удачный выстрел, когда они немного придут в себя.

Пока он был в более выигрышном положении и остался лежать на опушке. Снова перезарядил винтовку и непрерывно смотрел вниз. Ему было приятно сознавать, что он оказался таким метким стрелком, и в то же время он стыдился своей гордости. Он радовался, что убил трех человек, и одновременно терзался своей кровожадностью.

Небо нависло свинцовыми тучами. Падал слабый снег.

Ветра пока не было. Хорошо. Ветер помешал бы стрельбе.

Внизу у машины переговоры стихли. На горы опустилась первозданная тишина.

Время шло.

Там, внизу, они были напуганы. У Чарли появилась надежда.

Глава 56

Кристина с Джоем стояли в гостиной. Лицо мальчика было пепельно-серым. Он слышал стрельбу. Он все понял:

– Это она?

– Милый, надевай костюм и ботинки. Мы скоро уходим.

– Правда?

– Мы должны быть готовы к приходу Чарли.

– Это она, правда?

– Да, – сказала Кристина. У мальчика на глаза навернулись слезы. Она прижала его к себе. – Вот увидишь, все обойдется. Чарли не даст нас в обиду.

...Она смотрела ему в глаза, но он не видел ее. Его взор был устремлен сквозь нее, в какой-то иной мир, его взгляд был пустым и отсутствующим, и Кристину охватила дрожь.

Она надеялась, что, пока соберет вещи, Джой уже оденется. Но он был на грани ступора: неподвижно стоял с безучастным лицом и безвольно опущенными руками.

Она схватила лыжный костюм и натянула на Джоя поверх свитера и джинсов, в которых он ходил дома. На толстые шерстяные носки она надела ботинки и сама зашнуровала их. На пол у двери она положила его перчатки и лыжную маску, чтобы не забыть их, когда они будут уходить.

Когда Кристина прошла на кухню собрать продукты и кое-какие вещи, Джой двинулся следом и остановился рядом с ней. Неожиданно он встрепенулся и, выйдя из оцепенения, с искаженным от страха лицом произнес:

– Брэнди? Где Брэнди?

– Ты хочешь сказать – Чубакка, милый?

– Брэнди. Я хочу сказать Брэнди!

Потрясенная, Кристина бросила сумку, склонилась к Джое и погладила его по щеке:

– Милый мой..., не надо..., не надо так расстраивать маму. Ты же помнишь... Брэнди умер.

– Нет.

– Ведьма...

– Нет!

– ..убила его.

Он яростно затряс головой.

– Нет. Нет! Брэнди! Брэ-э-э-энди-и-и!

Кристина пробовала прижать его к себе, но он вырывался.

– Милый, прошу тебя, не надо...

В этот момент на кухню зашел Чубакка, привлеченный шумом, и мальчик, вырвавшись из рук Кристины, радостно вцепился в него, обхватив лохматую голову:

– Брэнди! Ты видишь? Это Брэнди. Он здесь. Ты наврала мне. Брэнди жив. Старина Брэнди жив-здоров.

У Кристины перехватило дыхание, и она застыла, пронзенная болью, болью не физической, а душевной, острой и мучительной. Джой не воспринимал действительность. Ей казалось, что он уже смирился со смертью Брэнди, что все улеглось, когда она настояла на том, чтобы он назвал новую собаку Чубаккой, а не Брэнди Второй. Но теперь... Когда она обращалась к нему, он не реагировал и даже не смотрел на нее, а только что-то бормотал, шептался с собакой, гладил и обнимал ее. Кристина громко позвала Джоя, но он не ответил. Зря она согласилась завести этого двойника. Надо было отвезти его обратно в питомник. Надо было выбрать другую породу, только не золотистого ретривера.

А может, и нет. Может быть, она уже никак не могла спасти его рассудок. Нельзя требовать выдержки от шестилетнего ребенка, когда вокруг него рушится мир. Даже взрослый сломался бы быстрее. Хотя она не признавалась в этом себе, однако все это время чувствовала, что Джой неизбежно должен столкнуться с эмоциональными и психологическими проблемами.

Хороший психиатр поможет ему, уверяла она себя.

Его бегство от реальности было лишь временным. Ей необходимо было верить, что это так. Она должна верить.

Иначе не было смысла продолжать скрываться.

Она жила для Джоя. Он был ее миром, ее смыслом.

Без него...

Самое страшное, что у нее не было времени прижать его к себе, приласкать и поговорить с ним, что было отчаянно необходимо ему, так же как, впрочем, и ей. Но времени не оставалось. Спиви была рядом. И сейчас ей приходилось не обращать внимания на Джоя, отвернуться от него в тот момент, когда он больше всего нуждался в ней.

Ей пришлось взять себя в руки и снова собирать рюкзак.

По лицу катились слезы, руки дрожали. Никогда ей не было так плохо. Теперь даже если Чарли спасет жизнь Джою, она все равно может лишиться своего мальчика, от которого останется лишь пустая оболочка. Но она упорно продолжала заниматься делом, распаивая дверцы буфета, отбирая вещи, которые пригодятся им, когда они уйдут в лес.

Сердце ее было преисполнено черной ненависти к Спиви и ее подручным. Она не просто желала их смерти, сначала она хотела бы насладиться зрелищем их пыток.

Она хотела заставить старую стерву визжать и молить о пощаде; отвратительная, грязная, безумная, старая стерва.

Джой тихо бормотал:

– Брэнди... Брэнди... Брэнди... – и гладил Чубакку.

Глава 57

Прошло семь минут, прежде чем кто-то из людей Спиви осмелился обнаружить себя, чтобы проверить, держат ли их еще под прицелом.

Чарли увидел его и открыл стрельбу. Но хотя это и был Долгожданный шанс, он не успел собраться, был слишком возбужден и напряжен. Он дернул курок, вместо того чтобы плавно отпустить его, и промазал.

С той стороны немедленно открыли ответный огонь.

Чарли подозревал, что они вооружены, но до последнего Момента у него не было полной уверенности. Стреляли из двух винтовок в направлении верхней кромки поляны.

Первые залпы были направлены левее него метров на пятьдесят; он слышал, как в той стороне затрещали ветки.

Следующие пули легли уже ближе, метрах в тридцати и по-прежнему левее, но пальба не прекращалась, и пули свистели все ближе и ближе. Люди Спиви представляли, где приблизительно мог находиться Чарли, и теперь вынуждали его обнаружить себя.

По мере того как стрельба смещалась в его сторону, Чарли все ниже пригибал голову и прижимался к земле под сенью деревьев на опушке. Он слышал, как свистят пули у него над головой. Отлетали куски коры, сыпались иголки, рядом упало несколько сосновых шишек, но если те, внизу, надеялись на удачу, то их надежды не оправдались. Пули стали ложиться справа от Чарли, а это говорило о том, что им понятно только одно: в них стреляли откуда-то сверху – однако они понятия не имели, в каком месте засел нападавший.

Чарли снова поднял винтовку и прильнул к окуляру прицела. И тут до него дошло – стреляя в него, те преследовали еще одну цель: прикрыть двоих, которые короткими перебежками устремились к лесу, огибая поляну с восточной стороны.

– Проклятье! – Чарли попытался взять на мушку одного из бежавших. Но те двигались слишком быстро, невзирая на сугробы, поднимая облако снежной пыли. Не успел он поймать кого-нибудь из них в перекрестье прицела, как оба скрылись в темноте между деревьями.

В то же мгновение стрельба стихла.

Чарли прикинул, сколько времени потребуется тем двоим, чтобы пройти лесом и напасть на него с тыла. Немного. Лес в этих местах довольно чистый. Минут пять, не больше.

Он еще мог кое-что предпринять, даже если сектанты, укрывшиеся за джипом, и не высунутся. Чарли прицелился в один из снегоходов и дважды выстрелил в надежде, что удастся вывести его из строя. Если он заставит Спиви с компанией топтать пешком, поединок между ними будет честнее. Он взял на мушку другой снегоход и всадил две пули в двигатель. Третий был виден лишь наполовину, и попасть в него было трудно, поэтому Чарли выстрелил пять раз, для чего ему пришлось перезарядить винтовку.

Внизу наконец определили его местоположение и открыли огонь, теперь пули ложились в непосредственной близости от него.

Четвертый снегоход стоял за джипом, вне досягаемости, и Чарли не оставалось ничего другого, как отступить.

Он надел вторую перчатку, по-пластунски пополз глубже в лес и укрылся за стволом тсуги. Он снова надел снегоступы, которые несколько минут назад сбросил, чтобы было удобнее стрелять. Старался производить как можно меньше шума, одновременно прислушиваясь к каждому шороху с восточной стороны, откуда на него могли выйти двое из группы Спиви.

По его расчетам, они уже должны были дать о себе знать. Однако он быстро сообразил, что теперь они будут действовать крайне осторожно. Они не могли не понимать, что бросок к лесу не остался незамеченным и теперь их появление не будет неожиданным. К тому же они осознавали, что у него есть одно преимущество: ему была знакома эта местность. Стало быть, они будут продвигаться медленно, от укрытия к укрытию, внимательно вглядываясь в каждое дерево, в каждый камень, отмечая каждую впадину, где могла быть засада. У них могло уйти минут десять-пятнадцать, чтобы добраться сюда, и еще столько же, чтобы обшарить окрестности, пока они не поймут, что его там уже нет. Таким образом, у них с Кристиной и Джоем было в запасе двадцать – двадцать пять минут.

Он опрометью бросился вверх через лес к коттеджу.

На верхней поляне мела поземка.

Ветер крепчал.

Небо нахмурилось и потемнело. Несмотря на то что было утро, создавалось впечатление, что близится вечер, хуже того, казалось, близился конец света.

Чубакка не отрывал взгляд от Джоя, словно чувствуя, что его юный хозяин нуждается в нем. Но мальчик больше не обращал внимания на собаку. Джой погрузился в свой

внутренний мир, не замечая уже мира реального.

Кусая губы, пытаясь унять острую тревогу за сына, Кристина набила провизией свой рюкзак, приготовила вещи для второго рюкзака и зарядила дробовик. Тут вошел Чарли – с красным от морозного ветра лицом и заиндеветыми бровями. От него веяло холодом, но больше всего холода было в его глазах.

– Что произошло? – спросила Кристина, когда он прошел к столу в гостиной, оставляя на полу мокрые следы.

– Вышиб им мозги, черт бы их побрал.

– Что, всем? – спросила Кристина, – помогая ему снять рюкзак.

– Нет. Я убил или серьезно ранил троих. Возможно, подбил еще одного, однако не уверен.

Она принялась судорожно вкладывать вещи в непромокаемый рюкзак.

– А что Спиви?

– Не знаю. Возможно, я и попал в нее, но не поручусь.

– Они идут?

– Да. У нас в запасе минут двадцать.

Кристина оторвалась от своего занятия и застыла с жестяной упаковкой спичек в руке, с тревогой глядя Чарли в глаза.

– Что с тобой, Чарли?

Он провел ладонью по влажному лбу:

– Я никогда не делал ничего подобного. Это была... бойня. Разве что на войне, но ведь это совсем другое. То война.

– Это тоже война.

– Да, видимо, так. Кроме одного..., когда я стрелял... это доставляло мне наслаждение. Даже на войне со мной такого не было.

– Ничего страшного, – сказала она, продолжая собирать рюкзак. – После всего, что мы вытерпели от них, я тоже не прочь застрелить одного-двух. Я бы хотела этого, черт побери!

Чарли повернулся к Джою.

– Капитан, надеваем перчатки и маску.

Мальчик не реагировал. Он стоял возле стола с отсутствующим взглядом.

– Джой? – позвал его Чарли.

Мальчик молчал. Он смотрел на руки Кристины, запикивающие в рюкзак всякую всячину, но, похоже, не видел их.

– Что с ним? – спросил Чарли.

– Он..., он просто отключился от всего, – ответила Кристина, снова едва не плача.

Чарли подошел к мальчику и, взяв за подбородок, легонько приподнял его голову. Джой смотрел на Чарли, но не видел его. Чарли пытался говорить с ним, но безрезультатно. На губах ребенка блуждала слабая улыбка, бессмысленная и призрачная, но и она не была реакцией на то, что говорил Чарли; он улыбался чему-то, увиденному в своем новом мире, каким-то своим мыслям, связанным с этим миром, который отделяли от реального долгие световые годы. В уголках детских глаз блестели слезы, но с губ не сходила все та же жуткая улыбка. Он ни разу не всхлипнул, не проронил ни звука.

– Что за черт, – тихо произнес Чарли.

Он прижал Джоя к себе, но тот не реагировал. Тогда Чарли надел уже собранный рюкзак, поправил ремни и зафиксировал их на груди.

Кристина уложила второй, проверила клапаны карманов и взвалила на спину.

Чарли надел Джою перчатки и лыжную маску. Мальчик не проявил к этому никакого интереса.

Они вышли из дома, Кристина – последней, с заряженным дробовиком в руках. Прежде чем закрыть дверь, она бросила последний взгляд внутрь: в камине тлели поленья, на стене мягким янтарным светом горело бра; кресла и диваны словно просили остаться, обещая уют и покой.

Она с грустью подумала, доведется ли ей когда-нибудь еще сидеть в мягком кресле при свете лампы. Или ей суждено сгнить в лесах и быть погребенной в снежной могиле?

Она закрыла дверь и двинулась навстречу серой холодной громаде зловещих гор.

Они завернули за дом и углубились в лес. Чарли нес Джоя на руках. Пока деревья не скрыли их, Чарли то и дело оглядывался на поляну, опасаясь, что с противоположной стороны ее вот-вот появится Спиви со своими подручными.

Чубакка держался впереди, каким-то шестым чувством угадывая направление. Вначале ему приходилось несладко из-за глубоких сугробов, но затем, в глубине леса, где снег лежал ровный и плотный, где не попадалось ни поваленных деревьев, ни каменистых выступов, он заметно оживился и побежал быстрее.

Ближе к краю леса еще встречался кустарник, но дальше деревья плотнее смыкали ряды, и всякий подлесок пропадал. Они поднимались все выше, склоны становились все более каменистыми и неровными. Им пришлось бы совсем трудно, если бы не мелкое русло, по весне, должно быть, принимающее многочисленные ручьи, которые образуются в горах, когда начинает таять паковый снег на вершинах. Они пошли по этому руслу, держа путь, как и рассчитывали, на северо-запад. Снегоступы они привязали к рюкзакам, поскольку путь их пролегал под нависавшими со всех сторон ветвями исполинских деревьев и снежный покров здесь был невелик. Попадались места, где мохнатые хвойные лапы смыкались так плотно, что земля под ними была совсем голой.

Несмотря на это, снега было достаточно, чтобы за идущими оставался четкий след. Можно было задержаться и попробовать замести следы ветками, но Чарли не останавливался, считая это пустой тратой времени. Улики, которые он оставит, пытаясь уничтожить отпечатки ступней на снегу, будут с не меньшей очевидностью свидетельствовать о том, что они проходили здесь; в глубине леса, особенно у земли, ветер был не таким сильным, чтобы запорошить снегом следы от веток. Оставалось только нажимать, уповая на то, что они идут быстрее своих преследователей. Возможно, потом, если они будут переходить открытые участки, усиливающийся ветер сыграет им на руку, затруднив банде Спиви их поиски.

Если.

Если им удастся преодолеть этот лес и выйти на открытый участок.

Если ищейки Спиви не настигнут их в ближайшие полчаса.

Если.

В лесу царил полумрак, и они обнаружили, что лыжные маски с их узкими отверстиями еще больше ухудшают видимость. Они спотыкались и падали, и в конце концов им пришлось снять маски. Мороз обжигал лицо, но оставалось только терпеть.

Чарли чувствовал, что их преимущество во времени перед командой Спиви неуклонно тает. Они покинули хижину спустя почти пять минут после его прихода, так что теперь они опережали гнавшуюся за ними свору всего минут на пятнадцать, а возможно, и того меньше. А поскольку он не мог, с Джоем на руках, идти так быстро, как хотелось бы, фактически не оставалось сомнений, что с каждой минутой разрыв сокращается.

Склон становился все круче; Чарли начал уставать и слышал за спиной учащенное дыхание Кристины. Он еще ни разу не спустил Джоя на землю и от усталости уже не чувствовал собственных рук; ныли икры и бедра. Их путеводное русло начинало забирать все больше на восток; туда им было ни к чему. Они могли пройти по нему еще какое-то время, однако рано или поздно Чарли придется опустить мальчика, так как впереди простиралась куда менее гостеприимная местность. Если они рассчитывают оторваться от погони, Джой должен будет идти самостоятельно.

Но что, если он откажется идти? Что, если он застынет на месте как вкопанный, с этим рассеянным пустым взглядом?

Глава 58

Чтобы не попасть под пулю, Грейс вся сжалась, сидя в снегоходе, хотя все ее старые кости протестовали против такого скрюченного положения.

В царстве духов это был черный день. Узнав ночью эту тревожную новость, она испугалась, что не сможет подобрать одежду, которая гармонировала бы со спектральной энергией. В ее гардеробе не было черных вещей. Прежде черные дни не выпадали ни разу. Никогда. Но, на ее счастье, у Лоры Панкен, ученицы, оказался черный лыжный костюм, почти ее размера, и Грейс сменила серое платье на экипировку нужного цвета.

Сейчас она едва ли не жалела, что вступала в контакт со святыми и душами умерших. Излучаемая ими спектральная энергия была неизменно обескураживающей, словно заряженная страхом.

Кроме того, Грейс досаждали видения ада и смертных мук, но они не были ниспосланы ей господом; их происхождение было совсем иное, в них был налет серы. Смущающими душу видениями сатана пытался разрушить храм ее веры, повергнуть ее в ужас. Он хотел обратить ее в бегство, хотел, чтобы она отказалась от своей миссии.

Грейс знала, что замышляет отец нечестивой веры. Знала.

Порой, вглядываясь в лица окружающих, она чувствовала, что от нее ускользает их истинная суть; перед ней представала пораженная тлением и паразитами плоть, и она содрогалась от явных свидетельств бренности человеческого тела. Дьявол своим столь же коварным, сколь порочным, умом понимал, что она никогда не поддастся его искушению, поэтому пытался поколебать устои ее веры, поразив ее страхом.

Невыйдет. Никогда. Вера ее крепла. Но сатана не отступался. Иногда, когда Грейс обращала взор к грозовому небу, она видела там нечто: скалящиеся козлиные морды, отвратительные свиные рыла с огромными клыками. А ветер доносил голоса. В их зловещем шипении слышались лживые посулы, они перевирали истину, говорили об извращенных наслаждениях, и их описание бесстыжего действия гипнотизировали сознание, вызывая в нем живые яркие образы, в которых порок представал в своей смущающей развратной красоте.

В снегоходе, согнувшись в три погибели, чтобы спастись от выстрелов, Грейс вдруг увидела огромных тараканов, величиной с ладонь; они ползли по ее ногам и уже подбирались к лицу. Она едва не подпрыгнула от отвращения. Именно этого дьявол и добивался, надеясь, что она обнаружит себя и станет легкой добычей. К горлу подступила тошнота, но Грейс, мучительно сглотнув, поборолла ее и еще плотнее прижалась к днищу машины.

Она заметила, что головы у тараканов были человечески.

Они обращали к ней свои крошечные личики, выражавшие боль, унижение и ужас, и Грейс понимала – это были сцены, на которых лежала печать божьего проклятия, до сих пор корчившиеся в аду, пока сатана не перенес их сюда, чтобы явить ей, на какие страдания обречена его паства; чтобы доказать ей, что его жестокость не знает границ. Грейс охватил такой страх, что она чуть не сделала под себя. Дьявол рассчитывал, что, наслав на нее этих тварей с человеческими лицами, он заставит ее задуматься: зачем бог допустил существование ада? Да, дьявол ждал, что она будет терзаться вопросом: не жесток ли сам бог, потворствуя жестокости сатаны? Дьявол ждал, что она усомнится в добродетели своего Создателя. Это должно было внести смятение и страх в ее душу.

Вдруг Грейс увидела, что лицо одного из тараканов – это лицо ее покойного мужа, ее Альберта. Нет, Альберт был добр. Он не мог оказаться в аду. Это ложь. Крохотное личико запрокинулось вверх. Хотя она не слышала ни звука, но знала, что он пронзительно кричит. Нет, Альберт был милый человек, праведник, святой. Альберт в аду?

Обречен на вечные муки? Бог никогда не допустил бы такой несправедливости. Она так надеялась снова встретиться с мужем на Небесах, но если его там нет...

Она почувствовала, что находится на грани помешательства.

Нет. Нет, и еще раз нет. Сатана лжет. Он хочет, чтобы она сошла с ума.

Дьяволу только этого и нужно. Если бы она обезумела, то уже не смогла бы служить господу. Если она усомнится в своем душевном здоровье, она может усомниться и в своей

миссии, своем божественном Даре, в своих отношениях с господом. Она не должна сомневаться в себе. Она здорова, и ее Альберт – в раю, и она должна подавить в себе всякую неуверенность и всецело и слепо отдаться вере.

Грейс закрыла глаза и больше не смотрела на жутких насекомых, ползавших по ее башмакам. Она чувствовала, что они там, даже через толстую кожу, но она только стиснула зубы и молилась, чтобы прекратились выстрелы.

Когда она открыла глаза, тараканы исчезли.

На какое-то время она спасена. Ей удалось отогнать дьявольское наваждение.

Стихла и стрельба. Пирс Морган и Дэнни Роджерс, посланные в лес, чтобы обойти Гаррисона с тыла, подали сигнал с верхнего края поляны, давая знать, что путь свободен. Гаррисон пропал.

Грейс выбралась из снегохода и увидела, как Морган и Роджерс машут им сверху. Она посмотрела на лежащего в снегу Карла Рэйни, это в него попала первая пуля. Он был мертв – в груди зияла огромная рана. Разбросанные в стороны руки заметал снег. Грейс опустила на колени.

Кайл не выдержал и подошел к ней.

– О'Коннер тоже мертв. И Джордж Уэстек, – его голос дрожал от боли и гнева.

– Мы знали – кому-то из нас придется пожертвовать собой. Их смерть была не напрасной, – сказала Грейс.

Подошли остальные: Лора Панкен, Эдна Вановф, Берт Тулли. Они были в равной степени преисполнены гневной решимости и страха. Они не обратятся в бегство.

С ними их вера.

– Карл Рэйни..., теперь в раю, в объятиях господ, так же как и... – она мучительно вспоминала, как звали О'Коннера и Уэстека, попутно помолившись, чтобы господь не лишил ее памяти о чем-нибудь более важном. – Как и...

Джордж Уэстек и... Кен... Кен... Кевин... Кевин О'Коннер..., все они на Небесах.

Снег постепенно накрыл тело Рэйни белым саваном.

– Мы захороним тела? – спросила Лора Панкен.

– Земля слишком мерзлая, – сказал Кайл.

– Оставьте. У нас нет времени на похороны, – сказала Грейс. – Антихрист почти в наших руках, но сила его прибывает с каждым часом. Мы не можем мешкать.

Два снегохода были выведены из строя, поэтому два оставшихся заняли Грейс, Эдна, Лора и Берт Тулли, а Кайл следовал за ними пешком. Они двинулись наверх, где их ждали Морган с Роджерсом.

Грейс охватило уныние – три ее соратника мертвы.

Они продвигались медленно, все время останавливаясь, чтобы разведать путь и не напороться на засаду.

Усиливался ветер, началась метель. Тучи были страшнее смертного покрывала.

Еще немного, и она окажется лицом к лицу с ребенком-Антихристом, и тогда ее предназначение будет выполнено.

Часть пятая ДОБЫЧА

Мор, болезни и война
Здесь поселились. Чья вина?
Известно – мир конечен,
Ничто не длится вечно.
Где спрятаться ребенку, старику?
Смерть каждого лишает брэнной жизни.
Друг Друга убиваем мы,

Чтобы потом рыдать на тризне.

«Книга исчислимых скорбен»

Клянусь своей подагрой -
Сюда идет нечистая сила.

Уильям Шекспир, «Макбет»

Ничто так не печалит бога, как гибель ребенка.

Д-р Том Дули

Глава 59

Глядя, как Джой безропотно карабкается вслед за Чарли, Кристина ласково приговаривала:

– Вот умница. Вот хороший мальчик.

Они держали курс к выступу, выдававшемуся на полпути к гребню горного хребта.

Кристина боялась, что Джой откажется идти сам – встанет и будет стоять, как зомби. Но, как видно, он все же воспринимал реальность; он молчал, смотрел на нее невидящим взглядом, однако в глубине души, очевидно, понимал – надо идти, чтобы спастись от ведьмы.

Ему было невероятно трудно, к тому же он чувствовал себя неуклюже в мешковатой лыжной экипировке, а дорога местами забирала так круто вверх, что приходилось цепляться за камни и редкие кусты, чтобы сохранить равновесие. Джой не жаловался, хотя и продвигался все с большим трудом, время от времени опускаясь на четвереньки, и Кристина то и дело помогала ему перебраться через упавший ствол или покрытые ледяной коркой выступы голых скал. Они вынуждены были идти медленнее, приспособившись к Джою, и все-таки шли; возьми его Чарли на руки, они не сделали бы ни шагу.

Чубакка постоянно норовил оторваться от них, прыгая и карабаясь по склону, словно и не собака вовсе, а настоящий волк – абориген этих первозданных мест. Порой он застывал на месте, тяжело дыша, оборачивался и устремлял долгий взгляд назад; при этом одно ухо у него смешно топорщилось. И мальчик при виде своего пса, казалось, оживал и двигался с удвоенной энергией. И Кристина сказала себе, что должна быть благодарна этой собаке, пусть даже ее сходство с Брэнди отчасти усугубляло психологическое состояние мальчика.

Она даже начала беспокоиться о Чубакке. Шерсть у него была густая, но шелковистая, не то что у волков или других исконных обитателей этих мест. На брюхе, на боках и на хвосте у него уже намерзли куски льда, так же как на кончиках лохматых ушей. Пока это, похоже, не причиняло ему неудобств, но что будет через час? Через два? Да и подушечки его лап не были приспособлены, чтобы бить их по этой суровой земле. Как бы там ни было, но пес – домашний, привыкший к вольготной жизни в тихой провинции. Пройдет немного времени, и лапы его будут кровоточить от порезов и ссадин, и, вместо того чтобы весело мчаться впереди, он, прихрамывая, будет ковылять сзади.

Если Чубакка не выдержит перехода, если бедняга умрет по дороге, каким ударом это будет для Джоя!

Это может убить его.

Возможно. Или он навсегда безмолвно замкнется в себе.

Кристина прислушалась: снизу раздавался далекий рокот — она догадалась, что это взрвели снегоходы, направляясь к их коттеджу. Это невеселое обстоятельство, Должно быть, не осталось незамеченным даже Джоем, несмотря на его затуманенное сознание. Он предпринял мужественную попытку и бросился вперед, карабкаясь что было сил и цепляясь за землю. Потом звук растаял, и вместе с ним растаяли его силы, и он снова шел медленно, и было видно, что каждый шаг дается ему с большим трудом.

Дойдя до выступа, они остановились, чтобы перевести дыхание, не произнося при этом ни звука, словно берегли силы для более важных дел. Да и говорить, по правде, было особенно не о чем, разве что о том, сколько еще пройдет времени, пока их схватят и прикончат.

Они вздрогнули. В нескольких метрах от них из кизиловых зарослей кто-то выскочил и бросился наутек.

Чарли снял с плеча винтовку.

Чубакка принялся и отрывисто тьякнул.

Это была всего-навсего серая лисица, вскоре исчезающая в сумраке леса.

Кристина предположила, что она преследовала добычу, белку или зайца или кого-то еще. Зимой местным обитателям приходится несладко. И все же ее симпатии были на стороне жертвы, а не лисы. Кристина-то знала, каково это, когда тебя травят.

Чарли снова повесил винтовку на плечо, и они двинулись дальше.

За выступом простирался последний участок, отделявший их от вершины хребта. Лес здесь поредел, и снега заметно прибавилось, хотя можно было еще обходиться без снегоступов. Чарли обнаружил оленью тропу, облегчавшую подъем на плоскую площадку на вершине хребта. Не наткнись они на эту тропу, Джою пришлось бы преодолевать слишком высокие сугробы. Олени позаботились о нем — должно быть, с десятков их прошли здесь со времени последнего бурана, притоптав снег копытами, так что теперь Джой лишь изредка оступался и поскользывался.

Чубакка, почуяв запах проходивших здесь животных, фыркал и глухо рычал. Тут до Кристины дошло, что с тех пор, как они оставили хижину, их пес ни разу не залаял.

Даже когда его вспугнула лиса, он лишь по-щенячьи тьякнул, и этот звук не мог разнестись далеко. Казалось, чутье подсказывало ему, что лай может привлечь внимание ведьмы. Или у него просто не оставалось сил взбираться в гору и лаять одновременно.

Поднимаясь все выше, они не только удалялись от преследователей, но как будто перемещались в другой климатический пояс: с каждым шагом вверх погода неумолимо ухудшалась, словно ее состояние обуславливалось географическим положением, а не состоянием атмосферы и временем года. Они забирались все глубже в холодное царство зимы.

Облака нависали над самыми верхушками сосен и елей.

Сплошной стеной повалил снег, и к тому моменту, как они достигли вершины, деревья были скрыты за плотной белой пеленой. Кристина видела, что на них надвигается очередной буран, и, судя по первым его признакам, он обещал быть еще страшнее того, что бушевал минувшей ночью. Заметно похолодало, ветер, гонимый термальными потоками, мчался из долин в горы, и у них перехватывало дыхание под его шквальными порывами. Не пройдет и двух часов, как все вокруг превратится в крошечный ад.

Только теперь они не могли укрыться от него в теплой хижине.

Чарли не спешил спускаться в очередную долину. Он повернулся и задумчиво посмотрел вниз, окидывая взглядом пройденный ими путь. Он что-то обдумывал, некий план. Кристина догадывалась об этом, и в ее душе блеснула надежда. Их превосходили численностью и вооружением, и, чтобы победить, им необходимо проявить чертовскую изворотливость.

Она склонилась над Джоем. Из носа у мальчика текло, и на верхней губе и на щеке тут же намерзал лед. Она вытерла ему лицо, поцеловала и постаралась защитить от ветра. Он молчал.

Как и прежде, он смотрел насквозь, не видя ее.

«Я убью тебя, Грейс Спиви», – думала Кристина, глядя туда, откуда он пришли.

Щурясь от слепящего ветра и снега, Чарли осмотрелся и решил, что здесь самое подходящее место, чтобы устроить засаду. Вершина хребта представляла собой узкую, шириной всего в пять-десять метров, безжизненную каменную грядку, протянувшуюся с севера на юг и лишенную даже снега из-за гуляющих здесь шквальных ветров.

Повсюду торчали причудливой формы голые скалы, за тысячелетия отполированные ветром до блеска и предлагавшие множество удобных укромных мест, откуда Чарли, оставаясь незамеченным, мог наблюдать за сектантами Спиви.

Пока они не давали о себе знать. Разумеется, он не мог видеть, что происходило внизу под сенью леса, потому что хотя непосредственно на подступах к гряде деревья росли значительно реже, чем на более удаленных склонах, все же они, казалось, смыкались в сплошную шеренгу всего в ста – ста десяти метрах ниже кромки гребня. За этой отметкой он уже был не в состоянии что бы то ни было различить, наступай оттуда хоть целая армия. Да еще ветер, который на вершине ревел и свистел, в лесу, в ветвях вековых деревьев производил бесконечный шорох и хруст, маскируя любой звук, которым преследователи могли бы выдать себя.

Но Чарли инстинктивно чувствовал, что у него есть еще минут двадцать, возможно, чуть больше. Он, конечно, отдавал себе отчет, что, карабкаясь к вершине, они из-за Джоя потеряли много драгоценного времени и их первоначальный отрыв сократился, но он также понимал, что банда Спиви будет подниматься крайне осторожно, по крайней мере на протяжении первого отрезка пути, пока они вновь не обретут уверенность. К тому же они, возможно, заглянули в хижину, а это еще несколько потерянных минут. Так что у него было достаточно времени, чтобы подготовиться к «теплой» встрече.

Он подошел к Кристине и Джою и присел рядом.

Мальчик, как и до сих пор, пребывал в полной отрешенности, почти в ступоре, не замечая, как собака преданно трется о его ногу.

– Мы пройдем вниз к долине, сколько успеем за шесть минут, найдем место поспокойнее для вас с Джоем, а я вернусь сюда и буду ждать гостей, – сказал Чарли.

– Нет.

– Я должен снять хотя бы одного до того, как они успеют укрыться.

– Нет. – Кристина твердо стояла на своем. – Если ты должен ждать их здесь, мы останемся с тобой.

– Это невозможно. Когда я отстреляюсь, мне надо будет мгновенно исчезнуть из виду, придется пробежаться. Если вы будете со мной, мы потеряем слишком много времени.

– Я считаю, что нам не следует разлучаться.

– Это единственный выход.

– Мне страшно.

– Я должен постепенно выводить их из строя.

Она прикусила губу:

– И все-таки я боюсь за тебя.

– Это неопасно.

– Черта с два.

– Правда. Я буду выше, когда открою огонь. В укрытии. Сразу они не определяют, откуда стреляют, а потом будет поздно. Я уже дам тягу. У меня явное преимущество.

– Что, если они не полезут за нами так высоко?

– Полежут.

– Прогулка не из приятных.

– Мы же прошли; пройдут и они.
– Но Спиви стара для таких гонок.
– Они оставят ее в хижине, приставив к ней пару охранников. Остальные бросятся за нами. Кристина, я должен помешать им. Я должен перестрелять всех, если получится. Клянусь, засада – это совсем не опасно. Я шлепну одного-двух и улизну прежде, чем они успеют засечь меня и открыть ответный огонь.

Она ничего не сказала.

– Ну же, – сказал Чарли. – Мы теряем время.

Секунду поколебавшись, она кивнула ему:

– Идем.

Это была железная женщина. Чарли знал не многих мужчин, которые бы вынесли все это без единой жалобы, и уж наверняка не было такой женщины, которая согласилась бы остаться одна в подобных обстоятельствах посреди ледяного леса, вне зависимости от того, насколько это было необходимо. В ней столько же душевной стойкости и мужества, сколько женского обаяния и красоты.

Чуть дальше к северу на гряде он нашел ту же оленью тропу, и они пошли по ней вниз к следующей долине.

Тропа извивалась, словно это она, а не олени, торившие ее, выбирала самые безопасные и удобные для прохода места, минуя отвесные склоны.

Чарли рассчитывал проводить их как можно дальше к подножию и успеть вернуться назад – поставить капкан на свору Спиви. Однако из-за того, что тропа бесконечно петляла, облегчая дорогу, но и увеличивая расстояние, за пять минут они не только не спустились в долину, но не прошли и половины пути.

Там, где тропа, огибая выступ, проходила под каменным козырьком, образующим защищенную впадину, Чарли остановился. Это нельзя было назвать настоящей пещерой, но там вполне можно было укрыться от ветра и снега, который сыпался сквозь ветви стоявших вокруг деревьев. С противоположной стороны нишу прикрывал крутой склон холма, уходящий вверх почти отвесной стеной, так что созданное природой убежище было защищено с трех сторон.

– Ждите меня здесь, – сказал Чарли. – Можете наломать сушняка – вон с той ели – и развести костер.

– Но ведь тебя не будет всего..., минут двадцать – двадцать пять? Вряд ли имеет смысл разводить костер.

– Выйдя из хижины, мы все время двигались, – сказал Чарли, – и не ощущали холода. Но без движения вы быстро замерзнете.

– У нас утепленные...

– Чепуха. Все равно огонь не помешает. По крайней мере, Джою он точно не повредит, у него нет такого запаса прочности, как у взрослых.

– Хорошо. А может..., мы пойдем дальше по оленьей тропе, а ты нагонишь нас?

– Нет, в лесу слишком просто заблудиться. Тропа будет разветвляться. Вы можете и не обратить на это внимания, а мне потом останется лишь догадываться, в какую сторону вы пошли.

Кристина кивнула.

– Костер разложи на тропе, – продолжал Чарли, – только не под самым козырьком, чтобы в нише не скапливался дым. Так вам все равно будет достаточно тепло.

– А они не могут заметить дым? – спросила Кристина.

– Нет, они же по ту сторону хребта. К тому же видимость отвратительная. – Он быстро отвязал от рюкзака снегоступы. – А если и увидят – это не страшно. Перед ними буду еще и я, а я очень надеюсь уложить одного-другого. Это заставит их затаиться по меньшей мере минут на десять. К тому времени, как они очухаются, никакого костра и в помине не останется, а мы будем уже внизу, в долине. – Он проворно скинул рюкзак, оставив с собой только винтовку и набив карманы патронами. – Ну, мне пора.

Кристина поцеловала его.

Джой, похоже, не заметил его ухода.

Чарли устремился назад, следуя по той же узкой тропе.

Он шел быстро, так как на подъем требовалось больше времени, а его-то как раз оставалось немного.

Самым трудным за всю его жизнь оказалось это решение оставить сейчас

Джоя и Кристину одних.

Джой с Чубаккой ждали под каменным козырьком, пока Кристина принесет сухих веток для костра. Под огромными разлапистыми ветвями ближе к земле на стволах елей и сосен оставалось множество сухих сучков со старыми шишками, которые хорошо идут на растопку. Они были сухие, потому что верхние пушистые ветви задерживали снег. Более того, сгибаясь под тяжестью снега, верхние ветки надламывали сушняк, и Кристине было совсем не трудно заготовить хворосту для костра. Она быстро собрала целую охапку и вернулась назад.

Вскоре у входа в каменный мешок, где нашли убежище они втроем – Кристина, Джой и Чубакка, – уже потрескивали в огне сухие сучья. Едва Кристина ощутила, как от костра потянуло жаром, она поняла, что, несмотря на теплую одежду, холод пробрал ее до костей; это окончательно убедило ее в том, что сидеть здесь в ожидании Чарли без огня было бы крайне опасно.

Джой сидел, привалившись к стене, устремив на костер пустой взгляд ничего не выражавших глаз, которые были бы похожи на кусочки мертвого стекла, если бы их не оживляли отражавшиеся язычки пламени.

Чубакка лег и принялся зализывать раны на лапах.

Кристина не знала, сбил он лапы или порезал, однако было видно, что раны причиняют псу боль, хотя он даже не скулил.

Каменные стены вокруг них начали отогреваться, и поскольку ветер не проникал в их пещеру, скоро в ней стало удивительно тепло.

Кристина стянула перчатки, расстегнула карман куртки и достала оттуда коробку с карточью для дробовика.

Она открыла ее и положила рядом с уже заряженным ружьем, на случай, если Чарли больше не вернется..., а вместо него придет кто-то другой.

Глава 60

Когда Чарли добрался до гряды, ему не хватало дыхания, а ноги – от бедер до икр – пронизывала пульсирующая боль. Плечи, шея, спина ныли так, словно он по-прежнему волок на себе тяжелый рюкзак, и он то и дело перекидывал ружье из одной руки в другую, чтобы размять затекшие мышцы.

Вряд ли можно было сказать, что он был не в форме; живя нормальной жизнью у себя дома, в Оранже, он дважды в неделю посещал гимнастический зал и через день по утрам пробегал по пять миль. Если даже он начал уставать, то каково же Кристине и Джою? Даже если ему повезет подстрелить пару фанатиков, сколько еще смогут продержаться два близких ему человека?

Он старался не думать об этом, так как боялся – ответы на эти вопросы будут не очень обнадеживающими.

Чарли, пригнувшись от ветра, который задувал с такой яростью, что мог свалить с ног, бегом пересек узкое скалистое плато. Шел такой густой снег, что видимость на голом гребне не превышала десяти-пятнадцати метров и была еще хуже, когда налетал порыв ветра. Такого снега Чарли в жизни не видел; казалось, он падает не просто хлопьями, а охапками, пачками хлопьев. Не зная Чарли точного направления, сейчас он шарахался бы как слепой из стороны в сторону, но он безошибочно вышел на цепь гладких валунов, лежавших по краю гребня, и распластался на земле в облюбованном заранее месте.

Здесь, лежа между скальными выходами гранитной породы на самом краю гряды, он

мог спокойно ждать. Отсюда хорошо просматривалась та самая извилистая тропа, по которой немногим раньше поднимались они втроем и которой теперь наверняка воспользуются фанатики.

Он подался чуть вперед, стараясь разглядеть кромку леса, как вдруг всего метрах в девяноста ниже по склону заметил какое-то движение. Он вскинул винтовку и прильнул к окуляру прицела: поднимались двое.

Чтоб вам...

Они уже были здесь.

Но почему только двое? Где остальные?

Тут он заметил, что пара приближается к участку тропы, который не просматривался сверху, и решил, что они замыкающие в группе; передние же уже, видно, прошли поворот и скоро должны снова показаться выше на тропе.

Один из обнаруженной двойки был среднего роста, одетый во что-то темное. Второй – непомерно высокого роста, в синем лыжном костюме, поверх которого коричневая парка с капюшоном и меховой опушкой.

Должно быть, этого гиганта видел Чарли, когда приходил к Спиви, – чудовище Кайл. Чарли содрогнулся. От одного упоминания этого имени у него побежали мурашки.

Чарли рассчитывал, что ему придется некоторое время – минут десять или даже больше – ждать их появления, как вдруг выяснилось, что они уже рядом. Очевидно, они карабкались вверх, не останавливаясь, чтобы проверить, нет ли впереди засады, отбросив всякий страх. Приди Чарли двумя минутами позже, он столкнулся бы с ними на самой гряде.

По смешанному сосняку и ельнику тропа огибала скалистый выступ. Двое замыкающих скрылись из вида.

С трепещущим сердцем Чарли навел прицел на то место, где тропа появлялась из-за выступа. Сектор стрельбы был ограничен прогалиной, составлявшей метров восемь. Расстояние до цели метров шестьдесят пять, то есть пули будут ложиться на один и три четверти дюйма выше прицела, значит, чтобы всадить пулю в сердце, надо целиться в нижнюю часть груди. В зависимости от того, насколько близко друг к другу идут эти выродки, на открытом участке могут одновременно оказаться трое из них, причем первый уже будет приближаться к следующей не простреливаемой зоне. Он не особенно надеялся уложить троих; они будут следовать гуськом, закрывая друг друга, так что хорошенько прицелиться во второго можно лишь после того, как упадет первый. К тому же после первого выстрела они наверняка кинутся искать укрытие. Допустим даже, что в этой суматохе он уложит и второго, но третий так или иначе успеет спрятаться прежде, чем он возьмет его на прицел.

Следовало рассчитывать на двоих.

На сером фоне прогалины показался первый. Чарли поймал его в перекрестье и увидел, что это женщина. Довольно миловидная молодая женщина. Он растерялся. Из леса вышел еще один, и Чарли перевел винтовку на него.

И снова женщина, хотя и не такая молодая и миловидная, как первая.

Умно. Они пустили вперед женщин в расчете сбить его с толку. Они полагались на его совесть, которая не позволит ему стрелять в женщину. Их совесть в этом отношении молчала. Это было даже смешно. Они, истые верующие, возмнившие себя божьими наместниками, но расценивающие его моральные устои как более строгие и прочные, чем их.

И их план сработал бы, если бы не одно «но»: он воевал во Вьетнаме. Пятнадцать лет назад он потерял двух близких друзей и едва не погиб сам, когда в одной деревне навстречу им вышла улыбающаяся девушка, а как только они остановились, чтобы поговорить с ней, она подорвала себя гранатой. В своей жизни ему уже приходилось иметь дело с фанатиками, с одной разницей: те были скорее фанатиками от политики, чем от религии. Хотя какое это имеет значение? И политика и религия, случается, несут в себе одну отраву. Чарли прекрасно знал, что слепая ненависть и жажда насилия, подчас поражающие праведников, могут превратить женщину в безумного палача, не менее страшного, чем любой одержимый идеей

собственного мессианства мужчина Канонизированное безумие и варварство не имеют ограничений по признаку пола.

У Чарли было о ком переживать. Пощади он этих женщин, они убьют женщину, которую любит он, вместе с ее ребенком.

«Меня они тоже не пощадят», – думал он.

Мысль, что ему предстоит убить ее, была отвратительна, но он снова навел прицел на первую женщину, поймал ее в перекрестье окуляра и выстрелил.

Ее сбило с ног и отбросило прочь с оленьей тропы.

Уже мертвая, она рухнула на колючие лапы черной ели, с которой от сотрясения сошла маленькая снежная лавина, погребя под собой тело женщины.

А потом началось что-то неладное.

Кристина только что подбросила в костер хвороста, снова устроилась рядом с Джоем под каменным козырьком, когда услышала звук первого выстрела, эхом прокатившегося по лесу.

Чубакка настороженно задрал морду и наострил уши.

Через секунду раздались новые выстрелы, но на этот раз – не из винтовки Чарли. Теперь это было равномерное стрекотание, оглушительный металлический стук, который она помнила по старым фильмам» стреляли из автоматического оружия, возможно, из пулемета. Холодный душераздирающий звук пронизывал лес, и Кристине подумалось, что если смерть может смеяться, то звучать этот смех должен именно так.

Она знала, что Чарли попал в беду.

Чарли не успел вторично прицелиться, когда грянувшая вдруг автоматная очередь заставила его вздрогнуть от неожиданности. В следующее же мгновение звук эхом раскатился по горам и, отраженный, вернулся обратно.

Было трудно определить, откуда он шел. Однако события последних дней показали, что он не растерял боевого опыта, приобретенного во Вьетнаме. Чарли тотчас понял, что стрелок расположился не на склоне, а на одном с ним уровне, к северу по гребню.

Они послали вперед лазутчика, и тот ставил капкан.

Прижимаясь к земле, словно пытаясь раствориться в ней, Чарли с удивлением подумал, почему капкан не захлопнулся раньше. Почему его не уложили сразу, когда он только забрался наверх. Может, лазутчик прозевал его?

Или густой снег сомкнулся вокруг него как раз в нужный момент, словно одолжив ему на время шапку-невидимку?

Это, несомненно, должно было служить объяснением случившемуся, хотя бы отчасти, – Чарли помнил, какой густой снег повалил, как только он достиг гребня.

Стрельба стихла.

Чарли услышал металлическое лязганье и скрежет и понял, что автоматчик меняет обойму.

Не успел он поднять голову, чтобы оглядеться, как снова прогремела очередь. Пули, выбивая фонтаны гранитной крошки, рикошетили от валунов, среди которых притаился Чарли. Теперь выстрелы ложились в непосредственной близости от него. Стрелок выпустил очередь по камням, прикрывавшим Чарли с севера, после чего выстрелы стали производить южнее по гряде; оттуда доносился тонкий свист отскакивающих от скал пуль. Становилось ясно, что нападавший, не видя цели, палит вслепую.

У Чарли еще был шанс выбраться живым.

Он, не высовываясь из-за валуна, присел на корточки и повернулся лицом к северу.

Автомат замолчал.

Что делает стрелок? Изучает скалы? Меняет позицию или снова вставляет новую обойму?

Если верно последнее, значит, тот временно безоружен.

Сейчас Чарли не слышал характерный звук, сопровождающий смену обоймы, но он не мог просто сидеть на корточках и ждать неизвестно чего – он в прыжке бросился вперед и сразу же увидел мстителя, стоявшего всего в шести метрах от него. Это был мужчина в теплых лыжных брюках и темной парке. Он держал автомат, но не перезаряжал его – прищурившись, Он пристально вглядывался в скалы, тянувшиеся по гряде к югу за спиной у Чарли. Тут-то Чарли и застал его врасплох. Испустив крик, он вскинул автомат.

Но Чарли находился в более выгодном положении и, используя эффект внезапности, выстрелил первым, попав борцу с Сумерками в шею.

Того отшвырнуло назад, и он, уже падая навзничь, ненароком выпустил в заснеженное небо бесполезную очередь. Пулей ему разворотило горло так, что голова едва не оторвалась. Смерть была мгновенной.

В то самое мгновение, когда смерть подкараулила автоматчика, когда прогремел роковой выстрел, Чарли заметил второго, десятью метрами выше. Он даже не успел осознать опасность, когда тот выстрелил из винтовки.

От сокрушительного удара Чарли завертелся на месте и упал, сильно ударившись о землю. Он лежал за валунами, невидимый для стрелка, вне линии огня, но это не могло продолжаться долго. Внезапно холод пронизал левую руку, плечо и левую половину груди, и они начали неметь. И хотя боли он пока не чувствовал, но знал, что его ранили. Тяжело ранили. Это уже было хуже.

Глава 61

Крик заставил Кристину вскочить и броситься из их каменного мешка, мимо угасавшего костра, на тропу.

Она посмотрела вверх, туда, где должен быть гребень хребта. Разумеется, она ничего не смогла разглядеть. Слишком далеко. Мешали снег и деревья.

Крик завис в воздухе. Боже, это было что-то страшное.

Даже несмотря на расстояние, заглушаемый лесом, крик был чудовищен, крик боли и ужаса, от которого кровь стыла в жилах. Кристина поежилась, отнюдь не от холода.

Похоже, это кричал Чарли.

Нет. Она просто давала волю воображению. Это мог быть кто угодно. Крик был слишком далеким и заглушенным, чтобы можно было сказать наверняка, чей он.

Он продолжался полминуты, может, чуть дольше.

Кристине эти секунды показались часами. Кто бы это ни был, он словно выворачивал собственную душу, и ей самой хотелось кричать вместе с ним. Потом крик стих и погас совсем, словно тому, от кого он исходил, уже не доставало сил, чтобы озвучить свою агонию.

Чубакка вышел из пещеры и задрал голову, устремив взгляд на вершину хребта.

Опустилась тишина.

Кристина ждала.

Ни звука. Ничего.

Она вернулась в нишу, где по-прежнему в ступоре сидел Джой, и взяла ружье.

Это было серьезно. Пуля угодила в плечо. Рука онемела, и он не мог пошевелить

пальцами. Чертовски серьезно. Ему повезет, если он останется жив, об этом можно будет судить, только сняв куртку и осмотрев рану, или это станет понятно само собой, когда он начнет отключаться.

Стоит на таком холоде потерять сознание, смерть будет неминуема – неважно, придут фанатики прикончить его или нет.

Поняв, что его ранили, Чарли заорал, но не оттого, что боль была нестерпимой (собственно, боли как таковой еще не было), и не оттого, что он был испуган (хотя он был действительно страшно испуган), а потому, что хотел, чтобы подстреливший его человек знал о его ранении. Он кричал так, как может кричать человек, увидевший собственные внутренности, вываливающиеся из раны в животе, кричал так, как если бы знал, что умирает; он одновременно перевернулся на спину, распластался на снегу и подальше оттолкнул от себя винтовку, от которой теперь, когда одна рука больше не действовала, было мало проку. Он расстегнул куртку и вытащил оружие из наплечной кобуры – револьвер. Здоровой рукой подsunул оружие под себя, чтобы скрыть его. Левая рука была безжизненно откинута в сторону, ладонью вверх. Он начал перемежать крик отрывистым тяжелым хрипом; затем постарался кричать чуть тише, в то же время прибавив стонов. Наконец он затих.

На какое-то мгновение ветер, словно принимая сторону Чарли, прекратился. Горы сковала мертвая тишина.

За скрывающими его валунами он различил движение.

Стук башмаков по голому камню. Несколько быстрых шагов. Напряженная тишина. Еще несколько шагов.

Чарли рассчитывал на то, что стрелявший в него окажется любителем, как и тот тип с автоматом. Профессионал, обойдя гранитные глыбы, станет стрелять, тогда как дилетант скорее будет склонен поверить в его крики, начнет праздновать завершение охоты и тем самым обезоружит себя.

Шаги. Ближе. Совсем рядом.

Чарли широко распахнул глаза и уставил взгляд в свинцовое небо над ним. Каменные глыбы вокруг отчасти сдерживали снег, но хлопья его все же падали ему на лицо, на глаза, и Чарли изо всех сил старался не сморгнуть.

Он лежал с отвислой челюстью, сдерживая дыхание, чтобы пар изо рта не выдал его.

Секунда. Пять секунд. Десять.

Еще полминуты, и ему потребуется глотнуть воздух.

Глаза начали слезиться.

Мелькнула мысль, что этот план неудачный. Дурацкий. Он погибнет здесь, надо было придумать что-нибудь получше, поумнее.

Наконец из-за гранитной глыбы появился вояка Спиви.

Глаза Чарли как бы застыли, он притворился мертвым; поэтому он не мог как следует разглядеть незнакомца, видя его только периферийным зрением. Но он чувствовал, что его спектакль имел успех; еще бы – ведь декорации обильно орошала его собственная кровь.

Нападавший, подойдя вплотную, оскалившись, посмотрел на него сверху.

Чарли сконцентрировался на том, чтобы смотреть как бы сквозь него, не фокусируя взгляд на склонившемся над ним лицом. Это было непросто. Глаз устроен так, что реагирует на любое движение.

Незнакомец был бодр и вооружен, и преимущество было явно за ним. Если он поймет, что Чарли жив, то прикончит его в мгновение ока.

Стук. Снова стук.

«Он услышит, как бьется мое сердце!» – мелькнула безумная мысль.

Потом пришли более обоснованные опасения – Чарли испугался, что неизвестный заметит биение пульса у него на шее или на виске. Чарли едва не запаниковал, но вовремя сообразил, что под курткой и капюшоном не видно ни шеи, ни виска – так что можно не опасаться.

Нападавший оставил его, подошел к краю гряды и крикнул так, чтобы его слышали

соратники-сектанты на склоне:

– Я прикончил его! Я прикончил этого сукиного сына!

Воспользовавшись тем, что противник отвлекся, Чарли осторожно перенес тяжесть тела на левую сторону и правой рукой вытащил из-под себя револьвер.

Сектант, открыв рот и тяжело дыша, уже поворачивался к нему.

Чарли выстрелил дважды.

Одна пуля попала в бок, другая – в голову.

Тот упал с уступа и, сминая кусты, покатился между деревьями вниз, пока огромная сосна не преградила ему путь. Он умер, не успев даже вскрикнуть.

Перевернувшись на живот, Чарли подполз к краю гряды и посмотрел вниз – люди Спиви в ответ на победный клич их сообщника вышли из укрытий. Очевидно, не до всех еще дошло, что их противник остался в живых.

Скорее всего, они решили, что прогремевшие друг за другом два выстрела произведены для верности самим кричавшим, наверное, они приняли скатившееся по откосу тело за труп Чарли. Они даже не попытались укрыться, пока Чарли не прокричал:

– Ублюдки! – и дважды выстрелил из револьвера.

Лишь после этого, словно крысы, почуявшие приближение кота, они опрометью бросились в укрытия.

Он разрядил револьвер, в котором еще оставалось два патрона, уже не надеясь ни в кого попасть и даже не целясь, а просто чтобы напугать их и вынудить, какое-то время оставаться на месте.

– Я убил их обоих! – прокричал он. – Они мертвы.

Как же это так – бог на вашей стороне, а они мертвы?

Ответом было молчание.

Выкрик вымотал его. Чарли выждал и несколько раз глубоко вздохнул. Он не хотел показать им свою слабость и снова закричал:

– Почему бы вам не выйти и не попросить бога, чтобы он отвел пули, когда я буду в вас стрелять?

Молчание.

– Так вы могли бы что-нибудь доказать, верно?

Тишина.

Ему снова требовалось отдышаться.

Затем он попробовал пошевелить левой ладонью.

Пальцы двигались, но они онемели и были словно чужие.

Он прикинул, достаточно ли их перестрелял, чтобы заставить остальных отступить. Двоих уложил на гряде, одного – на тропе, троих еще раньше – на поляне, когда они ползали вокруг джипа и снегоходов. Итого – шесть трупов. Шесть из десяти. Сколько же их сейчас прячется в лесу? Трое? Ему показалось, что видел еще троих: женщину, Кайла и мужчину, который шел впереди. Неужели никто не остался с Матерью Грейс? Она же наверняка не захочет сидеть в хижине одна. И, уж конечно, не в состоянии проделать такой изнурительный путь. Или она тоже здесь? И прячется где-то среди деревьев всего в шестидесяти-семидесяти метрах от него, скорчившись в тени, словно злобный старый тролль?

– Я буду ждать здесь! – крикнул Чарли.

Выудив из кармана куртки патроны, одной рукой он перезарядил револьвер.

– Рано или поздно вы выйдете! – кричал им Чарли вниз. – Вам необходимо будет размяться, иначе у вас затекут ноги. – В ледяном безмолвии голос его звучал призрачно. – А потом вы начнете медленно замерзать и погибнете от холода.

Анестезирующий шок начинал проходить. Нервы снова обретали чувствительность, и первая волна тупой боли окатила руку и плечо.

– Как только будете готовы, – снова закричал он, – давайте испытаем вашу веру. Поглядим, по-настоящему ли вы верите, что бог на вашей стороне. Просто встаньте и выйдите, чтобы я мог выстрелить в вас, и мы посмотрим – отклонит ли господь пули.

Он выждал минуту, пока не убедился, что они не собираются ничего предпринимать, спрятал револьвер в кобуру и отполз от края гряды. Они не поймут, что он ушел.

Может, и заподозрят, но наверняка знать не будут. Теперь они полчаса не сойдут с места, а может, и дольше, пока снова не рискнут продолжить преследование. По крайней мере, так он предполагал. Нельзя терять ни минуты.

Боль в плече обострялась, на животе Чарли прополз до противоположной кромки гребня, двигаясь, как покалеченный краб, и не старался подняться до тех пор, пока не достиг края откоса, откуда вниз между деревьями уходила оленья тропа.

Попытался встать, но ноги не слушались, они подогнулись, и Чарли снова повалился на землю, сильно ударившись раненым плечом, и почувствовал, как черная пелена туманит сознание. Он задержал дыхание, закрыл глаза и выждал, пока не спадет пелена, отказываясь ей подчиняться. Из тупой боль превратилась в жгучую, грызущую, словно в плече засела некая живая тварь и теперь выедает его плоть. Малейшее движение во сто крат усугубляло мучения. И все же он не мог оставаться здесь. Невзирая на боль, он должен подняться, чтобы вернуться к Кристине.

Если ему суждено умереть, он не хотел бы остаться один в лесу, когда пробьет его час. Черт побери, это непростительный пессимизм. Не думать о смерти. Думать о деле.

Рана болит, но это не значит, что она смертельна. Не стоило заходить так далеко, чтобы сдаться с такой легкостью.

Должен быть шанс. Всегда есть какой-нибудь шанс. Он терпел, живя с жестокими, вечно пьяными отцом и матерью. Он терпел нищету. Он вынес войну. И это он тоже вынесет, черт побери. Он сполз с плато на оленью тропу.

И там, у самого края, зацепившись за еловую ветку, подтянулся и встал, опершись о ствол.

Голова не кружилась, и это было хорошим признаком.

Он несколько раз глубоко вдохнул и, постояв с минуту у дерева, почувствовал, что ноги начинают слушаться. Боль не утихала, но он, похоже, притерпелся к ней; выбор небогатый – или терпеть, или, потеряв сознание, избавиться от боли, но такой роскоши позволить себе он не мог.

Со стиснутыми зубами, преодолевая боль, которая разгоралась все сильнее, Чарли оторвался от ствола и двинулся вниз по тропе. Он даже не ожидал, что сможет идти так быстро. Он спешил, но в то же время был крайне осторожен, чтобы не оступиться и не разбередить рану снова. Если свалиться на левый бок, то от боли можно потерять сознание. Каково будет прийти в себя и увидеть приставленный ко лбу ствол и стоящих вокруг бандитов Спиви?!

Пройдя метров семьдесят, он спохватился, что не забрал с собой автомат. Может, у того типа оставалась еще пара обойм. Тогда бы шансы заметно уравнились. Будь у него автомат, он устроил бы еще одну засаду и на этот раз перебил бы их всех.

Он остановился и оглянулся, соображая, не стоит ли вернуться за оружием. Тропа казалась еще круче, чем прежде. В ней таились угроза и вызов, не меньше, чем те, что поджидают на самом труднодоступном и опасном склоне Эвереста. Она выглядела отвесной. У него не осталось сил на обратный путь, и он, проклиная себя за рассеянность, понял, что его сознание далеко не такое ясное, как хотелось бы.

Он двинулся дальше.

Еще через двадцать метров Чарли показалось, что деревья кружатся вокруг него хороводом. Он встал, пошире расставив ноги, как будто в надежде, что заставит эту чертову карусель остановиться, если просто замрет как вкопанный. Вращение замедлилось, но полностью избавиться от него он не мог и медленно продолжал путь, осторожно переставляя ноги – с осмотрительностью и неторопливостью пьяного, который хочет убедить полицейского в том, что трезв.

Усиливался ветер, вызвав волнение в кронах исполинских деревьев. Самые высокие поскрипывали, когда их макушки раскачивались под шквальными ударами ветра.

Голые ветки стучали друг о друга, а в растревоженном хвойном лесу шуршали, потрескивали, спадая, иголки.

Скрип нарастал, и казалось, что одновременно открываются тысячи дверей на несмазанных петлях: треск, шорох и шум становились все отчетливее, переходя в гром, заполняя собой пространство, причиняя боль, пока Чарли не ощутил себя внутри огромного барабана и, пошатнувшись, едва не упал, в то же мгновение осознав, что звук исходит не из леса, а из его собственного тела; что он слышит, как в ушах стучит кровь, выталкиваемая сердцем, бившимся все быстрее и быстрее. Деревья снова начали кружиться и, вращаясь, стаскивали с небес тьму, сматывая ее, словно нитку с катушки, больше и больше тьмы, и эта круговерть теперь походила не на карусель, а скорее на снующую раму ткацкого станка, нанизывающего одну за другой нити тьмы для черного полотна, которое вздымалось вокруг, окутывало его, идущего не разбирая дороги, спотыкаясь и падая...

Боль!

Яркая вспышка.

Тьма.

Черная мгла.

Чернее ночь.

Тишина...

Он полз в кромешной тьме, с неистовым стремлением найти Джоя. Он должен найти мальчика как можно скорее. Ему стало известно, что Чубакка – не обыкновенная собака, а робот, дьявольская конструкция, начиненная взрывчаткой. Джой ничего не знал и, возможно, в эту минуту играл со своим псом. Спиви в любой момент может нажать на стержень взрывателя, собака взлетит на воздух, и Джой будет мертв. Чарли добрался до серого проема во мгле и очутился в спальне и увидел в кровати Джоя. Рядом сидел Чубакка, совсем как человек, держа в одной лапе нож, в другой – вилку. Оба, и мальчик и собака, ели бифштекс. «Что такое ты ешь?» – спросил Чарли, и мальчик ответил: «Это вкусно». Чарли поднялся на ноги и отобрал у Джоя мясо. Собака зарычала, а Чарли сказал: «Неужели ты не понимаешь? Мясо отравлено. Они отравили тебя». – «Нет, – сказал Джой. – Оно хорошее. Попробуй сам». – «Яд! Это яд!» Чарли не забыл о спрятанной в собаке взрывчатке и уже хотел предупредить Джоя, но было поздно. Прогремел взрыв. Только взорвалась не собака, а Джой. Грудь его разверзлась, и оттуда посыпались крысы, уймы крыс, вроде той, под мельницей, и они кинулись к Чарли. Он, шатаясь, пятился назад, но они уже взбирались по ногам. Облепили его всего, десятки, сотни крыс, они вонзали в него зубы, и под их тяжестью он упал, и хлынула кровь, почему-то кровь была холодной как лед, и он закричал...

...и очнулся, ничего не понимая. Чарли почувствовал, что лицо у него в крови, провел по нему рукой, увидел, что это не кровь, а снег.

Он лежал на спине поперек тропы, глядя в просвет между деревьями на серое хмурое небо; на землю падал снег. Он с трудом сел. Горло заложило мокротой. Он прокашлялся и сплюнул.

Сколько времени он пробыл без сознания?

Этого Чарли не знал.

Насколько он мог видеть, на тропе вверху никого не было. Люди Спиви еще не гнались за ним. Значит, он оставался без сознания недолго.

Боль в плече как бы дала отростки, которые поползли по спине, груди, шее и дальше по голове. Он попробовал поднять руку, и в какой-то степени ему это удалось, даже мог немного пошевелить пальцами, не усугубляя при этом боль.

Чарли подполз к ближайшему дереву и попытался подняться, но не сумел. Тогда попробовал еще раз, и снова безуспешно.

Кристина, Джой. Они надеялись на него.

Придется какое-то время двигаться ползком. Пока не вернутся силы. И он подполз, цепляясь пальцами и отталкиваясь коленями, щадя левую руку и действуя в основном правой, и, к своему удивлению, обнаружил, что продвигается довольно скоро. Если тропа

уходила вниз довольно круто, он полагался на силу гравитации и просто скользил, иногда проезжая сразу до четырех-пяти метров.

Чарли пытался сообразить, далеко ли еще до каменного козырька, под которым он оставил Кристину и Джоя.

Может, он уже за следующим поворотом, а может быть, до него еще сотни метров. Он потерял всякое представление о расстоянии. Но интуиция вела его в нужном направлении, и он упорно продолжал сползать вниз в долину.

Прошло несколько минут, а возможно, секунд, Чарли вдруг обнаружил, что потерял винтовку. Наверное, она свалилась с плеча, когда он падал. Он должен вернуться за ней. Но что, если винтовка упала куда-нибудь в кусты или провалилась между камнями? Найти ее будет непросто.

Оставался еще револьвер. А у Кристины был дробовик.

Придется обходиться ими.

Он прополз дальше и наткнулся на поваленное дерево, преградившее путь. Он не помнил, чтобы оно лежало здесь раньше, и подумал, что, возможно, повернул не в ту сторону. Но когда он дважды проходил по этой тропе, то не видел, чтобы она где-либо разветвлялась, так что не мог сбиться с нее. Он привалился к поваленному стволу...

...и очутился в кабинете зубного врача, привязанный к креслу. На левом плече и на руке выросла сотня зубов, и, на беду, у каждого зуба надо было пломбировать каналы.

Открылась дверь, и вошел врач – это была Грейс Спиви.

Никогда не видел он бормашины с таким огромным отвратительным сверлом, и он понял, что Спиви не собирается лечить ему зубы, а хочет просверлить дыру прямо в сердце...

...и его сердце бешено трепетало, когда он очнулся и увидел, что лежит, привалившись к поваленному дереву.

Кристина.

Джой.

Он не может подвести их.

Перелезая через ствол, присел на него и прикинул, сможет ли идти, но решил не рисковать и, опустившись на колени, снова пополз.

Спустя какое-то время руке стало лучше.

Она стала как мертвая. И это было лучше.

Боль утихла.

А он полз дальше.

Остановись он хотя бы на минуту, приляг и закрой глаза, боль ушла бы окончательно. Он знал это.

Но продолжал ползти.

Его мучила жажда, он весь горел, несмотря на холод.

Остановился, зачерпнул ладонью снег и поднес ко рту.

У снега был мерзкий медный привкус. Но он все равно проглотил его, потому что горело горло, а снег, хоть и отвратительный на вкус, был по крайней мере холодный.

Прежде чем двинуться дальше, была необходима хотя бы минутная передышка, больше ничего. День был пасмурный, но, несмотря на это, стальной свет, пробивавшийся сквозь деревья, слепил глаза. Если бы он только мог закрыть их, чтобы несколько секунд не видеть этого серого сияния...

Глава 62

Кристине не хотелось оставлять Джоя одного, но у нее не было выбора, так как она была уверена, что Чарли в беде. Ее встревожила не только продолжительная пальба.

Прежде всего, насторожил крик, а также долгое отсутствие Чарли. Но главное – чутье. Если хотите, называйте это женской интуицией: она чувствовала, что нужна Чарли.

Она сказала Джюю, что далеко не пойдет, только поднимется метров на сто по тропе

посмотреть, что с Чарли.

Она обняла мальчика, успокаивая его, ей даже показалось, что он кивнул, но никакой внятной реакции она от него не добилась.

– Никуда не выходи без меня, – сказала она.

Он не ответил.

– Никуда не выходи, слышишь?

Мальчик моргнул. Он по-прежнему не видел ее.

– Слышишь? Я люблю тебя.

Малыш снова моргнул.

– Охраняй его, – наказала она Чубакке.

Собака фыркнула.

Она взяла ружье и мимо догорающего костра вышла на тропу. Оглянулась. Джой даже не смотрел в ее сторону.

Он сидел, прислонившись к каменной стене, вобрав голову в плечи, скорчившись, прижав руки к животу, и неотрывно смотрел в землю. Кристине было страшно оставлять его, но она знала, что нужна Чарли, повернулась и пошла вверх по тропе.

После отдыха у костра она чувствовала себя лучше.

Мышцы и кости уже не ныли так сильно, и идти было намного легче.

Деревья защищали от ветра, но по тому, как он шумел в кронах, было ясно, что наверху бушевало вовсю. В такие редкие прогалины между ветвями свинцовый снег падал так густо и так стремительно, что скорее напоминал ливень.

Она не прошла и восьмидесяти метров, миновав два поворота, как увидела Чарли. Он лежал на тропе лицом вниз.

Нет.

Остановилась в каком-нибудь метре от него, но не подходила ближе, потому что боялась убедиться в том, что предчувствовала. Он не шевелился.

Мертв.

Боже, он убит. Они убили его. Чарли и она так любили друг друга, и вот теперь он погиб из-за нее. И от этой мысли ей стало дурно. И без того мрачные и тусклые краски дня еще больше померкли. Ее сковали серая безнадежность и холодное отчаяние.

Но скорбь неизбежно должна была уступить место страху, ведь они с Джоем остались одни, а без Чарли им вряд ли удастся выбраться из этих гор живыми. Его смерть была грозным предзнаменованием для них.

Она огляделась – поблизости никого не видно. Должно быть, Чарли ранили на гребне, и ему удалось приползти сюда. Фанатики Спиви могли находиться еще по ту сторону хребта.

А может, он перестрелял их всех.

Повесив ружье на плечо, она подошла к нему, боясь увидеть холодное мертвое лицо. Опустилась на колени и заметила, что он дышит.

У нее перехватило дыхание и казалось, перестало биться сердце.

Он жив.

Без сознания, но жив.

Все-таки в жизни случаются чудеса.

Она чуть не засмеялась от счастья, но суеверно подавила это желание из боязни, что бог останется недоволен ее радостью и окончательно отнимет у нее Чарли. Она прикоснулась к нему. Он, не приходя в сознание, что-то пробормотал. Кристина перевернула его на спину, и он глухо застонал. Она увидела разорванную на плече куртку – он ранен. Вокруг раны на рваных клочках ткани намерзла кусками темная кровь. Дело было худо, но все-таки он был жив.

– Чарли?

Он не ответил, она коснулась ладонью его лица и позвала еще раз, и наконец глаза его открылись. Мгновение они бессмысленно блуждали, но потом взгляд остановился на ней, и она увидела, что он пришел в сознание; хотя в голове у него все мутилось, бреда не было.

- Потерял, – сказал он.
- Что?
- Винтовку.
- Не переживай, – сказала она.
- Я убил троих, – прохрипел он.
- Хорошо.
- Где они? – тревожно спросил он.
- Не знаю.
- Должно быть, рядом.
- Вряд ли.

Он попытался сесть.

Видимо, захваченный темным потоком боли, он зажмурился и задержал дыхание, и на мгновение ей показалось, что он вот-вот снова потеряет сознание.

Лицо его покрыла смертельная бледность.

Он стиснул ее ладонь и держал до тех пор, пока боль не отпустила.

- Остались еще другие, – сказал он и снова попробовал сесть. На этот раз удалось.
- Ты можешь двигаться?
- Слабо.
- Надо уходить отсюда.
- Только..., ползком.
- Ты сможешь идти?
- Сам едва ли.
- А если обопрешься на меня?
- Попробую.

Она помогла ему подняться и, поддерживая, повела вниз. Сначала шли медленно, с остановками, потом чуть быстрее, раза два оступились и едва не упали, наконец добрались до своего убежища.

Джой никак не отреагировал на их возвращение. Зато Чубакка, когда Кристина помогла Чарли сесть, подбежал и, виляя хвостом, лизнул его в лицо.

Костер, от которого остались лишь тлеющие угольки, успел нагреть каменные стены, и теперь от них исходило тепло.

- Хорошо, – сказал Чарли. Крестину беспокоил его слабый голос.
- Голова кружится? – спросила она.
- Слегка.
- Мутит?
- Уже нет.
- Пелена перед глазами?
- Ничего похожего.
- Я должна осмотреть рану, – сказала она и начала снимать с него куртку.
- Некогда, – он взял ее за руку, чтобы остановить.
- Я быстро.
- Нет времени! – ответил он.
- Послушай, – настаивала она, – сейчас с такой болью ты не сможешь двигаться быстро.
- Словно черепаха.
- И ты потеряешь силы.
- Чувствуешь себя, словно..., младенец.
- Но у нас с собой довольно большая аптечка, может быть, нам удастся залатать твою рану и облегчить боль.

Надеюсь, тогда ты сможешь идти. Поэтому сейчас не стоит спешить.

Он задумался и наконец кивнул:

- Ладно, но..., держи ухо востро, они могут быть..., где-то рядом.

Она стянула с него стеганую куртку, расстегнула рубашку и спустила ее с плеча, затем задрала теплую нижнюю рубашку, пропитавшуюся потом и кровью. В верхней левой части груди, прямо под ключевой костью, зияла страшная рана. Ее вид заставил Кристину содрогнуться.

Кровотечения уже почти не было, но участок тела вокруг был сильно воспален. Кожа приобрела лиловый оттенок, переходящий в мертвенный синевато-белый...

– Что, много крови? – спросил он.

– Было.

– А теперь?

– Немного кровоточит.

– Струей?

– Нет. Если бы была перебита артерия, ты был бы уже мертв.

– Счастливчик, – сказал он.

– Да уж.

Рана была сквозная. Со спины она выглядела не лучше, и Кристине показалось, что в разорванных тканях виднеются осколки кости.

– Пуля прошла навылет, – сказала она.

– Уже лучше.

Аптечка находилась в рюкзаке Чарли. Кристина достала ее, открыла пузырек с раствором борной кислоты и полила на рану. Кислота дала обильную пену, не причиняя такую боль, как йод или тимеразол; отстраненно, словно во сне, Чарли смотрел, как пузырится жидкость.

Кристина быстро зачерпнула снега в жестяную кружку и поставила ее на угли, чтобы приготовить воду.

Чарли стряхнул оцепенение и произнес:

– Быстрее.

– Я стараюсь, – сказала она.

Когда борная кислота перестала пениться, Кристина присыпала оба отверстия раны антибиотиком желтоватого цвета, а затем белым анестезирующим порошком. Теперь крови практически не было. С помощью ваты, марлевых подушечек и бинта она не очень умело, по-дилетантски, сделала перевязку, но так прочно закрепила все пластырем, что не сомневалась – повязка будет держаться.

– Тише! – сказал он. Она замерла.

Они прислушались, но, кроме шума ветра в лесу, ничего не услышали.

– Это не они, – сказала она.

– Пока нет.

– Чубакка предупредит нас, если кто-то вдруг появится.

Пес спокойно лежал рядом с Джоем.

Ледяной ветер уже начинал выдувать тепло из их каменного убежища. В нишу снова пробирался холод. Сильный озноб бил Чарли.

Кристина быстро одела его, застегнула «молнию» на куртке, набросила на голову капюшон и сняла с огня кружку с водой. В аптечке был тиленол, безобидное болеутоляющее средство, не самое радикальное, но больше у них ничего не было. Она дала Чарли две таблетки, потом, колебавшись, еще одну. Сначала ему было трудно глотать, и это встревожило Кристину. Но он успокоил ее, сказав, что у него просто пересохло в горле, и третьей таблетку он проглотил уже свободно.

Он не мог нести свой рюкзак; им приходилось оставить его здесь.

Кристина выбросила кое-какие вещи из своего рюкзака, чтобы освободить место для аптечки, закрыла все клапаны и забросила рюкзак за спину.

Ей не терпелось тронуться в путь. Не обязательно было смотреть на часы, чтобы понять, что у них мало времени.

Глава 63

При своих внушительных размерах Кайл Барлоу не был совсем уж неуклюжим. Когда хотел, он мог двигаться бесшумно и осторожно. Через десять минут после того, как Гаррисон убил Дэнни Роджерса и его тело скатилось с гребня хребта, Барлоу, крадучись, выбрался из зарослей кустарника, где он укрывался, и проскользнул к тому месту, где была густая тень, похожая на замерзшие озера ночью.

Оттуда, воровато озираясь, он проскочил к огромному поваленному дереву и дальше к острому скалистому выступу. Он двигался параллельно кромке хребта, уходя из того сектора, который Гаррисон держал под прицелом. Остальные задержались там, но, если ему повезет, ненадолго.

Минут через десять, убедившись, что Гаррисону его не достать, Барлоу стал менее осмотрителен и, отчаянно рванувшись вверх по склону, вскарабкался на гребень. Он продвигался в проходе между скалами и остановился на плоском, отшлифованном ветром плато. Свой кольт «магнум» девятого калибра он держал в наплечной кобуре и довольно долго возился с «молнией» куртки, чтобы достать его.

Из-за густого снега он не видел дальше двадцати метров, но это его не беспокоило. Наоборот, он подумал, что плохая видимость – это дар божий. Он уже знал, откуда Гаррисон вел стрельбу; теперь он легко найдет это место.

Пока же за плотной снежной пеленой Гаррисон не мог его увидеть – если, конечно, он по-прежнему оставался на гребне, в чем Кайл сомневался.

Он двинулся на юг, навстречу ветру, который стегал и обжигал лицо, заставляя все время щуриться. Глаза слезились, из носа текло. Но ветер не мог ни покачать его, ни тем более сбить с ног; проще было повалить одно из тех исполинских деревьев, что росли по склону.

Пройдя метров пятьдесят, он наткнулся на тело Моргана Пирса. Распахнутые, но невидящие глаза принадлежали словно некоему неземному существу – на них молочной катарактой намерзла испещренная паутиной трещинок ледяная пленка. Брови, ресницы и усы заиндевели.

Над телом ветер трудолюбиво сооружал из снега могильный холм.

Барлоу удивило, что Гаррисон не взял с собой автомат Пирса, компактный израильский «узи». Он поднял его, надеясь, что тот не поврежден. Но решил не полагаться на автомат до тех пор, пока не подвернется случай испытать его, и повесил оружие на плечо.

Двигаясь по восточной кромке гребня, он достиг места, откуда в них стрелял Гаррисон и откуда падал бедняга Дэнни Роджерс. Держа перед собой револьвер, Кайл на брюхе обогнул валун, который прикрывал Гаррисона с севера, – он не был удивлен, обнаружив, что детектив исчез.

Небольшое пространство между скал было защищено от ветра, и поэтому там лежал снег; на нем блеснула медь: это валялись стреляные гильзы.

Кроме того, Барлоу заметил на камне следы крови: темные замерзшие пятна на сером граните.

Он наклонился, разглядывая валявшиеся на снегу гильзы. Смел в сторону вместе с гильзами слой мягкого и сухого снега, нападавшего за последние полчаса-час, и под ним снова обнаружил кровь. Кровь Дэнни Роджерса?

Или здесь была и кровь Гаррисона? Что, если Роджерс ранил этого мерзавца?

Он пересек узкое плато на гребне и начал искать место, где оленья тропа спускается вниз в долину по противоположному склону хребта. Поскольку Антихрист со своей охраной до сих пор следовал по этой тропе, разумно было предположить, что они и дальше предпочтут воспользоваться ею. Ветер продувал плато насквозь, и свежий снег здесь не задерживался; однако по кромке гребня, там, где выступали скалы и торчали кусты, ветер намел настоящие сугробы, за которыми выхода на тропу было не разглядеть. Он чуть было не пропустил его, ему пришлось даже разгребать сугробы, пока наконец не наткнулся на следы,

оставленные оленями на плотном прибитом снегу. Были там и отпечатки ног человека.

Он прошел несколько метров вниз и увидел то, что ожидал: пятна крови. Глупо было бы думать, что она принадлежала Дэнни Роджерсу. Сомнений не оставалось – это кровь раненого Гаррисона.

Глава 64

Нельзя сказать, что Чарли особенно удивился тому, как быстро и уверенно Кристина взяла все в свои руки.

Она вывела их на тропу и повела вниз, в долину.

Джой с Чубаккой шли следом. Мальчик молчал и тащился уныло, как будто понимая, что они напрасно тратят время и что спастись им все равно не удастся. Однако он не останавливался, не пятился назад и все время держался рядом. Собаке словно передалось настроение хозяина: Чубакка трусил, не издавая ни звука, опустив голову и глядя на тропу перед собой.

Чарли чувствовал, что вот-вот за спиной у них раздадутся крики и по ним откроют пальбу, в этом не приходилось сомневаться.

Но падал снег, завывал ветер, поскрипывали и шумели деревья, а люди Спиви все не появлялись. Должно быть, засада здорово их напугала. Видимо, они оставались в укрытии, где прятались от его выстрелов, не менее получаса, и, даже выйдя оттуда, они должны были продвигаться к вершине хребта крайне осторожно.

Надеяться на то, что они отступятся и повернут назад, было бы наивно. Они никогда не сдадутся. Теперь он знал это наверняка. Дентон Бут, его толстый друг-психолог, был прав, когда говорил, что остановить племя фанатиков может только смерть.

Чем ниже шел спуск, тем извилистее и замысловатее становилась тропа. Чтобы достичь долины, времени требовалось явно больше, чем предполагали Кристина и Чарли.

Первые двадцать минут пути Чарли практически не нуждался в помощи. Дорога была ровной и не требовала больших усилий. Несколько раз ему пришлось цепляться за деревья или камни, чтобы удержать равновесие, и пару раз, когда склон становился чересчур крутым, Кристина поддерживала его, однако в основном он справлялся сам.

Когда они выходили, он и подумать не мог, что сумеет двигаться так скоро.

Хотя антибиотики, которыми Кристина присыпала ему рану, и таблетки тилонола возымели действие, но боль в плече и в руке, поутихнув, не исчезла окончательно. Было бы неудивительно, если бы она уже свалила Чарли с ног, однако он обнаружил в себе большую стойкость, чем мог предположить; он терпел – с искаженным мукой лицом, стирая в порошок зубы, но все-таки терпел.

Через двадцать минут он начал сдаваться и все чаще прибегал к помощи Кристины! Однако через двадцать пять минут пути они спустились в долину. К этому времени у Чарли снова начало туманиться сознание. Еще через пять минут, выйдя на опушку леса, где начиналась широкая поляна, по которой всюду гуляли снег и ветер, они вынуждены были сделать привал, пока еще находились под покровом леса. Он сел под сосной и прислонился к стволу.

Джой сел рядом, но не сказал ни слова, точно не подозревая о его присутствии. Чарли был слишком слаб, чтобы пытаться растормошить мальчика.

Чубаккализывал слегка кровоточащие раны на лапах.

Кристина тоже села; она достала карту, которую Чарли показывал ей в хижине вчера вечером, когда объяснял, как они будут выбираться отсюда, если объявится банда Спиви и попытается загнать их в угол. Боже, каким невероятным казалось это вчера и какой неизбежностью обернулось сегодня!

Кристине, пока она изучала маршрут, постоянно приходилось разворачивать и вновь складывать карту, чтобы иметь перед глазами лишь небольшой ее фрагмент, так как ветер, время от времени задувавший с поляны, мог запросто вырвать ее из рук.

За лесом в долине свирепствовал буран. Шквальный юго-западный ветер проносился из одного ее конца в другой с грохотом скорого поезда, вздымая тучи снега. Снежная пелена была настолько плотной, что постоянно была видна лишь треть поляны, а дальше вставала пустая белая стена, за которой мир обрывался. Но порой ветер на несколько секунд стихал или ненадолго менял направление, и тогда в одно и то же мгновение начинали трепетать и раздвигались сотни непроницаемых занавесей, и вдали взору открывались деревья, смыкающиеся на противоположной стороне поляны, и еще дальше узкая лощина, а за ней далекий хребет, ледяная вершина которого даже в этот хмурый день сияла, словно хромированная сталь.

Судя по карте, поляну пересекал небольшой ручей.

Кристина, прищурившись, устремила взгляд вперед, туда, где за границей леса бушевали снежные вихри, но не смогла увидеть там никакого ручья, даже когда снегопад стихал.

Наверняка он замерз и был покрыт снегом. Если они пойдут вдоль ручья (вместо того чтобы, перейдя через поляну, углубиться в другой островок леса), то попадут к верхнему участку небольшой лощины, спускавшейся к озеру. Сейчас они находились еще довольно высоко над уровнем Таху, в долине, тянувшейся на юго-запад. Вчера, когда Чарли показал ей карту, он предложил на случай вынужденного бегства пойти именно этим путем, но все это было до его ранения. Отсюда до цивилизации оставалось три-четыре мили – рукой подать, будь они в хорошей физической форме. Сейчас же, когда Чарли потерял много сил, а буран стремительно надвигался, не было никакой надежды добраться до озера этим маршрутом. В сложившихся обстоятельствах пройти три-четыре мили было делом таким же героическим, как совершить переход через пустыню Гоби. Кристина отчаянно старалась найти на карте другой путь или увидеть пометки, обозначающие какое-либо убежище; и наконец, несколько раз справившись в таблице условных обозначений, обнаружила пещеры. Они располагались по этой же стороне долины, к северо-востоку, в полумиле отсюда. Судя по карте, пещеры являлись местной достопримечательностью, привлекая тех редких чудаков, которые интересовались древнеиндейской наскальной живописью и с маниакальной страстью коллекционировали наконечники для стрел. По карте Кристина не могла определить, была ли это одна, или две небольшие пещеры, или их цепь, но решила, что в любом случае места хватит, чтобы спрятаться от фанатиков Спиви и убийственной непогоды.

Она придвинулась ближе к Чарли, чтобы он услышал ее за воем ветра, и, наклонившись к самому его уху, рассказала о своем плане. Он горячо поддержал ее, и это придало ей уверенности. Она теперь не сомневалась, правильно ли выбрала цель – пещеры, а больше думала о том, сумеют ли они сквозь буран добраться до них.

– Мы можем пойти лесом по краю долины, – предложила Кристина, – но будем оставлять следы.

– Тогда так: если мы, прежде чем направиться вверх, спустимся на поляну и пройдем какое-то расстояние по открытому пространству – буран моментально уничтожит все следы.

– Точно.

– Здесь они нас и потеряют, – сказал Чарли.

– Вот именно. Разумеется, нам все равно придется войти в лес, если мы хотим добраться до пещер, но у них нет ни единого шанса снова напасть на наш след. Главное, они рассчитывают, что мы пойдем вниз на юго-запад к озеру, потому что там люди.

– Верно, – Чарли облизал потрескавшиеся губы. – А к северо-востоку от нас – ничего, кроме..., такой же пустыни.

– Они не будут искать нас там, правда? – спросила Кристина.

– Вряд ли, – сказал он. – Тронулись.

– Идти по открытому месту в снег и ветер..., будет непросто, – сказала она.

– Ничего. Я выдержу.

Но по его виду этого утверждать было нельзя. Он выглядел так скверно, что непонятно было, как вообще он поднимется на ноги. Глаза его были воспалены и слезились. Лицо изможденное и страшно бледное, тубы бескровные.

– Надо..., смотреть за Джоем, – сказал Чарли. – Лучше всего отрезать кусок бечевки..., и держать его на привязи.

Это было хорошее предложение. На открытом месте видимость не превышала в лучшем случае десятка метров, а при шквальном ветре и в сильный снегопад падала до четырех метров. Отступи Джой на несколько шагов в сторону, они потеряют друг друга из вида; и соединиться вновь будет трудно, а то и невозможно. Она отрезала метра два бечевки с катушки, которая была у них с собой, и привязала один конец к поясу Джоя, а другой – к своему.

Чарли то и дело нервно оглядывался назад.

Кристину больше тревожило то, что и Чубакка неотрывно смотрел на тропу, по которой они пришли. Пес лежал пока еще относительно спокойно, но уже насторожил уши и глухо урчал.

Она помогла Чарли и Джою надеть лыжные маски, потому что теперь было не обойтись без них, сколь бы узкими и неудобными ни казались отверстия для глаз. Потом она надела маску сама, набросила капюшон и потуже затянула тесемки под подбородком.

Джой понял все с полуслова и мгновенно встал на ноги. Это показалось Кристине хорошим знаком. Он по-прежнему был замкнут, отстранен, не проявлял никакого интереса к происходящему, но по крайней мере на подсознательном уровне до него дошло – пора идти, а это значило, что до него еще можно достучаться.

Кристина помогла Чарли подняться.

Выглядел он неважно.

Последние полмили, остававшиеся до пещер, будут для него пыткой. Но другого выхода не было.

Поддерживая Чарли под здоровую руку, готовая, если потребуется, подставить ему плечо, в связке с Джоем, Кристина вывела их на поляну. Ветер ревел, как зверь. Было по меньшей мере двадцать градусов мороза. Снежные хлопья, валившие до сих пор, превратились теперь в крохотную кристаллическую дробь, которая с треском отскакивала от одежды. Это был суший ад, но не горячий, а ледяной.

Глава 65

Зола и обуглившиеся головешки сучьев – все, что осталось от недавнего костра. Кайл Барлоу ткнул в кострище носком башмака и раскидал угли.

Войдя под каменный козырек, посмотрел на оставленный рюкзак. В самом углу валялись обрывки бумаги и упаковки из-под марлевых повязок.

– Ты был прав, – сказал Берт Тулли. – Малый действительно ранен.

– Довольно тяжело, раз не смог даже нести рюкзак, – сказал Барлоу, снова выходя на тропу.

– Но я не думаю, что нам вчетвером имеет смысл гнаться за ними дальше, – сказал Тулли. – Нужно подкрепление.

– У нас нет на это времени, – возразил Кайл Барлоу.

– Но ведь..., мы потеряли так много людей.

– Не надо нас пугать.

– Нет, нет, – сказал Тулли, но было видно, что он боится.

– Сейчас ты воин, – сказал Барлоу, – под покровительством господ нашего.

– Я знаю, просто я хочу сказать..., что этот тип... Гаррисон..., не промах.

– Был. До того, как Дэнни подстрелил его.

– Но он убил Дэнни! Должно быть, он еще покажет нам, почем фунт лиха.

Кайл начал раздражаться:

– Ты же видел то место выше по тропе, где он свалился. Там было полно крови. Женщина поднималась туда, чтобы помочь ему.

– Но подкрепление...

– Забудь об этом, – сказал Кайл и прошел вперед.

Его тоже терзали сомнения, и он подумал, что был так груб с Бертом лишь потому, что хотел подавить свои тоскливые мысли.

Эдна Вановф и Мать Грейс ждали на тропе.

Старуха выглядела больной. Глаза покраснели и ввалились, их наполовину скрывали отвисшие почерневшие веки. Она стояла ссутулившись и сгорбившись – само измождение.

Барлоу не переставал удивляться, как она до сих пор выносит этот поход. Он хотел, чтобы она осталась в хижине под охраной, – но она незаурядная женщина, обладающая для своего возраста внушительной силой и выносливостью, и все же ее неутомимость поражала. Время от времени приходилось помогать ей преодолеть тяжелый участок, а один раз он даже нес ее метров тридцать, но большую часть пути она проделала сама.

– Когда они ушли отсюда? – спросила Грейс голосом таким же сухим и безжизненным, как ее губы.

– Трудно сказать. Костер уже холодный, но в такую погоду угли остывают быстро.

– Если Гаррисон, как мы и предполагаем, серьезно ранен, они не могли далеко уйти. Мы, должно быть, наступаем им на пятки. Мы можем не торопиться и быть поосторожнее, чтобы не нарваться еще на одну засаду.

– Нет. Если они близко, надо пошевеливаться. Надо кончать с этим.

Она повернулась и, шагнув вперед, оступилась и упала.

Барлоу поставил ее на ноги.

– Я беспокоюсь о тебе, Мать Грейс.

– Все хорошо, – сказала она.

– Мать, ты выглядишь совершенно..., истерзанной, – возразила Эдна Вановф.

– Может, немного передохнем? – предложил Берт.

– Нет! – Грейс сверлила их взглядом. – Ни одной минуты, мы не имеем права давать мальчишке ни одной лишней секунды. Я же говорила вам..., с каждой прожитой секундой его силы прибывают. Я тысячу раз повторяла вам это!

– Мать, если что-нибудь случится с тобой, мы не сможем продолжать борьбу, – сказал Барлоу.

Он весь сжался под ее испепеляющим взглядом. И голос ее приобрел тот особый оттенок, который возникал в моменты, когда ей являлось видение. Он звучал с пронзительной резкостью, от которой у Кайла кровь застыла в жилах:

– Если я упаду, вы должны продолжать без меня. Вы будете бороться. Святотатство говорить о том, что вы больше преданы мне, чем господу. Вы будете идти, пока не откажут ноги, пока не сможете больше проползти ни метра, и даже тогда вы все равно будете идти, или господь не помилует вас. Не ждите от него ни милости, ни пощады.

Если вы не оправдаете его надежд, вы пополните списки грешников, и души ваши отправятся в ад.

Случалось, речи Матери Грейс не производили на людей никакого впечатления. Некоторые не слышали в ее словах ничего, кроме напыщенной трескотни старой идиотки. Другие бежали от нее как черт от ладана, как будто она угрожала им. Третьи потешались над ней. Но Кайл Барлоу всегда сохранял почтительное смирение. И сейчас ее голос по-прежнему завораживал его.

«Но буду ли я таким же очарованным и смиренным, когда она прикажет мне убить мальчика? Или я восстану против насилия, без которого когда-то не мог жить? Нечестивая мысль».

Они оставили позади каменную нишу, направляясь вниз по оленьей тропе: Барлоу

впереди, за ним Эдна Ванофф, Мать Грейс, и замыкал процессию Берт Тулли. Ветер ревел, словно трубный глас демона, и для Барлоу он был постоянным напоминанием о зловещих силах, которые даже сейчас продолжали плести паутину заговора, чтобы установить на земле свою власть.

Глава 66

Кристине начинало казаться, что они никогда не выберутся с этой поляны живыми.

Творилось что-то похуже бурана. Это была белая смерть: ветер дул с такой страшной силой, что составил бы конкуренцию любому урагану в тропиках, снег шел такой плотный и падал так быстро, что не было видно ни зги. Мир растворился, кошмарный ландшафт был лишен деталей, лес пропал. Кристину окружала вселенная, состоящая единственно из снега и серой мглы. Когда Джой натягивал бечевку, она уже не видела его. Это было ужасно! И хотя свет был блеклым и рассеянным, глаза ее болели от всеподавляющего сияния; теперь она поняла, что снежная слепота – не выдумка. Что они будут делать, когда придется пробираться на ощупь, вслепую пытаясь выйти к северо-восточному краю долины, следуя только инстинкту? Она знала ответ: они умрут. Через каждые тридцать шагов она останавливалась, чтобы свериться с компасом, который прятала в перчатке. И хотя она старалась строго придерживаться курса, несколько раз оказывалось, что они отклонялись в сторону, и приходилось корректировать направление.

Даже если они не сойдут с пути и не заблудятся, они могут умереть здесь, если не будут двигаться достаточно быстро; она не представляла себе, что может быть так холодно; и ее не удивило бы, превратись она на ходу в ледяной столб.

Кристина болезненно переживала из-за Джоя, но он упорно шагал рядом, хотя уже давно мог бы свалиться. По иронии судьбы, аутизм при таких обстоятельствах оказался спасительным: отключившись от реального мира, мальчик оказался менее подвержен воздействию холода и ветра. Но рано или поздно стихия обессилит его. Как можно скорее надо добраться до леса, неважно, достигнут они пещер или нет. Чарли приходилось куда хуже Джоя. Он спотыкался и опускался на колени. Через пять минут ему впервые потребовалась поддержка Кристины, и он оперся на ее плечо. Минут через десять он стал прибегать к ее помощи все чаще, а через пятнадцать уже не мог двигаться самостоятельно, и они были вынуждены еще сбавить скорость и теперь еле-еле тащились.

Она не говорила им, что скоро собирается повернуть к лесу, потому что из-за ветра все равно ничего не было слышно. Если она стояла против ветра, слова застревали в горле, а когда отворачивалась, они вылетали изо рта тщедушными пушинками, разбивались на ничего не значащие слоги и уносились прочь.

Чубакка надолго исчезал из вида, и несколько раз она уже было решила, что собаки им больше не видать, но пес каждый раз возвращался, потрепанный и явно ослабевший, но живой. Шерсть его покрывала ледяная корка, и когда он возникал из снежных вихрей, то казался выходцем с того света.

Ветер почти полностью обнажил поляну, сметая снег прочь, и лишь местами оставался лежать прибитый слой в несколько дюймов толщиной, однако там, где имелись малейшие выступы, впадины или провалы, намело настоящие сугробы, часто скрывавшие под собой коварные ловушки.

Как пришлось оставить в каменной нише рюкзак, поскольку из-за раны в плече Чарли не мог больше тащить его, так пришлось избавиться и от его снегоступов, потому что он слишком нетвердо стоял на ногах, чтобы пользоваться ими. Теперь Кристина с Джоем лишились возможности надевать свои снегоступы, чтобы перебираться через сугробы, потому что приходилось выбирать такой маршрут, где мог бы вместе с ними пройти и Чарли. Иногда Кристина проваливалась в снег по колено, иногда и глубже, и тогда она возвращалась назад, чтобы обойти занос, а это чертовски трудно, когда не видишь, куда идешь. Или не успевала она оглянуться, как оказывалась по пояс в снегу, попав в занесенную им яму.

Она боялась, как бы не свалиться с какого-нибудь обрыва или не попасть в пустоты, которые здесь, в горах, встречались довольно часто, и они уже прошли несколько таких, тысячелетиями вымываемых водой в известняке карстовых ям, которые сверху казались бездонными. Сделай Кристина один неверный шаг и окажись погребена под снегом, Чарли не сможет ее вытащить, даже если она останется цела и ничего не сломает. Точно так же и у нее не хватит сил извлечь кого-нибудь из них из подобной ловушки.

Она так боялась этого, что остановилась и отвязала от пояса бечевку, чтобы, упаси бог, не увлечь за собой в пропасть и Джоя. Теперь она намотала конец веревки на руку, чтобы успеть выпустить его, если и в самом деле сверзнется вниз.

Она убеждала себя, что страхи, которые мы испытываем, никогда не оправдываются и что чаще всего мы оказываемся поверженными из-за чего-то другого, совершенно неожиданного – как их страшная встреча в прошедшее воскресенье на стоянке в Саут-Кост-Плаза с Грейс Спиви. Но когда они уже зашли в глубь поляны, когда Кристина уже готова была повернуть назад на восток к лесу, случилось как раз то, чего она больше всего боялась.

У Чарли словно открылось второе дыхание, и он шел без ее помощи, когда Кристина вдруг, шагнув в глубокий снег, поняла, что летит вниз. Она хотела отпрыгнуть, но поскольку шла согнувшись, преодолевая ветер, не успела удержать равновесие. Испустив вопль, тут же унесенный ветром, она с головой ушла под снег и, пролетев два с половиной метра, шлепнулась на землю, больно подвернув ногу. Она взглянула вверх – в пробитое ею же отверстие падал снег.

Она была похоронена заживо.

Кристина читала в газетах, как люди оказывались погребенными, умирали от удушья или были раздавлены в таких же вот карстовых ямах. Разумеется, снег не был таким тяжелым, как оползни из земли и песка, и ее не могло раздавить, и даже если она не сможет выбраться наружу, все-таки под снегом будет в состоянии дышать, но это ничуть не уменьшало ее паники.

Сразу после падения Кристина, преодолевая боль в ноге, распрямилась и стала шарить руками в поисках твердой опоры. Но не могла ничего найти. Вокруг был один снег. Мягкий, податливый, словно нематериальный, снег.

Задрав голову, она закричала. Сверху упал комок снега, и она едва не задохнулась. Яма над ней обрушивалась, со всех сторон ее засыпало по грудь, по плечи, по подбородок – боже, – она отчаянно пыталась разгрести снег, чтобы оставались свободными лицо и руки, но он смыкался над ней быстрее, чем она разбрасывала его.

Сверху показалось лицо Чарли. Он лежал на снегу, заглядывая вниз. Он что-то кричал. Но она не могла разобрать ни слова. Она продолжала работать руками, но снег засыпал ее все сильнее, пока руки ее не сковало. Нет!

А снег продолжал рушиться вниз, засыпав ее до самого подбородка, потом до рта. Она сжала губы и закрыла глаза, ожидая, что тьма вот-вот сомкнется над ее головой, уверенная, что Чарли никогда не сможет вытащить ее отсюда, из этой могилы. Как вдруг, когда из снега остался торчать лишь ее нос, лавина остановилась.

Кристина открыла глаза и посмотрела вверх, в конец белого туннеля, где был Чарли. Снежные стены не колебались, но в любой момент могли обрушиться и засыпать ее с головой.

Она оставалась неподвижной, боясь пошевелить пальцем, и лишь тяжело дышала.

Джой, что с Джоем?

Она успела отпустить веревку (а вместе с ней и Джоя), едва почувствовав, что проваливается. Она надеялась, что Чарли успел удержать ребенка. Пребывавший в оцепенении мальчик мог и не остановиться, не обратив внимания на то, что Кристина скрылась под снегом. И если бы он пропал в снегу, они едва ли нашли бы его. За толстым слоем снега и воем ветра его крики были бы не слышны.

Сердце ее билось так быстро и так сильно, что, казалось, вот-вот разорвется.

Чарли протянул вниз здоровую руку и пошевелил пальцами, давая знак ухватиться за

нее.

Если ей удастся освободить руки из-под снега, она сможет дотянуться до него и с его помощью попытается выбраться из ямы. Но если она пошевелит руками, это может вызвать еще одну лавину, и на этот раз ее засыплет с головой. Она должна быть осторожна, двигаться медленно и расчетливо.

Она пошевелила правой рукой, отодвигая снег, потом стала загребать снег ладонью, освобождая пространство, чтобы вытянуть руку, и наконец рука до локтя показалась из-под снега. Кристина потянулась и нашла ладонь Чарли. Неужели получится? Затем освободила вторую руку и обхватила его запястье.

Снег вокруг дрогнул.

Чарли потянул ее, и она подалась вверх.

Снежные стены снова начали рушиться. Они сползали, словно это был не снег, а зыбучий песок. Чарли продолжал тянуть ее, и она почувствовала, что ноги оторвались ото дна. Она принялась двигать ногами, яростно пытаясь найти опору, чтобы оттолкнуться. Чарли отполз назад, поднимая ее все выше. Это, должно быть, причиняло ему мучительную боль в плече, высасывая из него последние силы. Но дело продвигалось. Слава богу, снежная трясина отпускала ее. Теперь она была достаточно высоко, чтобы, отпустив одну руку, опереться ею о край обрыва. Под ее пальцами крошился лед и мерзлая земля, но она попробовала снова, и на этот раз уцепилась за что-то твердое. Голова ее показалась на поверхности, и она, хватая ртом воздух, со стоном сделала последнее усилие и на спине поползла наверх, испытывая при этом смутное чувство, что выбралась живой из пасти ледяного чудовища, которое едва не сожрало ее.

Тут только она спохватилась, что ружье соскочило у нее с плеча при падении в яму. Оно, должно быть, осталось там. Но бездна за ним сомкнулась, и теперь было поздно что-либо предпринять.

Впрочем, это было неважно. Банда Спиви не пойдет за ними в такую бурю.

Кристина встала на четвереньки и поползла прочь от снежной ловушки, высматривая Джоя. Он лежал, свернувшись калачиком, как плод в утробе, вобрав голову и подтянув к груди колени.

Чубакка был тут же, точно чувствуя, что мальчику нужно его тепло, хотя, похоже, тепла у пса уже не оставалось. Шерсть его покрывала корка снега и льда. Он посмотрел на Кристину печальными глазами, в которых читались недоумение, страдание и страх.

Кристине вдруг стало стыдно, что она считала его отчасти виновным в теперешнем состоянии Джоя, что уже не раз бывала не рада ему. Она положила ладонь на его голову, и он, несмотря на усталость, преданно уткнулся в нее носом.

Джой был жив и не потерял сознание, но ему было больно. Снег забился под маску. Если как можно скорее не вывести его в спокойное безветренное место, начнется обморожение. Глаза мальчика смотрели еще более отстраненно, чем раньше.

Кристина пыталась поднять его, но безуспешно. Он не мог встать. Она была до предела измождена и шаталась, левая нога, подвернутая при падении, болела, но, так или иначе, ей придется тащить его на себе.

Она достала компас и встала лицом на восток – северо-восток, по направлению к тому участку леса, в котором находились пещеры. На два метра вперед сквозь крошечную тьму бурана ничего не было видно.

Поражаясь собственной выносливостью, она взяла Джоя на руки. Малыша спасет ее материнский инстинкт, какую бы цену ни пришлось заплатить ей, и, словно вняв ее материнскому отчаянию, в кровь прилила слабая волна адреналина.

Подошел Чарли. Он еще мог стоять на ногах, но вид у него был едва ли не плачевнее, чем у Джоя.

– Надо уходить в лес! – закричала она ему в ухо. – Подальше от ветра!

Она была уверена, он не слышит ее сквозь оглушающий рев ветра, но он кивнул, словно зная о ее намерении, и они двинулись сквозь белую мглу, надеясь только на то, что с

помощью компаса доберутся до сравнительно тихого леса. Они брели, мнительно выверяя каждый шаг, чтобы избежать новой западни.

Оглянувшись, Кристина увидела, что собака из последних сил пытается подняться. Она с ужасом осознала, что даже если Чубакка сейчас встанет, у него практически нет шансов добраться живым до леса. Возможно, она видит его в последний раз, буран сожрет его, как снежная бездна чуть не поглотила ее.

Каждый шаг давался с трудом.

Ветер. Снег. Дьявольский холод.

Легче умереть, чем продолжать идти.

Эта мысль пугала ее, дав силы еще на несколько шагов.

Одно успокаивало: они не оставят за собой следов – в этом не приходилось сомневаться. Невозможно представить, чтобы фанатики бросились за ними в этот чудовищный буран.

Снег падал, словно его вываливали из огромных ларей клочьями, комками, сплошным обвалом.

Еще один шаг. И еще.

Как будто одевая их в доспехи, ветер облепливал руки и ноги, спину и грудь, пока они окончательно не растворились во мгле.

Что это впереди? Темный силуэт, материализовавшийся из бури и в то же мгновение стертый очередным шквалом. Вот он замаячил снова и на этот раз не растаял.

И еще один. Огромные темные клубы, вздымающиеся за снежной пеленой. Очертания становились отчетливее, различимее. Так и есть. Дерево. Много деревьев.

Они углубились в лес метров на пятьдесят, прежде чем нашли место, где переплетающиеся хвойные лапы образовывали мощный полог, задерживающий снег. Видимость стала сносной. Ветер тоже остался позади, и они вздохнули свободнее.

Кристина остановилась, опустила Джоя на землю, сняла с него маску и обмерла, увидев его лицо.

Глава 67

Дойдя до опушки хвойного леса, все они: Кайл Барлоу, Берт Тулли и Эдна Вановфф – окружили Мать Грейс.

С поляны на них набрасывался ветер, словно привлеченный исходившим от них теплом. Сняв перчатки, раскинув руки, Грейс стояла, пытаясь ладонями, повернутыми к поляне, уловить энергетический след, оставленный беглецами. Остальные, погружившись в молчание, ждали, когда она скажет свое слово.

На открытом пространстве долины буран метал громы и молнии, образуя бесконечную череду пороховых вспышек, от несмолкающего рева ветра сотрясался воздух, и снег, словно дым, окутывал землю.

Погода как перед концом света.

– Они пошли туда, – произнесла Мать Грейс.

Барлоу уже знал, что их дичь покинула лес в этом месте, – на это указывали следы. Другое дело – в каком направлении они пошли дальше? Хотя они проходили здесь совсем недавно, за чертой леса их следы почти сразу пропадали. Кайл ждал, чтобы Мать Грейс объяснила ему то, чего он сам был не в состоянии понять.

Тревожно оглядев простиравшееся перед ними заснеженное поле, Берт Тулли робко произнес:

– Туда нельзя. Мы погибнем.

Внезапно Грейс опустила руки и пошла прочь от опушки, удаляясь в глубину леса.

Они двинулись следом, всех насторожило выражение ужаса на ее лице.

– Демоны, – хриплым голосом вымолвила она.

– Где? – спросила Эдна.

Грейс сотрясала дрожь.

– Там...

– В пурге? – спросил Барлоу.

– Сотни..., тысячи..., поджидают нас..., укрывшись за сугробами..., готовые подняться..., и уничтожить нас.

Барлоу взгляделся во мглу, но не видел ничего, кроме снега. Ему очень не доставало божественного Дара Матери-Грейс. Совсем рядом носились оглашенные духи, а он не мог обнаружить их, и от этого он чувствовал себя беззащитным и уязвимым.

– Мы должны переждать здесь, – сказала Грейс, – пока не уляжется буран.

Берт Тулли с облегчением вздохнул.

– Но мальчишка... – начал Барлоу.

– Верно, его сила растет, – признала Грейс.

– Неужели господь не защитит нас, когда мы выйдем туда? Разве не осеняет нас его десница и благодать? – спросил Кайл.

– Мы должны ждать, – единственное, что ответила на это Грейс, – и молиться.

Теперь до сознания Кайла Барлоу дошло, как мало времени отпущено им. Он понял, что они должны быть особенно бдительны. У них было так мало времени, что они не могли себе позволить расточительной бесшабашной храбрости. Сатана. Сейчас сатана был такой же могучей и реальной сущностью в этом мире, как и господь бог.

Чаша весов дьявола еще не перетягивала, но равновесие было хрупким.

Глава 68

Кристина сняла с мальчика маску, и Чарли отвернулся, чтобы не видеть его лица.

«Я не уберег их», – мелькнула мысль.

Отчаяние охватило его, и на глаза навернулись слезы.

Он сидел, прислонившись спиной к стволу дерева. Откинул голову, закрыл глаза и глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь, стараясь направить мысли в здоровое русло, убеждая себя, что все в конце концов обойдется, – но тщетно. Всю свою жизнь он был оптимистом, и это внезапное, выворачивающее душу отчаяние действовало на него разрушающе.

Тивенол и анестезирующий порошок лишь уменьшили боль, но теперь даже их слабое действие заканчивалось. Боль в плече усиливалась и начинала расплзаться – как и раньше – по груди, поднимаясь к голове.

Кристина мягким успокаивающим голосом что-то говорила Джою, хотя и у нее в глазах стояли слезы.

Чарли поборол страх и посмотрел на мальчика. Джою трудно было узнать. Лицо его покраснело и бугрилось.

Обмороженная кожа покрылась волдырями. Глаза заплыли и почти не открывались; в уголках и на ресницах застыл липкий желтоватый гной; нос заложило, и дышать он мог только ртом; губы потрескались, опухли и кровоточили. Лицо пламенело, точно костер, однако на щеках и на кончике носа проступили сизые пятна, которые означали обморожение, и оставалось только молиться, чтобы оно не было обширным.

Кристина взглянула на Чарли.

– Ну ладно. Надо двигаться дальше. Джою больше нельзя находиться на холоде. Мы должны найти эти пещеры. – Взгляд ее и голос выдавали отчаяние.

– Пока ничего похожего не видно, – сказал Чарли.

– Они должны быть где-то здесь, – сказала она. – Тебе помочь?

– Я сам, – ответил он.

Кристина взяла Джою на руки. Мальчик даже не старался держаться за нее, безжизненно свесив руки. Она не оглянулась на Чарли.

Он тяжело вздохнул и, ухватившись за дерево, с трудом встал на ноги, удивившись, что ему это удалось.

Но он удивился еще больше, когда увидел облепленного снегом и льдом Чубакку, который плелся, низко опустив голову – живое воплощение несчастья. Когда последний раз он видел собаку в открытом поле, то подумал, что она обречена.

– Боже мой! – только и сказала Кристина, завидя Чубакку, изумившись не меньше Чарли.

«Это важно, – подумал Чарли. – Раз бедняга держится, значит, и мы вытянем».

Ему очень хотелось верить в это. Он страстно убеждал себя. Но идти им предстояло еще долго.

Дело принимало серьезный оборот, и Кристине начинало казаться, что им никогда не найти вожаков пещеры, что они обречены брести через лес до тех пор, пока не упадут от изнеможения и холода. Но судьба, однако, сжалилась, и минут через десять они нашли то, что искали.

Лес вблизи пещер расступился, так как почва вокруг сделалась ужасно каменистой, вздымаясь уступами, образуя бугры, ступени и непроходимые нагромождения скал.

Поскольку лес поредел, у подножия склона и выше, где каменные гряды и нагромождение скал создавали укромные уголки, – всюду, где только можно, нанесло огромные сугробы. Но и ветер в этих местах становился ощутимее, он срывался с верхушек деревьев, и на широких продуваемых участках склона снега совсем не было. В нижних складках хребта, куда они вполне могли забраться, – зияли раскрытыми пастьми три пещеры; выше виднелось еще несколько входов, но добраться туда было невозможно.

Скорее всего, существовали и другие лазы, сейчас занесенные снегом, – в этом месте склон изобиловал узкими проходами, каменными мешками и кавернами.

У подножия склона, возле груды гигантских валунов, надежно защищавших от ветра, Кристина опустила Джоя на землю.

Ковылявший следом за ними Чубакка устало завалился рядом с хозяином. Удивительно, как эта собака смогла проделать такой путь, но было ясно, что ее хватит ненадолго.

Издав стон облегчения и боли одновременно, Чарли сел тут же.

Его вид напугал Кристину ничуть не меньше, чем обезображенное лицо Джоя. Воспаленные глаза на мертвенно-бледном лице мерцали точно горящие угли. Она испугалась, что останется одна над телами тех, кого только и любила в этом мире, охраняя их, словно кладбищенский сторож, пока сама не обретет последнее пристанище в этой пустыне.

– Я проверю пещеры! – Теперь, когда они опять вышли на относительно открытое место, Кристине приходилось кричать. – Посмотрю, какая из них больше подойдет нам.

Чарли слабо кивнул. Джой никак не отреагировал на ее слова, и она полезла вверх по скалистому склону, туда, где чернел первый провал.

Кристина не знала, из каких пород – известняка или гранита – образован склон, но это было и неважно, поскольку, не будучи спелеологом, она понятия не имела, какие пещеры наиболее безопасны и надежны. Да и все равно, больше им идти было некуда.

В первую пещеру вел низкий и узкий лаз. Кристина достала из рюкзака фонарь и полезла вперед. Ей пришлось встать на четвереньки; местами лаз был настолько тесным, что требовалась немалая ловкость, чтобы в нем двигаться. Она проползла три-четыре метра, пока не оказалась в каменном зале, растянувшемся метров на пять, с низкими сводами, под которыми только-только можно было выпрямиться. Несмотря на неудобство, места для них троих хватало. Из этого зала начинались лазы, которые, возможно, вели в другие помещения, но все они были слишком узки, чтобы Кристина могла пробраться сквозь них.

Вторая пещера не подходила, зато третья почти идеально отвечала ожиданиям Кристины. Коридор был достаточно просторный, чтобы не ползти и не протискиваться. У самого входа намело небольшой сугроб, но Кристина легко преодолела его. Через полтора метра коридор резко поворачивал вправо, а еще через два метра снова уходил влево, что создавало двойной заслон от ветра. Первый зал имел примерно семь метров в ширину, метров двенадцать в длину и от четырех до пяти метров в высоту, ровное гладкое дно и

стены, кое-где потрескавшиеся, с торчащими острыми выступами, а местами гладкие и отшлифованные водой.

Справа другой коридор вед во второй зал. Он был меньше, со сводом пониже. Сталактиты и сталагмиты, словно отлитые из серого воска, соединяясь, образовывали изящные колонны. Кристина посветила вокруг фонариком и в дальнем конце увидела еще один ход, ведущий, как она предположила, в третий зал, но уже увиденного ей было достаточно.

Первое помещение вполне устраивало их. Ближе к задней стене его основание полого поднималось, и на высоте полутора метров, на таком же расстоянии от стены образовывался уступ, как бы полка шириной более шести метров, от которой до свода оставалось около метра. Обследовав эту нишу с помощью фонарика, Кристина наткнулась на дыру в стене диаметром около полуметра, уходящую в темноту, и поняла, что нашла огромный, созданный природой очаг с готовой системой вытяжки. Дыра, должно быть, вела в другую пещеру, располагавшуюся выше по склону холма; и через нее или любую другую дым в конечном итоге будет выходить наружу.

Костер был необходим им. Они не взяли с собой спальные мешки из-за их громоздкости, а также потому, что рассчитывали выйти к озеру до наступления ночи.

Буран и ранение Чарли помешали их планам, и теперь костер был жизненно необходим.

Кристина не волновалась по поводу того, что из-за дыма они могли себя обнаружить. За деревьями его не будет видно, а когда он поднимется выше, то буран поглотит его. Кроме того, банда Спиви почти наверняка будет искать их на юго-западе, там, где долина вела к человеческому жилью.

В пещере обнаружилось нечто такое, что должно было добавить ей привлекательности. На одной из стен виднелась двухметровая наскальная роспись с изображением индейского тотема – медведя, похожего на гризли. Изображение было вытравлено коррозионным составом. То ли оно было наивно-грубоватым, то ли чрезмерно стилизованным – Кристина недостаточно знала про индейские тотемы, чтобы оценить его художественные достоинства.

Одно она знала наверняка: подобные рисунки должны были приносить удачу обитателям пещеры; образ медведя, как она предполагала, являлся воплощением духа-покровителя. Сперва это показалось ей добрым предзнаменованием. Им троим, Чарли, Джою и ей, не помешало бы чье-либо покровительство. Но когда она внимательнее разглядела серо-желтое изображение медведя, то почувствовала в нем что-то зловещее. Разумеется, это было смешно и только говорило о ее смятении, ведь всего-то – рисунок на камне. И все же, глянув еще раз, она пришла к выводу, что предпочла бы этому тотему любую грязную стену.

Но она не собиралась искать новую пещеру только из-за того, что ей не нравился дизайн этой. Наличие природного очага было более чем достаточно, чтобы достоинства найденной пещеры перевесили в ее глазах недостаток художественного вкуса у прежних ее владельцев. Со светом и теплом пещера будет почти таким же надежным убежищем, как оставленная ими хижина. Может, не таким комфортабельным, но сейчас Кристину волновало не отсутствие комфорта, а то, как остаться в живых им троим: ее сыну, Чарли и ей самой.

Чарли чрезвычайно обрадовался, увидев пещеру, и на мгновение она показалась ему роскошной, как номер люкс, несмотря на каменный пол и отсутствие кресел и кроватей. Одно то, что они могли укрыться от ветра и снега, было ни с чем не сравнимым блаженством.

Более часа Кристина провела в лесу, собирая дрова и сухой хворост для костра. Она снова и снова приносила охапки хвороста и сучьев, аккуратно раскладывая их в кучки в зависимости от размера: в одну – хворост для растопки, в другую – сучья потолще, в третью – мощные поленья.

Чарли восхищался ее энергией. Неужели источник такой выносливости – всего лишь материнский инстинкт, дающий ей силы для защиты своего ребенка? Он не находил другого объяснения. Если бы не это, она уже давно должна была лишиться сил.

Видя, что батарейки в фонаре вот-вот сядут, Чарли хотел выключать его каждый раз, когда Кристина выходила из пещеры, и включать при ее возвращении с новой охапкой дров.

Однако он не выключал фонарь, чтобы Джою не было страшно в темноте.

Мальчик совсем сдал. Тяжело дыша, он неподвижно лежал рядом с такой же измученной, как он сам, собакой.

Прислушиваясь к затрудненному дыханию Джоя, Чарли твердил себе, что эта пещера – еще одно доброе предзнаменование, что удача наконец улыбнулась им и через день-два они восстановят силы и пойдут к озеру. Но другой, пессимистический голос убеждал его, что пещера – это каменная могила, и, хотя он старался не слушать этот голос, все равно не мог избавиться от беспокойства.

Было слышно, как в соседнем зале капает вода. Холодные каменные стены и пустые пространства усиливали слабый звук, отчего он казался странным и зловещим, словно где-то билось искусственное сердце или кто-то постукивал в стекло длинным когтем.

Костер отбрасывал мерцающие оранжевые блики на бурые стены, желтый тотемный медведь, казалось, вздрагивал. Потянуло долгожданным теплом. Естественный дымоход, как и предполагала Кристина, оказался исправен, и дым уходил из пещеры, не отравляя воздух. Огонь производил эффект шкафа-сушилки, забирая влагу и уничтожая неприятный, несколько затхлый запах, который встретил Кристину, когда она впервые очутилась в сырой промозглой пещере.

Некоторое время они просто наслаждались теплом, ничего не делая, не произнося ни слова, стараясь даже не думать.

Кристина сняла перчатки, потом откинула капюшон, наконец сбросила куртку. В пещере еще было не очень тепло: из примыкающих залов тянуло сквозняком, но Кристина, оставшись во фланелевой рубашке, под которой была теплая толстовка, уже не мерзла. Она помогла снять куртки Чарли и Джою.

Затем Кристина снова дала Чарли тилебол. Сняла повязку, обработала рану антибиотиками и присыпала анестезирующим порошком.

Чарли сказал, что рана болит не так сильно.

Она знала – он обманывает ее.

Волдыри у Джоя начали спадать, припухлости уже не было, и лицо постепенно принимало нормальный вид.

Нос прочистился, и он уже мог дышать не только ртом, но в груди по-прежнему слышались хрипы – значит, в легких скопилась мокрота.

Боже, только бы не воспаление легких, подумала Кристина.

Джой широко открыл глаза, но они были все такие же пустые. Кристина улыбнулась ему и состроила потешную рожицу, пытаясь добиться отклика, – но тщетно. Ей казалось, что он даже не видит ее.

Чарли не чувствовал голода, пока Кристина не начала готовить фасоль и венские колбаски в алюминиевом горшочке из набора кухонной утвари, который они взяли с собой. От ударившего в нос запаха съестного у него потекли слюнки и заурчало в желудке – внезапно он ощутил зверский голод.

Но, едва приступив к еде, он мгновенно наелся, желудок отказывался принимать больше пищи, и ему стало трудно глотать. Даже пережевывание отдавалось болью в голове, а от нее боль устремлялась вниз к раненому плечу.

В конце концов пища стала казаться горькой, и он окончательно утратил к ней интерес. Фактически он едва притронулся к еде, но даже эта малость вызвала у него тошноту.

– Поешь еще немного, – сказала Кристина.

– Попозже.

– Тебе нехорошо?

– Ничего страшного.

– Тебя тошнит?

– Нет-нет, я просто устал.

Кристина с минуту молча смотрела на него; он попробовал улыбнуться ей; наконец она произнесла:

– Хорошо, если захочешь есть, я подогрею.

От языков пламени на каменной стене прыгали, скакали тени; Чарли рассеянно наблюдал, как Кристина кормит Джоя. Мальчик был голоден и свободно глотал, но ей приходилось тщательно все размешивать и кормить его с ложки, точно младенца.

Горькое чувство поражения снова охватило Чарли.

Мальчик разрешил для себя невыносимую ситуацию, покинув мир, в котором столкнулся с откровенной ненавистью и злобой, чтобы обрести приют в вымышленном фантастическом мире, который был более благожелателен к нему. Как глубоко он погрузился в этот мир? Будет ли он в состоянии когда-нибудь вернуться оттуда?

Джой больше не хотел есть. Мать переживала, но не могла заставить его съесть еще хотя бы ложку.

Наступила очередь Чубакки, и тот обнаружил аппетит куда лучший, чем у его хозяина. Чарли хотел предупредить Кристину, что не стоит особенно переводить продукты на собаку. Если за этим бураном последует другой, если погода в ближайшие несколько дней не улучшится, им придется ограничить свой рацион до минимума, и тогда они пожалеют о каждом лишнем кусочке, который скормили собаке. Но он знал – Кристина восхищена выносливостью и преданностью Чубакки, считая, что его присутствие не дает Джою окончательно сорваться в ступор; и у Чарли не хватало духу сказать ей, чтобы она не закармливала пса. Не сейчас. Это потерпит до утра. Может, к утру распогодится, и они смогут двинуться к озеру.

В какое-то мгновение дыхание Джоя стало пугающе хриплым и отрывистым. Кристина повернула мальчика на другой бок и положила ему под голову свою куртку. Это помогло – дыхание снова было ровным.

Глядя на мальчика, Чарли думал: «Неужели и тебе так же худо, малыш? Дай бог, чтобы это было не так. Ты не заслужил этого. Что ты заслуживаешь, так это более толкового телохранителя, чем я, – это уж точно».

Боль причиняла ему гораздо большие муки, чем можно было предположить по его виду. Он скрывал это от Кристины. Тилебол и анестезия помогли, но уже не так заметно, как в первый раз. Боль в плече и в руке уже не воспринималась как живое существо, пытающееся прогрызть его плоть, чтобы выбраться на волю. Сейчас он чувствовал, будто в нем роятся лилипуты с чужой планеты, которые ломают ему кости и дробят их в порошок, рвут связки и рассекают сухожилия, а потом обливают все серной кислотой. Они старались постепенно опустошить его, сжечь кислотой все его внутренности, оставив одну кожу, чтобы затем надуть эту мертвую оболочку и выставить в музей у себя дома на своей маленькой планете. Такой была его боль, и это было ужасно, по-настоящему ужасно.

Позже, когда Кристина вышла за снегом, чтобы вскипятить воду, она увидела, что опустилась ночь. В пещере ветра не было слышно, но снаружи она слышала его нестихающий рев. Из темной бездны неба валил снег, и шквальные удары бурана с яростью обрушивались на горные склоны.

Кристина вернулась в пещеру, поставила котелок со снегом на огонь, заговорила с Чарли. Он отвечал едва слышно. Было ясно, что он все время притворялся, не желая показывать ей, как ему плохо, она же, подыгрывая ему, в свою очередь не давала ему понять, что видит его состояние, так как больше все равно ничего не могла для него сделать. Не прошло и часа, как, невзирая на боль, он уже спал, как спали Джой с Чубаккой.

Она сидела между сыном и любимым мужчиной, спиной к огню, и смотрела, как в сумасшедшем гавоте мелькают по стенам отблески пламени и причудливые тени.

Какой-то частью сознания она внимала странным диковинным звукам, в то время как другой – чутко прислушивалась к дыханию спящих мужчины и мальчика, страшась одного –

чтобы кто-то из них вдруг не перестал дышать.

Рядом лежал заряженный револьвер. К своему ужасу, она не обнаружила в карманах куртки Чарли патронов.

Коробка с ними осталась в рюкзаке, брошенном под каменным козырьком, где Кристина перевязывала Чарли плечо. Она готова была возненавидеть себя за рассеянность. Винтовка и дробовик пропали, и револьвер оставался единственным средством обороны, но в нем было всего шесть патронов.

Ровно в 8:10 утра Кристина, подбрасывая дрова в очаг, услышала, как Чарли застонал во сне. Он метался по подушке, которую она соорудила из его куртки, и был покрыт липким потом.

Она приложила ладонь к его лбу – этого было достаточно, чтобы убедиться, что у него жар. Она подождала в надежде, что он успокоится, но ему становилось все хуже.

Сначала он стонал, потом начал слабо вскрикивать; крики становились громче. Он бормотал: это была какая-то мешанина из слов – отдельные слова и оборванные бессмысленные фразы. В конце концов он пришел в такое возбуждение, что Кристина взяла две таблетки тивенола, налила в кружку воды и попробовала разбудить его. И хотя сон, казалось, не приносил ему никакого облегчения, он никак не мог прийти в себя, а когда наконец открыл глаза, они были затуманенными и бессмысленными. Он был в бреду и, похоже, не узнавал ее.

Кристина заставила Чарли принять таблетки, и он с жадностью запил их водой. Она не успела отнять кружку от его губ, как он уже уснул.

Стоны и бессвязное бормотанье возобновились; несмотря на сильный жар, Чарли колотил озноб. У него стучали зубы. Она пожалела, что у них нет одеял. Подбросила дров в огонь. В пещере было довольно тепло, но она видела, что для Чарли этого тепла было недостаточно.

Около десяти утра Чарли успокоился: уже не метался и не потел – мирно спал.

По крайней мере, это всего лишь сон, успокаивала себя Кристина, могло быть хуже.

Что-то пискнуло.

Кристина схватилась за револьвер и вскочила на ноги, как если бы услышала не слабый писк, а настоящий визг.

Джой и Чарли безмятежно спали.

Прислушалась, затаив дыхание, – звук повторился, на этот раз не один, а целая серия – пронзительное, хотя и долетающее откуда-то издалека, попискивание.

Это был не тот звук, который мог исходить от камня, земли или воды, – не мертвый звук.

Это было что-то другое, живое.

Кристина взяла фонарь. С бешено колотившимся сердцем, держа револьвер в вытянутой руке, она двинулась на звук. Ей показалось, он доносится из помещения, примыкавшего к их залу.

Мурашки бежали у нее по коже – такими чужими и враждебными казались эти слабые звуки.

У прохода в следующий зал Кристина остановилась, посветив туда фонариком. Она увидела восковые столбы сталактитов и сталагмитов, влажные каменные стены, но ничего из ряда вон выходящего. Теперь звуки доносились откуда-то из глубины, возможно, из следующей или еще более дальней пещеры.

Кристина подалась вперед и напрягла слух. Внезапно она поняла, откуда исходят звуки. Летучие мыши. Множество мышей.

Очевидно, они гнездились где-то в отдаленных залах в глубине горы и проникали через

другой вход, потому что в тех помещениях, где находились сейчас люди, не было ни помета, ни останков, ни каких бы то ни было других следов пребывания летучих мышей. Кристина не имела ничего против такого соседства, пока соседи не нарушали границ чужого владения.

Она вернулась назад, села между спящими Чарли и Джоем, положила револьвер и выключила фонарь.

Ей пришла в голову мысль: что, если люди Спиви придут сюда, блокируют вход и не оставят им никакого другого выбора, кроме одного – отступить в глубь горы в поисках другого выхода, в поисках какого-нибудь хода, ведущего к спасению. Что, если они с Чарли и Джоем будут вынуждены спасаться бегством, шарахаясь из одного каменного мешка в другой, пока не окажутся загнаны в тот, где гнездятся летучие мыши? Там, наверное, можно по колено увязнуть в мышином помете; ведь этих тварей, висящих под сводом, должно быть, сотни, тысячи, и часть из них, а может, и все, заражены бешенством: ведь летучие мыши – известные переносчики бешенства...

Хватит! – гневно приказала она себе.

У нее и без того достаточно забот. Лунатики Спиви.

Джой. Раненый Чарли. Мерзкая погода. Возвращение к человеческому жилью. Только летучих мышей не хватало в этом списке. Это безумие! Из миллиона был только один шанс, что они окажутся рядом с мерзкими летучими тварями.

Она постаралась отвлечься.

Подбросила дров в костер.

Писк прекратился.

Пещера погрузилась в тишину, которую нарушали только учащенное дыхание Джоя и потрескивание дров в очаге.

Ее клонило ко сну.

Как ни боролась Кристина с ним, веки ее становились все тяжелее.

Она боялась уснуть. Пока она будет дремать, Джою может стать хуже. Или что-то понадобится Чарли, а она не услышит.

Кроме того, кто-то должен быть начеку.

Банда Спиви может нагрянуть ночью.

Нет. Буран. Ведьмам запрещено летать на помеле в такую погоду.

Она улыбнулась, вспомнив, как Чарли весело шутил.

Мерцание костра завораживало...

Кто-то все равно должен оставаться начеку.

«Только вздремну».

Ведьмам...

Кто-то..., должен...

Это был один из тех кошмаров, когда понимаешь, что спишь, что происходящее – сон, но от этого не становится менее страшно. Кристине снилось, что все пещеры в этой горе соединились в причудливый лабиринт, что Грейс Спиви вместе со своими подручными – религиозными экстремистами – проникла в их пещеру через пронизывающие гору ходы. Ей снилось, что они готовятся совершить жертвоприношение и для заклания выбрали Джоя. Она пыталась убить их, но после каждого ее выстрела из упавшего трупа выходили два новых фанатика, так что, уничтожая, она лишь множила их число. Ее все больше охватывали исступленное отчаяние и ужас; армия фанатиков росла непрерывно, пока не оказалось, что все пещеры по склону горы кишат людьми Спиви – словно это были полчища тараканов или крыс. Затем, понимая, что спит, Кристина стала подозревать – подручные Спиви не только в пещерах из ее сна, но и в настоящих пещерах из настоящей жизни и они совершают ритуал жертвоприношения не только в ее сне, но и наяву, и, если она не проснется и не остановит

их, они убьют Джоя взаправду, а не понарошку, убьют, пока она спит. Она попыталась освободиться из железных объятий сна, но не могла, не могла проснуться, и сейчас ей снилось, что они собираются перерезать горло ее малышу. А наяву, не во сне?

Что наяву?

Глава 69

Когда Кристина проснулась, Джой ел плитку шоколада и гладил Чубакку.

Она смотрела, не веря своим глазам, и чувствовала, что по ее щекам льются слезы. Только на этот раз она плакала от счастья.

Похоже, он освободился из душевного плена, на который его обрекли. И выглядел он гораздо лучше. Может, все еще обойдется. Слава богу!

Отек на лице прошел, и вернулся нормальный, хотя и не совсем здоровый цвет. Дыхание восстановилось. Пусть его взгляд еще оставался обращенным внутрь, но уже не был таким отрешенным и жалким, как прошлым вечером.

То, что он встал, чтобы найти себе – и нашел – сладости, обнадеживало. Кроме того, он, как видно, подбросил хворосту в костер – тот горел ярко, хотя к этому времени там должна была остаться лишь кучка теплых углей.

Кристина подобралась к нему и обняла, и он – хотя и слабо – обнял ее в ответ. Мальчик ничего не говорил, и она знала – никакая сила не заставит его произнести хотя бы слово. Его глаза по-прежнему смотрели мимо, словно он не до конца осознавал, что она рядом; однако она заметила, как следует за ней взгляд его пронзительных синих глаз, стоило ей лишь отвернуться. У нее появилась надежда на его возвращение в этот мир – пусть медленное, на ощупь, от черты аутизма, но она понимала, что торопить его или тянуть силой нельзя.

Чубакка не сделал таких успехов, как Джой, но вид у него был поживее, чем накануне. Похоже, пес тоже пошел на поправку, думала Кристина, глядя, с какой благодарностью он встречает каждое прикосновение маленьких рук Джоя, словно в них была исцеляющая сила. Между собакой и ребенком иногда устанавливается удивительно таинственное и глубокое чувство преданности, общности данного только им знания.

Джой держал шоколадку прямо перед собой, и на губах его блуждала слабая улыбка.

Больше всего остального Кристина хотела видеть Джоя улыбающимся, и теперь губы ее тоже тронула улыбка, улыбка сопереживания.

За ее спиной, вздрогнув, очнулся Чарли. И Кристина сразу отметила, что ему, в отличие от других, не стало лучше. Он не бредил, но его состояние явно ухудшилось.

Лицо походило на поднявшееся дрожжевое тесто и лоснилось от испарины. Глаза глубоко ввалились, словно отказываясь видеть продолжение всех этих ужасов. Его донимал сильный озноб, временами вызывавший неумную дрожь, которая, казалось, вот-вот обернется конвульсией.

Жар привел к обезвоживанию. Когда Чарли попытался заговорить, он не смог открыть рта: губы спеклись, а язык прилип к небу.

Кристина помогла ему сесть и дала тилебол и кружку воды.

– Лучше?

– Немножко, – прошептал Чарли.

– Болит?

– Везде.

Ей показалось, что он не понял, и она переспросила:

– Я имею в виду плечо.

– Ну да. Я про то же. Она уже не только в плече. Похоже, она повсюду..., по всему телу..., от пяток до кончика носа..., везде. Который теперь час?

Кристина взглянула на часы: «Боже! Уже половина восьмого! Я проспала несколько часов как убитая, и это на каменном полу!»

– Как Джой?

– Посмотри сам.

Он повернул голову и увидел, что Джой скормливает последний кусочек шоколада Чубакке.

– Кажется, он поправляется, – сказала Кристина.

– Слава богу!

Она убрала с его лба прилипшие волосы.

Когда она была с ним в хижине, Чарли казался ей самым красивым мужчиной, которого она знала. И даже теперь – с запавшими щеками, бледный и обессиленный – он был красив: какое чувственное у него лицо, какой нежный взгляд. Она хотела лечь рядом с ним, обнять его, прижаться к нему, но побоялась причинить ему боль.

– Поешь что-нибудь? – спросила она.

Он покачал головой.

– Ты должен, – настаивала она. – Надо восстанавливать силы.

Он сощурил слезящиеся глаза, словно стараясь что-то увидеть.

– Может быть.., позже. Снег все.., идет?

– Сегодня я еще не выходила.

– Если уже прояснилось.., вам с Джоем надо немедленно.., уходить.., без меня.

– Чушь.

– В это время года.., хорошая погода не продержится.., и суток. Ты должна воспользоваться.., благоприятным моментом.., и выбраться с гор.., пока снова не налетит буран.

– Без тебя я никуда не пойду.

– Я не могу идти, – сказал он.

– Ты еще не пробовал.

– Не смогу. Даже говорю.., с трудом.

Разговор утомлял его. С каждым сказанным словом ему становилось тяжелее дышать.

– Сам ты не сможешь поддерживать огонь, – возражала Кристина.

– Верно. Ты подвинешь меня.., поближе к костру... чтобы я мог дотянуться.., и оставишь дрова.., на пару дней.., со мной.., ничего не случится.

– Ты не сможешь приготовить себе поесть...

– Оставь мне пару.., плиток шоколада.

– Этого мало.

Взгляд его помрачнел, какое-то время он собирался с силами, потом сурово, отчетливо проговорил:

– Вы должны идти без меня. Это единственный выход. Так будет лучше для тебя и для Джоя.., и для меня тоже.., потому что мне не выбраться отсюда.., без команды спасателей-медиков.

– Ну, хорошо, – сказала она. – Ладно.

Он обмяк. Этот короткий диалог доконал его. Когда он заговорил снова, это был уже не просто шепот, а трепещущий шепот, в котором иногда пропадали окончания слов:

– Когда дойдешь.., до озера.., пошлешь помощь.., за мной.

– Все это под вопросом, пока я не узнаю, стих буран или нет, – сказала Кристина. – Пойду гляну.

Она хотела встать, и тут услышала обращенный к ним мужской голос, раздавшийся у входа в пещеру в начале зигзагообразного коридора:

– Мы знаем, что вы здесь! Вам не скрыться от нас!

Мы знаем!

Гончие псы Спиви настигли их.

Глава 70

Инстинктивно, не раздумывая ни минуты, Кристина схватила заряженный револьвер и

бросилась через пещеру к выходу.

– Нет! – закричал Чарли.

Не обращая внимания на его крик, она прошла до первого поворота, свернула направо, не посмотрев, прячется ли кто-нибудь там; она видела вблизи скалы, а впереди, у следующего поворота, – слабый серый свет – за ним был последний прямой отрезок лаза, а потом – открытый склон горы. Она рвалась вперед с безрассудной отвагой – и потому, что люди Спиви наверняка не ожидали от нее такого, но еще и потому, что ничего другого она предпринять не могла; она уже не контролировала себя. Сумасшедшие, злые, наглые мерзавцы выгнали ее из дома, загнали в эту нору и теперь собирались убить ее ребенка.

– Мы знаем, вы здесь! – опять закричал кто-то невидимый.

Никогда раньше она не впадала в истерику, но сейчас – сейчас она не могла ничего с собой поделать. Впрочем, она и не хотела ничего делать, потому что это было хорошо, чертовски хорошо – дать волю слепой ярости и безумному желанию выпустить из них кровь, заставить их почувствовать боль и страх.

За второй угол она повернула с таким же бессознательным пренебрежением к опасности, как и раньше: впереди был последний участок лаза, затем – открытое пространство и фигуры на фоне серого утреннего света; человек в парке с надетым на голову капюшоном. Он держал винтовку, нет, автомат, но он опустил его к земле, а не направил в узкий проход, потому что никогда в жизни не ожидал, что она выскочит прямо на него, такая легкая добыча, – но это было именно так, так она и сделала, подобно безрассудному камикадзе, не думая о последствиях.

Она застигла его врасплох и, когда он направил на нее дуло автомата, выстрелила – раз, два, три раза, попадая в него каждый раз – он был так близко, что промазать было почти невозможно.

Первый выстрел заставил его оторваться от земли, второй – отбросил назад, а третий сбил с ног. Автомат выскользнул из его рук, и мгновенно появилась надежда завладеть желанным оружием, но, выйдя из пещеры, она услышала, как автомат стучал по каменистому склону, скатываясь вниз.

Снег прекратился, и ветер стих, а на склоне, позади того, которого она убила, стояли трое. Один из них, невероятного роста, слева от нее, бросился в укрытие, как только услышал выстрелы и его товарищ упал на землю.

Два других сектанта не были так проворны, как великан.

Низкорослая крепкая женщина стояла прямо перед Кристиной, не далее чем в трех-четырех метрах – превосходная мишень, и Кристина инстинктивно нажала на курок – женщина упала, лицо ее разорвалось, подобно проткнутому воздушному шару, наполненному красной жидкостью.

Двигаясь к выходу из пещеры, Кристина молчала, сейчас же она безотчетно начала выкрикивать проклятия так громко, что заболело горло и сорвался голос, а она все кричала и кричала. Никогда раньше не употребляла она таких слов, они были отвратительны ей, но она не могла остановиться – ярость выплескивалась в нечленораздельных звуках и бессмысленных непристойностях.

Повернувшись к третьему человеку в шести метрах справа от себя, она узнала Грейс Спиви.

– Ты! – Истерика захлестнула ее при виде старухи. – Ты! Сумасшедшая старая сука!

Откуда только у женщины преклонного возраста взялись силы забраться на эти гребни и противостоять изматывающей непогоде в горах Сьерра-Невады? Безумие придавало ей силы? Возможно. Безумие исключало все сомнения, усталость, оно стало щитом от боли, когда она проткнула себе руки и ноги, чтобы инсценировать появление стигматов.

«Боже, помоги нам», – думала Кристина.

Ведьма, неподвижная, прямая, высокомерная, вызывающая, стояла так, будто это она позволила Кристине нажимать на курок, и даже издали чувствовалась странная и завораживающая сила ее взгляда. Преодолевая гипнотическое действие безумных глаз,

Кристина выстрелила, и рука с револьвером дернулась назад. Она не попала, хоть расстояние было небольшое. Кристина снова нажала на курок, удивилась, что не попала и на сей раз, с меньшего расстояния, хотела выстрелить в третий, но обнаружила, что кончились патроны.

О боже.

Ни патронов. Ни оружия. Боже. Ничего, кроме рук.

Хорошо, я сделаю это, сделаю голыми руками, отлично, я задушу суку, оторву ей башку.

Охваченная ужасом, сопя, извергая проклятия, с криком Кристина пошла на Спиви. Но тут верзила открыл по ней стрельбу из-за валунов, за которыми укрывался. Пули, бешено свистя, пролетали мимо, ударяясь о скалы и отскакивая. Она чувствовала, как они рассекают воздух вокруг ее головы. Понимая, что не сможет помочь Джой, если погибнет, Кристина остановилась и начала отступать к пещере.

Еще один выстрел. Посыпались острые осколки камней.

Она все еще была в истерике, но маниакальная злость внезапно преобразовалась: из ярости и жажды крови – в инстинкт самосохранения. Она отходила к пещере, слыша звуки выстрелов позади себя. Верзила вышел из укрытия и двинулся на нее. Пули с силой стучали по камням, и она ждала, что одна из них попадет ей в спину. Миновав вход в пещеру и достигнув первого поворота, она исчезла из поля зрения великана и подумала, что теперь находится в безопасности. Но последняя пуля отколошила от углового выступа и вонзилась ей в правое бедро, сбив с ног.

Она упала, сильно ударившись плечом, и почувствовала, что на нее наваливается темнота.

Отказываясь подчиниться шоку, вызванному ранением, хватая ртом воздух, отчаянно пытаясь отогнать подступавшую тьму, Кристина поползла по проходу.

Она не думала, что они пойдут за ней. Они не знали, что у нее только револьвер и нет патронов. Они будут осторожны.

Но они придут. Осторожно. Медленно. Но не так медленно, как хотелось бы. Они были неумолимы, как шериф из фильмов-вестернов.

Она вспотела, еле подвигая и волоча ногу, словно это была бетонная глыба, уползая по камням к месту, где в неровном свете костра ее ждали Чарли и Джой.

– О боже, тебя ранили, – сказал Чарли.

Джой ничего не сказал. Он стоял у самого костра, и пульсирующий свет придавал его лицу кровавый оттенок.

Он сосал свой большой палец и смотрел на нее широко открытыми глазами.

– Ничего, – сказала она, стараясь не показать, как напугана. Она прислонилась к стене, стоя на одной ноге.

Кристина дотронулась до бедра и почувствовала липкую кровь. Она не хотела смотреть на рану. Если было сильное кровотечение, следовало бы наложить жгут. Но на это не было времени. Стоит ей отвлечься, чтобы затянуть жгут, Спиви или верзила придут и вышибут ей мозги.

Рассудок ее еще не помутился, и Кристина уже не боялась, что скоро отключится, но силы начали оставлять ее.

Руки по-прежнему сжимали незаряженный, бесполезный револьвер. Она отбросила его.

– Болит? – спросил Чарли.

– Нет. – Это было почти правдой, она не испытывала боли в тот момент, но знала, что скоро почувствует ее.

– Отдайте нам мальчишку! Мы оставим вас в живых, если вы отдадите нам мальчишку! – кричал снаружи верзила.

Кристина не обращала внимания.

– Я уложила двух мерзавцев, – сказала она Чарли.

– Сколько осталось? – спросил он.

– Еще двое, – ответила она, не вдаваясь в подробности, чтобы Джой не узнал, что Грейс Спиви здесь.

Чубакка встал на задние лапы и зарычал. Кристина удивилась, что он смог подняться; выглядел он слабым и нездоровым. Он не сможет защитить Чарли.

Она заметила нож, лежавший в груди вещей в дальнем углу, и попросила Джоя принести его, но он только смотрел, не двигаясь, – помощи от него ждать не приходилось.

– Патронов больше нет? – спросил Чарли.

– Ни одного.

Снаружи слышалось:

– Отдайте мальчишку!

Чарли попробовал дотянуться до ножа, но был слишком слаб. Он начал хрипеть, потом кашлять и окончательно обессилел – на губах выступила кровавая слюна.

Кристина с отчаянием осознавала, что время утекает, как песок сквозь пальцы.

– Отдайте нам Антихриста!

Кристина, держась за стены и прыгая на здоровой ноге, стала медленно двигаться в угол пещеры. Добраться бы до ножа, а затем вернуться, тогда бы она засела в про-, ходе за углом, и, когда они войдут, смогла бы кинуться вперед и вонзить нож в одного из них.

Наконец она добралась до вещей, наклонилась и взяла нож – лезвие было слишком коротким. Она вертела его в руке, пытаясь убедить себя, что это как раз то, что надо.

Но требовалось проткнуть парку, одежду под ней, а лезвие такое короткое. Если бы она могла ударить их в лицо, но..., они вооружены, и шансов, что она победит в схватке, нет.

Проклятье.

Кристина с ненавистью отбросила нож.

– Огонь, – сказал Чарли.

Сначала она не поняла. Он вытер рукой кровавую слюну:

– Огонь. Это..., хорошее..., оружие.

Конечно.

Огонь. Лучше, чем нож с коротким лезвием.

Ей вдруг пришло в голову, что горящая головешка может стать частью огнестрельного оружия.

Временами боль пронзала раненую ногу в такт с биением ее пульса, но Кристина, стиснув зубы, склонилась над снаряжением. Нагибаться было тяжело, и она с ужасом думала, как придется распрямляться, хотя и опиралась на стену, помогая себе. Она порылась в вещах, которые вытряхнула из рюкзака накануне, и обнаружила пластиковую бутылку с зажигательной жидкостью, которую они купили на случай, если будут трудности с разведением огня в камине хижины. Кристина положила ее в правый карман брюк.

Когда она поднималась, каменный пол закачался под ногами. Она схватилась за край очага и подождала, пока головокружение пройдет.

Повернувшись к огню, между двух больших поленьев Кристина выхватила горящую ветку, боясь, что она погаснет, но ветка продолжала гореть ярким факелом.

Джой не шевелился и не разговаривал, но наблюдал с интересом. Он зависел от нее, сейчас его жизнь целиком была в ее руках.

Уже некоторое время снаружи не доносились никакие крики. Эта тишина пугала. Она могла лишь означать, что Спиви и верзила были уже внутри, в извилистом проходе.

Кристина пустилась в обратный путь вдоль стены, мимо Чарли, к проходу, в котором в любой момент могли появиться фанатики. Она в отчаянии сознавала, что, выбирая длинный, но самый надежный путь, она теряет драгоценные секунды, но не могла рисковать, идя через центр зала, из опасения упасть и погасить факел. Она держала горящую головешку в левой руке, а правой опиралась на стену, прихрамывая, а не прыгая на одной ноге, – так было быстрее; немного помогая и раненой ногой, хотя боль пронзала ее насквозь, когда она слишком неосторожно наступала. И хотя боль накатывала по-прежнему в такт с пульсом, она уже не была тупой, а жила, жалила, била, колола, скручивала и становилась сильнее с каждым ударом сердца.

Кристина подумала было, сколько крови потеряла, но оборвала себя, решив, что это

неважно. Если потеря крови невелика, она может выстоять в последней схватке с фанатиками. Если же потеря большая и кровь текла из вены или из поврежденной артерии, не было смысла выяснять это, и жгут не помог бы ей, во всяком случае здесь, за много миль от ближайшего пункта медицинской помощи.

Когда она добралась до противоположного угла пещеры, где начинался лаз, голова ее кружилась и подкатила тошнота. Она задохнулась, почувствовав ее у горла, но смогла подавить.

Пульсирующий свет огня, отражаясь от стен, лишал пещеру четких очертаний; размеры зала все время менялись; камни казались уже не камнями, а странным пластиком, который постоянно плавился и менялся: стены то отступали, то подступали ближе, опять отступали; выпуклость скалы неожиданно становилась вогнутостью; потолок спускался так, что почти касался головы Кристины, поднимаясь через минуту на прежнюю высоту; пол вращался и горбатился, потом, казалось, ускользал, уходил из-под ног.

В отчаянии Кристина зажмурила глаза, закусил губу и глубоко задышала, пока не почувствовала, что обморок отступает. Когда она снова открыла глаза, пещера обрела четкие очертания. Кристина крепче стояла на ногах, но знала, что это ненадолго.

Она прислонилась к стене в небольшом углублении с одной стороны прохода. Держа факел в левой руке, она нащупала правой в кармане бутылочку с зажигательной жидкостью и вытащила ее. Зажав бутылочку тремя пальцами в ладони, она большим и указательным открутила колпачок, обнажив твердую пластиковую насадку. Она была готова. У нее был план, хороший план. Он должен был быть хорошим, потому что другого у нее не было.

Возможно, великан войдет в пещеру первым. У него будет винтовка, может, та самая полуавтоматическая винтовка, которой он пользовался снаружи. Он будет держать оружие перед собой, на уровне пояса. Проблема была в том, чтобы облить его горючим прежде, чем он прицелится в нее и нажмет курок. За какое время он сделает это – за две секунды? Или за одну? Эффект неожиданности был ее лучшей и единственной надеждой. Он мог ожидать выстрелов, ножа, но не этого. Если она пустит в него струю в тот самый момент, когда он покажется, он потеряет целую секунду; вторую секунду он может потерять от шока, когда поймет по запаху жидкости, что она воспламеняется. Только это время у нее есть, чтобы поджечь его.

Кристина затаила дыхание, прислушалась.

Ничего.

Даже если горючее не попадет на кожу великана, а только замочит его парку, он почти наверняка в ужасе и панике бросит винтовку и будет сбивать огонь.

Она глубоко вздохнула, задержала дыхание, опять прислушалась.

Все еще ничего.

Если бы она смогла брызнуть ему в лицо, не только паника заставила бы его бросить оружие. Он катался бы от невыносимой боли, когда его кожа покрылась бы волдырями и лупилась, а пламя лизало бы его глаза.

Дым от факела струился по потолку, ища выхода из закрытого помещения.

Чарли, Джой и Чубакка в другом конце зала молча ждали. Утомленный пес тяжело опустился на задние лапы.

Ну, давай, Спиви! Давай, черт возьми.

У Кристины не было твердой уверенности в том, что она сможет удачно использовать зажигательную жидкость и факел. Она понимала, что, в лучшем случае, был один шанс из десяти проверить это дело, но все равно хотела, чтобы они пришли, прямо сейчас, чтобы можно было покончить с этим. Ожидание было хуже, чем неизбежное столкновение.

Что-то хрустнуло, щелкнуло, и Кристина вздрогнула, но это трещала ветка в очаге в другом конце зала.

Давай.

Она хотела посмотреть за угол, в узкий проход, чтобы прекратить ожидание. Но не осмелилась. Она бы потеряла преимущество, которое давал эффект неожиданности.

Кристина думала, что слышит тихое тиканье своих часов. Возможно, ей это только казалось, но звук отсчитывал секунды: тик, тик, тик...

Если бы ей удалось облить и поджечь верзилу и он не застрелил ее, она бы занялась потом Спиви. У старухи, конечно, есть винтовка.

Тик, тик...

Их дымоход вытягивал дым от очага, но дым от факела Кристины поднялся под потолок и образовал ядовитое облако. Теперь это облако медленно двигалось в зал, отравляя воздух, которым они дышали, его подхватывали воздушные потоки, но уносили не так быстро. Запах пока былине очень едкий, но через несколько минут они, пожалуй, начнут кашлять. Пещеры хорошо продувались, и задохнуться здесь вряд ли возможно, но дым еще больше обессилил бы их. И все же она не могла потушить факел, он был ее единственным оружием.

Что-то произойдет скоро, подумала она. Очень скоро.

Тик, тик, тик...

Отвлеченная дымом и воображаемым, но тем не менее сводящим с ума звуком уходящего времени, Кристина почти не прореагировала на важный звук. Щелчок затвора, скрип. Только тогда до Кристины дошло, что это Спиви или верзила.

Она ждала в напряжении, высоко подняв факел, держа зажигательную жидкость перед собой, сжимая бутылочку.

Еще скрип.

Тихий металлический звук.

Кристина подалась вперед из углубления, в котором она пряталась, молясь, чтобы нога не подвела ее, – и неожиданно поняла, что звуки доносились не из извилистого прохода, а из следующего, находящегося в глубине скалы, зала. Она увидела неяркий свет фонарика в соседней пещере, его луч, скользнувший по сталактиту. Потом он исчез.

Нет, это невозможно!

Она заметила движение на краю темноты, где следующая пещера примыкала к этой... Невероятно высокий, широкоплечий, пугающе уродливый человек выступил из мрака на границу мерцающего пламени в четырех-пяти метрах от Кристины.

Слишком поздно она поняла, что Спиви может прийти к ним из другой пещеры, а не через вход на склоне. Но как? Как они узнали, какой из коридоров ведет сюда? У них были карты? Или они полагались на удачу? Как им могло так, везти?

Безумие.

Нечестно.

Кристина, шатаясь, сделала один, второй шаг из тени, которая скрывала ее.

Великан увидел ее. Он поднял винтовку. Она брызнула в него струей зажигательной жидкости.

Он был слишком далеко. Горючая смесь, описав дугу, разлилась на камнях примерно в метре от него. Он моментально понял, что Кристина не стала бы использовать такое примитивное оружие, будь у нее патроны.

– Брось, – твердо сказал он.

Ее великолепный план неожиданно показался жалким и глупым.

Джой. Он зависел от нее. Она была его последней защитой.

Она сделала еще один нетвердый шаг.

– Брось.

Прежде чем он выстрелил, раненая нога подвела Кристину. Она рухнула.

– Кристина! – закричал Чарли, отчаяние и боль слились в одном слове.

Бутылочка пролетела по полу через весь зал и осталась в углу, откуда ее было не достать.

Кристина упала на раненое бедро и закричала от жуткой боли, пронзившей ее ногу. Падая, она выронила факел, который упал в лужицу зажигательной жидкости.

Вспыхнул огонь, наполняя пещеру ослепительным светом, затем, трепеща, затих, не причинив вреда никому.

Рыча, оскалив зубы, Чубакка бросился на великана, но был слишком слаб, чтобы бороться. Он схватил зубами парку, но громила, подняв обеими руками винтовку, обрушил ее на голову собаки. Чубакка коротко и резко взвизгнул и свалился под ноги великану то ли без сознания, то ли мертвый.

Кристина старалась не лишиться чувств; хотя волны темноты накатывали на нее.

Скалясь, как существо из старого фильма ужасов о Франкенштейне, верзила вступил в зал. Кристина увидела, как Джой забился в дальний угол пещеры.

Она не смогла спасти его.

Господи, ведь что-то она может сделать такое, что спасет их. Есть какое-то решение, найдя которое она уничтожит противника его же оружием. Должно быть. Но она ничего не могла придумать.

Глава 71

Огромный человек прошел дальше в пещеру. Это был монстр, которого Чарли встретил у Спиви, великан с перекошенным лицом. Тот, кого ведьма называла Кайлом.

Когда Чарли увидел, с каким важным видом вошел он в зал и как съежилась в испуге Кристина, его в одинаковой мере переполнили страх и презрение к себе. Он боялся, так как знал, что умрет в этой промозглой заброшенной дыре, а презирал себя за слабость, беспомощность и провал. Его родители, слабые люди и неудачники, одурманивали себя алкоголем, чтобы не мучиться от неспособности справляться с превратностями жизни, и еще в юности Чарли пообещал себе, что никогда не будет похожим на них. Всю жизнь он учился быть сильным, всегда.

Он никогда не отступал перед вызовом судьбы, главным образом потому, что родители всегда отступали. И он редко проигрывал.

Он ненавидел проигрыш – родители проигрывали, а не он, не Чарли Гаррисон из «Клемент – Гаррисон». Проигравшие были слабы духом и телом, а слабость была величайшим грехом. Но он не мог закрыть глаза на теперешние обстоятельства; никуда было не деться от факта, что сейчас он был наполовину парализован болью, слаб, как котенок, и старался не потерять сознание. Нельзя было отрицать, что это он привел сюда Кристину и Джоя, допустил случившееся, обещал, что поможет им, а обещание оказалось пустым. Они нуждались в нем, а он ничего не мог сделать для них и теперь собирался умереть, так и не сумев помочь тем, кого любил, – так что не очень далеко ушел он от алкоголика-отца и всех ненавидевшей, пьяной матери.

Подсознательно Чарли чувствовал, что слишком требователен к себе. Он сделал все от него зависящее. Никто не смог бы сделать больше. Но он всегда был требователен к себе и не собирался делать поблажки теперь. Имело значение не то, что он намеревался сделать, а то, что сделал.

В итоге они оказались лицом к лицу со смертью.

За Кайлом в проеме, ведущем в следующий зал, возникла фигура. Женщина. Мгновение она была в тени, потом появилась в ярко-оранжевом свете огня. Грейс Спиви.

С трудом Чарли повернул затекшую шею, сильно зажмурился, чтобы стряхнуть пелену с глаз, и посмотрел на Джоя. Мальчик стоял в углу, с заложенными за спину руками; он прислонился к стене, крепко прижав к ней ладони, как будто хотел усилием воли проникнуть сквозь камень и выйти из этого зала. Его глаза, казалось, выскакивали из орбит. Слезы блестели на лице. Из мира фантазий, где он инстинктивно прятался, его бесцеремонно вытащили в наводящий ужас мир, где правила ненавистная Грейс Спиви.

Чарли попытался поднять руки, если бы это удалось, он бы сел, а если бы сел, то и встал, а если бы встал – мог бы бороться. Он не сумел поднять руки, ни на дюйм.

Спиви медлила, глядя на Кристину.

– Не трогайте его, – сказала Кристина, почти умоляя. – Ради бога, не трогайте моего маленького мальчика.

Спиви не ответила. Вместо этого она повернулась к Чарли и зашаркала к нему через зал. В ее глазах светились патологическая ненависть и триумф.

Ужас и отвращение вызвал у Чарли этот взгляд, и он отвернулся. Он мучительно искал выход – что может спасти их, какое оружие или действие, о котором они не подумали?

Он вдруг поверил в то, что не все потеряно и, несмотря ни на что, они не обречены. Это были не пустые мечты или горячечный бред. Чарли не без основания доверял своей интуиции, он мыслил трезво и реалистично, как и раньше. Все еще был выход. Но где, какой?

Когда Кристина смотрела в глаза Грейс Спиви, у нее было такое ощущение, что холодная рука погружается в ее грудь и сжимает ее сердце ледяными тисками. Она смотрела как замороженная, у нее перехватило дыхание, она не могла думать. Старуха была безумной, да, законченной сумасшедшей, но в глазах ее сверкала такая нестигаемая сила, что Кристина в этот момент поняла, как Спиви могла собирать и удерживать возле себя обращенных в свою безумную веру. Потом, когда ведьма отвернулась и Кристина снова могла дышать, она почувствовала обжигающую боль в ноге.

Спиви остановилась перед Чарли и смотрела на него.

Она намеренно игнорирует Джоя, подумала Кристина.

Только ради него она прошла весь этот путь, рискуя быть убитой, пробиралась через горы и буран, а теперь игнорирует его, чтобы оттянуть момент, насладиться триумфом.

Кристина питала к Спиви черную ненависть, но теперь ее ненависть была чернее ночи. Она вытеснила из сердца все остальное; на несколько секунд она вытеснила даже любовь к Джою и стала всеохватывающей, всепоглощающей.

Когда сумасшедшая обернулась к Джою, ненависть в Кристине отступила, и ее захлестнули смешанные чувства любви, страха, жалости и ужаса.

И появилась надежда, что все же существует нечто, могущее заставить Спиви и верзилу встать на колени.

Только бы вернулась ясность мысли.

Наконец Грейс Спиви стояла лицом к лицу с мальчиком.

Она чувствовала окружившую ее темную ауру, и ей сделалось страшно, потому что она могла прийти чересчур поздно. Возможно, сила Антихриста стала слишком велика, и этот ребенок теперь неуязвим.

На глазах у него были слезы. Он все еще прикидывался обыкновенным шестилетним ребенком – маленьким, испуганным и беззащитным. Неужели он действительно думал, что может ввести ее в заблуждение этим спектаклем, заронить в ней сомнение в этот последний час? У нее бывали минуты сомнений, как в том мотеле, в Соледаде, но это были всего лишь минуты слабости, и теперь они остались позади.

Мальчик пытался забиться еще глубже в угол, но он и без того вжался так плотно, что казался вырезанным в камне.

Она остановилась всего в двух-трех метрах от него и сказала:

– Ты не наследуешь землю – ни на тысячу лет, ни на минуту. Я пришла, чтобы остановить тебя.

Мальчик молчал.

Грейс почувствовала, что сила его еще недостаточна, чтобы повергнуть ее, и в ней укрепилась уверенность. Она пришла вовремя.

– Неужели ты надеешься улизнуть от меня? – На ее губах играла зловещая улыбка.

Его взгляд был обращен куда-то мимо нее, и она поняла – он смотрел на свою собаку.

– Твой пес – это исчадие ада – больше тебе не помощник.

Мальчик задрожал, губы его задвигались, и она прочитала по ним, что он хотел сказать: «Мама», – но изо рта его не вырвалось ни звука.

Из чехла, притороченного к поясу, она вытащила остроконечный охотничий нож с длинным лезвием. Он был острым, как бритва.

Кристина увидела нож и попробовала встать, но дикая боль в ноге скрутила ее, и не успел гигант навести на нее винтовку, как она снова упала на камни.

Спиви обращалась к Джоя:

– Я избрана на это благое дело за все годы служения Альберту, потому что я знаю, как отдавать себя всю, без остатка. Так я посвятила себя божественной миссии – без сомнений и колебаний, всю свою энергию и силу духа.

У тебя не было ни единого шанса спастись от меня.

Кристина с отчаянием обреченного попробовала сыграть на жалости;

– Прошу вас, выслушайте меня, пожалуйста. Вы ошибаетесь. Вы не правы. Он всего лишь маленький мальчик, и я люблю его, и он любит меня, – она вдруг забормотала что-то нечленораздельное, бессвязное и возненавидела себя за то, что не может найти слова, способные убедить. – О боже, если бы вы только знали, какой он милый и ласковый, вы бы поняли, что заблуждаетесь. Вы не можете отнять его у меня. Это.., несправедливо.

Не обращая внимания на Кристину, Спиви подняла нож.

– Я много часов провела в молитвах над этим клинком. И однажды ночью я увидела, как ко мне в окно слетел с Небес дух одного из ангелов господних, и дух его до сих пор пребывает здесь, а этом священном лезвии, и когда оно войдет в твою плоть, знай: это не просто лезвие – это Дух святой осенит тебя.

Кристина видела – у этой женщины буйное помешательство, поэтому обращаться к ее разуму, вызывать к здравому смыслу было так же безнадежно, как надеяться вызвать у нее сострадание, – но как бы там ни было, она должна попытаться.

– Подождите! Послушайте. Вы ошибаетесь. Неужели вы не видите? Даже если допустить, что Джой тот, за кого вы его принимаете – а это не так, это просто безумие, – но даже если бы это было так, пусть бог желал бы его смерти, тогда почему же бог не уничтожил его? Почему его не поразило громом, почему он не попал под машину?

Бог не справился бы с Антихристом без вашей помощи?

На этот раз Спиви ответила ей, но при этом продолжала смотреть на Джоя. Она говорила с пугающим пылом; ее голос, голос бродячего проповедника, вздымался и опадал, обнаруживая неимоверную энергию, выплескивая овладевшее ею бешеное возбуждение; речь ее иногда перерастала почти в звериное рычание, а иногда восторженно парила, словно церковный гимн.

От ее голоса бросало в дрожь, он зачаровывал; Кристина подумала, что именно так Гитлер и Сталин обращали толпу в послушное стадо.

– Когда дьявол явится среди нас и начнет свою работу в этом скорбном мире, мы не можем просто пасть ниц и молить господа, чтобы он избавил нас от него. Испытание дьяволом – это испытание нашей веры и добродетели, это вызов нам, и мы не можем пренебречь им, мы должны доказывать, что достойны спасения, достойны того, чтобы вознестись в рай. Мы не можем уповать на то, что господь избавит нас от ярма, потому что мы сами возложили на себя это ярмо. Наша святая обязанность противостоять греху и восторжествовать над грехом, своей волей, своими силами, которыми господь всемогущий наделил нас. Так заслужим мы честь быть по правую его руку вместе с ангелами.

Старуха наконец оторвала взгляд от Джоя и обратилась к Кристине – глаза ее были как никогда безумны.

– А ты только показываешь собственное невежество и безверие, если относишь болезнь, или смерть, или другие земные страдания на счет господа нашего, владыки небесного и земного. Не он принес зло на землю и наслал на род людской десять тысяч казней. Это сам сатана, отвратительный змей, искушавший в Эдемском саду Еву, которая познакомила тысячи поколений с грехом, смертью и отчаянием. Мы сами навлекли на себя это зло, и теперь, когда в обличье ребенка воплощенное зло ходит по земле, мы обязаны сами остановить его. Это испытание из испытаний, и спасение рода людского зависит от того,

способны ли мы выдержать его!

Кристина, онемев от ярости старухи, утратила всякую надежду Спиви снова повернулась к Джою:

– Я чувю, как смердит твое сердце, чувю, как от тебя исходит энергия зла. Она ледяным холодом пронизывает меня до костей. О, мне известно, кто ты Известно.

Уже неспособная предпринять что-либо физически, Кристина преодолела охвативший ее панический ужас, грозивший лишить ее разума, и мучительно старалась ухватиться за какую-нибудь спасительную идею. Она была готова на все, каким бы бесполезным это ни казалось, но ей на ум не приходило ровно ничего.

Она увидела, что Чарли, несмотря на его состояние, удалось подтянуться и сесть, хотя каждое движение должно было причинять ему адскую боль. Он не стал бы предпринимать таких усилий, не будь у него какой-то побудительной причины. Может быть, его осенила та идея, которая ускользнула от Кристины. Ей хотелось в это верить.

Она всем сердцем надеялась на это.

Спиви переложила нож и протянула его верзиле:

– Пора, Кайл. Внешность мальчишки – обман. Он только кажется маленьким и тщедушным, на деле же он силен и будет сопротивляться, и хотя я избрана, у меня уже не хватает сил Дело за тобой.

На лице Кайла появилось странное выражение. Кристина ждала, что увидит в его глазах торжество, маниакальную ненависть, но встретила там..., не то чтобы тревогу или растерянность, но какую-то смесь из того и другого... и еще нерешительность.

– Кайл, пробил твой час стать разящим мечом господним.

Кристина содрогнулась. Царапая ногтями камни, она поползла к верзиле, от страха забыв про боль в ноге. Она уцепилась за край его куртки в надежде опрокинуть его и вырвать из рук оружие – при той силе и гигантских размерах, которыми он обладал, это выглядело совершенным безрассудством, – но не успела предпринять ровным счетом ничего, потому что он с размаху ударил ее прикладом, как до того уже огрел собаку. Удар пришелся в плечо, и Кристину отбросило на камни с такой силой, что у нее прервалось дыхание. Ловя ртом воздух, она схватилась за ушибленное место и заплакала.

Из последних сил преодолевая боль, от которой темнело в глазах, Чарли подтянулся и сел, как будто, взглянув на сцену под другим углом зрения, мог наткнуться на какую-то зацепку, которую они прозевали, пытаясь изменить ситуацию. Однако спасительная идея не приходила.

Кайл взял из рук Грейс нож, отдав ей винтовку.

Старуха отступила, пропуская верзилу вперед.

Кайл разглядывал нож с каким-то недоумением. На лезвии мерцали призрачные блики огня.

Чарли попробовал подняться, уцепившись за уступ, на котором горел костер, рассчитывая схватить горящую головню и швырнуть ею в верзилу. Спиви краем глаза видела его отчаянную попытку преодолеть тяжесть своего разбитого тела и наставила на него ружье. Она напрасно беспокоилась – сил дотянуться до костра у него не было.

Кайл Барлоу посмотрел на нож, потом на мальчика, не в силах определить, что больше страшит его.

Он имел дело с ножами. Когда-то он вонзал их в людей, иногда убивая их. Это было

несложно, а он таким образом выпускал пар, давая выход ярости, которая постоянно накапливалась в нем. Но он уже не был прежним Кайлом. Он научился контролировать эмоции. Он наконец узнал, какой он есть. Прежний Кайл готов был ненавидеть каждого, знакомого и незнакомого, просто за то, что рано или поздно все отворачивались от него. Но теперешний, новый Кайл осознал, что своей ненавистью он больше вредил себе, чем другим. Теперь он понимал, что не всегда от него отворачивались из-за его отталкивающей внешности, а чаще из-за грубости и злобы. Грейс приняла его и указала ему цель; со временем он узнал, что такое привязанность, а потом впервые открыл для себя, что такое любить и быть любимым. Сейчас же, если он снова возьмется за нож, если убьет ребенка, то неминуемо скатится в пропасть, из которой когда-то выбрался. Он боялся ножа.

Но он боялся и ребенка. Он верил в психическую энергию Грейс, поскольку был свидетелем, как она совершала такое, что не под силу простому смертному. Поэтому возможно, она и права, утверждая, что этот ребенок – исчадие ада. Если ему не удастся убить мальчишку-демона, он предаст бога, Грейс и весь род людской.

Но не требуют ли от него душу в обмен на обещания спасения? Что значит убить, чтобы снискать благодать божью? Нет ли здесь противоречия?

– Прошу вас, пощадите моего малыша. Пожалуйста, – умоляла его Кристина Скавелло.

Кайл взглянул на нее; он все больше недоумевал. Эта женщина совсем не походила на черную Мадонну, за спиной у которой была власть тьмы. Это была раненая, перепуганная, умоляющая о пощаде женщина. Это он причинил ей боль и теперь чувствовал внезапный приступ вины.

Заподозрив неладное. Мать Грейс окликнула его:

– Кайл?

Повернувшись к мальчику. Кайл отвел руку, в которой держал нож, назад, чтобы ударить изо всей силы. Сейчас он сделает последний шаг, нагнется пониже и, размахнувшись, вонзит нож в живот своей жертве – секунда, и все кончено.

Мальчик плакал и, как замороженный, смотрел синими горящими глазами на острие ножа в руке Кайла. Ужас исказил его мертвенно-бледное, покрытое испариной лицо. Он согнулся, точно в предвосхищении грядущей боли.

– Убей его! – потребовала Мать Грейс.

Кайла одолевали сомнения. «Если бог милостив, тогда зачем он обрекает меня жить с этим лицом чудовища? Что это за бог, который избавляет меня от бессмысленной жизни, где правят насилие, боль и ненависть, только затем, чтобы заставить снова убивать? Если господь бог правит миром, почему он допускает, чтобы здесь было так много страданий, мук и горя? И что изменится, если править придет сатана, ведь хуже все равно не бывает?»

– Все твои сомнения от дьявола! – кричала Грейс. – Вот откуда они берутся. В тебе этого нет. Кайл. Это все от лукавого!

– Нет, – заявил он. – Ты учила меня думать о том, чтобы совершать добрые дела, желать добра. Сейчас мне нужно минуту подумать, только минуту!

– Не надо думать, делай! – сказала Мать Грейс. – Или уйди с дороги, и я сделаю это сама. Как ты можешь в такой момент обмануть мое доверие? После всего, что я сделала для тебя, как ты можешь?

Она права. Он обязан ей всем. Если бы не она, до сих пор он был бы опустившимся, живущим в грязи подонком, снedaемым ненавистью. Если он обманет ее доверие, где же его честь, его благородство? Не будет ли этот обман означать то же, что означает убийство, на которое она его толкает, а именно – возвращение к его прежней никчемной жизни?

– Прошу вас, – умоляла Кристина Скавелло. – Прошу, не троньте моего мальчика.

– Отправь его обратно в ад, навсегда! – вопила Грейс.

Кайл чувствовал себя так, как будто его рвали на части.

Он всего несколько лет назад столкнулся с необходимостью принимать решения, руководствуясь категориями морали и нравственности; недостаточный срок, чтобы это превратилось в привычную внутреннюю потребность, недостаточный, чтобы легко

справиться с возникшей дилеммой. Он почувствовал, что по щекам его катятся слезы.

Мальчик оторвал взгляд от ножа.

– Убей его! – снова закричала Грейс.

Кайла колотила дрожь.

Их взгляды не просто сошлись.., они слились.., так что Кайлу стало казаться, что он видит не только собственными глазами, но и глазами ребенка. Это был случай почти магической эмпатии; как будто он, оставаясь самим собой, был и этим ребенком, одновременно палачом и жертвой. Он ощущал себя огромным и угрожающим.., и в то же время – маленьким и беззащитным. Внезапно у него закружилась голова и затуманилось сознание. На мгновение все поплыло перед глазами. И он увидел – или вообразил, что увидел, – себя, склонившегося над ребенком, то есть буквально увидел себя глазами мальчика, как будто он – это Джой Скавелло.

Его словно пронзила молния; это было потрясающее мгновение пронизательности, адекватной самооценки, странное и дезориентирующее переживание, сродни озарению ясновидца. Взглянув на себя со стороны, он был поражен: свирепое лицо дикаря, изготовившегося, чтобы совершить бессмысленное кровопролитие. По спине пробежал холодок, сбивалось дыхание. Эта нелицеприятная правда поразила его сознание, словно по нему ударили неким психологическим молотом. Он часто заморгал, и видение отхлынуло, и он снова был самим собой, только теперь у него страшно болела и кружилась голова.

К изумлению Кристины, верзила повернулся и забросил нож в костер, над которым тут же взлетел рой огненных пчел.

– Нет! – закричала Грейс Спиви.

– Я больше не буду никого убивать, – сказал этот огромный человек. По лицу его непрерывно текли слезы, смягчая суровый и злобный взгляд, как смягчают и затуманивают пейзаж за окном капли дождя на стекле.

– Нет, – повторила Спиви.

– Это не правильно, – сказал он. – Даже если я сделаю это для тебя.., это не правильно.

– Дьявол вложил эти мысли в твою голову, – в голосе старухи звучало предостережение.

– Нет, Мать Грейс. Ты сама вложила их туда.

– Дьявол! – неистовствовала она. – Дьявол вложил!

Верзила стоял в нерешительности, обхватив ладонями лицо.

Кристина, затаив дыхание, с надеждой и страхом наблюдала за происходящим. Если это напоминающее Франкенштейна существо действительно восстанет против хозяйки, то может оказаться хорошим союзником; пока же великан, видимо, не до конца определился, чью сторону занять. Хотя он и выбросил нож, но пребывал в замешательстве, в душевном и эмоциональном смятении и даже слегка пошатывался. С воздетыми к лицу ладонями, со слезами на глазах, он имел такой страдальческий вид, словно его били дубинками. В конце концов, он мог в любой момент передумать и убить Джоя.

– Твои сомнения – это происки дьявола! – вопила Грейс Спиви, наступая на верзилу. – Это дьявол. Дьявол, дьявол!

Он опустил мокрые от слез руки и пронзительно взглянул на старуху.

– Если это и дьявол, то он вовсе не такой уж плохой.

Вовсе не такой уж плохой, раз хочет, чтобы я больше никого не убивал.

Грузно переваливаясь, он направился к выходу из пещеры, потом остановился и тяжело прислонился к каменной стене, словно нуждаясь в передышке после изнурительного труда.

– Тогда я сама сделаю это, – с яростью произнесла Спиви. Она сжимала в кулаке ремень висевшей у нее на плече винтовки. – Ты Иуда, Кайл Барлоу. Иуда. Ты предал меня. Но бог не выдаст меня. И я не изменю своему господу так, как поступил ты. Только не я, его Избранная, я не изменю!

Кристина повернулась к Джою. Он так же стоял, зажавшись в угол, выставив вперед побелевшие ладони, словно они могли уберечь его от пуль Грейс Спиви. Распахнутыми глазами он, как загипнотизированный, смотрел на старуху. Кристина уже хотела крикнуть

ему, чтобы он бежал, но это было бесполезно – путь ему преграждала Грейс Спиви, и она не выпустила бы его. Да и куда ему было бежать? Выйди он из пещеры – там его ожидало неминуемое обморожение. Убегает он в отдаленные залы – Грейс Спиви быстро отыщет его. Маленький и беззащитный, он попал в западню, из которой выхода не было.

Кристина посмотрела на Чарли – тот плакал от сознания собственного бессилия; тогда она решила сама добраться до Спиви, но из-за раненой ноги и поврежденного плеча вынуждена была отказаться от своего замысла и наконец в отчаянии снова обратилась к Кайлу:

– Остановите ее! Ради бога! Остановите ее!

В ответ великан только тупо моргал, словно погрузившись в прострацию после шока, не в состоянии вырвать винтовку из рук Спиви.

– Пожалуйста, остановите ее, – умоляла Кристина.

– Заткнись, ты! – угрожающе произнесла Грейс и сделала шаг к Кристине. Затем снова переключила внимание на Джоя:

– А ты не строй мне глазки. Со мной этот номер не пройдет. Так у тебя ничего не выйдет, у тебя вообще ничего не выйдет. Я могу защитить себя.

Старуха замешкалась, соображая, на что следует нажать, и, когда наконец ружье выстрелило, пуля, забрав выше, вонзилась в камень над головой Джоя, почти под самым сводом, и эхо выстрела мгновенно разнеслось в замкнутом пространстве пещеры и завибрировало, отразившись от стен, и, расщепившись, оглушительно завывало на разные перекрывающие друг друга голоса. От отдачи и наделанного ею громоподобного шума Спиви дернулась всем своим тщедушным телом, неуклюже подалась назад и, уже отчаянно, снова нажала на курок. На этот раз пуля угодила в свод и, от ricochet, со свистом пролетела через зал.

Джой визжал.

Кристина озиралась по сторонам в поисках любого предмета, которым можно было бы запустить в Спиви, но ничего не находила. Боль в ноге была такая, словно ее пригвоздили чугунным костылем, и Кристине оставалось только в бессильной ярости колотить кулаками о камни.

Старуха двинулась к Джюю, неумело держа винтовку в руках, с явным намерением на сей раз довести дело до конца. Однако что-то опять не ладилось. То ли кончились патроны, то ли ружье заело, только она никак не могла с ним справиться.

Когда смолкло эхо от второго выстрела, где-то в глубине горы родился таинственный звук и, прокатываясь по другим пещерам, стал неумолимо разрастаться – странный пугающий шум, который Кристина когда-то слышала, но никак не могла вспомнить, что это.

Ружье и в самом деле заклинило. Спиви удалось извлечь застрявшую в патроннике латунную гильзу, которая выскочила из гнезда и, сверкнув отражением огня, со звоном упала на пол.

Вип-вип-вип-вип – странный звук, словно от хлопающих кусочков кожи, – разрастался, заставляя дрожать воздух.

Спиви, полуобернувшись, уставилась на проем, ведущий в соседнюю пещеру, через который они с великаном вошли сюда всего несколько минут назад.

– Нет! – произнесла она, словно поняв, что на нее надвигается.

В то же мгновение Кристину осенило.

Летучие мыши.

Зловещий колышущийся смерч из летучих мышей.

Мгновение спустя они роем ворвались в зал: сотня, другая, все больше и больше; взрыв под каменные своды пещеры, они усердно колотили по воздуху своими перепончатыми лапами-крыльями и сновали взад-вперед с пронзительным писком – сумятица обезумевших теней в озаренном светом костра пространстве.

Старуха не могла оторвать от них одурманенного взгляда. Она что-то говорила, но за шумом роя слов было не разобрать.

Вдруг одновременно мыши смолкли. Слышался только треск, свист и шорох крыльев. Молчание мышей казалось настолько неестественным, что пугало больше, чем их крики.

«Нет, – твердила про себя Кристина. – Нет, нет!»

Под этим зловещим покровом от мании величия Спиви не осталось и следа. Она в ужасе дважды выпалила из ружья в жуткую стаю, не подумав, что это не только бессмысленно, но и опасно. То ли спровоцированные стрельбой, то ли привлеченные чем-то, мыши ринулись вниз, словно единый организм – сплошной, усеянный зубами и когтями клубок черных крохотных существ-убийц, – и обрушились на Грейс Спиви. Раздирая в клочья лыжный костюм, запутываясь в волосах, впиваясь когтями в тело, они складывали крылья и повисали на ней. Спиви, пошатываясь, бросилась через зал, размахивая руками и вращаясь вокруг собственной оси, словно исполняла танец смерти или рассчитывала улететь вместе с мышами. Визжа, давясь собственным криком, она налетела на стену, отскочила, но мерзкие твари не реагировали, продолжая терзать ее.

Кайл Барлоу сделал было два нерешительных шага ей навстречу, но остановился – не столько напуганный, сколько сбитый с толку.

Кристина, помимо своей воли, не могла оторвать взгляд от жуткой сцены.

Казалось, на Спиви надето платье, сшитое из сотен черных лоскутков, которые сейчас трепетали и подрагивали на ней. Под оборванными клочьями ее лица совершенно не было видно. Мышиные крылья вибрировали и поскрипывали, и в наступившей зловещей тишине животные работали лишь неистовее, и в их методичности была болезненная одержимость. Они рвали Грейс на кусочки.

Глава 72

Наконец мыши затихли.

Затихла и Спиви.

С минуту мыши покрывали тело живым черным саваном, словно колыаемым ветром. Неестественная тишина с каждой секундой становилась все более пугающей. Невольно возникало сомнение в том, что эти животные – обычные летучие мыши,.. Даже не принимая во внимание поразительную своевременность их появления и ту целеустремленность, с какой они набросились на Спиви, в них было нечто невыразимо странное. Кристина видела, как маленькие злобные головки поднимались и, сверкая красно-малиновыми глазками, поворачивались налево-направо, словно ожидая указаний от главаря стаи. Потом, точно повинувшись приказу, который только им и был понятен, они, как одна, колыхающимся облаком взмыли вверх и унеслись прочь в другие пещеры.

Кайл Барлоу и Кристина, пораженные, не произносили ни звука.

Она, как зачарованная, смотрела на сына. Он был жив – непостижимым чудесным образом он остался жив.

После пережитого нами ужаса и боли, когда казалось – смерть неминуема, ей было трудно поверить, что в последнюю минуту смертный приговор был отменен. Она не могла преодолеть иррационального ощущения, что, отведи она взгляд от Джоя, в следующее же мгновение он будет мертв, а их необыкновенное спасение окажется плодом расстроенного воображения, сном.

Более всего она хотела сейчас взять Джоя на руки, гладить его волосы, прижать его к груди крепко-крепко и чувствовать биение его сердца и тепло его дыхания. Но из-за ранения она не могла сделать этого, а он, похоже, был в шоке и даже не замечал ее присутствия.

Откуда-то из глубины пещер вновь послышался писк летучих мышей, словно они дрались друг с другом за право занять самые удобные места. От зловещих звуков, вскоре стихших, Кристину пробрала дрожь, которая лишь усилилась, когда она увидела, как ее сын, словно под гипнозом, посмотрел вверх, как будто до него доходил тайный смысл, заключенный в пронзительных криках этих кошмарных существ. Джой был неестественно бледен. Губы кривились в подобии улыбки, но Кристина поняла, что на самом деле это

grimаса отвращения и ужаса, вызванных зрелищем, свидетелем которого он только что стал и которое повергло его в полубоморочное состояние.

Крики летучих мышей постепенно стихли, и Кристина вдруг почувствовала страх, хотя он и не был связан с тем, что произошло с Грейс Спиви. Не боялась она и того, что мыши вернутся и снова начнут убивать. Она почему-то была уверена, что этого больше не произойдет, и именно эта непостижимым образом появившаяся уверенность пугала ее. Она не хотела знать, откуда исходит эта уверенность, не хотела доискиваться до ее корней. Она гнала от себя вопрос, что бы это могло означать.

Джой был жив. Все остальное было неважно. Звук выстрелов привлек летучих мышей, и по счастливой случайности – а может, по милости божьей – они выбрали в качестве жертвы именно Грейс Спиви. Джой остался жив.

Жив. На ее глаза навернулись слезы радости. Джой жив.

И сейчас только этот чудесный поворот судьбы имел для нее смысл, потому что с этого момента для них начиналась новая жизнь, светлая, полная любви и счастья, в которой не будет ни печали, ни страхов, а самое главное – сомнений.

Сомнения отравляют душу, разрушают! счастье, превращают любовь в горечь. Даже между матерью и любимым сыном может встать непреодолимая стена сомнения, и она не хотела допустить этого.

И все же непрошенные, незванные воспоминания нахлынули на нее. Вторник, Лагуна-Бич, станция техобслуживания «Арко», где они ждали Чарли, чудом оставшись в живых после того, как взрыв стер с лица земли дом Мириам Рэнкин; она с Джоем и два телохранителя возле сложенных горкой автомобильных протекторов; на улице свирепствует гроза, словно предвещая близкий конец света; Джой подходит к открытым дверям, очарованный молнией, одна страшнее другой, – Кристина в жизни не видела ничего подобного, тем более в Южной Калифорнии, где молния вообще была явлением крайне редким; Джой взирает на грозу без всякого страха, точно это всего-навсего фейерверк, точно ему известно, что молния не может причинить ему никакого вреда. Как будто это был знак, понятный ему одному. Как будто в безумной ярости грозы ему чудилась некая весть, в которой он черпал свою надежду.

Нет, этого не может быть.

Ей приходилось гнать прочь эти вздорные мысли. Это было сумасшествие, которое может охватить человека просто потому, что ему приходится иметь дело с людьми, подобными Грейс Спиви. Боже, эта старуха была словно носитель чумы, распространение которой не поддается логическому объяснению, заражая каждого, кто сталкивался с ней, своими параноидальными фантазиями.

Но при чем здесь мыши? Почему они появились в самый что ни на есть подходящий момент? Почему набросились именно на Грейс Спиви?

«Довольно, – приказала она себе. – Ты выдумываешь то..., чего нет. Летучих мышей просто-напросто привлек звук произведенных Грейс Спиви выстрелов. Звук был настолько громкий, что они испугались и снялись с места.

А потом..., когда они уже оказались здесь..., она выстрелила в них, и это заставило мышей нападать.

Ну конечно. Все было именно так.

Кроме одного... Если два первых выстрела напугали мышей, почему они тогда не испугались третьего и четвертого выстрелов? Почему не улетели? Почему напали на Грейс, разделавшись с ней так..., кстати?

Нет.

Чепуха».

Джой смотрел под ноги. Он по-прежнему был мертвенно-бледен, но начинал приходить в себя после ступора. Он нервно кусал палец, как ребенок, который знает, что расстраивает мать, но все равно делает это. Мгновение спустя он поднял голову, и их взгляды встретились.

Он попробовал улыбнуться сквозь слезы, но губы после пережитого шока кривились и

не слушались. Никогда он не был для нее столь любимым и столь нуждавшимся в ее любви, и, видя его слабость и незащищенность, Кристина ощутила, как екнуло у нее сердце.

Ослабевший от боли и потери крови, Чарли глянул вокруг затуманенным взором – не привиделось ли ему все это в горячечном бреду?

Но летучие мыши были настоящими. И их окровавленная добыча лежала лишь в метре от него.

Он пытался доказать себе: то не правдоподобное нападение на Грейс Спиви имело какое-то разумное, естественное объяснение, но уверенности в этом не было. Возможно, мыши были заражены бешенством и прилетели на звук выстрела, поскольку все бешенные животные особенно чувствительны и легко возбуждаются от яркого света и громких звуков. Но почему они искусили и разорвали только Грейс, не тронув Джоя, Кристину, Барлоу и его самого?

Он посмотрел на Джоя.

Мальчик вышел из транса. Он подвинулся к Чубакке, плача, встал перед ним на колени, хотел погладить, но боялся притронуться к безжизненному телу и только беспомощно всплескивал руками.

Чарли вспомнил, как в прошлый понедельник в своем офисе он взглянул на Джоя и увидел пустой череп вместо лица. Видение продолжалось доли секунды, и он постарался стереть его из памяти. Если о нем и стоило помнить, то только потому, что оно могло означать, что Джой должен был умереть, но поскольку Чарли не был склонен верить в видения и предзнаменования, то он и не вспоминал об этом. Но теперь вспомнил. Видение должно означать, что Джой сам и был смертью.

Такие мысли только подтверждали наличие у него сильного жара. Джой был просто Джоем, ни больше ни меньше.

Но Чарли вспомнил крысу в подвале и свой сон той ночью – крысы, предвестники смерти, извергались из груди мальчика.

«Все, – сказал он себе. – Я слишком долго был детективом и больше не доверяю никому. Я ищу обман и испорченность даже в самых невинных существах».

Джой, лаская собаку, захлебываясь рыданиями, произнес:

– Мам, он умер? Это.., плохой человек.., убил Чубакку?

Чарли посмотрел на Кристину. Лицо ее было мокрым от слез, в глазах опять стояли слезы. Она не могла вымолвить ни слова. Противоречивые чувства захватили ее и отражались на прелестном лице: ужас от кровавой смерти Спиви, неверие в их спасение и радость при виде ее неувредимого ребенка.

Видя эту радость, Чарли устыдился собственных подозрений. Но.., он был детективом, а дело детектива – подозревать.

Он пристально смотрел на Джоя, но не видел излучаемого зла, о котором говорила Спиви, не чувствовал в нем ничего чудовищного. Джой был просто шестилетним мальчиком, симпатичным, с милой улыбкой. Он был способен смеяться и плакать, волноваться и надеяться. Чарли видел, что случилось с Грейс Спиви, но он совершенно не боялся Джоя, потому что, черт возьми, не мог сразу поверить в дьяволов, демонов и Антихриста. Как обыватель он всегда интересовался наукой, с детства верил в космические программы, считая, что логика, разум и наука – земной эквивалент христианской Святой Троицы – в один прекрасный день решат все проблемы человечества, раскроют тайны существования, в том числе источник и смысл жизни. И наука, возможно, сумеет объяснить, что же случилось здесь; какой-нибудь биолог или зоолог, специалист по летучим мышам найдет простое логическое объяснение их поведения.

Джой ползал вокруг Чубакки, ласкал его, и вдруг собака дернула хвостом, а потом застучала им по полу.

– Мама, смотри! Он жив! – закричал Джой.

Чубакка потянулся, встал на лапы, встряхнулся. Совсем недавно он казался мертвым, а сейчас даже не шатался. Он встал на задние лапы, передние положил на плечи своего хозяина

и стал облизывать его лицо.

Мальчик засмеялся, взъерошил собачью шерсть.

– Как ты, Чубакка? Хороший пес. Хороший Чубакка.

– Чубакка? – удивилась Кристина. – Или Брэнди?

Люди Спиви обезглавили Брэнди, и он был с почестями похоронен на собачьем кладбище в Анахейме. А если сейчас пойти на кладбище и открыть могилу, что они найдут? Вдруг ничего? Пустой деревянный ящик? Может, Брэнди воскрес и успел очутиться в питомнике, чтобы Чарли и Джой снова взяли его?

Ерунда, оборвала себя Кристина. Блажь. Глупости.

Но она не могла избавиться от этих болезненных мыслей, а они рождали другие иррациональные соображения.

Семь лет назад..., человек на туристическом лайнере.

Люциус... Люк?

Кто он был на самом деле?

Чем занимался?

Нет, нет, нет. Невозможно.

Она крепко зажмурила глаза, положила руку на лоб. Она была такой уставшей. Опустошенной. Не было сил сопротивляться навязчивому бреду. Она чувствовала, что Грейс заразила ее своим безумием, кружилась голова, мысли путались – так, должно быть, чувствуют себя жертвы малярии.

Люк. Многие годы она пыталась забыть его, теперь же – старалась вспомнить. Ему было около тридцати, худощавый, с хорошо развитой мускулатурой. Светлые волосы, выгоревшие на солнце. Ясные синие глаза. Бронзовый загар. Белые ровные зубы. Располагающая улыбка, приятные манеры. В нем присутствовала подкупающая, но отнюдь не оригинальная смесь изощренности и простоты, искушенности и невинности, а вкрадчивыми разговорами он мог добиться от женщин того, чего хотел.

Она приняла его за повесу, такое он производил впечатление – молодой калифорнийский повеса.

Но даже несмотря на то, что рана кровоточила, силы медленно покидали ее, голова кружилась и рассудок мутился, позволяя безумным обвинениям Спиви завладеть им, она не верила, что Люк был сатаной. Дьявол в облике повесы? Слишком банально, чтобы в это можно было поверить. Если сатана существовал на самом деле, если хотел сына, если хотел, чтобы она выносила этого сына, почему он не пришел к ней ночью в своем реальном обличий? Она не могла бы сопротивляться ему. Почему не взял ее сразу, хлопая крыльями и стуча хвостом?

Люк пил пиво и обожал картофельные чипсы. Он справлял нужду, принимал душ и чистил зубы, как любой человек. Иногда его разговоры были утомительными и скучными. Разве дьявол не был бы хотя бы остроумным?

Конечно же, Люк был Люком, ни больше ни меньше.

Она открыла глаза.

Джой хохотал и обнимал Чубакку, счастливый. Такой обычный.

«Несомненно, – думала она, – дьявол мог бы испытать порочное удовольствие, используя меня, именно меня, чтобы выносить своего ребенка».

Ведь она – бывшая монахиня. Ее брат был священником – и мучеником. Она изменила своему призванию.

Она, девственница, отдалась человеку на корабле. Не стала ли она прекрасным объектом, используя который дьявол поиздевался над самой идеей непорочного зачатия?

Безумие. Она ненавидела себя за то, что сомневалась в своем ребенке, что поверила болтовне Спиви.

И все же..., не изменилась ли ее жизнь к лучшему, как только она забеременела? Она хорошо себя чувствовала: ни простуд, ни головных болей, счастлива и удачлива в бизнесе. Как будто осененная благодатью.

Удостоверившись, что с собакой все в порядке, Джой оторвался от Чубакки и подошел к Кристине. Вытирая покрасневшие глаза, он сказал:

– Мам, это все? С нами все будет хорошо? Я еще боюсь.

Она нехотя посмотрела ему в глаза, но, к своему удивлению, не нашла в них того испуга, от которого ее кровь холодела.

Брэнди.., нет, Чубакка подошел к ней и лизнул руку.

– Мамочка, – сказал Джой, вставая рядом на колени. – Я боюсь. Что они сделали с тобой? Что они сделали? Ты умрешь? Пожалуйста, не умирай, мамочка, пожалуйста.

Она коснулась его лица.

Он был испуган, дрожал. Но это было лучше, чем аутический транс.

Он прислонился к ней, и она обняла его здоровой рукой. Ее Джой. Ее сын. Ее ребенок. Было потрясающе, невыразимо прекрасно чувствовать, как он уютно прижался к ней. Это было лучше всяких лекарств, прикосновение оживляло ее, проясняло сознание и рассеивало болезненные образы и бредовые страхи, посеянные старухой. Обнимая своего ребенка, чувствуя, как он льнет к ней, она излечивалась от заразы Спиви... Этот мальчик был ее плотью, она дала ему жизнь, и ничего не было для нее дороже его – и не будет.

Кайл Барлоу сполз на пол, привалившись спиной к стене, закрыл лицо руками, стараясь не смотреть на ужасные останки Матери Грейс. Но к нему подошла собака, стала обнюхивать, и он очнулся. Пес лизнул его в лицо, язык у животного был теплым, нос – холодным, как у любой собаки. Забавная морда. Как он мог вообразить, что эта собака – гончий пес ада?

– Я любил ее как мать, она изменила мою жизнь, и я оставался с ней, даже когда она была не права, делала что-то плохое и даже когда она начала.., совершать действительно безумные поступки, – сказал Кайл, поражаясь звуку собственного голоса и удивляясь, что он объясняет свое поведение Кристине Скавелло и Чарли Гаррисону. – У нее была.., эта власть. Нельзя отрицать. Она была.., как в кино.., ясновидящей. Знаете? Экстрасенс. Поэтому она и могла преследовать вас и мальчика.., не потому, что бог руководил ею.., и не потому, что мальчик был сыном сатаны.., но потому, что она была просто.., ясновидящей. – Это было то, чего он сам не знал, пока не произнес вслух.

Но даже и теперь он не совсем осознавал, что собирается сказать. – У нее были видения. Думаю, не религиозные, как я считал всегда. Не от бога. Не совсем. Может, она об этом знала. А может, и не понимала. Возможно, она верила, что говорит с богом. Знаете, она не хотела делать зло.

Она просто не правильно истолковывала свои видения.

Ведь существует большая разница между экстрасенсом и Жанной д'Арк. Большая.

Чарли слушал, как Кайл Барлоу открывал перед ними душу, и был странным образом успокоен глубоким, полным раскаяния голосом великана. Успокоение приходило еще и потому, что Барлоу помогал им увидеть последние события без фантастического отсвета битвы при Армагеддоне. Благодаря ему они начинали понимать, что паранормальное явление не обязательно несет на себе печать неестественного и неземного. На Чарли действовали не только необычайно мягкие интонации голоса великана и его доверительный тон, но и повисший легкий дымок – благодаря свету и теплу возникал гипнотический эффект.

– Мать Грейс хотела добра, – говорил Кайл. – Она просто запуталась под конец. Запуталась. И, боже, помоги, я шел за ней, хотя сомневался. И чуть не зашел слишком далеко.

Чуть.., боже, помоги.., чуть не убил ножом этого маленького мальчика. Знаете.., я думаю, может, ваш Джой.., может, у него есть способности экстрасенса. Знаете? Замечали когда-нибудь? Были какие-то проявления?

Я думаю, он сам немного, как Мать Грейс, немного ясновидец или что-то в этом роде, даже если он сам этого не знает, если его сила еще полностью не проявилась.., и именно это она почувствовала в нем.., но не правильно поняла. Наверное, это так. Так можно объяснить. Бедная Грейс. Бедная милая Грейс. Она хотела добра. Верите?

Она хотела добра, и я, и все в Церкви. Она хотела добра.

Чубакка отвернулся от Кайла и подошел к Чарли, принялся его, обнюхивать. Чарли заметил запекущуюся кровь на ушах собаки: значит, Барлоу очень сильно ударил ее прикладом, но тем не менее Чубакка вроде бы пришел в себя. Несомненно, он пережил сильное сотрясение, но уже твердо стоял на ногах.

Пес посмотрел ему в глаза.

Чарли нахмурился.

– Она хотела добра. Хотела добра, – повторил Кайл, закрыл лицо руками и заплакал.

Свернувшись калачиком возле матери, Джой сказал:

– Мапочка, я боюсь его. О чем он говорит? Я боюсь!

– Все хорошо, – успокоила его Кристина, – все хорошо, капитан.

К удивлению Чарли, Кристина нашла в себе силы сесть и, немного подвинувшись, прислонилась к стене. Она была слишком измучена, чтобы двигаться, даже говорить.

Но лицо ее уже не было таким бледным.

Все еще шмыгая носом, вытирая его рукавом, а глаза – маленьким кулачком, Джой спросил:

– Чарли? Как ты?

Хотя уже нечего было опасаться Спиви и ее людей, Чарли все еще был уверен, что умрет в этой пещере. Он совсем плох, однако пройдут часы, прежде чем вызовут помощь и она доберется сюда. Ему не выдержать так долго. Все же он постарался улыбнуться Джою и голосом, таким слабым, что он сам испугался, ответил:

– Хорошо.

Мальчик остановился около Чарли.

– – Магнум не сделал бы лучше тебя.

Джой сел, взял Чарли за руку. Тот вздрогнул от боли, но сейчас же ему стало хорошо, очень хорошо, а потом на несколько минут Чарли потерял сознание или просто провалился в сон, он не понял. Когда он очнулся, Джой опять был возле матери, а Кайл Барлоу куда-то собирался.

– Что случилось? – спросил Чарли. – Что теперь?

Кристина обрадовалась, что он пришел в себя.

– Мы с тобой не сможем выбраться отсюда самостоятельно. Нам нужны носилки. Мистер Барлоу идет за помощью.

Барлоу доверительно улыбнулся – улыбка казалась странной на его грубом лице.

– Снег перестал и ветра нет. Если я пойду по лесной тропе, то через несколько часов спущусь вниз и доберусь до жилья. Может, я сумею найти команду горноспасателей до наступления темноты и вернусь с ними. Уверен, что смогу.

– Вы берете Джоя с собой? – спросил Чарли. Он отметил, что голос его окреп, слова давались уже не с таким трудом как несколько минут назад. – Вы выведете его?

– Нет, – сказала Кристина, – Джой остается с нами.

– Без него я пойду быстрее, – подтвердил Барлоу. – Кроме того, вам нужно, чтобы время от времени он подбрасывал дрова в огонь.

– Я позабочусь о них, мистер Барлоу, – сказал Джой. – Можете рассчитывать на меня. На Чубакку и на меня.

Собака тихо заурчала, словно присоединяясь к обещанию мальчика.

Барлоу одарил мальчика еще одной улыбкой уродливого лица, и Джой улыбнулся в

ответ. Он воспринял перемену в великане с большей готовностью, чем Чарли, и его доверие было естественным и казалось взаимным.

Барлоу ушел.

Несколько минут они сидели молча.

Они даже не смотрели на труп Грейс Спиви, будто это был просто камень.

Стиснув зубы, приготовившись к мучительной боли и будучи почти уверен, что не сумеет этого сделать, Чарли попытался сесть. Раньше у него не хватало сил, теперь же он легко изменил положение. Боль от пули в плече, к его удивлению, отступила и стала тупой, он мог терпеть ее.

Другие раны и ушибы беспокоили его, но не так, как раньше, они не высасывали из него силы. Он чувствовал, что.., будто оживает.., и знал, что продержится, пока не прибудет команда спасателей и не заберет их в больницу.

Он раздумывал, не стало ли ему лучше благодаря Джю: мальчик подошел к нему, взял за руку, он проспал несколько минут, а когда очнулся, был.., частично исцелен.

Обладал ли ребенок необычными способностями? Если да, они были недостаточно развиты, потому что к Чарли не вернулось полностью здоровье: пулевое ранение не затянулось, ушибы и порезы не исчезли; он чувствовал себя только немного лучше. Само несовершенство целительства Джоя, казалось, подвергало сомнению то, что сказал Барлоу о присущем ему даре. Но скорее это несоответствие показывало, что мальчик не ведал о своих способностях, они выражались бессознательно, а это означало, что он был просто маленьким мальчиком, наделенным необычным талантом. Если бы он был Антихристом, он имел бы неограниченную волшебную силу и мог бы быстро и полностью исцелить свою мать и Чарли. Разве нет? Конечно, мог бы.

Чубакка вернулся к Чарли.

В его ушах еще была запекшаяся кровь.

Чарли посмотрел ему в глаза.

Приласкал его.

Рана Кристины больше не кровоточила, и боль оставила ее. В голове прояснилось. С каждой минутой в ней росла убежденность, что своим спасением они были обязаны не вмешательству сверхъестественных сил, а собственной невероятной решимости и выносливости. К ней возвращалась уверенность в собственных силах, и она вновь обретала веру в будущее.

Всего на несколько мгновений, когда Спиви нависла над Джоем, Кристина, беспомощная, истекавшая кровью, поддалась несвойственному ей отчаянию. Она была настолько угнетена и подавлена, что на мгновение, когда летучие мыши, рассвирепевшие от выстрелов, напали на Спиви, она подумала, не может ли оказаться, что Джой действительно был тем, кем провозглашала его старуха.

Боже милостивый! Сейчас, когда Барлоу отправился за помощью, когда боль улеглась, когда она находила все больше сходства между своей судьбой и Чарли, наблюдая, как Джой неуклюже подбрасывает в костер сухие сучья, она изумилась, как такие темные и пустые страхи могли прийти ей в голову. Просто она была так измучена, слаба и подавлена, что не могла противостоять одурманивающим рассудок чарам Спиви. И хотя этот момент истерии остался в прошлом и к ней вернулось душевное равновесие, от одного сознания, что она – пусть ненадолго – могла послужить благодатной почвой для безумных фантазий Спиви, по спине у нее пробежал холодок.

Как просто такое могло произойти: одна безумная проповедует свои бредовые фантазии среди легковверных, и вот уже перед ней целая истеричная толпа, в данном случае секта, которая уверовала в то, что руководствуется самыми лучшими побуждениями и не сомневается в собственной праведности. Теперь Кристина понимала: дьявол скрывался не в ее мальчике, а в фатальной предрасположенности людей к поиску легких, пусть даже иррациональных ответов.

– Думаешь, Барлоу можно доверять? – спросил Чарли, сидевший у противоположной

стены пещеры.

– Думаю, да, – ответила Кристина.

– А вдруг он еще раз передумает по дороге?

– По-моему, он пришлет помощь.

– Если он снова пересмотрит свое отношение к Джой, ему не нужно будет даже возвращаться сюда. Он просто оставит нас здесь, предоставив холоду и голоду довершить дело за него.

– Он вернется, я могу поспорить, – сказал Джой, который подбросил сучьев в огонь и теперь потирал маленькие ладошки. – По-моему, он все-таки неплохой парень.

Правда, мам? Правда, он неплохой парень?

– Да, малыш, – Кристина улыбнулась. – Он неплохой парень.

– Вроде нас, – сказал Джой.

– Вроде нас, – согласилась она.

Прошло уже несколько часов, хотя до наступления темноты было еще далеко. Послышался шум летящего вертолета.

– Они приземлятся на поляне и оттуда на лыжах двинутся к нам, – предположил Чарли.

– Мы едем домой? – спросил Джой.

– Да, малыш, едем домой. Надевай куртку и перчатки, собирайся, – сквозь слезы облегчения и радости сказала Кристина.

Мальчик бросился к сваленной в углу теплой одежде.

Обращаясь к Чарли, Кристина сказала:

– Спасибо тебе.

– Я подвел вас, – откликнулся он.

– Нет. Конечно, в конце нам сопутствовала удача...

Нерешительность Барлоу, а потом летучие мыши. Но если бы не ты, нам бы не дожить до этого. Ты действовал как надо. Я люблю тебя, Чарли.

Он не решался ответить тем же, потому что обнять ее можно было, только обняв и Джоя, а с мальчиком он все еще чувствовал себя немного скованно, хотя изо всех сил старался поверить в то, что объяснение Барлоу было правдой.

Джой, наморщив лоб, подошел к Кристине; тесемки на его капюшоне висели слишком свободно, а он никак не мог развязать узел, чтобы затянуть их потуже.

– Мам, зачем на капюшоне эти шнурки от ботинок?

Кристина, улыбаясь, взялась помогать ему.

– Я думала, ты уже умеешь завязывать шнурки.

– Конечно, умею, – гордо сказал мальчик, – но они должны быть на ногах.

– Боюсь, что тебя нельзя будет назвать большим мальчиком, пока ты не научишься завязывать шнурки, независимо от того, где они находятся.

– Черт. Тогда мне никогда не стать большим.

– Ну, ты и не заметишь, как вырастешь, – сказала Кристина, завязав тесемки.

Чарли смотрел, как она обняла сына. Он вздохнул и покачал головой.

– Я тоже люблю тебя, Кристина. Честное слово, люблю, – промолвил он.

После двух дней в больнице Рено, после бесконечных врачей и медсестер, после нескольких интервью полиции и одного прессе, после двух ночей, когда ему удавалось уснуть, только приняв снотворное, Чарли наконец уснул сам, без всяких лекарств.

Он спал, и ему снилось, что он занимается любовью с Кристиной; и это была не просто сексуальная фантазия, а скорее воспоминание о той ночи в хижине. Никогда он не предавался любви с такой полнотой, как той ночью с Кристиной; а на следующий день она неожиданно для самой себя призналась ему, что ей никогда и в голову не могло прийти вести себя с другими мужчинами так, как она вела себя с ним. И теперь, во сне, они соединились с той же ошеломляющей страстью и силой, отбросив всякую сдержанность. Но во сне, так же, как и в реальности, было что-то..., дикое, свирепое, животное, словно секс, соединивший их, был больше, чем проявление любви или влечения, словно это был ритуал полного подчинения его души Кристине, а следовательно, и Джою.

Когда Кристина оказалась сверху и он глубоко проник в нее, фантазия отделилась от реальности – пол под ними разверзся, вдоль дивана прошла трещина, которая становилась все шире; и хотя оба – и Кристина, и Чарли – сознавали опасность, но ничего не могли сделать, чтобы спастись, а лишь теснее прижимались друг к другу; а трещина увеличивалась, и они вдруг поняли, что внизу притаилось что-то ужасное и алчное; Чарли хотел выйти из нее, бежать, кричать, но не мог, а лишь плотнее прижимался к ней; а диван рушился в образовавшуюся пропасть, и они падали вниз, и пол хижины смыкался над ними...

Он рвался с больничной постели, задыхался и хватал руками воздух.

На соседней кровати, посапывая, крепко спал человек.

В палате было темно, несмотря на маленькие ночники, горящие в ногах каждой постели, и тусклый лунный свет в окне.

Чарли прислонился к спинке кровати.

Постепенно сердцебиение стало тише; дыхание нормализовалось.

Он был мокрый от пота.

Вместе с этим сном к Чарли вернулись все его сомнения, касающиеся Джоя. В тот день из Оранжа прилетела Вэл Гарднер и забрала мальчика с собой; Чарли было искренне жаль расставаться с ним. Он был такой милый, добродушный, в нем было столько наивного детского озорства, что персонал клиники привязался к нему всем сердцем, а Чарли его частые визиты помогали коротать время. Но теперь после ночного кошмара, возникшего в результате его подсознательных переживаний, Чарли снова был в мучительном смятении.

Он привык думать о себе как о человеке добром, совершающем благие поступки, старающемся по мере сил помогать невиновным и наказывать виноватых. Именно поэтому его привлекала деятельность частного сыщика.

Сэм Спейд, Филипп Марлоу, Лью Арчер, Чарли Гаррисон: эти люди были известны как высоко нравственные, достойные восхищения, возможно, в чем-то даже герои.

Итак. Что, если? Что, если это Джой вызвал летучих мышей? Что, если Чубакка – это Брэнди, который дважды погибал и которого дважды оживлял его хозяин? Что, если Джой был не подсознательным экстрасенсом, как полагал Барлоу, а демоном, как утверждала Спиви? Безумие. Но все же? Как должен вести себя добрый человек в подобной ситуации? Какие действия будут правильными?

Несколько недель спустя апрельским вечером Чарли оказался на кладбище домашних животных, где был похоронен Брэнди. Он появился там после закрытия, когда уже стемнело; с собой у него были мотыга и лопата.

Он нашел могилку с маленькой мемориальной доской, как и говорила Кристина, на холмике между двумя индийскими лаврами; трава в лунном свете казалась серебристой.

БРЭНДИ

Любимой собаке и другу

Чарли постоял, рассматривая могилу, — ему очень не хотелось приступать к задуманному, но он понимал, что выбора нет. Он не обретет покой, пока не узнает правды.

Кладбище окутывала ночная мгла и сверхъестественная тишина; здесь спали вечным сном кошки, собаки, хомяки, попугаи, кролики и морские свинки. Дул мягкий прохладный ветер. Слегка шевелились ветви деревьев, издавая чуть слышный шорох.

Чарли снял куртку, поставил фонарь и взялся за дело.

Его рана быстро заживала, значительно быстрее, чем предсказали врачи, но все же он еще не обрел прежней формы, и вскоре мускулы заныли от физической работы. На глубине чуть больше полуметра лопата ударилась обо что-то твердое и пустое. Через несколько минут Чарли откопал гроб — грубый сосновый ящик, белевший в лунном свете, на фоне черной земли.

Чарли знал, что на кладбище предлагали два вида услуг: захоронение в гробу и без него. В обоих случаях животное заворачивали в полотно и помещали в холщовый мешок на «молнии». Очевидно, Кристина с Джоом предпочли полную программу и такой мешок сейчас находился в этом ящике.

Но были ли в мешке останки Брэнди или он был пуст?

Чарли не заметил пятен гниения, но это было и неудивительно, если мешок влагозащитный и наглухо закрыт.

Он с минуту просидел на краю могилы, как будто для того, чтобы перевести дыхание. На самом деле он просто тянул время. Ему было страшно открывать ящик, но не потому, что его мучило от предстоящей возможности увидеть тронутые тлением останки золотистого ретривера, напротив, он боялся, что ничего там не найдет.

Может, лучше остановиться, засыпать могилу и уйти?

Может, это неважно, кто на самом деле Джой Скавелло?

В конце концов, некоторые теологи утверждают, что дьявол, будучи падшим ангелом и, следовательно, от природы добродетельным, не злонамерен, а всего лишь отличен от бога.

Он вспомнил строки из Сэмюэла Батлера, которого любил читать, когда учился в колледже: «Апология дьявола: следует помнить, что мы выслушали лишь одну сторону.

Ведь все книги написаны богом».

Пахло влажной землей.

Луна наблюдала за ним.

Наконец он отодрал крышку от ящика.

Внутри лежал застегнутый на «молнию» мешок. Чарли растянулся на земле над ямой и нерешительно взялся за него. Он словно играл в жмурки со смертью, изучая контуры трупы, и наконец убедил себя, что внутри находилось тело собаки, размеры которой соответствовали размерам взрослого ретривера.

Довольно. Этого было достаточно. Он нашел необходимое доказательство. Одному богу известно, зачем это ему понадобилось, но он нашел его. Его преследовало чувство, будто ему.., ведено свыше установить истину; им двигало не простое любопытство, но ощущение необходимости, продиктованное откуда-то извне, некое побуждение, которое возникает, говорят, когда длань господня простирается над тобой. Но он предпочитал не думать об этом и обойтись без категорических формулировок. Последние несколько недель Чарли жил под грузом непреодолимого желания, настойчиво призываемый внутренним голосом совершить поездку на это кладбище. Наконец он сдался и обрек себя на исполнение дурацкого плана, и то, что он нашел, свидетельствовало не о дьявольских кознях, а о его собственной глупости. Хотя вокруг не было ни души и никто не мог увидеть его за этим занятием, он покраснел от стыда. Брэнди не выходил из могилы. Чубакка был другой собакой. Подозревать иное было бы глупо. Все убедительно подтверждало невинность Джоя; не имело смысла открывать мешок и лицезреть отвратительные останки.

А что, если бы могила оказалась пустой, подумал Чарли. Ему что, пришлось бы тогда убить мальчика, чтобы уничтожить Антихриста и избавить мир от Армагеддона?

Какой вздор. Он не смог бы совершить подобного, даже если господь бог предстал бы

перед ним в развевающемся балахоне, с пламенеющей бородой и высеченным на скрижалях смертным приговором. Чарли самого били родители, и он знал, что значит быть жертвой. Преступление, возмущавшее его больше любого другого, – преступление против ребенка. Даже если бы могила оказалась пустой, что свидетельствовало бы о правоте Спиви, Чарли не стал бы охотиться за мальчиком. Он не мог превзойти своих родителей и пасть до того, чтобы убить ребенка. Какое-то время, возможно, он смог бы мириться с сознанием совершенного им, убеждая себя, что Джой был не просто маленький мальчик, а воплощенный дьявол. Но потом неизбежно возникнут сомнения. Он начнет думать, что непостижимое поведение летучих мышей – всего лишь плод его воображения, а пустая могила утратит значение первостепенной улики, и все прочие символы и знамения будут казаться не более чем самообманом. Он начнет убеждать себя, что в Джое не было никакого демонизма, а лишь божий дар, что он вовсе не был одержим дьяволом, а имел лишь неординарные способности экстрасенса. Он неизбежно придет к выводу, что убил не порождение дьявола, а всего лишь незаурядного, но все равно невинного ребенка. И тут-то, по крайней мере для него, ад на земле станет реальностью.

Чарли лежал вниз лицом на сырой земле.

Он смотрел в глубину собачьей могилы.

Что-то завернутое лежало в ящике из светлых сосновых досок, темный куль, в котором могло оказаться все, что угодно, но его руки подсказывали ему, что это собака, и уже не было ровным счетом никакой необходимости вскрывать мешок. Лунный свет выхватил из тьмы застежку на мешке, которая блеснула, словно холодный остекленевший глаз.

Даже если он откроет мешок и найдет там только грудку камней, или, еще хуже, что-нибудь невыразимо ужасное, безусловно доказывающее сатанинское происхождение Джоя, он все равно не сможет взять на себя роль божьего мстителя. Был ли он обязан сохранять преданность богу, который смотрит сквозь пальцы на людские мучения? Где был этот бог, когда он сам, будучи еще ребенком, страдал от побоев, бесконечного одиночества и страха? Может ли жизнь стать еще хуже просто оттого, что на небе сменится власть?

Он вспомнил название механической копилки Дентона Бута: «В мире ослов нет справедливости».

Возможно, чтобы наступила справедливость, нужны перемены.

Но, так или иначе, он не верил, что миром правит бог или дьявол. Он не верил в священные монархии.

И от этого его присутствие здесь выглядело еще смешнее.

Тускло блестела застежка-«молния».

Он перевернулся на спину, чтобы не видеть этого блеска.

Он поднялся и взял крышку. Он закроет ящик, и засыплет могилу землей, и отправится восвояси, и взглянет на эту ситуацию с позиций здравого смысла.

Он замер в нерешительности.

Черт побери.

Проклиная свою одержимость, Чарли снова положил крышку на землю. Опустил руки в могилу и вытащил мешок. Расстегнул «молнию», которая прострекотала, словно кузнечик.

Его колотила дрожь.

Откинул погребальную ткань.

Включил фонарь. Не хватало воздуха.

Что за чертовщина?..

Трясущейся рукой направил луч на надгробие и в неверном свете еще раз прочитал эпитафию, потом снова осветил содержимое мешка. Мгновение он раздумывал, как отнестись к своей находке, но постепенно рассудок его прояснился, и он отвернулся от могилы, от разлагавшегося трупа, источавшего сногшибательную вонь; подавил в себе рвотный позыв.

Когда приступ тошноты прошел, он принялся дрожать, но теперь скорее от смеха, чем от страха. Он стоял среди ночной тишины, один на кладбище домашних животных, взрослый

мужчина в плену детских предрассудков, и чувствовал себя так, словно с ним сыграли злую шутку, от которой ему самому стало чертовски весело, хотя его и выставили на посмешище. Собака в могиле Брэнди оказалась ирландским сеттером, а не золотистым ретривером, никаким не Брэнди, а это означало, что люди, отвечавшие за похороны, перепутали все на свете и захоронили Брэнди в чужую могилу, а на его место закопали сеттера. Обернутых холстиной собак не отличить одну от другой, и ошибка могильщиков казалась не просто объяснимой, но даже неизбежной. Видно, этот человек был невнимателен, или – что более вероятно – прикладывался к бутылке, так что было бы неудивительно, если бы оказалось, что множество собак покоятся здесь под чужими плитами. В конце концов, собачьи похороны были мероприятием не столь важным, как похороны бабушки или тети Эммы, а следовательно, и процедура выполнялась не так тщательно. Тщательность была не та. Чтобы найти место, где на самом деле был погребен Брэнди, Чарли пришлось бы идентифицировать сеттера и разрыть вторую могилу, а оглядев ряды с сотнями низких надгробий, он понял, что задача эта совершенно невыполнима.

Кроме того, все уже было неважно. Халатность могильщика подействовала на него отрезвляюще; привела Чарли в чувство. Неожиданно он увидел в собственных действиях пародию на героя старых комиксов ужасов, рыщущего по кладбищам в поисках..., кого бы вы думали? Собаки графа Дракулы? Ему стало так смешно, что он должен был сесть, чтобы не упасть от смеха.

Говорят, пути господни неисповедимы, так, может, и пути дьявола неисповедимы, – но Чарли не мог поверить, что дьявол был настолько неисповедим, хитер, умен, коварен – и откровенно глуп, чтобы запутать следы при помощи ошибки кладбищенского могильщика. С таким же успехом он мог попытаться купить чью-то душу, предложив взамен набор вкладышей от жевательной резинки с изображением игроков бейсбольных клубов; такого демона невозможно воспринимать всерьез.

Почему же он отнесся к этому так серьезно? Неужели религиозная мания Грейс Спиви оказалась заразной? Неужели он подцепил апокалиптическую лихорадку?

Смех возымел очищающий эффект, и, вдоволь нахохотавшись, Чарли почувствовал себя значительно лучше, так хорошо, как не чувствовал ни разу на протяжении последних недель.

Лопатой он столкнул труп собаки обратно в яму. Затем опустил сверху крышку, забросал могилу землей, притоптал, вытер лопату о траву и вернулся к машине.

Он не обнаружил то, что искал, а возможно, не узнал и правду, но он нашел, в большей или меньшей степени, то, что надеялся найти, – выход, приемлемый ответ, нечто, с чем он мог жить дальше, разрешение от бремени.

Начало мая в Лас-Вегасе – прекрасное время: изнуряющая жара лета еще впереди, а холодные зимние ночи – позади. Теплый сухой воздух развеял последние воспоминания о кошмарной погоне в горах Сьерры.

Утром в первую среду месяца Чарли и Кристина обвенчались в восхитительно безвкусной, шумной церкви рядом с казино, что ужасно веселило их обоих. Они хотели, чтобы свадьба была не торжественной пышной церемонией, а началом радостного приключения, которое лучше всего было начать весело. Кроме того, решив пожениться, они хотели сделать это немедленно, и никакое место, кроме Вегаса, с его либеральными законами о браке, не подошло бы им лучше.

Они приехали в Вегас накануне вечером и сняли небольшой номер в «Бейли Гранд», и за несколько часов город, казалось, подарил им много предзнаменований будущей совместной жизни. Перед ужином Кристина опустила в игровой автомат четыре жетона по двадцать пять центов и, хотя играла впервые, сорвала банк в тысячу долларов. Позже они играли в малый блэк-джек и выиграли враз еще почти тысячу. Утром, выходя из кафе после

отменного завтрака, Джой нашел серебряный доллар, кем-то оброненный, и считал, что теперь он гораздо богаче, чем его мама и Чарли: «Целый доллар!»

Они взяли Джоя с собой, потому что Кристина не допускала мысли о разлуке с ним. Недавно пережитое, когда она чуть не потеряла мальчика, все еще довлело над ней, и если она не видела его больше двух часов, начинала нервничать. «Придет время, – говорила она Чарли, – и я смогу немного расслабиться. Но не теперь. Придет время, и мы уедем вместе, только мы вдвоем, а Джоя оставим с Вэл. Но не теперь. Еще не сейчас. Если ты хочешь взять меня в жены, придется нам проводить медовый месяц втроем. Это романтично?»

Чарли не возражал. Он любил мальчика. С Джоем приятно было проводить время: он был послушным, любознательным, сообразительным и ласковым ребенком.

На церемонии Джой был шафером, и ему очень нравилась его роль. Он с серьезным лицом торжественно нес кольцо, а в нужный момент отдал его Чарли с такой широкой и теплой улыбкой, которая, казалось, могла расплавить золото кольца.

Когда официальная часть закончилась и под звуки «Радости к миру» Уэйна Ньютона они покидали церковь, было решено отпустить заказанный лимузин и пойти до гостиницы пешком. День был теплым, небо – голубым, не считая нескольких редких белых облачков, и даже музыка, гремевшая в барах по обе стороны бульвара Лас-Вегас, не раздражала.

– Как насчет свадебного обеда? – поинтересовался Джой.

– Ты же завтракал два часа назад, – сказал Чарли.

– Я расту.

– Верно.

– А как ты представляешь хороший свадебный обед? – спросила Кристина.

Джой немного подумал, потом сказал:

– Биг-мак и баскин-роббинс.

– Ты знаешь, что с тобой может случиться, если ты будешь есть слишком много биг-маков? – сказала Кристина.

– Что? – спросил мальчик.

– Когда вырастешь, будешь как Рональд Макдональдс.

– Верно, – подтвердил Чарли. – Большой красный нос, рыжие волосы и толстые красные губы.

Джой засмеялся:

– Здорово! Хотел бы я, чтобы Чубакка был здесь.

– Я уверена, что Вэл хорошо заботится о нем, милый.

– Да, но он не слышит наших шуток.

Они шли по тротуару, Джой – между ними, и даже в это время дня горели вывески и реклама.

– Я вырасту, и у меня будут ноги как у клоуна? – спросил Джой.

– Точно, – ответил Чарли, – двадцать восьмого размера.

– Невозможно будет водить машину, – предупредила Кристина.

– Или танцевать, – подхватил Чарли.

– Я не люблю танцевать, – парировал Джой. – «Не люблю девчонок.

– Ну, через несколько лет полюбишь, – пообещала мать.

Джой нахмурился.

– Чубакка говорит то же самое, но я не верю.

– О, Чубакка, значит, разговаривает? – подтрунивала Кристина.

– Ну...

– И он разбирается в девочках?

– Ну, хорошо, если ты хочешь знать, – сказал Джой. – Я признаюсь, что я просто притворяюсь, что он разговаривает.

Чарли засмеялся и подмигнул жене.

– А если я буду есть много биг-маков, у меня и руки будут как у клоуна? – не унимался Джой.

– Ну да, – ответил Чарли. – И ты не сможешь завязывать шнурки на ботинках.
– Или ковырять в носу, – добавила Кристина.
– Я не ковыряю в носу, – возмутился Джой. – А знаешь, что Вэл сказала о ковырянии в носу?

– Нет. Что? – спросила Кристина, и Чарли заметил, что она немного боится ответа, потому что у Вэл мальчик всегда подхватывал разные словечки.

Джой сощурился от лучей солнца, будто старался точнее вспомнить высказывание Вэл. Потом произнес:

– Она сказала, что в носу ковыряют лодыри, психи, налоговые инспекторы и ее бывший муж.

Чарли и Кристина посмотрели друг на друга и засмеялись. Так хорошо было смеяться.

Джой сказал:

– Знаете, если вы хотите побыть..., ммм..., одни, можете оставить меня в игровой комнате в гостинице. – Я не возражаю. Там здорово. Всякие игры и прочее. А может, вы хотите поиграть в карты или на том автомате, где мама выиграла вчера?

– Я думаю, мы, пожалуй, остановимся, пока не проигрались, милый.

– А я думаю, вы должны играть, мам. Спорим, вы выиграете. Гораздо больше. Правда. Я знаю, что выиграете.

Я просто знаю, – сказал мальчик.

Солнце снова выглянуло из-за редких белых облаков, осветило мостовую, отразилось в хромированных панелях и стеклах проезжающих автомобилей, преобразив обшарпанные гостиницы и казино и наполнив воздух фантастическим мерцанием.

Эта история заканчивалась при ярком свете дня, а не темной, непогожей ночью.